

Светлой памяти профессора Леонида Михайловича Миропольского

Вместо предисловия

Большое, во весь квартал, белое здание. Высокие колонны у портала и боковых галерей. Золотом горящие буквы на фронтоне. Университет...

У каждого, наверное, хоть раз да возникало желание заглянуть в окна первого этажа, а то и проникнуть внутрь этого здания, чтобы своими глазами увидеть, как живет она - наука.

Но плотно прикрыты массивные двери. Ни звука не доносится из-за высоких, за двойными рамами, окон. Безмолвны закрывшие их вековые липы. Торжественная тишина, казалось, навечно поселилась в стенах храма науки.

Однако бывает час, когда двери раскрываются настежь. И со всех сторон устремляются к ним молодые люди с папками, сумками, портфелями. Это спешат на занятия студенты. Для них университет уже не храм... Здесь они учатся, работают, отдыхают. Здесь они дружат, мечтают, влюбляются. Здесь они становятся взрослыми людьми и получают путевку в жизнь. Но и для них не сразу открывается, как живет она - наука.

Впрочем, попробуем пойти вслед за ними...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ДОЦЕНТ ВОРОНОВ

Корреспондент областной газеты Лев Ашмарин спешил. Не потому, что он куда-то торопился или слишком дорожил своим временем. А просто потому, что таков был его стиль. Тем более, что сегодня у него ответственное задание.

Главный поручил написать очерк о ведущем научном работнике университета. И указал объект интервью - заведующий кафедрой минералогии доцент Воронов. Зачем понадобился именно геолог, непонятно. То ли дело, скажем, астроном или физик: тут можно развернуться...

Но задание есть задание. И Ашмарин еще в редакции набросал план действий. Разумеется, он не ограничится беседой с одним Вороновым. Это напоследок. Сначала интервью с деканом факультета. Затем - секретарь партбюро. Потом слово одному-двум сотрудникам, ну и, может быть, студентам. И только после этого - сам Воронов.

К университету Ашмарин подошел быстрым размашистым шагом, в два прыжка поднялся по ступеням, рывком открыл входную дверь. К швейцару обратился коротко:

- Корреспондент газеты. Срочно нужен декан геологического факультета.
- Модест Петрович, стало быть? - Старик-швейцар оглядел его с ног до головы, для чего-то пожевал губами. - Так это на втором этаже. Прямо по лестнице, и налево. Там спросите...

Ашмарин поднялся наверх и еще издали увидел массивную дверь с черной стеклянной табличкой:

"Декан геологического факультета
доктор геолого-минералогических наук
профессор Бенецианов М. П."

- Гм... Солидно! - Ашмарин негромко постучал и потянул за ручку двери. Она оказалась запертой. Он в растерянности оглянулся. Из двери напротив вышла девушка.

"Ничего себе!" - мысленно отметил Ашмарин и на всякий случай шагнул навстречу:

- Девушка, постойте, мне декан нужен...
- Модест Петрович?
- Да, я из газеты, и...
- Так он еще не приходил, наверное.

Ашмарин взглянул на часы: половина одиннадцатого.

- Как не приходил? Когда же он у вас приходит?

Девушка выразительно пожала плечами, чуть заметно улыбнулась.

- Ну да, я понимаю, профессор... - Ашмарин снова покосился на блестящую табличку, досадливо поморщился.

- А вы позвоните ему домой. Из деканата. Там и номер телефона скажут. - Девушка явно хотела ему помочь.

- Спасибо за совет. Где он, ваш деканат?

- В конце коридора. Видите, открытая дверь? - Девушка не торопилась уходить.

Ашмарин спросил ее:

- А вы что, работаете здесь?

- Нет. Я еще только на четвертом курсе...

- Вот как! Значит, студентка. - Ашмарин вспомнил, что беседа со студентами входит в составленный им план действий. Но первое слово должно принадлежать декану. Как решил. А потому, не теряя времени - к телефону!

В деканате Ашмарина встретили весьма любезно. Он набрал нужный номер и через минуту услышал внушительный голос декана:

- Про-о-фессор Бенецианов слушает.

- Модест Петрович, здравствуйте. Это корреспондент областной газеты вас беспокоит.

- Корреспондент?

- Да, мне поручено написать очерк об одном вашем сотруднике, доценте Воронове...

- Почему именно Воронове? - нетерпеливо перебили в трубке.

- Да очерк, видите ли, об одном из ведущих ученых университета. И редакция выбрала ученого вашего факультета. Так вот, мне хотелось бы прежде всего выслушать ваше мнение. Что бы вы могли сказать...

- Прежде всего я должен сказать, - не дал ему договорить Бенецианов, - что выбор нельзя назвать удачным. Воронов - явление не типичное для науки.

- Странно... В редакции мне сказали...

- Странно то, что редакция берется не за свое дело, - прервал Бенецианов. - Мне кажется, вопрос о том, кто может фигурировать в подобного рода очерке, должен решаться администрацией факультета.

- Н-да... - протянул сбитый с толку Ашмарин. - Так что же вы посоветуете?

- Я меньше всего склонен давать советы, - холодно сказал Бенецианов. - Но если вам нужен растущий ученый факультета, то поинтересуйтесь работой доцента Чепкова. Упорный, настойчивый исследователь. Тесно связан с нуждами производства. Опытный педагог и прекрасный общественник. В этом году защищает докторскую диссертацию.

- Спасибо, я постараюсь встретиться с ним, - сказал Ашмарин, поспешно раскрывая блокнот. - Как вы сказали, доцент...

- Доцент Чепков Иван Яковлевич, заведующий кафедрой региональной геологии.

- Благодарю вас. - Ашмарин повесил трубку и задумался. Дело приобретало неожиданный оборот. "Что же теперь делать?.. Редактор дал вполне определенное задание - очерк о доценте Воронове.

Посмотрим, что скажут другие. - Ашмарин поставил птичку на первом пункте своего плана и вышел из деканата. - Теперь: секретарь партбюро".

В коридоре было по-прежнему пусто. Лишь у дверей одной аудитории лениво переговаривались двое ребят. Студенты. Что же, теперь можно поговорить и с ними. Жалко, что не познакомился с той, зеленоглазой. Где ее теперь найдешь! Он подошел к студентам:

- Здравствуйте! Вы с какого курса?

- Со второго, - нехотя ответил один из них.

- А что тут стоите?

- Да лекция сейчас - так себе. Муть, одним словом!

- Так пойдемте, покурим. Где тут у вас можно подышать?

Через несколько минут они уже беседовали как закадычные друзья.

- А доцент Воронов у вас читает? - спросил Ашмарин как бы между прочим.

- Читал в прошлом году, - ответил, пуская дым, один из ребят, назвавшийся Борисом Силкиным.

- Ну и как?

- Зверь!

- То есть как, зверь?

- Зарезал на экзамене. И было бы за что! По учебнику все рассказал в точности. Так нет, подай ему какие-то собственные теории. А зачем они мне, спрашивается, нужны? Геологу они - все равно, что блохе - бантик! Для геолога главное - во! - Он указал на железные бицепсы своих рук. - Ну, и чтоб ноги были привешаны, как надо! Верно, Семен?

- Само собой. Геолога, как волка, ноги кормят, - поддакнул тот. - А Воронов все на математику жмет, на всякие там электроны да протоны.

- Так, может, нельзя теперь без этого? - осторожно заметил Ашмарин.

- Геологу-то нельзя! Вы что, не представляете нашу работу? Книг о геологах не читали?

- Читал, конечно, - протянул неопределенно Ашмарин. - Так, значит, не любите вы Воронова?

- Не за что его любить! - отрезал Силкин.

- Ну, будьте здоровы! А где сейчас может быть четвертый курс?

- Они только что с практики приехали. Сегодня, вроде, первый день занимаются. Взгляните в расписание.

- Спасибо, посмотрю. - Ашмарин медленно пошел по коридору, взвешивая все, что уже знал о Воронове, и стараясь представить, что еще прибавит к этому беседа с секретарем партбюро. Очерк пока, как говорится, не вытанцовывался.

Секретаря партбюро Алексея Константиновича Стенина Ашмарин нашел на кафедре палеонтологии. В ответ на обычное приветствие навстречу ему поднялся невысокий худой мужчина в светлом костюме и безукоризненно повязанном галстуке. Был он чисто выбрит, имел удивительно тонкие, словно женские, руки и производил впечатление очень больного или очень усталого человека.

Ашмарин отрекомендовался, объяснил цель своего прихода. Стенин внимательно выслушал его, с минуту походил по комнате. Затем усадил гостя в глубокое кожаное кресло, придвинул папиросы, закурил сам.

- Что я могу сказать о Воронове?.. Представьте себе глухой дремучий лес. И в нем - дорога. Одна-единственная. Далеко не прямая. Довольно неудобная. Но люди к ней привыкли. По ней ходили отцы и деды. На ней известна каждая кочка, каждый ухаб. И вот находятся люди, которые решили проложить новый путь, более прямой и близкий. А дело это, сами понимаете, не простое, в какой-то мере даже рискованное. Другим бы помочь им, - ан нет! Велика сила привычки... Так вот, Воронов из тех, кто ищет лучших путей, не боясь этой силы.

- Теперь мне кое-что понятно! - воскликнул Ашмарин, прикидывая, как все это впишется в очерк. - Речь идет о новых идеях, которые, как видно...

- Остерегайтесь поспешных выводов, молодой человек, - остановил его Стенин. - Обстановка на факультете не так проста. Постарайтесь разобраться в ней, прежде чем начнете что-либо писать. Ну, и, разумеется, я всегда к вашим услугам.

- Благодарю вас, постараюсь, - ответил Ашмарин, прощаясь. Разыскав в блокноте набросанный в редакции план, он поставил на втором пункте жирную птичку, а рядом - большой восклицательный знак.

"Теперь - беседа с кем-нибудь из сотрудников. Что же, зайдем к "растущему" Чепкову, послушаем, что он скажет..."

Заведующий кафедрой региональной геологии принял Ашмарина в подвале кернохранилища, у высоких стеллажей с образцами. Худой, длинный, в черном, со следами кислоты халате, с папиросой в зубах и заметной щетиной на щеках, он походил больше на продавца керосинной лавки, чем на доцента университета.

Приход корреспондента не произвел на него, по-видимому, ни малейшего впечатления. Он коротко извинился за то, что должен закончить разговор с "товарищами из треста", без лишних слов пододвинул Ашмарину свой стул, перебравшись на край стола, и, взяв кусок керна, начал обстоятельно, со знанием дела, объяснять сущность какой-то ошибки, допущенной буровиками на нефтяной площади. Все это заняло у него не больше десяти минут, после чего трестовские геологи ушли, а Чепков обратился к Ашмарину:

- Теперь я к вашим услугам.

- Простите, что отнимаю у вас время, - сказал Ашмарин, невольно проникаясь уважением к этому энергичному человеку с руками рабочего..

- Ну, если каждый будет считаться со своим временем! - Чепков дружески похлопал Ашмарина по плечу. - Давайте выкладывайте, чем могу служить.

"А ведь, пожалуй, Бенецианов прав, - подумал Ашмарин. - Впрочем, первое впечатление может быть обманчиво".

- Меня интересуют некоторые ученые факультета, - начал он осторожно. - Вот, к примеру, доцент Воронов и доцент Стенин... Хотелось бы узнать мнение товарищей о них, мнение их коллег.

- Воронов и Стенин?.. Что же, доценты как доценты. На факультете занимаются тем же, чем все мы. И в общем-то неплохо. Если вы имеете в виду их общественную деятельность, то Стенин, конечно, более активен. Однако на посту секретаря он недавно. Собственно, от меня и принял дела полгода назад. А что касается их роли в науке, то, видите ли, какое дело...

Чепков спрыгнул со стола и, отогнув полу халата, полез в карман за папиросами. Ашмарин поспешил раскрыть блокнот.

- Дело в том, что во все времена, - продолжал Чепков, раскуривая папиросу, - в науке было два основных направления: наука для науки и наука для народа, для людей, для нас с вами. Причем у нас, в геологии, линия раздела между этими направлениями всегда была, пожалуй, наиболее четкой. Мы, геологи-ученые, в большинстве помогаем геологам-производственникам, даем конкретные рекомендации, как наиболее легко и быстро находить и разведывать месторождения полезных ископаемых. Что было бы, если бы мы отмахнулись от этих задач? К кому бы тогда пошли вот они, те, что только что были здесь? Одним словом, это направление не нуждается в рекламе. Мы, по сути дела, такие же труженики, как и наши товарищи, работающие в поле.

Чепков усмехнулся:

- Недаром некоторые "ученые" даже не признают нас за своих коллег. Но меня лично это не очень трогает. А вот Воронова, да и Стенина, все это, видимо, не устраивает. Очень хочется им прослыть творцами чего-то нового, необычного, а на деле такого, в чем могут разобраться только избранные, если вообще там есть в чем разбираться. Удивляюсь я, между прочим, тому же Воронову. Сын рабочего, бывший солдат, а строит из себя эдакого аристократа от науки. А в общем, походите, посмотрите. Вам, как свежему человеку, все это будет виднее. - Чепков бросил окурочек в ящик с песком.

Ашмарин посмотрел на его смятый воротничок, черный лоснящийся галстук и подумал:

"Да-а, этого не назовешь аристократом. Работяга... И, главное, без всякой позы, даже не подумаешь, что перед тобой доцент, заведующий кафедрой. А у Стенина в самом деле проглядывает что-то такое... аристократическое. Кому же из них верить? У этого, кажется, все, как на ладони. А Стенин, тот не прост. Совсем не прост!"

Что же, посмотрим на самого Воронова".

Разыскав кабинет заведующего кафедрой минералогии, Ашмарин постучал. Открыл дверь и... невольно остановился на пороге. Вместо ожидаемых кресел и массивных письменных столов он увидел нагромождение приборов, распределительных щитов и панелей, причудливое переплетение проводов, экраны осциллографов. В нос ударил запах канифоли.

Что такое? Куда он попал? В глубине комнаты, возле огромной медленно вращающейся машины, возилось несколько человек. Навстречу Ашмарину шагнул молодой плечистый мужчина с ярко-красным цилиндром "сопротивления" в петлице халата.

- Что вы хотели? - спросил он.

- Простите, я, должно быть, ошибся. Мне нужен доцент Воронов. - Ашмарин с опаской взглянул на болтающийся над головой электрокабель.

- Воронов? Юрий Дмитриевич! - окликнул мужчину, обращаясь к высокому голубоглазому шатену в белоснежной рубашке с закатанными по локоть рукавами, - Юрий Дмитриевич, к вам пришли!

- Я занят, - коротко ответил тот, даже не взглянув на Ашмарина и не выпуская из рук паяльника.

Но Ашмарин был не из тех, кто привык отступать. Он подошел к Воронову.

- Простите, Юрий Дмитриевич. Я из газеты, и мне бы нужно...

- Я занят! - еще категоричнее повторил Воронов.

- Но у меня тоже на счету каждая минута, - возразил Ашмарин. - Повторяю, я корреспондент областной газеты...

- Вадим, поговорите с товарищем, - сказал Воронов, не повышая голоса, и Ашмарин, вежливо взятый под руку все тем же исполином, в мгновение ока снова оказался у двери.

- У Юрия Дмитриевича ответственный момент: большой магнит капризничает, - кротко напутствовал его Вадим, провожая за порог.

Оторопевший Ашмарин двинулся прочь.

- Ну, это уж не аристократ, а деспот какой-то! - бормотал он на ходу. - И какое отношение к минералогии имеет вся эта электронная техника? Может быть, Стенин все-таки прав?.. Но как бы там ни было, а так вот выставить человека за дверь!..

- Простите, вы чем-то недовольны?

Ашмарин поднял голову. Перед ним стояла и насмешливо щурила глаза молодая дама с длинной указкой в руках и рулоном карт под мышкой. Ашмарина передернуло от досады. Видимо, она была свидетельницей того, как его выпроводили из кабинета.

- Наоборот, я страшно доволен! - буркнул он, мысленно посылая ее ко всем чертям. - Здесь что, всегда так встречают посторонних?

- Нет, вам еще повезло, - рассмеялась дама. - Бывает и хуже.

- Гм... А с кем, собственно, имею честь?..

- Строганова Софья Львовна, - проворковала дама, - доцент кафедры общей геологии.

- Корреспондент областной газеты Лев Ашмарин, - отрекомендовался он с достоинством.

- Очень приятно. Вы что же, хотели проинтервьюировать нашего Ноздрева? - поинтересовалась она. Мы к его повадкам уже привыкли. А вот вам, газетчикам, было бы неплохо урезонить его. Право же, за это будут признательны и научные работники и студенты факультета. - Софья Львовна одарила Ашмарина ослепительной улыбкой и скрылась в кабинете декана.

Ашмарин растерянно почесал в затылке:

- Ну и денек! Как бы вместо очерка не получился фельетон... - Он в раздумье зашагал к лестнице. Но его окликнули:

- Товарищ корреспондент, товарищ корреспондент!

Он оглянулся. За ним бежала зеленоглазая незнакомка.

- Товарищ корреспондент, я слышала ваш разговор с Софьей Львовной. Нечаянно, так уж получилось. И я прошу вас, не верьте ей!

- Не верить? В чем?

- В том, что Юрий Дмитриевич... что Воронов... В общем, вы даже не представляете, какой это замечательный человек! И мы, студенты... Да что там говорить, через полчаса он будет читать нам первую лекцию по кристаллохимии, - вы обязательно ее послушайте. Пожалуйста.

- Послушать лекцию?

- Да-да! Если вы в самом деле хотите что-то писать о Воронове, вам просто необходимо увидеть его на лекции, - настаивала девушка.

"А ведь это, пожалуй, так", - подумал Ашмарин.

- И вы согласитесь быть моим гидом? - спросил он. - Неудобно как-то, знаете, постороннему...

- На лекцию Воронова неудобно? Да к нему со всех факультетов ходят. Особенно на кристаллохимию. Это же курс факультативный, еще придется места занимать.

- Но я все-таки попрошу вас. Да, кстати, мы с вами до сих пор не знакомы. Как вас зовут?

- Инна.

- А меня - Лева. Ну, что же, пойдёмте вместе.

К двум сорока самая вместительная аудитория факультета, называемая Большой геологической, действительно, была заполнена до предела. Поэтому на Ашмарина с Инной, занявших места в последнем ряду, никто не обратил внимания.

В основном здесь были ребята. Самые разные - и по возрасту, и по одежде. Наряду с вельветовыми куртками и свитерами, тут можно было увидеть немало и щегольских костюмов, и жестких, сверкающих белизной воротничков, перечеркнутых модной линией галстука.

От разглядывания Ашмарина отвлек рокот, пронесшийся по рядам. Все дружно встали. В аудиторию входил Воронов.

Теперь он был в черном костюме, с гладко зачесанными назад волосами и такой простой, даже застенчивой улыбкой, что Ашмарин при всем желании не мог бы узнать в нем того бесцеремонного доцента, который всего полчаса назад выставил его из кабинета.

Воронов коротко поздоровался и нетерпеливо махнул рукой, приглашая всех сесть.

Но тут произошло нечто необычное. Студенты продолжали стоять, а из передних рядов вышли двое и положили перед Вороновым громадную друзу сверкающих кристаллов.

- Штуф пегматита, - шепнула Инна Ашмарину. - Ребята привезли с Алтая, специально в подарок Юрию Дмитриевичу. Видите, там даже написано.

И плеск аплодисментов заполнил огромную аудиторию. Ашмарин был озадачен. Водились в свое время и у них любимые преподаватели. Но чтобы вот так встречать их после каникул, - такого не бывало.

"Ничего не понимаю! - признался корреспондент. - Что это за человек? Чему здесь верить? Кого слушать?"

2. НИКОЛА БУРБАКИ

Часы пробили половину восьмого.

Половина восьмого! Люся подскочила к зеркалу и торопливо разгладила только что подшитый воротничок. Опять топорщится! Ничего-то у нее сегодня не получается! А ведь пора идти.

Она махнула рукой и мельком взглянула на свое лицо. Бледное и худое, с большими, будто удивленными глазами, оно показалось ей растерянным и жалким.

Люся отвернулась. Она всегда считала себя некрасивой. И все-таки...

Даже на выпускном вечере, последнем вечере в школе, никто из мальчишек не пригласил ее на танец. А Вася Егоров так прямо и сказал:

- Смотри-ка, Люся, девчонки-то наши сегодня разрядились - просто красавицы! - а потом, точно подбадривая, добавил: - Ну, да тебе это ни к чему. Ты у нас и так лучше всех.

Сказал и... пошел танцевать с Любой Шляхтиной.

А теперь, после болезни, лучше на себя и не смотреть. И надо же было заболеть перед самым началом занятий.

Она так ждала этого дня. Так мечтала о нем. Первый день в университете, первые лекции! Первые встречи с профессорами... А вместо этого - жаркая постель, лекарства, градусники, и главное, столько потерянного времени.

Прошел почти месяц, а Люся еще и не показывалась на факультете. И все мама - лежи да лежи. Она и вчера уговаривала ее подождать еще два-три дня. Но это было уже выше всяких сил.

Люся взяла сумку и выбежала из комнаты:

- Мам, я пошла!

- Как пошла? - воскликнула мать, выходя к ней в прихожую. - А завтракать?

- Не хочу, мама, - Люся торопливо набросила пальто. - После!

- Выпей хоть молока... И голову ничем не прикрывай! На вот! - она протянула косынку.

Но Люся отвела ее руку:

- Не надо, мама. И без того я...

- Что, без того?

- Ах, мама! - Люся вдруг прижалась к ней и тихо прошептала: - Ну, почему я у тебя такая дурнушка?

- Что-о? Что ты говоришь! Да ты...

Но Люся зажала ей рот рукой:

- Не надо, мама! Это я так. - Она поцеловала ее в щеку и быстро выскочила на лестницу.

Тяжелая входная дверь не закрывалась. Огромный вестибюль гудел от сотен голосов, торопливого шарканья ног и веселых взрывов смеха. В университете начинался обычный учебный день.

Но для Люси, окруженной со всех сторон незнакомыми людьми, оглушенной многоголосым шумом, все это было больше, чем необычно. Сдав пальто и выбравшись из толпы у вешалки, она поднялась на второй этаж, где помещался геологический факультет, и растерянно оглянулась по сторонам.

Куда идти? Широкий коридор и здесь бурлил людским водоворотом. Студенты окликали друг друга по имени, шумно здоровались, о чем-то спорили, над чем-то смеялись. И никто не обращал внимания на Люсю, которая стояла посреди коридора, тщетно стараясь увидеть хоть одно знакомое лицо.

Наконец она заметила расписание занятий. Люся подошла к нему:

- Так... Одиннадцатая группа первого курса... Вот они! С восьми часов утра в среду: общая геология. Читает профессор Бенецианов в тридцатой аудитории. Но где эта тридцатая?

Люся пошла по коридору, внимательно всматриваясь в каждую дверь. Большинство из них были раскрыты настежь, и никаких номеров не было видно. Люся обратилась к идущему навстречу юноше:

- Скажите, пожалуйста, где здесь тридцатая аудитория?

- Тридцатая?.. Так это бывшая пятая! - ответил тот не останавливаясь.

- А пятая?..

Но юноши и след простыл.

Тогда она подошла к девушкам и повторила свой вопрос.

- Тридцатая?.. - протянула одна из них, с любопытством оглядывая Люсю. - Напротив библиотеки.

Люся покраснела. Что они, смеются, что ли? Откуда же знать ей, где библиотека? Но в это время прозвенел звонок, и девушки бросились в одну из аудиторий.

Люся была в отчаянии. Разве так рисовался ей первый день занятий в университете?

Безнадежно глядя вдоль коридора, она вдруг заметила красивую девушку с косами, которая запомнилась ей еще со вступительных экзаменов. Люся пошла вслед за ней, нерешительно переступила порог аудитории.

Так вот она, одиннадцатая группа... Люся обвела глазами ряды. Не видно ни одного свободного места. Однако девушка с косами уверенно шла вперед. Навстречу ей поднялся вихрастый паренек:

- Наташа!

- Иду-иду, - кивнув пареньку, девушка бросила портфель на стол.

Он пододвинул ей стул:

- Ты что так поздно сегодня?

- Милку в садик провожала. Да, Саша, пока не забыла. Послезавтра в оперном - "Травиата". Хорошо бы сходить...

- Что ж, давай сходим.

Люся оглянулась: мест больше не было. И на нее по-прежнему никто не обращал внимания, а каждую минуту мог войти профессор. Она уже готова была вернуться к двери, как Саша вдруг обернулся в ее сторону:

- А вы... вам сесть негде?

Люся растерянно улыбнулась. Он вскочил со стула:

- Садитесь на мое место. А я... Ива-а-ан! - обратился он к рослому здоровяку в армейской гимнастерке, с которой, видно, лишь недавно спорили погоны. - Иван, подай-ка стул. Мне отсюда не выбраться.

- Ну, зачем вы так беспокоитесь? - нерешительно запротестовала Люся.

- Ничего! Это его обязанность.

Люся недоуменно посмотрела на Сашу.

- Так это наш староста. А вы что, в первый раз на занятиях?

- Да. Я болела.

- Да вы садитесь! - Он приставил стул к углу стола и передвинул свои книги.

- Спасибо, - Люся опустилась на освободившееся место и огляделась. Некоторые лица были ей знакомы, она встречала их на экзаменах и консультациях. Других она видела впервые. Были здесь и совсем взрослые люди. Особенно этот Иван, серьезный, молчаливый, с неторопливыми движениями - настоящий староста. Но в большинстве вокруг сидели ее ровесники.

Впрочем, сейчас, перед началом первой в ее жизни университетской лекции, все казались Люсе значительно старше, сильнее и опытнее ее. Хотя бы эта Наташа. В огромной аудитории, стены которой увешаны изображениями вымерших животных, а на шкафах громоздились черепа и целые скелеты чудовищ, та чувствовала себя совершенно свободно, спокойно разбирала тетради, не переставая болтать с другими девушками.

Саша тоже, как ни в чем не бывало, повернулся к сидящей сзади них темноглазой смуглянке и заговорил с ней, словно в школе на перемене:

- Таня, твою просьбу я выполнил.

- Правда? И что же?

- Аспирант этот действительно существует, жив, здоров и даже член нашего комсомольского бюро. Только я ни разу его пока не видел. Он в командировке. В Москве.

- А когда приедет?

- Чего не знаю, того не знаю. Зайди в деканат, посмотрят в приказ и точно скажут.

- Спасибо, Саша.

- Ну, вот еще! Что вы все как сговорились: спасибо да спасибо, - он дружески улыбнулся Люсе. - А профессор наш что-то задерживается...

В это время дверь широко раскрылась. Все разговоры смолкли. Люся поднялась было с места. Профессор?..

Однако в аудиторию вошла маленькая пухлая девушка в очках и, подойдя к столу, звонко провозгласила:

- Модест Петрович заболел. Лекции не будет.

Поднялась радостная суматоха. Все встали со своих мест и повалили к выходу.

Саша взглянул на часы:

- В нашем распоряжении ровно девяносто пять минут. В кино за это время не сходишь, а вот насчет билетов на "Травиату"... Может, до кассы дойдем, Наташа?

- Правильно! - решила та. Люся посторонилась. Она совсем не представляла, куда бы можно было пойти. Неожиданно Саша предложил ей:

- Пойдемте с нами!

- В театр?

- Да, за билетами.

Они оделись в безлюдном теперь гардеробе и вышли на улицу. День был ясный. Свежий ветер швырял под ноги целые охапки листьев. Наташа сбежала по каменным ступеням и зажмурилась.

- Ой, сколько света! - воскликнула она и, собрав пригоршню листьев, осыпала ими Сашу.

Люся невольно улыбнулась. День выдался действительно ярким. Но только ли от света прищурилась Наташа? Не было ли здесь еще и желания лишний раз показать свои длинные ресницы? В эту минуту в самом деле трудно было не залюбоваться ею - гибкой, задорной, красивой. Не удивительно, что Саша не спускал с нее откровенно влюбленного взгляда.

"Завидная пара! - подумала Люся. - Такой, наверно, и бывает настоящая дружба".

Нельзя сказать, чтобы Наташе понравилась эта затея Саши пригласить "новенькую" пойти с ними. Она, конечно, была далека от того, чтобы чувствовать что-то вроде ревности. И все-таки, с какой стати...

Однако Наташа и вида не подала, что задета, напротив казалась оживленной. А Люся шла молча, лишь время от времени вставляя в разговор два-три слова. Так прошли они садик и

вышли на широкую улицу, ведущую к центру города. Саша вдруг остановился. Навстречу им двигалась пара: высокий парень в коротком пальто и в толстом вязаном шарфе до подбородка тяжело навис над своей спутницей, положив руку на ее плечи.

- Вот! - кивнул Саша. - Иллюстрация к нашему спору.

Наташа усмехнулась:

- Так это же...

- Тоже люди. А попробуй, заставь их воспитать в себе то, про что мы говорили!.. Понимаете, Люся, вчера мы поспорили, может ли парень или девушка воспитать в себе девичью гордость и юношеское благородство.

- Да, сейчас об этом много говорят. Но... - Люся чуть помолчала. - По-моему, всего этого просто не существует.

- Как?!

- Есть человеческая гордость. И человеческое благородство. Независимо от того, кто этот человек, юноша или старик.

- Но это же совсем разные вещи! - возразила Наташа. - Речь идет о девичьей гордости. А не вообще...

- Да нет, с этим, пожалуй, нельзя не согласиться, - перебил ее Саша, с видимым интересом приглядываясь к Люсе. - Но вот вопрос: может ли человек сам - понимаете, сам! - выработать в себе это благородство или, скажем, честность, достоинство? Силу воли - другое дело. Силу воли я сам воспитываю. А гордость...

Люся улыбнулась:

- А как вы силу воли воспитываете?

- Очень просто! Захочется мне, скажем, пойти в кино, а я сажусь за книги. Объявят по радио репортаж о футбольном матче, а я...

- Найду музыку и начинаю танцевать со стулом, - подхватила Наташа со смехом.

- Нет, в самом деле, - продолжал Саша, не обратив внимания на ее реплику, - силу воли - это всем ясно - ее воспитывать надо. Но вот гордость и достоинство - их не воспитаешь.

- Что же, по-вашему, человек родится со всем этим?

- Родится - не родится, а... В общем, если нет в человеке того, что называют благородством, тут никакое воспитание не поможет. Попробуй, воспитай вот этого пижона, что сейчас нам встретился. Да и подружку его тоже.

Люся возразила:

- Я с вами не согласна. Все человеческие качества воспитываются. Только воспитывает их не столько сам человек, сколько окружающая обстановка, окружающие люди, словом, то, что называют обществом...

- Общество? - переспросил Саша. - В порядке принуждения, что ли?

- Нет, зачем же! Я имела в виду совсем другое. Представьте себе, что человек оказался на необитаемом острове. Тогда сами понятия чести, благородства, человеческого достоинства утратят смысл. Значит, все эти понятия, все наше поведение определяются только людьми, среди которых мы живем.

Саша кивнул:

- А ведь, пожалуй, верно. А, Наташа?

Та не ответила. Настроение ее явно портилось. Не хотелось уже ни смеяться, ни принимать участие в этом надоевшем разговоре.

Но Саша даже не заметил этого.

- Ну хорошо, - продолжал он. - Допустим, эти понятия определяет общество. Но ведь мы говорим о воспитании...

- Так и воспитывает общество. Но не силой, нет! А тем, что принято называть у нас общественным мнением. К тому же - книги, кино, музыка. Вот что вырабатывает в человеке честь и благородство.

- Книги, музыка... Но тогда и говорить было бы не о чем. Ведь что получается? Книг хороших много. Музыки тоже. А мы все-таки спорим, что надо для того, чтобы человек стал честнее и благороднее. Что, этот пижон музыки не слушает или книг не читает?

- Может, и не читает. Но дело не в этом. У каждого человека есть нечто вроде свода правил, своих, собственных. Откуда они берутся? Может быть, из книг. Может быть, из жизни, из желания подражать какому-нибудь человеку. Важно, что правила эти чаще всего бывают хорошими. Ведь всем нам нравятся примерно одни и те же герои, если говорить о книгах. Да и кто не захочет быть гордым, благородным, честным! А вот придерживается ли человек этих правил? Иди они у него, как выходной костюм, только для торжественных случаев? Это уже зависит от силы воли. И тут я вполне согласна с вами...

Они свернули в переулок, идущий к Театральному скверу. Наташа теперь шла молча, закусив губу. Эта "новенькая" окончательно увлекла Сашу своим разговором. Оба они словно забыли о ней, Наташе.

Ну и пусть! Ей захотелось вдруг уйти. Сразу повернуться и уйти. Но Люся, словно угадав ее состояние, внезапно замолчала и принялась застегивать пальто:

- Ветер какой... Правда, Наташа? - и улыбнулась так дружески, что и Наташа не могла не ответить ей улыбкой. А Саша сказал:

- Так вы, значит, болели? И долго? Нам, геологам, болеть не полагается.

- А сам давно ли перестал чихать и кашлять! - сказала Наташа.

- Я и себя имею в виду. Но если говорить честно...

- То снова будешь доказывать, что геология дело не женское, тайга шутить не любит и все в том же роде.

- Как раз наоборот. Я хотел сказать, что придет время, когда геологу не надо будет отходить от приборов, как в кабинете Воронова...

- Какого Воронова? - поинтересовалась Люся.

- Есть у нас один доцент, - вмешалась Наташа. - Минералогию читает...

- Ну, сказать о Воронове, что это просто "один доцент"... - перебил Саша. - Вот, стервец!

- Кто? Воронов?

- Да нет! Вон тот, в синей вельветке. Смотри, куда бьет!

Люся не успела обернуться, как над самой ее головой пролетел футбольный мяч и, отскочив стены, покатился по пыльному асфальту.

- Видали? Каких-нибудь полметра, и стекло долой! - Саша погрозил кулаком ребятам, сгрудившимся вокруг мяча. - Эй, вы там, смотреть надо, куда бьете...

Наташа взяла его под руку:

- Пошли, Саша, пошли! Мало их тут...

Они двинулись дальше, но не прошли и нескольких шагов, как мяч снова взвился в воздух и рикошетом от столба ударил Люсю в бок. Она остановилась, отряхивая пальто.

- Это уж совсем!.. - Саша высвободил руку. - Подожди, Наташа. Я им покажу!

- Не смей, Саша! Слышишь? Я... я уйду.

Но Саша уже пустился через улицу.

- И так каждый раз! - махнула рукой Наташа. - Хоть не ходи с ним по улице, - она повернулась и, не оглядываясь, пошла назад.

Люся растерялась. Что же делать ей? Она посмотрела через улицу. Ребята, конечно, не стали ждать Сашу: кто шмыгнул в подъезд, кто за угол. Лишь тот, в синей вельветке, с мячом в руках медленно пятился к подворотне, всем своим видом показывая, что кого-кого, а его-то не запугаешь. Но Саша прибавил шагу. Мальчишка бросился к воротам и... Люся похолодела от страха - из ворот показался кузов самосвала. Мальчишка в ту сторону не смотрел, по-видимому, и шофер не видел мальчика.

Все последующее произошло в одно мгновение. Заметив самосвал, Саша метнулся к воротам, сгреб мальчика в охапку и попытался отскочить в сторону. Но самосвал неожиданно дернулся, и оба, сбитые углом кузова, повалились на тротуар.

Жалобно звякнуло разбитое стекло витрины. Из дверей магазина выбежали женщины, окружили Сашу. Самосвал фыркнул и, выпустив облако сизого дыма, тяжело покатило по улице.

Саша поднялся.

- Хулиган! - послышался пронзительный голос. - Пьяный, что ли? Стекло разбил. Милиционера сюда!

Мальчишка, воспользовавшись суматохой, схватил мяч и юркнул в подворотню. От угла спешили два милиционера.

Толпа расступилась. На мгновение Люся увидела бледное растерянное лицо Саши. Перебежав улицу, она протиснулась к нему. Женщина с пронзительным голосом продолжала размахивать руками:

- Слушайте вы его, товарищ старшина! Спасал мальчишку! А где он, этот мальчишка? Хватил парень лишнего!

Толпа заволновалась. Вперед выступила пожилая женщина с хозяйственной сумкой:

- Правильно! Учить их надо! Сегодня он окна бьет, а завтра...

Люся не выдержала:

- Неверно все это! Как вам не стыдно? Я все видела.

- Тэк-с! Пройдете в отделение. Там разберемся. И вы, девушка.

Люся кивнула:

- Хорошо, я пойду!

Люся полагала, что задержится в милиции десять - пятнадцать минут, не больше. Но "разбирательство дела", составление протокола и прочие формальности заняли столько времени, что, когда они вышли на улицу, день близился к обеду.

Саша посмотрел на часы:

- Плакали сегодняшние лекции! Вы уж простите, что я затянул вас в эту историю.

- Так разве нарочно?

- Ну, все-таки. Но что нам теперь делать? Не знаю, как вы, а я страшно проголодался.

Только тут Люся вспомнила, что ушла из дома, не позавтракав.

- Да и я, пожалуй, не прочь.

- Здесь неподалеку есть хорошая забегаловка. Только... я в таком виде... Нет ли у вас, случайно, зеркальца?

- Вот, возьмите.

Саша вытер лицо, пригладил волосы:

- Теперь хоть в театр!

- Нет, уж лучше в столовую, - улыбнулась Люся.

- Да, хватит на сегодня духовной пищи.

В маленькой закусочной не было ни души. Они сели в уголок за столик, и Саша попросил:

- По две порции сосисок, девушка. Да хлеба, пожалуйста, побольше. А то у меня от злости всегда аппетит разыгрывается, - добавил он, словно оправдываясь.

- И у меня тоже... Этот лейтенантик, в милиции, не очень-то вежливый.

- Не будем больше об этом, - сказал Саша.

- А что это за Воронов, о котором вы начали говорить? - спросила тогда Люся.

- Воронов? Заведующий кафедрой минералогии. Но не в этом дело. Я сам еще не знаю точно, что он такое разрабатывает, но на факультете только и разговоров о его работе. Ребята-старшекурсники говорят, он всю геологию хочет на математическую основу поставить. Как физику или астрономию. Здорово? Словом, ученый, каких мало! Я слышал даже, Юрий Дмитриевич, - Саша понизил голос до шепота, - какие-то новые лучи открыл.

- А какое отношение это имеет к геологии?

- Ну, это он так, между прочим. В основном у него, конечно, геологические работы. Только многие наши ученые, в том числе и профессор Бенецианов, наш декан, выступают против него. Тут, говорят, целая война идет...

- Почему же?

- Сам еще не пойму. Но что порядком достается Юрию Дмитриевичу, это точно. Ребята из бюро говорили. И я, знаете, что задумал. Хорошо бы создать на факультете что-нибудь вроде кружка. Еще прошлой зимой я прочел одну книжку Воронова, - у отца была. Интересно! Вот собираться бы нам и разбирать такие работы. Я люблю так вот потолковать, поспорить... А потом, в будущем, всем бы вместе за новую геологию! Может, и труды свои сообща печатать, как "Никола Бурбаки"...

- А кто это?

- Не слышали? Презабавная штука, знаете! В тридцатых, кажется, годах в докладах французской Академии наук начали печататься на редкость важные математические работы. И подписывались они никому не известным именем - Никола Бурбаки. Что ни год, то больше! А работы, скажу я вам... Ну, сила, одним словом! И по форме и по содержанию. Многим из математиков захотелось, тшнятно, увидеть этого Бурбаки, познакомиться с ним. Но тут-то и началось самое интересное. Оказывается, никто его не знал, не видел и даже слыхом не слыхивал ни в самой Франции, ни где-либо в другой стране. Работы выходят, а об авторе никто ничего не знает. Среди математиков - переполох. Шутка сказать - некоторых из них он, что говорится, на лопатки положил. А возразить некому. Стали разыскивать Бурбаки. Взялся за это дело редактор одного американского математического журнала. Долго разыскивал таинственного ученого и, наконец, объявил, что никакого Бурбаки не существует.

- Как не существует?

- А так вот: никакого Бурбаки нет, а есть целая корпорация молодых французских математиков, которая печатает свои труды под псевдонимом Бурбаки.

- Интересно!

- Конечно. А корпорация и не подумала сдаваться. Вскоре появилась очередная статья Бурбаки, в которой утверждалось, что сам этот американец не существует, а имя его - псевдоним целой группы американских математиков. Ну, это было просто выдумкой, шуткой... Но все равно здорово! Так вот и нам собраться бы для начала хотя бы человекам пяти-шести, заняться покрепче математикой и физикой, проработать труды Юрия Дмитриевича и двинуть потом всем вместе...

- А есть уже кто на примете?

- Нет, я никому еще не говорил об этом.

Люся рассмеялась:

- Так что же вы раскрываете свои планы первой встречной?

- Кому это первой встречной? Тебе?! - неожиданно перешел Саша на "ты". - Ну, нет! Не каждая пошла бы в милицию. И вообще...

- Что вообще?

- Ну, сразу же видно человека! - смутился Саша.

Мать встретила ее в прихожей:

- Как дела, Люсенок?

- Все хорошо, мама. Только на занятиях мне сегодня быть не пришлось...

- Как так?

Люся бросила сумку, сняла пальто.

- Да, понимаешь, профессор, который должен был читать первую лекцию, заболел, а потом... - И Люся рассказала обо всем, что произошло в этот день.

Мать покачала головой.

- Я сделала что-нибудь не так, мама? - Люся постаралась заглянуть ей в глаза.

- Нет, дочка, иначе ты поступить не могла. Но... много хлопот доставит тебе эта черточка характера.

- И ты хотела бы, чтобы у меня не было ее, этой черточки?

Мать улыбнулась:

- Нет, не хотела бы.

Люся прижалась к матери:

- Мама, ты знаешь, кто такой Никола Бурбаки?

- Никола Бурбаки? Геолог?

- Нет, его совсем не было. Понимаешь, совсем!

- Ничего не понимаю...

- О, это целая история. Я тебе расскажу потом. А сейчас...

- А сейчас обедать!

- Я не хочу, мама.

- Никаких "не хочу". Все давно готово. Только тебя и жду.

- Ну, хорошо.

Они прошли на кухню.

- А у нас радость, Люсенок.

- Письмо от папы?

- Как ты угадала?

- По тебе увидела. Где оно?

- Сначала обедать.

- Нет-нет-нет! - Люся вприпрыжку побежала в гостиную и нетерпеливо развернула плотно исписанный листок. "Ты впервые выходишь, дочка, в большое плавание. Школа это еще тихая заводь. Университет - уже море", - прочитала она.

И сразу представилось лицо отца - длинное, худое, темное от солнца и ветра, с лукавым прищуром глаз.

Люся улыбнулась...

Отец Люси Владимир Александрович Андреев, топограф дорожной изыскательской партии и писатель-географ, исколесил в свое время если не всю страну, то уж, во всяком случае, никак не меньше половины. Сейчас он был в Саянах, где прокладывалась трасса железной дороги. А до этого пришлось ему побывать и в республиках Средней Азии, и на дальнем севере, и в Советском Закарпатье, и в Уссурийской тайге. Был он и в заграничных командировках: в Гане, Монголии, Северном Вьетнаме, Афганистане. Случалось ему пить воду из Байкала, печь яйца в песках, Муюнкусской пустыни, купаться в горячих озерах среди льдов, долбить мерзлую Землю под палящим солнцем, тащить на себе тяжело груженные нарты сквозь ночь и снег бескрайней тундры и прикуривать прямо от корки застывшей лавы в кратере Камчатского вулкана. Видел он и песчаные смерчи и полярные сияния, ездил на оленях, плавал на пирогах, ел строганину и кокосовые орехи и знал вкус последней корки хлеба и последнего глотка протухшей воды...

Был он уже не молод, в таком возрасте, когда люди предпочитают уют и покой. Но тем не менее из года в год покидал родной город и снова пускался навстречу лишениям и невзгодам, ибо не было для него большего счастья, чем счастье трудных дорог, и большей радости, чем радость находок и открытий.

Дома он, естественно, бывал мало. Люся росла с матерью. Но дух отца - дух дальних путей и неожиданных встреч навечно поселился в их квартире; он жил во всем: в больших картах с пометками отца и в бесчисленных мензулах, невелирах, теодолитах, сложенных на шкафах, в рукописях отца, коллекциях минералов, папках с гербариями и в книгах о путешествиях, в рассказах матери, а главное, во всем укладе их жизни - простом, строгом, без всяких условностей и излишеств.

Мать Люси в молодости тоже не засиживалась дома. В комнате у нее до сих пор лежала шкура убитой ею тигрицы. А в семейном альбоме хранились фотографии, на которых можно было видеть ее с ружьем за плечами где-то в таежной чащобе, верхом на лошади на узкой торной тропинке, в утлой лодчонке на бурной порожистой реке. Правда, Люся видела ее такой только на фотографиях.

Фотографий было много. И в альбоме, и в больших черных пакетах, и в папках с бумагами, и просто в книгах. Но среди них выделялась одна, которая все время стояла в рамке на столе

у отца. С нее смотрела совсем еще молодая девушка в большой шапке-ушанке и серой солдатской шинели с санитарной сумкой через плечо. Так выглядела мама давным-давно, во время финской войны, где-то на Карельском перешейке. Об этом в семье говорили мало. Но Люся знала, что мама вынесла тогда из боя и долго несла на себе тяжело раненного командира, который стал впоследствии отцом.

А годы спустя врачи запретили маме участвовать в экспедициях, и теперь она уж не ездила с отцом, а работала научным консультантом в краеведческом музее и жила только этой работой, воспоминаниями о прошлом и постоянными ожиданиями отца.

Ждали они его всегда, - все время, сколько помнила себя Люся. Но это было не просто ожидание. Долгими вечерами, когда все дела уже переделаны, они с матерью ползали по большим картам, разостланным прямо на полу в гостиной, и наносили маршрут отца, читали его письма, рылись в книгах, которые приносила мать, стараясь представить те места, по которым плыл или ехал отец. И считали, сколько дней осталось до его приезда.

Приезд отца был праздником, тем более запоминающимся, что наступал он раз в полгода, а то и в год, и потому готовиться к нему начинали они за много недель вперед. Впрочем, подготовка эта была тоже не совсем обычной. Они не скребли и не мыли, не жарили и не пекли, а приводили в порядок кабинет отца, его коллекции, рукописи. Мать доставала новые книги, которые вышли в отсутствие отца, а дочь старалась рассчитаться со всеми "должками", какие накопились в школе.

Приезжал отец всегда неожиданно. И сейчас же квартира наполнялась новыми камнями, чучелами, всевозможными диковинными предметами, а главное, смехом, шутками, весельем. Мать с приездом отца сразу как будто молодела, глаза ее вновь искрились тем живым задорным блеском, какой Люся видела на давних студенческих фотографиях.

Но проходило несколько недель, и снова провожали отца в дальний путь. И снова шелестели карты на полу в гостиной, и росла стопка книг с закладками на мамином столе, и медленно переворачивались листы календаря, отсчитывая месяцы ожидания. Опять их было только двое: Люся и мама. Но тем дружнее жили они, помогая друг другу во всем. Вместе рылись в книгах, если маме нужно было подготовить какое-нибудь срочное сообщение. Вместе решали школьную задачу, если она у Люси почему-то не получалась.

Часто ходили в театр, особенно в оперный. Мать любила музыку, понимала и знала ее. Игре на рояле Люся научилась рано, задолго до школы, и теперь они часто играли с матерью в четыре руки или вместе разбирали какую-нибудь новую пьесу.

А бывало и так, что бросали все дела, забирались с ногами на диван, укрывались большим маминым платком и говорили о том, как трудно представить бесконечность Вселенной, и как страшны и противоестественны человеку войны, и какие шедевры создали бы еще Пушкин и Лермонтов, доживи они хотя бы до пятидесяти лет, и как уродуют себя некоторые женщины и девушки в слепой погоне за модой, и о многом-многом другом. В такие часы Люся делилась с матерью всеми своими мыслями, поверяла ей все свои "секреты".

Так плыла она по "тихой заводи" школьных лет, и теперь вот перед ней открылось "море".

...Бережно свернув письмо, Люся положила его на стол. Мать тронула ее за плечо.

- А теперь обедать.

- Мама, - обернулась Люся, - как у тебя прошел первый университетский день?

- У меня? Во всяком случае, первая лекция состоялась.

- А потом?

- Потом нас посадили на машины и повезли в лес...

- На экскурсию?

- Нет, на лесозаготовки.

- Всей группой?-

- Всем курсом.

- И надолго?

Мать помолчала.

- Для меня - да, надолго. Вскоре началась война, и я поехала на фронт...

3. ВЕТЕР С МОРЯ

Аудитория опустела. В последний раз хлопнула дверь. Отшумела и замерла где-то вдаль, у лестницы, лавина говора и торопливых шагов. Лаборант убрал со стола и запер в шкаф лотки с минералами и приборами. Техничка тетя Настя прикрыла чехлом эпидиаскоп и, тщательно вымыв доску, подтянула кверху полотно экрана. Учебный день закончился.

Староста одиннадцатой группы Иван Кравцов заполнил обычный рапорт посещаемости и, откинувшись на спинку стула, прислушался. Из коридора не доносилось ни звука.

- Все ушли... - Он собрал тетради, уложил их в потертую, выдавшую виды планшетку и, перекинув ее через плечо, направился в деканат. Это уже вошло в привычку. Декан требовал, чтобы сведения о посещаемости представлялись каждый день. Можно было бы, конечно, занести эти сведения и завтра, в перерыве между лекциями. Так делало большинство старост факультета. Но по положению рапорт должен был сдаваться в конце дня, а Иван, прослуживший три года в армии, приучился быть аккуратным и точным даже в мелочах.

Впрочем, этому его научила не только служба. Иван рано лишился матери, оставшись с отцом и младшим братом. А так как отец, работавший машинистом на паровозе, подолгу бывал в поездках, Ванюшке с малых лет пришлось столкнуться с такими заботами, какие едва по плечу и взрослому человеку. Служба же в пограничных войсках на далекой, затерянной в горах заставе еще больше приучила его к ответственности и самодисциплине.

Таким, по крайней мере, Иван казался большинству своих однокурсников, особенно девушкам. Да так оно, пожалуй, и было. Но кто бы из ребят и девушек одиннадцатой группы мог подумать, что под внешней сдержанностью их старосты живет непроходящая тоска по дружбе и любви, которых он лишен был с ранних лет.

Именно об этом и размышлял Иван, шагая по длинному коридору, в то время как все ребята уже теснились у вешалки, торопясь побыстрее вырваться на свежий воздух. Эти ребята уважали старосту. Многие прислушивались к его замечаниям и советам. Но все это лишь в часы занятий. А прозвучал вот звонок, и никто не подумал даже подождать Ивана.

Он подошел к деканату и взялся было за ручку двери, но та неожиданно распахнулась и в коридор вышла Таня Горина.

- Таня... - Иван остановился и неловко одернул гимнастерку. Эта робкая темноглазая девушка, приехавшая из далекого волжского села и до сих пор застенчиво сторонившаяся своих однокурсников, казалась ему ближе и понятней других студенток и, хотя он сам себе в пом еще не признавался, давно уже завладела всеми его думами. Несколько раз он пытался заговорить с ней, расспросить о доме, о родных. Но та лишь смущенно отмалчивалась или отвечала двумя-тремя словами.

- Таня... - повторил Кравцов, снова одергивая гимнастерку, - ты чего это... в деканате?

Она смутилась:

- Спросить надо было об одном деле...

- Что же у тебя за дело, если не секрет?

- А это... как раз секрет. - Она попыталась проскользнуть мимо. Но Иван опять окликнул ее:

- Постой-ка, Таня! Знаешь... Пойдем, сходим в кино...

- В кино? - Брови Тани удивленно приподнялись.

- Ну да! Хорошая картина. А идти одному как-то не хочется.

- Так ты провожатых ищешь?

- Нет, не то... Я давно хотел поговорить...

Лицо Тани стало строгим:

- Нет, Иван, я не могу пойти.

- Почему?

- Как-нибудь после, может быть, скажу. А сейчас... До свидания, Иван!

Он проводил ее взглядом до лестницы. Видно, еще не умел он читать в девичьих лицах, не заметил тревожной грусти в голосе Тани и уж, конечно, не знал, да и не мог знать, что было у нее на сердце.

Большая полная луна выкатилась из-за туч, и высокий берег будто поплыл в туманной дымке. Черные тени протянулись от деревьев, а из-под обрыва, прямо к далекому горизонту, побежала широкая светлая дорожка.

Таня поправила косынку и глубоко, всей грудью, вдохнула вечернюю прохладу. Она любила этот зеленый косогор над самой Волгой. С него было видно далеко-далеко, и она еще девчонкой прибежала сюда, чтобы постоять над обрывом.

Далеко внизу, прямо под ногами, серебрилась широкая гладь затона. За ним виднелись большие острова, поросшие лесом. А дальше - главное русло Волги, по которому проплывали белые теплоходы, деловито проходили самоходки, тянулись караваны барж. За Волгой опять расстилались леса. Они уходили к самому горизонту и там почти сливались с высоким синим небом.

Шли годы. Таня росла. Менялось их большое шумное село. Менялись люди. Только Волга оставалась такой же.

И вдруг все переменялось. В прошлом году, закончив десятилетку, Таня поехала к тетке в город, где надеялась поступить в институт. Но ничего из этого не вышло, подвела математика. Пришлось вернуться домой. А когда под вечер - днем не хотелось встречаться со знакомыми - она поднялась на любимый косогор и глянула вдаль, то невольно вскрикнула от изумления. Не было больше ни островов, ни затона, ни далеких лесов. Всюду, куда ни глянь, ходили большие хмурые волны, и только узкая темная полоса, казалось, прижалась к самому небу там, где лежал берег этого нового, только что родившегося моря.

В последние годы столько разговоров было о новой плотине. Разлива Волги ждали. Известны были и границы будущего водохранилища. И все-таки не укладывалось в сознании, что вот здесь разольется огромное море, и разом исчезнут и бичевник, и широкие пойменные луга, и дальние косы, белеющие чистым песком.

Все это было тихим, спокойным, привычным. А море оказалось другим. Оно бурлило, чего-то требовало. Оно рождало неясную тревогу, будило желание быть дерзким, упрямым.

Вот и сегодня Таня смотрела на широкую лунную дорожку, - и сердце замирало в тревожном предчувствии.

- Таня!

Она вздрогнула, совсем забыв, что стоит здесь не одна, что рядом - ее "вечный спутник" Мишка Зайцев.

- Таня! - снова позвал он. - Что ты все молчишь? О чем думаешь? Пойдем к клубу, что ли. Все сейчас там. Слышишь - гармонь? Потанцуем...

- Не хочется.

- Ну вот, опять не хочется. Нельзя же все время о делах думать. Я, например, в свободное время....

- Вот и помолчи, хоть в свободное время.

- Да брось ты! Мало ли что было на правлении. Поругались, и дело с концом! Критика - критикой, а когда, скажем, личное дело...

- Нет у меня личных дел! И вообще я о делах сейчас не думаю.

Однако слова Михаила напомнили о только что закончившемся заседании правления. Сколько резких и несправедливых речей пришлось ей там выслушать. Мол, прошлогодние неудачи расхолодили ее звено, и этой весной девчата работают без огонька, - теперь уж не жди на их заовражном участке сносного урожая.

А ведь все это не так. Они с подругами стараются. Но что можно сделать на отошавшей, давно не видевшей удобрений земле? Когда она в прошлом году вернулась домой из города

и председатель уговаривал возглавить молодежное звено, ей обещали все. А теперь говорят, что с удобрениями и дурак хороший урожай получит.

Таня зябко передернула плечами:

- Пора домой.

- Таня...

- Ну что пристал? Завтра вставать-то, знаешь, когда! - Она повернулась и побежала с косогора. Михаил молча двинулся за ней. Село спало. Только где-то вдали, у клуба, слышались частые переборы гармоники, да кое-где у ворот раздавался приглушенный смех. Подойдя к своей калитке, Таня взялась за щеколду. Но Михаил потянул ее за рукав:

- Таня...

Она обернулась.

- Таня, я...

- Опять - я! Вчера - я, позавчера - я. А дальше что?

- Да пойми, наконец, что я...

- Понятно! Спокойной ночи. - Таня решительно толкнула калитку и, быстро поднявшись на крыльцо, с силой захлопнула дверь.

- Ты что, полуночница, дверями-то гремишь? - послышался заспанный голос матери. - Тише! Постоялец в боковушке спит.

- Какой постоялец?

- Председатель привел. Говорит, ненадолго.

- Кто же он? Откуда?

- Чудной такой! Говорит, из города, с ниверситета, что ли. А сам одет - так себе. За плечами - мешок. В руках - молоток. Ну, чисто печник или жестянщик какой. Да больно уж молодой.

- А зачем он к нам?

- Да, вишь, овраги ему наши понадобились. Изучать, говорит, буду.

- Много их, таких-то! Ездят, изучают, а толку - ни на грош.

Таня сбросила туфли и, не зажигая света, налила из кринки молока. Какого толку хотелось ей от тех, кто ездит и изучает, она и сама не знала. Сегодня ей все было не по душе...

Наутро Таня поднялась раньше обычного. Наскоро поплескалась у рукомойника и, не дожидаясь, когда закипит самовар, принялась за простоквашу. Время от времени она посматривала на дверь боковушки и прислушивалась. Но там было тихо.

"Ну и спит! Все они, городские, такие", - подумала Таня с неприязнью. Она торопилась уйти на работу до того, как встанет их гость, а между тем ей хотелось хоть краешком глаза взглянуть на постояльца.

Но уже и самовар вскипел, и мать возвратилась от стада, а дверь боковушки все еще не открывалась. Таня с досадой отодвинула недопитый стакан и, собираясь на ходу, бросила матери:

- Буди своего постояльца-то! Заспится.

- И-и, милая! Да он уж давным-давно ушел. Я еще только самовар начинала ставить, а он молока выпил, схватил свой молоток и - поминай, как звали! Чудной...

Вот тебе и городской! Ни слова не говоря, Таня повязала косынку и вышла на улицу.

А тем временем "чудной постоялец", аспирант Андрей Бардин, стоял на берегу Волги, у подножья высокого обрыва, и внимательно рассматривал мрачные голые уступы. За спиной Андрея искрилась на солнце широкая гладь водохранилища. Вправо и влево по склону сбегали почти к самой воде пышные заросли орешника. В густой росистой траве вспыхивали то тут, то там алые глазки шиповника. А он смотрел только на обрыв, не видя ничего, кроме этой каменной громады, взметнувшейся на высоту десятиэтажного дома.

- Ну и красота! - сказал он самому себе.

Давно уже собирался Андрей осмотреть это обнажение. Еще в прошлом году заметил его с борта катера среди яркой зелени береговых уступов и уже тогда прикинул, что здесь должны выходить на поверхность те неуловимые верхневолжские слои, в поисках которых он

облазил все окрестные овраги и исколесил не один десяток километров по ручьям и речкам, сбегаящим с водораздела.

До сих пор Андрею не везло, - всюду, где ни бывал, они оказывались прикрытыми мощным чехлом современных наносов. А здесь все на виду, открыто. Словно специально для него природа срезала огромный массив осыпи и обнажила почти всю толщу осадков древнего юрского моря, некогда заливавшего большую часть Русской равнины.

Андрей сорвал с головы кепку и взъерошил волосы. Немало надежд возлагал он на это обнажение, но действительность превзошла все ожидания. Прямо перед ним возвышалась гладкая, будто срезанная ножом, стена голубоватых мергелей. Они поднимались метров на пять-шесть и там венчались узким, чуть выступающим карнизом известняка. Белый, ослепительно сверкающий на солнце, известняк тянулся вдоль всего обнажения. А над самым карнизом огромным многоярусным уступом нависла толща черных мергелей и глин, прорезанных пластами горючего сланца и прикрытых пачкой искрасна-бурых, тонко исчерченных жилкой глауконитового песка конгломератов.

В этой объемистой пачке, где-то в верхней части ее, и лежали неведомые слои, ради которых Андрей приехал сюда и которые манили его теперь со своей недоступной высоты.

"Да-а! Снизу к ним не подобраться. Разве, сверху? - Андрей отошел в сторону и прикинул высоту обрыва. - Но без хорошей веревки об этом нечего и думать. Так что, хоть и близок локоть..." - Он вынул тетрадь и начал набрасывать общую схему обнажения.

Между тем солнце поднялось. В подсохшей траве застрекотали кузнечики. Становилось жарко.

- Ну, что же... Сегодня здесь делать больше нечего. Впрочем, неплохо бы осмотреть овраг выше по течению.

Андрей в последний раз окинул взглядом обрыв и, подхватив рюкзак, нырнул в заросли орешника. Овраг был глубокий и темный. Склоны его поросли густым кустарником, а по дну пробирался маленький ручей. Вначале ноги тонули в вязких голубоватых мергелях. Но когда он поднялся на перепад, образованный знакомым известняком, сразу стало суше. Теперь под ногами хрустели обломки горючего сланца. Потом исчезли и сланцы, а ручеек начал теряться под грудой черных фосфоритовых желваков. Они тянулись долго. И когда в дне оврага показались черные меловые глины, это был уже не овраг, а небольшая пологая ложбина, поросшая густой мягкой травой.

Андрей выбрался наверх и огляделся. Вокруг расстилались поля. Немного поодаль, на пригорке, чернел омет прошлогодней соломы. За ним ошетинились стропилами заброшенный полевой стан. А еще дальше, у самой Волги, виднелось знакомое село в двумя ветряными мельницами.

К селу шла накатанная дорога. Андрей направился было по ней. Но тут его внимание привлекла небольшая промоина. На дне ее темнели крупные фосфоритовые желваки.

"Верхневолжские фосфориты? Да, тут могут быть только они. Но почти такие же, как в нижневолжском ярусе. Так вот оно что! Теперь понятно, почему так долго искал эти отложения. Их просто трудно отличить от нижневолжских. Но сколько здесь фосфоритов! - Взгляд его скользнул по ровному полю. - И почти на самой поверхности! Да это же целое месторождение! А между тем о нем никто не знает".

Он вспомнил разговор, состоявшийся две недели назад на Ученом совете факультета. "Юрские фосфориты Поволжья - примитив, - говорил профессор Бенецианов. - Они не заслуживают ни малейшего внимания". Андрея это не убедило. Конечно, юрские фосфориты на Волге маломощны, и едва ли целесообразно создавать на их базе какое-то крупное предприятие. Но почему не использовать их для местных нужд? Об этом говорил и руководитель Андрея профессор Греков.

"Вот будет подарок Леониду Ивановичу!" - подумал Андрей, прикидывая запасы месторождения.

Он сложил в рюкзак образцы фосфоритов и зашагал к селу. Неподалеку от дороги две женщины выкапывали что-то из земли и грузили на повозку. Андрей подошел к ним ближе,

остановился: женщины выбирали фосфоритовые желваки. Бардин даже присвистнул от удивления. Они у себя на факультете спорят, рассуждают, стоит ли разрабатывать юрские фосфориты, а здесь давно их опередили. Вот что значит народная смекалка! Но, интересно, как тут их используют?

Андрей подошел к женщинам:

- Добрый день, хозяйюшки.
- Здравствуй, мил человек! - ответила та, что постарше, поправляя сбившийся платок.
- Вы, должно, из того села? - спросил Андрей, показывая на виднеющиеся вдали крыши.
- Нет, мы со Свяги.
- А разве там у вас нет такого камня?
- Как нет, есть. Да больно мелок.
- Ну и что же? Все равно молоть.
- Молоть? Зачем это?
- Так что же вы, так прямо в землю их заделываете?

Женщина окинула Андрея подозрительным взглядом. А ее товарка отвернулась и хихикнула.

- Ты что, парень, смеешься, что ли, над нами? Или мы для того их выкапываем, чтобы опять в землю запихивать!

- А для чего же? - смутился Андрей.

- Как для чего? Не знаешь, что ли? Баню строим. А какая баня без пара!

Теперь пришла очередь удивляться Бардину:

- Да при чем же здесь фосфориты?
- Какие фосфориты?
- Ну, эти вот камни...
- А на каменку. Неужто в самом деле не знаешь? Видно, не здешний. Чей будешь-то?
- Я издалека.
- Оно и видно... У нас каждый знает: самый ядреный пар от этого камня. Без него и баня не в баню.

Распрощавшись, Андрей подхватил рюкзак и зашагал к селу.

"Вот тебе и народная смекалка!" - усмехнулся он, подсчитывая на ходу ямы, накопанные вдоль дороги любительницами попариться, и прикидывая, сколько же бань было "удобрено" верхнеюрскими фосфоритами.

Довольная и веселая взбежала Таня на крыльцо. Хорошо сегодня поработало звено, даже председатель похвалил. И сказал, что вчера погорячился: земля на их участке, действительно, плохая. Нужно ее удобрять. А где их взять, удобрения? Мало отпускает район - хоть пригоршнями дели. Но так и быть, кое-что председатель им подбросит.

Она взялась было за щеколду, готовясь, как всегда, рывком раскрыть дверь, но вдруг вспомнила про постояльца и, поправив косынку, легонько нажала на скобу. На этот раз постоялец был дома. Таня увидела его в полуоткрытую дверь и потому вошла тихо, опустив глаза.

- Здравствуйте, - сказала с порога.

Совсем еще молодой человек со вздернутым носом и густой копной русых волос поднялся из-за стола и неловко отодвинул в сторону коробки с камнями.

- Добрый вечер, - ответил он, покраснев.

- Надолго к нам? - Таня уже разглядела, что постоялец так себе: собой невидный, стеснительный, в старом потертом пиджаке и без всякого обхождения.

- Да нет, не очень, - ответил он, еще больше краснея. - Вернее, так я предполагал. А теперь... даже не знаю. Много интересного здесь у вас. Придется, пожалуй, задержаться.

- Что же вы нашли у нас интересного? Уж не золото ли?

Андрей невольно улыбнулся:

- Нет, золота здесь быть не может. А это вот, - он указал на фосфориты, - вещь стоящая.

- Так этих камней в любой бане полно! - Таня стянула с головы косынку и, не сказав больше ни слова, скрылась в углу за пестрой занавеской.

Андрей, посмотрев ей вслед, начал торопливо укладывать образцы, чтобы перенести их к себе в боковушку. Но не успел он собрать - и половины коробок, как Таня вернулась:

- А, может, вы скажете, как вас зовут?

Андрей снова покраснел. Она уже успела переодеться и теперь, в белой шелковой блузке, высокая и стройная, без тени смущения на лице, показалась ему очень красивой.

- Да, простите, пожалуйста. Конечно, мне следовало представиться. Меня зовут Андрей... Андрей Бардин.

Она почему-то усмехнулась:

- А меня - Таня... Что же вы, Андрей, собираетесь делать вечером? Пойдемте в клуб, там сегодня танцы.

- Спасибо. Но... я так устал за день.

- А мы, по-вашему, весь день отдыхали?

- Нет, я понимаю. Но я не танцую, знаете...

- Не танцуете? Что же вы делаете там, у себя в городе?

- Как что? Работаю...

- Все время?

- Да, почти все время. По крайней мере, в последние годы. Я, видите ли, аспирант. Приходится много работать. Надо успеть столько сделать за три года.

- А после?

- Что после?

- После будете меньше работать?

- Как вам сказать... В первое время, едва ли.

Она рассмеялась:.

- Ну и работайте на здоровье!

Прошло три дня. Каждое утро Андрей вставал рано и уходил на берег Волги, к высокому обрыву, где земля так щедро раскрывала свои недра.

Для всех это была просто земля - неудобная, голая, каменистая. Но для него каждый слой ее являл собой страницу великой Книги Природы, где сложным кодом минерализации записана история исчезнувшего моря. Море это катило свои волны много миллионов лет назад, в далекую юрскую эпоху. И было оно громадным и бурным. По топким берегам его, покрытым зарослями саговых пальм, бродили гигантские ящеры - динозавры. Почти над самой водой, касаясь волн косыми перепончатыми крыльями, реяли зубастые птеродактили. А в темных глубинах сновали хищные рыбащеры - ихтиозавры и быстрые, как молнии, белемниты.

Теперь всех этих диковинных животных не встретишь ни в одном уголке земного шара. Они вымерли вместе с исчезнувшим морем. Осталась только эта многометровая толща осадков, давно уже высохших, отвердевших, превратившихся в твердые породы. Они-то и запечатлели историю моря. И Андрей Бардин пытался прочесть ее, осторожно, слой за слоем, вскрывая молотком пласты и тщательно отбирая все то, что могло пролить свет на давно минувшую жизнь.

Вот молоток вонзился в черную вязкую глину. Андрей отколол от нее кусок, другой... Пусто! Ни отпечатка раковины, ни скелетика губки, ни хотя бы иголки морского ежа: это осадки больших глубин - холодных, неподвижных, безжизненных. Ни крупцы солнечного света не проникало к этим глубинам. Никакой, даже самый сильный шторм ни разу не всколыхнул беспросветной пучины вод. Лишь мельчайшие частицы ила медленно оседали на дно, да время от времени падал сверху обломок раковины погибшего моллюска...

Над глиной - более светлый, почти каменистый мергель, переполненный остатками раковин и длинными тонкими рострами, напоминающими наконечники копий. Такие осадки уже не могли возникнуть на больших глубинах. Уровень моря упал. Воды его стали заметно прогреваться солнцем. Частые волнения насытили их кислородом. Богатая жизнь пришла в

подводный мир. Бесчисленные колонии двустворок заселили дно. Медленно ползают между ними ленивые брюхоногие моллюски, везущие на себе тонкие известковые домики. Стремительно проносятся похожие на торпеду белемниты. Плавно скользят, будто парят в толще воды, свернутые в изящную спираль аммониты. Несметные массы извести осаждаются вместе с глиной на дно. Без устали буравят эти осадки прожорливые илоеды...

Новый слой - хрупкий тонкоплитчатый горючий сланец. Огромное количество органики заключено в этой породе. Она сформировалась из осадков совсем уж мелкого моря. Солнечный свет пронизывает всю толщу вод. Густая растительность покрыла донные илы. Целые леса водорослей протянулись на многие километры. Мощные толщи гниющих остатков скапливаются в низинах. Губительный сероводород гонит оттуда все живое, заставляя донных обитателей переселяться в более высокие места, где еще достаточно кислорода для жизни и где сила прибоя не дает укорениться подводным зарослям...

Над горючими сланцами лежит слой фосфоритовых желваков - море окончательно обмелело. Штормы взмучивают его до самого дна. Огромные волны выдирают с корнем нежные стебли водорослей, разбивают вдребезги хрупкие раковины животных, разрушают илистое дно, с грохотом обрушиваются на подводные скалы. Море размывает свои собственные осадки. Лишь тяжелые прочные фосфоритовые желваки, окатанные и идеально отшлифованные волнами, все больше накапливаются на голом дне, да грубый песок, перемешанный с обломками раковин, пересыпает их в затишье.

Слой за слоем проходят перед глазами Андрея, и шаг за шагом разворачиваются судьбы древнего моря, связанные с историей вековых колебаний земной коры и записанные на каменных страницах летописи земных недр.

Летопись Земли... Можно ли быть равнодушным к событиям, формировавшим лик планеты? Можно ли остаться бесстрастным наблюдателем, когда перед тобой встают картины жизни, исчезнувшей миллионы лет назад? И Андрей забывал обо всем на свете, раскапывая все новые и новые слои, определяя составляющие их породы, отыскивая минералы-индикаторы и окаменевшие раковины вымерших животных. День пролетал незаметно.

По вечерам же, прежде чем лечь спать, он мерил шагами свою боковушку или опять шел к Волге и подолгу смотрел вдаль с высокого кособора.

Так было и сегодня. Андрей взобрался на кособор и, прислонившись к стволу старого, разбитого молнией дуба, подставил лицо свежему ветру с Волги. Ночь была темной, беззвездной. Лишь время от времени далеко на востоке вспыхивали яркие зарницы, тогда глубоко внизу открывалась водная гладь, окаймленная кипящей пеной прибоя.

Ветер крепчал. Он шумел в тяжелых ветвях дуба, забирался под рубашку, нес щекочущий запах воды и ту острую пьянящую свежесть, какая бывает лишь весной на больших просторах.

Андрей смотрел на тревожные сполохи зарниц, на хмурые, отороченные седыми гребнями волны и видел себя на берегу иного моря, того, которое плескалось тут миллионы лет назад и над которым также опрокидывалось черное небо, и шли дожди, и полыхали зарницы, и дули крепкие весенние ветры.

Эти ветры несли соль колючих брызг и острую, неодолимую, всепобеждающую жажду жизни. А навстречу им, стряхивая последние путы зимнего оцепенения, поднималось все живое. И наливалось новой силой, готовясь к яростным схваткам за право жить во что бы то ни стало, жить во имя жизни.

Жить во имя жизни... А человек? Во имя чего должен жить человек?

Андрей задумался. Но мысли его неожиданно прервал прозвучавший рядом смех. Он машинально прижался к дереву. В то же мгновение мрак ночи раздался, в небе полыхнула зарница.

- А-а! Вот где вы проводите вечера!

Андрей вздрогнул. Прямо перед ним стояла Таня. За ее спиной маячила фигура высокого чубатого парня. Меньше всего Андрей хотел сейчас такой встречи, но прятаться было поздно. Он молча шагнул к молодым людям.

- И вам не скучно? - продолжила Таня.

- Да нет. Здесь так красиво. Даже ночью... Эти зарницы и ветер. Забываешь обо всем плохом, что есть в жизни, и начинаешь верить, что где-то в будущем... - Андрей замолчал.

- Что же в будущем? - спросила Таня вполголоса. Но чубатый спутник перебил:

- Хватит о будущем! Пошли с нами в клуб. Или еще что сообразим...

- Спасибо, но я... Мне надо еще кое-что продумать. А что там, в клубе?

- Ничего, кроме танцев! - сказала Таня. - Кино, и то раз в неделю привозят. Вы бы хоть прочли нам лекцию.

- Что же я могу прочесть? Я ведь петрограф. Занимаюсь горными породами. Вам это покажется скучным...

- А в прошлый раз говорили, интересного у нас много. Вот об этом и расскажите.

- Интересного у вас действительно много, - сказал Андрей. - Взять хотя бы агрономические руды...

- Какие? Агрономические? - переспросила Таня.

- Да, удобрения для полей. Вы же ходите по фосфоритам!

- Что вы сказали? У нас удобрения?

- Сколько угодно! Ведь камни, что вы на каменку в бане кладете, это фосфориты. Достаточно их размолоть, и получится фосфорное удобрение. Но это еще не все. Видели тонкие зеленые пески тут, в обрыве?

- Так их везде полно!

- Но это глауконитовые пески. Они содержат калий. Стоит глауконит смешать с известью и обработать азотной кислотой, получится калийная селитра, самое лучшее удобрение. А ваши пески ни с чем и мешать не надо. Они цементированы углекислым кальцием.

- Да что же вы до сих пор молчали? - упрекнула Таня. - Ведь мы пропадем без удобрений. Просто задыхаемся! Теперь-то уж мы от вас не отступимся. Об этом и расскажете нам подробнее. А мы соберем народ...

На следующий вечер Андрей выступил в колхозном клубе с лекцией. Слушали его внимательно, - и о юрском море, и о происхождении Земли. Однако особенно всех заинтересовал вопрос о местных удобрениях. Под конец на сцену поднялся председатель правления Иван Сергеевич Фролов и, пожимая руку Андрею, сказал:

- Спасибо вам за лекцию. И уж от всего колхоза будет низкий поклон, если сможете найти нам эти самые камни. Опять же, как их там использовать, покажете нашим людям.

- Пожалуйста, Иван Сергеевич. Завтра же зайду в правление, и там обо всем договоримся. Только людей выделяйте.

- Люди будут! Как не быть. Ради такого дела. Между тем на сцене появился гармонист, и в зале загремели стульями. Молодежь готовилась танцевать. Андрей стал пробираться к выходу, но его задержала Таня:

- Потанцуем?

- Так я же говорил вам, что...

- Не танцуете? А у нас - не в городе. Кто как может.

- Нет, спасибо, Таня. Да и жарко здесь.

- Тогда пойдёмте на воздух.

- Это другое дело! - Андрей раскрыл дверь, пропуская Таню вперед. На крыльце путь им преградил Зайцев:

- Куда это?

- Пойду провожу нашего лектора.

- А что это ты, товарищ Бардин, убегаешь от колхозной молодежи? - сказал Зайцев. - Организовали бы сейчас еще какое-нибудь мелопри... мероприятие.

- Ты уж успел организовать. И как следует. Пошли, Андрей!

- Пошли... Пошли, значит? - не отставал Зайцев. - И я с вами... за компанию.

- С нами? Это еще зачем? Тебе вроде бы не по пути.

- Ну, хор-р-рошо! - Зайцев рывком распахнул дверь и тяжело перевалился через порог. - Девки-и!

За дверью послышался хохот.

- Пойдемте, Таня, - сказал Андрей и первым сошел с крыльца.

Несколько минут они шли молча. Но вот село осталось позади. Повеело речной прохладой. Андрей замедлил шаги.

- А вы не курите? - спросила Таня.

- Даже не пробовал.

- Жаль...

- Жаль?!

- Конечно. Если бы курили, мне бы не было так неловко идти рядом, когда вы молчите.

- Вот оно что! А если бы я был еще навеселе?

- Ой нет! Пьяных терпеть не могу. А в городе, говорят, много пьют.

- Нет, почему же! Только те, кто не знает, чем заняться. Если же у человека есть большое дело...

- Вы имеете в виду работу?

- Хотя бы.

- Так нельзя же все время работать. Вот вы прошлый раз говорили, сколько работаете, и мне даже жалко вас стало. Так никакой радости в жизни не увидишь.

- Радости в жизни? - Андрей взглянул на Таню. - А как вы представляете эту... радость жизни?

- Ну как? Обыкновенно! Как все.

- А все-таки?

- Да как вам сказать... - Она замолчала, видимо, собираясь с мыслями. В это время послышались частые переборы гармошки и с улицы донеслась разухабистая песня, выводимая хором нетвердых голосов.

- Пойдемте наверх, - предложила Таня.

Они поднялись на косогор и остановились возле знакомого дуба.

- Так вам, говорите, жалко меня стало? - начал Андрей. - А мне вот жалко их, - кивнул он в сторону поющих. - Они действительно еще не знают радостей, которые может дать жизнь.

Таня молчала. Андрей подошел к самому обрыву.

- Радость жизни... Это смотря как понимать ее... Вы знаете, что сказал однажды композитор Скрябин. "Я так счастлив, - говорил он о своей работе, - что если бы хоть одну крупницу этого счастья я мог передать людям, то жизнь показалась бы им цветущим раем". А как работают настоящие ученые? Они забывают обо всем на свете! И думаете, эта работа - тяжелая, изнурительная- не доставляет им радости?

- Так вы говорите о необыкновенных людях.

- Нет, радость эта доступна всем. Даже вот здесь, когда я роюсь в осадках древнего моря и стараюсь понять, как возникли те или иные породы и минералы...

- Вы, наверное, очень довольны своей работой?

Андрей помедлил с ответом.

- Работа геолога мне, конечно, по душе. Но то, чем я занят сейчас, признаться, не совсем удовлетворяет.

- Почему?

- Как вам это объяснить... Слишком отстала наша геология от других наук. Я вот работаю над диссертацией. Готовлюсь стать, можно сказать, ученым. А что делаю? То же самое, что делали десятки лет назад. Молоток в поле, микроскоп в лаборатории. Все это нужно, разумеется. Но нельзя же без конца топтаться на месте.

- Ну, и как же вы?

- Брошу, наверное.

- Бросите геологию?!

- Нет, что вы! С геологией я ни за что не расстанусь. Тему свою брошу. У меня уже есть одна интересная мысль. Только вот...

- Не со мной об этом говорить?

- А кроме как с вами, Таня, я вообще ни с кем еще не говорил об этом.

- Почему же?

- Боюсь, не поймут.

Она рассмеялась:

- А я пойму!

- Больше всего не понимает тот, кто не хочет понять. Да словами здесь ничего и не докажешь. Нужно работать.

- Опять - работать! Мы же совсем о другом начали говорить. Или вы забыли?

- Нет, не забыл. Но я никогда не разграничивал жизнь на работу и неработу. Это, по-моему, и невозможно.

- Но вы все время говорите о работе. Интересной или неинтересной, но все-таки работе. А что вас интересует, кроме работы? Вас лично.

- Работа, действительно, занимает много места в моей жизни, как, наверное, и у всех других. Но у меня есть и еще одно дело... Только об этом не знает еще никто. Я немного пишу... Ну, сочиняю, что ли. И вы знаете, как это может захватить! У меня очень мало свободного времени, и все-таки я каждый день урываю часок-другой и пишу... В такие часы я забываю обо всем. Так что это, по-вашему, работа или отдых? А для меня - самая большая радость. Впрочем, не меньшую радость доставляет и музыка. Сам-то я музыкант неважный, да и редко приходится играть. Но слушать музыку готов без конца.

- А что вы пишете? Роман?

- Я даже не знаю, что получится. Пишу о людях, о науке...

- Только о любви не пишете.

- Почему вы так думаете?

- Да вот вы так много говорили о радостях жизни и ничего не сказали о любви. А ведь некоторым людям она приносит столько радости.

- Некоторым?

- Да.

- Нет, любовь приносит радость всем. И жуликам, и поэтам. И глупцам, и великим ученым. Но может она быть красивой и чистой, а может - жалкой и пошлой... - Он замолчал и долго смотрел в ночную тьму. Молчала и Таня. Лишь внизу, под берегом, глухо били волны, да откуда-то издалека, должно быть, с идущего парохода, ветер доносил какую-то песню.

Когда Таня вошла в правление, там собрались уже почти все девушки ее звена, правленцы, комсорг Вася Груздев и ребята из комитета. Все они тесно обступили стол председателя, за которым, кроме Фролова, сидели Андрей и колхозный агроном Петр Тимофеевич.

Андрей что-то чертил на большом листе бумаги. Петр Тимофеевич щелкал на счетах, а Фролов торопливо подписывал бланки требований и тут же бросал их кладовщику Никите, который был явно не в духе и всем своим видом показывал, что уж он-то понимает, чем закончится вся эта затея.

- А-а! Вот и сама звеньевая! - встал Фролов, навстречу Тане. - Проходи, проходи! Будет задание. Тут вот наш гость, товарищ Бардин, предлагает установить мельницу для помола фосфоритовых камней, а чтобы обжигать этот самый... глауконит, поставить печь и этот... Как его?..

- Реактор, - подсказал Андрей.

- Да, реактор, чтобы, значит, кислотой ошпаривать. Одним словом - целый химкомбинат! Мы тут прикинули. Все обойдется недорого. Шаровую мельницу попросим у дорстроя - она у них третий год стоит без дела. Кирпич у нас есть. Установим все у ближнего стана, там и

фосфориты под боком. Ну, а строителями решил я выделить твое звено, Татьяна. Работы сейчас у вас в поле немного. Зато первый мешок удобрений - на твой участок.

- А как же поле, совсем забросить?

- Зачем совсем? До обеда будете в поле. А после полудня - на стройку. Идет?

Таня оглянулась на подруг:

- А если не справимся?

- Ну, несколько ребят я вам, конечно, подброшу. Мельницу там установить или что другое. Да и девчат, которые посвободнее, будем посылать. Но главной, основной ударной силой будет ваше звено. Отдаем тебя, так сказать, в полное распоряжение товарища Бардина. А?

Таня взглянула на Андрея. Тот, по-прежнему не поднимая головы, что-то чертил на бумаге.

- Идет! - с неожиданной для себя решимостью сказала Таня. - Только чур, с удобрениями, как говорили.

С утра работа закипела. На несколько дней девчата стали печниками, землекопами, строителями. Одни рыли ямы, выбирали из земли фосфоритовые желваки, свозили их к стану. Другие выкладывали там длинную плоскую печь и каменный реактор. Остальные помогали ребятам устанавливать мельницу.

Начальником Бардин оказался никудышным. Вместо того, чтобы заставлять и требовать, он только просил. И не иначе, как на "вы", с обязательным "пожалуйста".

"Разве может такой понравиться", - твердила себе Таня, а сама, едва наступали сумерки, снова шла к старому дубу.

Всякий раз они будто удивлялись, увидев там друг друга. И первые минуты смущенно молчали. Потом Андрей начинал о чем-нибудь рассказывать, и перед Таней раскрывался новый мир, где удивительно уживаются и древние летающие ящеры, и "Итальянское каприччио" Чайковского, и сверкающие кристаллы алмазов, и мыслящие электронные машины...

Их встречи не остались незамеченными. И первому в этом пришлось убедиться Андрею. В солнечный полдень он и Зайцев возвращались с химзавода, где Андрей договорился о кислоте для колхоза. Хорошо было ехать полевой дорогой, смотреть на буйный разлив зеленей и чувствовать, что ты сделал хоть и небольшое, но нужное людям дело. Ради этого стоило потерять не одну неделю. Да и колхоз не остался у Андрея в долгу. Ребята сделали по его просьбе такую расчистку в нижнем обнажении, с какой он сам не справился бы за месяц. Славный здесь народ! Жалко будет расставаться с ними, особенно с Таней...

Андрей задумался.

- Послушай, Бардин, - обратился к нему Зайцев, - давно я собираюсь поговорить с тобой об одном деле, да все как-то несподручно было.

- Пожалуйста, - сказал Андрей.

- Долго еще собираешься жить у нас?

- Нет, уже не долго. Вот запустим наш "комбинат", опишу расчистку, что ваши ребята сделали, схожу на Свягу, посмотрю, нет ли там чего интересного. Ну, Пожалуй, и все. Так что самое большее - неделю. А что?

Зайцев повернулся к Андрею:

- А то, что Татьяну ты оставь. Слышишь? Говорю пока по-хорошему. Ты приехал да уехал. А ей здесь жить.

У Андрея перехватило дыхание:

- Не поднимаю. Вы кто ей, родственник?

- Пока не родственник, а скоро буду. Потому и говорю. Не самой же ей объяснять, что не след жить парню в доме, где одни бабы.

- Вы считаете, что я их стесняю?

- Сам должен понимать, не маленький.

- Но ведь это председатель меня туда направил.

- Что председатель! Откуда ему знать, сколько ты жить будешь. А теперь что получается: девка замуж выходит, а у нее в боковушке - парень...

- Она сама говорила вам об этом?
- А то нет!
- Ну что ж, я сменю квартиру.
- И вообще...

Лицо Андрея окаменело:

- А что касается "вообще", - проговорил он глухо, - то имейте в виду, я не стал бы разговаривать с вами о таком даже в том случае, если бы вы уже были ее мужем.

- Почему?
- Хотя бы потому, чтобы не ставить вас в глупое положение.
- Это как понимать?
- Как сможете.
- Ну, смотри! У нас ночи темные...
- Остановите-ка лошадь. - Андрей соскочил с брички. - А теперь поезжайте к председателю и доложите о нашей поездке. Я пойду на стан...

В тот вечер Таня возвращалась с работы одна. Оказав подругам, что хочет посмотреть всходы на дальнем участке, она свернула в Верхний бор, где была поляна, сплошь усеянная в эту пору цветущими ландышами. Андрей не раз говорил, что любит цветы, и сегодня, когда на "комбинате" закончились последние работы, они будут очень кстати.

Домой она вошла на цыпочках и сразу же взглянула в сторону боковушки. За ее раскрытой дверью никого не было. Вот и хорошо! Таня с цветами скользнула туда. Но что это?

В комнате было пусто. Нет ни образцов, которыми еще вчера был завален дальний угол, ни книг, в беспорядке разбросанных по столу. Нет брезентового плаща, который обычно висел у двери.

- Мама! - крикнула Таня, выскочив на крыльцо.
- Но мать уже сама поднималась ей навстречу.
- А постоялец-то ушел...
 - Как ушел?
 - Совсем. На другую квартиру. К Мироновым, что ли...

У Тани упало сердце.

- Почему же так, мама?
- Видно, не показалось ему у нас.
- А, может, ты что-нибудь...
- Упаси бог! Да с чего бы мне? Парень тихий. На днях вон приемник починил. Играет теперь. Я, чай, к нему всей душой...
- Так что же он?
- Ума не приложу. Думала, что промеж вами вышло.

Не пришел он в тот вечер и к дубу. Напрасно Таня прибежала туда сразу, как только наступили сумерки. Напрасно ждала его до ночи, с надеждой прислушиваясь к любому шороху.

А когда вернулась к дому, из темноты послышался пьяный голос Михаила:

- Татьяна, я...

Она отшатнулась.

- Нет, постой! - Он подошел к ней почти вплотную. - Сегодня пришел сказать в последний раз...

- Уйди! Видеть тебя больше не могу! - Таня метнулась к калитке. Но Михаил преградил дорогу:

- Ну, вот что, хватит... Помудрела ты надо мной. А теперь... - Он обхватил ее за плечи.
- Не смей! - Таня вырвалась и прижалась к забору.
- Ну, не-ет, никуда не денешься! - Он снова протянул руки.
- Уйди!

- Не-е-ет! Сегодня я тебя не отпущу. И не вздумай кричать. Никто не поможет. Хахалю твоему я вправил мозги.

- Что?!

- А-а, заело! Дал ему от ворот поворот.

Таня выпрямилась.

- Да как ты смел! Какое право...

- Право? Вот оно, мое право! - Зайцев поднес к ее лицу кулак. - Видала? И если он еще... - Но в это время лицо его дернулось в сторону, потом в другую.

- Вот тебе! Вот!

Всю свою силу и все горе вложила Таня в эти удары. Михаил отступил. Таня метнулась в калитку и, вскочив на крыльцо, захлопнула дверь. С улицы донеслась пьяная брань. Девушка задвинула второй засов.

"А он? Что мог подумать? Ведь он видел их вдвоем с Михаилом и, значит, мог поверить ему. Какой ужас!"

Таня упала на кровать и уткнулась лицом в подушку.

Утром на ближнем стане собрался народ. Победно гроыхала шаровая мельница, весело дымила печь, в реакторе бурлило. Кругом стоял гомон, как на ярмарке.

Вокруг смущенного Андрея столпились правленцы, бригадиры, старики. Ему жали руку, благодарили, поздравляли с окончанием стройки. Хвалили и Танино звено. А она думала только об одном: как подойти к Андрею и объяснить ему, что Зайцев совсем чужой ей человек.

Это нужно сделать сегодня. Завтра ее звено будет в поле. Но как поговорить с ним? Вокруг все время люди. Что же делать?

Наконец, понемногу стали расходиться. Уехал председатель с партторгом. Ушли старики. За ними гурьбой повалила молодежь. Сейчас уйдет и он. Тогда все.

И вдруг Андрей подошел к ней сам:

- Разрешите и мне поблагодарить вас, Таня.

- За что? - задыхнулась она от неожиданности. - Это мне вас надо бы...

Она заглянула ему в глаза и смутилась.

- Я должна... Я хотела сказать вам...

- И мне нужно поговорить с вами.

- Так приходите к дубу... Вечером.

Он молча кивнул и, видимо, хотел еще что-то сказать, но в это время раздался топот копыт, и храпящий взмыленный конь почти обжег Таню своим дыханием. Она отпрянула в сторону.

- Эй, начальник! - крикнул Михаил, осаживая лошадь. - Шпарь в правление. Из города звонят, срочно тебя требуют. Бенецианов какой-то. Через пятнадцать минут опять позвонит.

- Через пятнадцать минут? Но я не успею до села дойти.

- А садись на Чалого. Мигом домчит! - Михаил, спрыгнув с лошади, подвел ее к Андрею.

Молодой, видимо, необъезженный жеребчик грыз удила, кося налитыми кровью глазами.

- Что, испугался?

Бардин вспыхнул:

- Давай! - Он выхватил повод и махнул в седло.

Ничего себе, - осклабился Михаил. - А ну, держись!

Он взмахнул плеткой и хлестнул Чалого по брюху. Конь дико рванулся в сторону и сбросил Андрея на груды фосфоритовых желваков.

Таня кинулась к нему.

- Андрюша!

Глаза его были закрыты. На губах проступила розовая пена.

Сбежались ребята. Таня растерянно оглянулась по сторонам, потом крикнула:

- Да что вы все устались! Митька, лови Чалого, быстрее! И в село - за доктором.

4. КРУШЕНИЕ

Как всегда, ровно в девять утра Юрий Дмитриевич Воронов поднялся по широкой лестнице вестибюля и прошел в свой рабочий кабинет.

Впрочем, едва ли можно было назвать кабинетом эту большую комнату, где было тесно от приборов и корпевших над ними людей. Когда-то все здесь выглядело иначе. Посреди комнаты стоял старинный стол с резными тумбами, а вдоль стен поблескивали стеклами высокие черные шкафы, доверху заполненные минералами, которые хозяин кабинета собрал чуть не со всего света. К минералам этим почти никто не притрагивался, так же, как и к книгам, штабелями сложенными на шкафах, между шкафами и даже на сиденьях мягких кресел. Но вид их придавал кабинету особую значимость, так что даже коллеги профессора входили сюда почтительно, осторожно ступая по мягкому ковру, и говорили не иначе как вполголоса.

Теперь не стало ни ковра, ни кресел, ни массивного письменного стола. Шкафы вынесли в коридор, минералы сдали в музей, книги снесли в библиотеку. Торжественная тишина сменилась гудением приборов, лязгом инструмента, молодыми голосами лаборантов и инженеров.

Совсем другим был теперь и хозяин кабинета. В отличие от своего маститого предшественника, который любил сидеть в одиночестве, лишь время от времени вызывая к себе сотрудников, новый заведующий кафедрой перевел своих помощников поближе к себе. Ему не мешал ни шум приборов, ни деловой разговор. А нередко случалось так, что и сам доцент сбрасывал пиджак и становился за тиски или брал отвертку либо паяльник.

И это никого не удивляло. Это было столь же обычным, как и горячие споры, которые велись тут по вечерам и в которых на равных правах принимали участие все, начиная с заведующего кафедрой и кончая техниками-прибористами. Впрочем, сам Воронов при этом больше молчал, лишь направляя нить спора. Он вообще говорил мало, только тогда, когда этого требовало дело, и ровно столько, сколько необходимо было для дела. Болтунов, которые по любому вопросу могли говорить часами, он просто не терпел, и потому на факультете, особенно в последний год, за ним закрепилась слава молчальника. Зато работал Воронов, не считаясь ни с чем. Здесь, в кабинете, его можно было видеть и днем, и вечерами, и в воскресные дни, а иногда и в праздники.

Подстать себе он подобрал и помощников. Воронов был для них почти богом. Но это не мешало им держаться с ним просто, как с равным, с жаром отстаивать свою точку зрения на тот или иной вопрос, из которых слагалась общая проблема, решаемая кафедрой.

Проблема эта поставлена Вороновым. Она была новой и необычной. Новы и необычны были и методы ее решения. Десятки лет ученые-геологи знали о работах ученых-физиков так же мало, как ученые-физики о работах геологов. А между тем бились они нередко над одним и тем же, но шли своими путями, сталкивались при этом с неизбежными трудностями и становились иногда в тупик, разделенные резко очерченными границами своих наук.

Так было многие годы. Никто не решался перешагнуть этот рубеж. Никто не хотел ломать привычные формы работы. Но это становилось все более необходимым. Сам ход развития научной мысли пробивал в извечном барьере одну брешь за другой. Одной из них и стала выдвинутая Вороновым проблема- проблема изучения внутреннего строения минералов методом радиоспектроскопии.

Нельзя сказать, чтобы молодой заведующий кафедрой не представлял всех трудностей, которые встанут на этом пути. Однако то, с чем пришлось столкнуться в действительности, оказалось несравненно сложнее. Пришлось начинать с нуля, создать совершенно новую методику исследований, построить новые приборы, подготовить новые кадры. А главное, нужно было пробить ту стену недоверия, которая всегда встает перед новым и которая на геологическом факультете оказалась особенно прочной.

Единственным орудием в поле геологи привыкли считать молоток, а в лаборатории - микроскоп да паяльную трубку, и к новым методам заведующего кафедрой минералогии

слишком долгое время присматривались - кто с осторожностью, кто с недоверием, а кто и просто враждебно. Его считали фантазером. Над ним посмеивались. Его урезывали в средствах. Ему просто мешали. И надо было иметь железное упорство и неиссякаемую работоспособность, чтобы не сойти с избранного пути и уже в течение первых лет добиться таких осязаемых научных результатов, которые не только позволили выжить и утвердиться новой проблеме, но и получили всесоюзную, даже мировую известность.

Впрочем, не удалось бы это и Воронову, если бы не смог он с самого начала подобрать и спаять одной идеей дружный коллектив учеников и помощников, которые работали сейчас в его кабинете. Воронов это понимал, и потому не было дня, чтобы он не уделил всем им хотя бы несколько минут внимания. С этого начиналось почти каждое утро заведующего кафедрой.

Вот и сегодня, едва сняв плащ и шляпу и быстро, на ходу, отбросив назад густую копну светлорусых волос, он прямо от вешалки прошел в дальний угол кабинета и остановился возле одного из техников-монтажников.

- Ну, как с механизмом поворота, Борис?

- Вот, Юрий Дмитриевич, пожалуйста, - протянул тот Воронову чертеж.

- М-да... А ведь, пожалуй, так не пойдет. Кристалл должен поворачиваться в трех плоскостях. Понимаете? Обязательно в трех. Обдумайте еще раз. Ну, и не поленитесь покопаться в книгах. Не выйдет, вместе посмотрим.

Борис почесал в затылке и, взяв чертеж, направился в библиотеку. А Воронов прошел в другой конец кабинета и подсел к столу кристаллографа Бойцова, который уже несколько дней подряд моделировал сложную решетку дистена.

Это было нелегким, но интересным делом: разноцветные шарики различной величины, изображавшие ионы алюминия, кремния и кислорода, выстраивались в стройное пространственное сооружение, представляющее точную модель кристаллической решетки минерала. На первый взгляд это напоминало увлекательную игру. Но Воронов знал, сколько труда и упорства нужно для того, чтобы по нескольким математическим константам создать модель внутренней структуры кристалла, да еще такого капризного, как триклинный дистен. Поэтому беседа с Бойцовым затянулась. Пришлось перелистать не одну книгу и сделать не один десяток расчетов, прежде чем удалось уточнить некоторые детали структуры и заполнить все ячейки пространственной решетки.

Затем Воронов поговорил с обоими физиками, теоретиком Бергом и экспериментатором Степаненко, поинтересовался работой аспирантов и только после этого сел за свой стол.

Здесь его ждали письма. Работами Воронова интересовались не только минералоги и кристаллографы, но и физики, химики, оптики, металлурги. Новая проблема находила все больше последователей. Расширялся круг объектов исследования. Очевиднее становилась практическая ценность работы. Казалось, все складывалось как нельзя лучше. Но именно в последний год что-то словно надломилось в кипучей жизни заведующего кафедрой. Он помрачнел и замкнулся, стал еще более молчалив. Улыбка исчезла с его лица.

Разобрав почту, Воронов выбрал из пачки писем толстый конверт и отложил его в сторону. Затем придвинул свежие журналы и, взяв последний номер "Геохимии", начал просматривать оглавление. В это время к нему несмело подошел Борис:

- Юрий Дмитриевич, разрешите мне часа на два уйти с работы.

- Да, конечно, - ответил Воронов, не отрываясь от журнала, - а что у вас?

- Понимаете, жена приезжает из командировки. Надо бы ее встретить.

- Жена? - Воронов вдруг насупился, но тут же постарался улыбнуться. - Да, конечно, идите, встречайте. О чем здесь говорить...

Борис отошел к своему столу. А Воронов еще больше нахмурился. Пальцы его нервно забарабанили по столу. Журнал так и остался раскрытым на оглавлении.

Жена... Они познакомились поздней осенью, на пристани, случайно. А первое "люблю" он сказал ей весной, когда в низинах лежал еще снег, но с пригорков неслись уже ворчливые ручьи и в воздухе пахло оттаявшей землею.

Ему не было тогда и двадцати двух. Ей только что исполнилось девятнадцать. Он учился на втором курсе университета. Она работала на ткацкой фабрике и заканчивала седьмой класс вечерней школы. У него была лишь койка в общежитии и неукротимая вера в будущее. У нее - только синие, как васильки, глаза и огромная надежда на счастье. Но и этого было вполне достаточно, чтобы жизнь казалась им цветущим садом.

Через год Тоня закончила семилетку и поступила в строительный техникум. А на праздник Октября им кричали "горько" и в их честь звенели бокалы на свадебном столе, взятом на вечер у коменданта общежития.

И хотя стол этот, втиснутый меж раздвинутых кроватей, был явно тесен для такого количества гостей, на нем тем не менее оставалось много свободного места, куда можно было бы поставить не одну бутылку хорошего вина. Но какое это имело значение, если в круг собрались лучшие друзья и впереди целая жизнь.

Жизнь по-новому. Жизнь вдвоем. Каких дел наворочает он теперь! С каким упорством и веселой злостью будет добиваться своей цели! Везде и во всем. Только потому, что рядом с ним - она.

Прошло два года. Для Юрия они промчались незаметно. Это были годы нелегкого труда. Ведь он не только верил в будущее, но и знал, что это будущее надо завоевать самому. Ему мало было просто усвоить то, что предусматривалось программой, и сдать экзамены. Ему нужно было вобрать в себя все знания, какие необходимы "настоящему геологу". А в это понятие он вкладывал слишком многое. Тут и основы квантовой механики, и новейшие представления по физике твердого тела. Много из этого на геофаке не читалось. Приходилось самому рыться в книгах, слушать лекции на физмате, работать с ребятами-физиками в их лабораториях.

Не удивительно, что ему всегда не хватало времени. На счету была каждая минута. А ведь приходилось еще по крайней мере два в неделю ходить на пристань грузить дрова: кроме стипендии у Юрия не было никаких других доходов. Хорошо еще, что это можно делать по воскресеньям или ночью. Об отдыхе он не думал. Сам профессор Цагин, заведующий кафедрой теоретической физики, заинтересовался неугомонным студентом с геофака и пригласил его работать к себе на кафедру.

Свободные минуты приходилось урывать лишь за счет сна, и все они принадлежали Тоне. Только с ней, целуя ее глаза и перебирая мягкие, светлые, как лен, волосы, отвлекался он от квантовых чисел и парамагнитных ионов, переставал считать время и забывал обо всем на свете. В такие минуты он знал, что такое счастье. Только слишком редки были они, эти счастливые минуты, потому что жили они по-прежнему каждый в своем общежитии.

Университет был закончен с отличием и преимущественным правом выбора места работы. Юрию предложили должность в одном из столичных институтов с представлением комнаты в Москве. Кого бы не устроило такое назначение! Но Воронова оно не соблазнило. Больше года он работал над созданием оригинального прибора для изучения магнитных свойств минералов. С отъездом в Москву эту работу пришлось бы прекратить. А в местном научно-исследовательском институте прибором заинтересовались.

Помогло "преимущественное право выбора". Все устроилось как нельзя лучше. Но закончилось неожиданной ссорой с Тоней. Это было непонятно и больно. В первый раз Юрий не мог понять жены.

Однако прошло и это. В институте Юрию сразу дали место младшего научного сотрудника. Условия для работы в лаборатории оказались превосходными. А вскоре у них с Тоней появилась и комната. Небольшая, неудобная, но своя, отдельная, в которой наконец-то они были по-настоящему вместе.

И это было так необычно и трогательно, видеть Тоню "у себя дома", уходить от нее по утрам на работу, знать, что вечером она снова встретит в дверях... Но вот времени по-

прежнему не хватало. Прибор не ладился, и в институте начали уже поговаривать, не снять ли его с плана и не дать ли Юрию другую тему. А это означало конец всему, ради чего он остался здесь, чему решил посвятить свою жизнь.

И Юрий работал сверх всякой меры, даже ночью, когда жена уже спала, отчаявшись дождаться конца его "рабочего дня".

Сначала она его жалела. Потом стала сердиться. Наконец прямо заявила, что так жить нельзя. И он не мог не согласиться с этим, - но что станет с прибором?..

И он просил ее потерпеть, еще неделю, месяц... Однако неделя шла за неделей, месяц за месяцем, а он все так же сидел по вечерам над чертежами или шелкал логарифмической линейкой, или ходил из угла в угол по комнате и думал, думал...

В институте начали уже посмеиваться над Юрием. Тоня больше и слышать не хотела об этой "адской машине". Даже у Юрия начали появляться сомнения. Неужели все бросить, отказаться от своих замыслов? Но ведь прибор так нужен! И минералогам-практикам, и ученым, работающим над расшифровкой структур кристаллических решеток. А если сходить к Цагину? Или он тоже посмеется теперь над неудачами Юрия?

Но Цагин не только выслушал его, не только вник в идею прибора, но и помог самому Воронову увидеть ее по-новому. И Юрий снова, в двадцатый и в двадцать первый раз проверял расчеты. Снова чертил и перечерчивал схему прибора. Снова мерил шагами комнату, стараясь найти ошибку в конструкции. А время летело...

И все-таки настал день, когда прибор прошел последние испытания и получил "путевку в жизнь". Большей радости Юрий не испытывал никогда. Его поздравляли, в его честь говорили речи.

Веселый, возбужденный вбежал Юрий к себе домой:

- Все! Победа! Слышишь, Белка? Работает моя машина! Ра-бо-та-ет! - Он хотел обнять жену и вдруг увидел, что глаза ее полны слез.

Юрий застыл от неожиданности.

- Что с тобой?

Она заставила себя улыбнуться:

- Ничего... Просто устала я... всегда быть одной.

Сразу померкла радость. Юрий опустил на стул:

- Я знаю. Я виноват. Прибор отнимал у меня все время. Но теперь - все. Конец! Теперь и мы повеселимся, Белка!

- Да, милый, давно пора нам отдохнуть.

Но отдыхать и веселиться не пришлось. Прибор Юрия оказался ценнее, чем он сам думал. Им заинтересовались в университете, и Юрию предложили поступить в аспирантуру при кафедре минералогии. Он согласился, не раздумывая. Да и о чем тут думать! Ведь это и было то будущее, о котором он мечтал.

И снова понеслись дни, до предела заполненные учебой и работой. И снова постоянно не хватало времени. И снова ловил он на себе укоризненные взгляды Тони.

Но все проходит. Прошли и эти три года. Юрий защитил диссертацию и получил степень кандидата геолого-минералогических наук. Работа молодого ученого удостоилась высокой оценки. Исследуя магнитные свойства минералов, он нашел новый и очень эффективный путь выяснения внутреннего строения кристаллов. Члены Ученого совета единодушно высказались за продолжение этой многообещающей темы.

Юрия опять поздравляли, ему опять жали руки. Но он снова, как и три года назад, спешил домой, к жене.

Впрочем, теперь он уже не радовался, как мальчишка. Прошедшие годы сделали его сдержаннее и строже. Не говорил: "Теперь все, конец!", потому что защита диссертации никогда не бывает концом: чем она успешнее, тем более широкие горизонты раскрываются перед исследователем.

И Тоня поняла это без слов. Она не отвернулась, чтобы скрыть слезы, и Юрий не удивился этому. Видимо, ее собственная работа не доставляла ей такого удовлетворения. Но ведь это вполне поправимо, особенно сейчас.

- Ну, что ты, Белка! У тебя все впереди. Сын подрос. Поступай на вечернее отделение института. Главное, чтобы работа была по душе.

- Работа, работа! А жить когда?

- Жить? - Он даже растерялся от неожиданности. - Разве мы... плохо живем?

Тоня усмехнулась:

- Мы вообще не живем. И не жили еще. Совсем! Мы работаем. А жизнь проходит там! - Она кивнула на занавешенное окно, за которым, как обычно, слышалось неторопливое шарканье ног, смех, беспечный говор.

Юрий нахмурился. Этот шум мешал ему всегда. Сегодня же он был просто невыносим.

- Не знаю, что ты имеешь в виду, - сказал он глухо. - Но для меня жизнь - это, прежде всего, моя научная работа. Что же касается всякого рода развлечений и такого вот бессмысленного фланирования по улице, то я просто не умею этого делать. Может быть, это не совсем хорошо. Но ты знаешь, таким я был всегда...

По окончании аспирантуры Юрия оставили на кафедре. К научной работе прибавилась теперь учебная нагрузка. Через год он был уже доцентом. А еще через два, когда его учитель перешел в Академию наук, молодого ученого избрали по конкурсу на должность заведующего кафедрой минералогии и полезных ископаемых.

Новые обязанности, новые люди, а главное, новая проблематика требовали напряжения всех сил. И теперь уже не дни и недели, а целые месяцы летели так, что он терял им всякий счет.

А Тоня? Она не поступила в институт. Зато чрезвычайно увлеклась обстановкой новой квартиры. Потом - приобретением дачи. А затем начались бесконечные телефонные звонки. В квартире стали появляться незнакомые модные дамы.

И тут Тоне предложили поехать в Ленинград на курсы. Юрий ахнул, когда услышал об этом. Но ведь он сам всегда настаивал на том, чтобы она училась. И потом, ей действительно надо встряхнуться, походить по музеям, послушать хороших артистов. Она всегда мечтала об этом, а он так до сих пор и не выбрал времени свозить ее куда-нибудь.

Он сам купил ей билет, помог уложить чемодан, вызвал такси на вокзал. Просил не беспокоиться за них с сыном и даже не подал вида, как дрогнуло его сердце, когда она в последний раз махнула ему рукой из окна вагона.

Работа не давала Воронову думать о разлуке. День был заполнен до предела. Неожиданно выяснилось, что кое-кто на факультете не одобряет нового направления кафедры минералогии. Начались неприятности.

Но вечерами в опустевшей квартире его охватывала тоска по жене. И Юрий впервые понял, как грустно было, наверно, ей, когда он до глубокой ночи задерживался на работе. Понял и узнал, что время, которое всегда бежало с ним наперегонки, может вдруг остановиться, и писем можно ждать с таким же нетерпением, как результатов самого ответственного эксперимента.

А письма Тони стали приходить все реже и реже. Потом их не стало совсем. Юрий забеспокоился, решил немедленно ехать в Ленинград. Но заболел сынишка. И в то же время Бенецианов поставил перед Ученым советом вопрос о нецелесообразности разработки на факультете темы Воронова, о передаче ее физикам. С утра до ночи, забыв о сне и отдыхе, Юрий метался между кроватью больного сына и учреждениями, где решалась судьба новой проблемы. Борьба была тяжелой, пришлось дойти до парткома. И все-таки он победил. Выздоровел и сынишка...

И вот тогда пришло письмо. Короткое, в несколько строк:

"Прости, Юрий, но я поняла, что мы никогда не будем счастливы. Я нашла возможность устроить свою жизнь иначе. На днях приеду за сыном. Возьму его прямо из детского сада. Нам лучше не встречаться. Вещи вышли посылкой".

Через год она вернулась, - обманутая, покинутая, ищущая прощения. И все, казалось бы, потекло по-старому. Отношение Воронова к жене стало, пожалуй, даже внимательней, заботливее. Но это было уже велением разума, а не сердца. Та большая любовь, которая согревала его все годы жизни с Тоней, которая придавала ему силы, - эта любовь умерла. А вместе с ней умерло и нечто большее.

Все происшедшее поразило Воронова тем более жестоко, что сам он, будучи натурой цельной, всегда был высокого мнения о людях. И если Тоня смогла так легко обмануть его любовь, то что оставалось ждать от других... Теперь рядом с ним была просто жена - красивая, заботливая и... чужая.

Внешне мало что изменилось у него и на работе. Воронов был по-прежнему настойчив и требователен к себе и своим помощникам. Он все так же много работал. Но это была скорее инерция.

Впрочем, об этом никто не догадывался, - даже его помощники по кафедре. Дружный коллектив по-прежнему работал, как точный, хорошо отлаженный механизм. Начало меняться отношение к новой проблематике и со стороны некоторых других ученых факультета. И только сам Воронов не мог сбросить с себя душевного оцепенения и с прежней страстью отдаться любимому делу.

А между тем он отлично понимал, что одной инерции хватит ненадолго, и тщетно пытался вернуть себе прежнюю работоспособность...

Вот почему Юрий Дмитриевич так и не раскрыл сейчас журнал дальше оглавления.

Второй день занятий оказался трудным. Семинар по истории партии, физика, химия да еще и минералогия - сразу для одного дня было многовато. Поэтому на последнюю лекцию Люся шла уже без особого нетерпения. К тому же после первых лекций по физике и химии трудно ожидать чего-то интересного от минералогии, науки, по-видимому, сухой и скучной.

Не понравилась ей и минералогическая аудитория. Здесь не было ни картин, ни приборов. На стенах висели только таблицы с длинными рядами цифр да какими-то замысловатыми кривыми. В шкафах поблескивали однообразные модели пространственных решеток. А всю заднюю стену занимали высокие стеллажи с лотками, в которых хранились коллекции минералов.

Но самое неприятное впечатление производил лекционный ассистент. Длинный и нескладный, он, словно цербер, стоял у преподавательского стола, никого не подпуская к разложенным минералам.

Раздался звонок, и через минуту в аудиторию вошел Воронов.

"Так вот он какой, мятежный доцент..." - сказала себе Люся, рассматривая заведующего кафедрой минералогии, о котором Саша говорил вчера как о некоем титане, грозящем перевернуть всю геологию. Она и представляла его, как сказочного исполина, с горящими глазами и громовым голосом.

А в аудиторию вошел самый обыкновенный, чуть сутуловатый мужчина в простом черном костюме, с мягкой, почти застенчивой улыбкой. На вид ему было не больше тридцати пяти, но в густых, откинутых назад волосах уже заметно пробивалась седина, и глаза смотрели устало, будто позади долгая тяжелая жизнь. Читая лекцию, Воронов медленно прохаживался по аудитории, то подходя к доске, то останавливаясь у шкафов с решетками. Иногда он проходил между рядами столов и даже заглядывал в студенческие тетради.

Голос его звучал негромко, но все, о чем говорил он, было настолько ново и необычно, что воспринималось, как удивительная повесть, которую можно слушать и слушать без конца.

В отличие от иных ученых, Воронов не считал занятия со студентами досадной потерей времени. Больше того, он любил эти занятия. Ему доставляло большую радость видеть, как разгораются лица студентов, как начинают блестеть глаза, когда он развертывал перед слушателями все новые и новые горизонты науки о минералах и вел их все дальше и дальше в сложный мир кристаллических структур и атомов. Поэтому Воронов заново готовился к

каждой лекции и читал их с таким воодушевлением, как будто все, что он преподносил студентам, было для него так же ново и необычно, как и для них самих.

Впрочем, нередко так оно и оказывалось. Многое из того, что студенты слышали от него на лекциях, было только что получено в лаборатории его кафедры. А случалось и так, что где-нибудь в конце семестра он вдруг возвращался к старой теме, чтобы рассказать, как ошибочны были его взгляды по тому или иному вопросу, изложенному в начале курса, и как они изменились в результате удачно поставленного эксперимента.

И надо видеть, с каким вниманием слушали это студенты: ведь они присутствовали при решении научной проблемы, а иногда и сами становились искателями, ибо на некоторые вопросы Воронов сознательно не давал ответов, предлагая найти их своим слушателям.

Так было всегда. Но в последний год и лекции его стали скучнее, суше. В них стало меньше тех блестящих шуток и броских неожиданных сравнений, которые передавались студентами из курса в курс и долго вспоминались выпускниками университета где-нибудь в далекой Сибири или на Крайнем Севере. Да и сам Воронов как-то потускнел и будто отдалился от студентов.

Но все это тоже видел, пожалуй, только он сам. Студенты по-прежнему встречали его с восторгом. Они не хотели замечать никаких перемен. И, может быть, как раз поэтому теперь он лучше всего чувствовал себя именно в студенческой аудитории.

Так и сегодня. Достаточно было ему войти в аудиторию и увидеть десятки устремленных на него глаз, как в душе словно что-то отлегло, и он невольно улыбнулся, включаясь в привычную деловую обстановку занятий.

Тихий шорох перелистываемых страниц, поскрипывание стульев и весь этот сдержанно торопливый шумок, предшествующий началу лекции, действовали на него лучше всяких успокаивающих средств.

Но вот все стихло. Воронов оглядел аудиторию. Она была уже знакомой. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы оценить настроение студентов. А оно бывает разным: и выжидающе изучающим, и возбужденно настороженным, и откровенно насмешливым. И надо уметь быстро и безошибочно найти тот верный тон, который следует взять в самом начале лекции, чтобы сразу овладеть аудиторией, подчинить себе ее внимание. Иначе даже хорошо подготовленная лекция пойдет комом, и будет очень трудно заставить слушать себя эту ораву живых, легко увлекающихся молодых людей, которые следят за каждым твоим шагом, жестом, словом и не прощают ни малейшей оплошности.

Впрочем, для Воронова все это было позади. Он взял мелок и, выйдя из-за кафедры, хотел уже продолжить начатую в прошлый раз тему, как вдруг заметил новое лицо. Девушку, сидящую во втором ряду, у окна, он как будто не видел еще ни разу. Или ему так показалось?..

Рука с мелком опустилась, и несколько мгновений Воронов молчал, как бы в раздумье. Аудитория насторожилась. Тогда он шагнул к доске и заговорил, как обычно, ровным, твердым голосом:

- На прошлой лекции мы с вами подошли к одному интересному явлению, наблюдаемому в окраске минералов. Это явление носит название плеохроизма...

Послышался скрип перьев. Воронов сделал небольшую паузу. Чем же все-таки привлекло его лицо той девушки? Только тем, что он видит ее впервые? Воронов снова посмотрел на студентку. Ничего особенного: острые худые плечи, коротко постриженные волосы, белый воротничок на платье...

Воронов скользнул взглядом по аудитории. Головы студентов начали приподниматься от тетрадей. Можно продолжать дальше.

Когда он снова взглянул во второй ряд, девушка с белым воротничком отложила карандаш. Теперь Воронов мог рассмотреть ее лицо - тонкое, чуть удлинненное, немного бледное. Оно будто светилося белизною под пышной россыпью волос, отливающих темной бронзой, и оттого казалось почти прозрачным.

Воронов прошелся меж рядов и снова задержал свой взгляд на незнакомке. За годы работы в университете перед глазами его прошло немало девичьих лиц. И скромных, и застенчивых, и привлекательных, и очень красивых. Но сейчас... Воронов, едва ли признался бы в этом самому себе, но он только и ждал, чтобы она подняла голову, и он снова мог увидеть ее глаза. Они были опущены к тетради. Тогда Воронов сказал:

- Явление плеохроизма удобнее всего наблюдать под микроскопом. Представьте себе кристалл минерала... - Он подошел к доске и, начертив скошенную призму кристалла, обернулся к аудитории: на него снова смотрели большие, ясные, как небо, глаза. Голос Воронова зазвучал с новой силой:

- Пусть это будет кристалл роговой обманки. При положении, изображенном на доске, мы увидим его окрашенным в сине-зеленый цвет. Однако стоит повернуть столик микроскопа, как тот же кристалл окажется светло-желтым.

Воронов показал, как меняется при этом поглощение соответствующих лучей спектра, и продолжал:

- При том же положении граней кристалл минерала катафорита изменит окраску с желтовато-красной на зеленовато-бурую.

Он снова показал схему поглощения световых колебаний и отошел от доски.

- Еще более интересную смену цветов можно наблюдать у минерала глаукофана. Представьте ясное безоблачное небо, постепенно заливаемое фиолетово-красным огнем заката. Вот так же от голубой, почти синей, до яркой красно-фиолетовой меняется окраска щелочного амфибола глаукофана.

Воронов чуть помолчал, будто присматриваясь к нарисованной им картине, затем спросил:

- А не приходилось вам бывать на море? Если приходилось, вы, наверное, видели, как меняется цвет морской глади, когда солнце вдруг скроется за тучу. Из голубой, почти синей, она становится сине-зеленой и даже зеленой. Так меняется цвет минерала рибекита.

Он посмотрел в окно, на пожелтевшие деревья в сквере:

- Ну, и все вы, конечно, наблюдали, как переодевается с приходом осени береза. Ее изумрудно-зеленая листва меняется почти на глазах. Но не блекнет, а словно обновляется. И приобретает такую чистую окраску, будто ее подзолотило само солнце. Вот так же ведет себя пироксен федоровит...

Люся отодвинула тетрадь в сторону. Вот тебе и скучная наука! Она ожидала потока цифр и химических формул, а в аудитории шумело море, горел закат, шелестела листва деревьев.

Минералы - эти холодные неодоушевленные камни, которые казались прямой противоположностью живым цветам, траве, деревьям, вдруг словно ожили. Тончайшие всплески энергии заструились под действием квантов света по ажурным конструкциям кристаллических решеток, вызывая в глазах людей то, что называют красной, фиолетовой или золотистой окраской.

Но сколько превращений испытывал световой луч, прежде чем вырваться из лабиринта ионных построек! Немудрено, что окраска минерала то горела ровным пламенем, то рвалась сверкающим потоком, будто из самых глубин камня, то мерцала и переливалась всеми цветами радуги, создавая неповторимую игру света на всей поверхности.

И обо всем этом Воронов не просто рассказывал. Он тут же, по ходу лекции, быстро размалывал кристалл темно-синего галита в порошок, и порошок оказывался снежно-белым. Или направлял луч электрического света на изумрудно-зеленый александрит, и тот становился зловеще-красным. Или чертил по фарфоровой пластинке латунно-желтым пиритом, и все с удивлением убеждались, что черта была зеленовато-черной.

А когда включили люминоскоп и какой-то серый, совсем невзрачный минерал под действием невидимых ультрафиолетовых лучей окрасился в мягкий бархатисто-голубой цвет, Люся чуть не вскрикнула от изумления.

- Ой, что это за минерал? Я не расслышала, - шепнула она сидящему рядом Ивану.

- Это шеелит, - обернулся тот. - А почему вы не пишете? В учебнике не все найдешь.

- Да я... Все равно ведь мне надо с начала переписывать, - смутилась Люся и придвинула тетрадь.

Но в коридоре уже послышался звонок. Воронов поинтересовался, все ли ясно, и вышел из аудитории.

Ребята с шумом поднялись. Иван принялся заполнять рапорт посещаемости. Мимо торопливо прошла Таня, за ней - Наташа с Аллой, а Люся все еще не двигалась с места.

Кто-то легонько тронул ее за плечо:

- Ну как? Сила?

Возле нее стоял Саша.

- Да. Я и не думала, что минералогия...

- Не в том дело! - перебил Саша. - Думаешь, если б минералогию читал Камбала, ты услышала бы что-нибудь такое!

- Камбала? Что за камбала?

- Завтра узнаешь, - ответил Саша. - Ну, всего!

Он подхватил сумку и помчался к двери.

Домой Люся шла медленно. Вот она и студентка, уже совсем взрослая девушка, и окружают ее не мальчишки и девчонки, а тоже взрослые самостоятельные люди. Такие разные и такие непонятные. Как-то сложатся ее отношения с ними? И сколько пройдет времени, прежде чем она почувствует себя здесь так же просто и уверенно, как в школе?

А преподаватели, которым нет, кажется, никакого дела до своих слушателей! А сами лекции, каждая из которых длится восемьдесят минут, и которые надо успеть понять и записать, и на которых нельзя задать ни одного вопроса вплоть до самого звонка. Как не похоже все это на привычные школьные занятия. Недаром отец писал: "Школа это еще тихая заводь, университет - уже море..." Милый, дорогой папка! Он был уверен, что в школе все у нее было тихо и спокойно. Но ведь это совсем не так...

В школе Люся никогда не была в числе тех, кого называют "первый ученик", "заводила", "душа класса" или что-нибудь в этом роде. В журнале против ее фамилии стояли и пятерки и тройки. На собраниях и сборах она садилась обычно где-нибудь подальше, в уголке, говорила редко и мало. На вечерах старалась не выделяться. В мастерской и на школьном участке работала молча, ни с кем не спорила, хотя и делала все по-своему.

Естественно поэтому, что среди подруг она казалась незаметной. Не пользовалась как будто успехом и у мальчишек. Во всяком случае, по ней не вздыхали, ей не писали записок и не пытались приглашать в кино.

Люся и не удивлялась этому. В классе было столько умных, красивых, интересных девочек. Но мальчишки - самые обыкновенные, интересы которых ограничивались, пожалуй, достоинствами центра нападения местной команды.

А Люся мечтала всегда о людях необыкновенных. Недаром любимым героем ее был поэт Байрон. Даже на столе у нее стоял портрет мятежного лорда.

Не удивительно, что и в жизни Люся старалась найти людей своей мечты. Такими были, наверно, ее отец и мать. Таким был, может быть, их учитель математики. И, конечно же, - друг отца, заведующий краеведческим музеем Александр Павлович Голиков, бывший председатель военно-революционного комитета и командир партизанского отряда.

А вот среди ребят своей школы, да и своего двора Люся таких людей не встречала. Был, правда, Коля Старкин из десятого "Б", который считался самым способным и самым талантливым мальчиком в школе. Он ей нравился. И одно время она готова была считать его почти необыкновенным человеком. Но тот опередил ее, заявив как-то, незадолго до окончания школы:

- Ты, Люся, прости меня. Сама понимаешь. Я в некотором роде человек выдающийся. А ты... Ну, что в тебе такого особенного?..

На следующей неделе он уже провожал с катка Машу Кротову и, говорят, преподнес ей стихи. И это после того, как твердил Люсе о "вечной дружбе", мечтал вместе с ней пойти на геофак и даже - смешно вспомнить! - назначил однажды ей свидание в парке. А теперь вот

он укатил в Москву, где его "устроили" на факультет журналистики. Люся не удивилась этому. Журналистика, пожалуй, больше подходит Коле.

Одним словом, мечты остались мечтами. Так было в школе. А как будет теперь, в университете?..

5. КАМБАЛА

На этот раз Люся вышла из дому раньше, чем вчера.

Но по дороге встретился Вася Егоров - они не виделись почти все лето - и звонок снова застал ее на лестнице.

А ведь сегодня первую лекцию должен читать профессор Бенецианов. Люся бегом поднялась по лестнице, миновала левое крыло коридора. Вот и тридцатая! Дверь открыта, значит, не опоздала! С бьющимся сердцем переступила порог аудитории. Но... Все места были заняты. Что же делать? Снова искать Сашу?

Она дошла до последнего ряда в надежде увидеть хоть приставной стул.

- Девчонки, двигайтесь! - Рослая полнолицая девушка властно махнула рукой, и с краю освободилось место. - Садись, - кивнула она Люсе. - На геологии- наши законные места.

- Спасибо. - Люся перевела дыхание и огляделась. Большинство ей были уже знакомы. Вон там, в соседнем ряду, мелькает вихрастая голова Саши. А рядом с ним Наташа. По другую сторону от Наташи - Алла Дубровина, чуть поодаль - Иван, и тут же Таня.

Люся посмотрела в другой конец аудитории. Там громко рассказывал что-то смешное худой широкоскулый парень с лихо закрученным чубом. А неподалеку от него скучал красивый темноглазый юноша в новом щегольском костюме и ярком галстуке.

"Кажется, Валерий..." - вспомнила Люся и перевела взгляд на свою соседку, статную дивчину с высокой грудью и крупными мужскими руками: та сосредоточенно рылась в сумке. В это время все шумно встали - в аудиторию вошел, чуть волоча ногу, невысокий грузный мужчина с коротко постриженными усами. Не поднимая глаз на студентов, он махнул рукой. Все сели.

- Ну-с! - проговорил Бенецианов и, достав из грудного кармана очки, медленно помахал ими в воздухе. Затем раскрыл пухлую тетрадь с конспектами.

- Те-е-емой сегодняшней лекции... - начал он почему-то нараспев.

Люся пододвинула тетрадь и приготовилась записывать. Но это оказалось не так просто. Странная манера профессора читать нараспев не давала сосредоточиться. Она посмотрела по сторонам. Писали, оказывается, не все. Соседка Люси старательно выводила на промокашке большущую камбалу. Сидящая за ней девушка, красивая остроглазая брюнетка, строчила какую-то записку, переглядываясь украдкой с пижоном в ярком галстуке. Саша что-то быстро шептал Наташе с Аллой.

Бенецианов продолжал читать, не повышая и не понижая голоса.

- При-и-имером чисто гранитных интрузий может служить Белтаушский плутон. Это ма-а-агматическое тело...

Раздался приглушенный смех. Бенецианов, резко вскинув голову, сорвал очки.

- Та-а-ак... - протянул он. - Что это вас так развеселило?

Он смотрел на девушек, сидевших рядом с Сашей.

- Нужно вста-а-ать, когда с вами разговаривает профессор.

Алла и Наташа неловко поднялись.

- Ну-с, отчего же вам так весело?

Девушки молчали, все больше краснея под пристальным взглядом Бенецианова.

- Значит, будем молчать? Прекрасно! Как вас величать изволите?

Алла произнесла чуть слышно:

- Я... Дуб... Дубровина.

- Северина, - быстро проговорила Наташа.

- Гм... - Северина... Что же, так и запишем. - И к величайшему изумлению Люси он раскрыл записную книжку и начал было действительно что-то в ней записывать. Но рядом с девушками поднялась вихрастая голова Саши.

- Простите, профессор, это я виноват, - проговорил он, глядя в глаза Бенецианову.

- Что?! - повысил тот голос.

- Это я виноват, что они засмеялись.

- Ах вот как! Вы на этом настаиваете? Что же, запишем.

- Пишите! Фамилия - Степанов. Инициалы - А. А.

- Вас тоже не интересует геология, Степанов А. А.? На лекциях предпочитаете рассказывать анекдоты?

- Ничего подобного! - возразил Саша. - Я сказал, что в Белтаушском массиве встречаются и щелочные породы. А вы говорите...

- Как вы сказали? Какие породы?

- Ну, хотя бы нефелиновые сиениты.

- Нефелиновые сиениты! Откуда вам известно, молодой человек? И что вообще вы знаете о породах? До сих пор петрографию магматических пород проходили у нас на третьем курсе. Или я ошибаюсь?

- Я работал на Белтаушском массиве, - пояснил Саша.

- И что же вы там делали, если не секрет?

- Работал в съемочной партии.

- Ах вот как! И в каком качестве, позвольте полюбопытствовать?

- Я был рабочим, - ответил Саша.

- Похвально! Оч-чень похвально! И это дает вам право, вы полагаете, не слушать лекций по геологии? Что же, примем к сведению...

В аудитории нависла тишина. Бенецианов надел очки.

- Ну-с, так на чем мы остановились? Ах да! Примером чисто гранитных интрузий является Белтаушский плутон. Такое тело...

Но Люся, взволнованная всем происшедшим, не могла больше слушать.

- Он что, всегда такой? - шепнула она соседке.

- Кто?

- Профессор.

- А-а, Камбала!

- Почему Камбала? Вы его так прозвали?

- Зачем мы! Весь факультет так зовет. А разве не верно? Камбала настоящая! И как это угораздило Наташку? Ведь он свой кондуит до самых экзаменов бережет. А там - здравствуйте, пожалуйста! Получай тройку и - прощай стипендия. И Алка тоже попалась. Но Сашка молодец! А вот Жорик хоть бы что! Сидит ухмыляется.

- Какой Жорик?

- А вон, рядом с Алкой, дружок ее. Вот он сейчас обернулся.

- Тот, с кошачьей мордочкой? - спросила Люся.

- Ну да! - Соседка затряслась в беззвучном смехе. - Здорово придумала! В самом деле, вылитый котенок! И глаза, будто масляные. Он и говорит, как мурлычет... А ты у нас недавно?

- Да, я болела.

- Значит, никого еще не знаешь? Ну смотри! Этот вон - в гимнастерке, неподалеку от Саши - староста группы Кравцов. А рядом с ним - комсорг Витя Беленький.

Люся не поняла:

- Почему беленький?

Рядом с Кравцовым сидел и старательно записывал лекцию смуглый темноволосый паренек.

- Такая у него фамилия. А там вон, в первом ряду, с краю - тоже начальство. Профорг! Фарид Ибрагимов. Заноза! Зато рядом с ним - золото-парень: Костя Славин. Перворазрядник! Силища - во! А душа - котенка не обидит. Вот и все наши знаменитости... Тебя-то как зовут?

- Люся.

- Меня - Света. - Соседка дружески толкнула ее плечом. - А то сидим час и не знаем друг друга... - Меня от его лекции, - кивнула она в сторону Бенедианова, - в сон клонит. Честное слово! Как начнет выводить рулады, глаза слипаются. Поэтому я и сажусь на последний ряд. Тут хоть поболтать можно. А что у нас после геологии?

- Не знаю.

- Ну да, ты же всего второй день... Вика! - повернулась она к своей соседке, которая снова строчила записку. - Что у нас после геологии?

- Практика по минералогии, кажется.

- А, Петруша камни принесет.

- Петруша?

- Это ассистент Воронова, - пояснила Света, - Петр Ильич Ларин. Практику ведет. Симпатия! Правда, шибко умного любит из себя строить. Ну, да мы его раскусили: покричит, покричит и остынет. Ты ему только не перечь. А этот вон пижон, между прочим, в расписном галстучке, - его родной братец. Так что, в случае чего... Недаром Вика полтетради на записки извела. А в общем, практику я люблю. Сама увидишь...

Обстановка на практических занятиях была совсем иная. За несколько минут Петр Ильич рассказал о новых минералах, и все разбились на группы, взяв по лотку образцов. Теперь можно было делать что угодно: смотреть минералы, читать учебник, обсуждать последние факультетские новости, даже писать письма. В процесс "самостоятельной работы над каменным материалом" Петр Ильич не вмешивался.

Люся подсела к Светлане и, заглянув в лоток, выбрала там два блестящих кроваво-красных камня. "Прустит" и "пираргирит", - значилось на этикетках. "Так... Цвет ярко-красный... Еще бы! Спайность отчетливая... Это понятно. Блеск алмазный... А это что значит?"

- Света, как понимать алмазный блеск?

- Этого нельзя понять, - заявила Света. - Seriously! Так Петруша и сказал прошлый раз: объяснить это словами невозможно. Ты вот знаешь, какой бывает соленый вкус? Знаешь! А сладкий? Тоже знаешь! А вот объясни, какая между ними разница? Не можешь? Так и тут. Просто привыкнуть надо. Он так и сказал: через два-три занятия привыкнете. Только я до сих пор не разбираю, где стеклянный, где алмазный. Попробуй, отличи! Верно, девочки? - обратилась она к сидящим рядом Наде и Любе, двум неразлучным подругам, которые, как заметила Люся, повсюду ходили за Светой, не отставая от нее ни на шаг. Те поспешно согласились.

- Но, вообще-то, все это ерунда! - снова заговорила Света. - Главное - формулы вызубрить и всякую там спайность и твердость. Эх, знать бы мне минералы, как Сашка. Ни о чем бы не надо было думать.

- Он знает?

- Еще бы! У него отец геолог. И сам где-то по Сибири года два с ним лазил. А минералов там навалом.

- Вот как! - Люся отыскала глазами Сашу. Он стоял у окна с Иваном и Костей Славным. Они о чем-то ожесточенно спорили.

- А я вам говорю, что дело совсем не в этом! - доказывал Саша.

- Так давай спросим Петра Ильича, - предложил Иван.

- Давай.

- Петр Ильич, - обратился Костя, - скажите, почему все атомы в природе соединены друг с другом?

- То есть?

- Ну, почему вокруг нас - минералы, всякие предметы, вещи, а не отдельные атомы?
- Но это же элементарно! Атомы образуют ионы. А поскольку заряды у них разноименны, то, естественно...

- Это нам понятно, - сказал Иван. - А почему атомы образуют ионы?

- Как почему? Разве вы не знаете, что атомы металлов, например, могут терять часть своих электронов и превращаться, таким образом, в положительно заряженные катионы, а неметаллы, наоборот...

- Это мы тоже знаем. А почему они теряют электроны? - допытывался Иван.

- Да. Оставались бы себе нейтральными, со всеми своими электронами, - заметил Костя.

- Ну, такова уж природа атомов. Таковы их свойства, так сказать.

- Но должна же быть, все-таки, причина, - не отступал Саша.

- Гм... Причина! - Петр Ильич бросил карандаш на стол. - Причина, безусловно, существует, известная или еще не известная науке. Но мы с вами не физики, чтобы вникать в такие тонкости.

- Просто интересно...

- Интересного на свете много. Но нельзя объять необъятного, - улыбнулся Петр Ильич. - У нас и своих проблем больше чем достаточно. Давайте не отвлекаться. - Он снова уткнулся в рукопись.

Ребята вполголоса продолжали спорить между собой. Света рядом с Люсей бубнила под нос формулы. Так прошло с полчаса.

Но вот Светлана с шумом захлопнула учебник:

- Не могу больше. Скучища!

- Нет, почему же? - сказала Люся. - Вот смотри. Сначала мне казалось, что прустит не отличить от пираргирита. Оказывается, можно. Пираргирит темнее. Значительно темнее!

- А аргентит с халькозином?

- И аргентит от халькозина можно отличить. Видишь эти зеленые налеты? Вот здесь. И тут. И на этом образце. Только на халькозине...

Света махнула рукой:

- Все равно - муть! - Она зевнула. - Я где-то читала, что иностранный язык можно сейчас учить во сне. Вот бы минералогию так же! Верно, девочки?

Надя с Любой согласно кивнули. Света взглянула на часы:

- Ну, еще немного. Зато на математике... Вот где потеха будет!

- Почему потеха? - удивилась Люся.

- Увидишь...

Высшая математика... Люся еще в школе прониклась уважением к этой науке всех наук и сейчас, перед лекцией, думала лишь о том, как бы сесть поближе к доске.

В аудитории было еще пусто, и она положила сумочку в первом ряду. Но Света потянула ее за рукав:

- Зачем? Пойдем назад! Там свободно. И другим девчонкам займем.

- Как назад? Это же математика.

- Ну и что? Цоя ты не видела! - и, поймав недоуменный взгляд Люси, - ой, забыла! Конечно, ты его не видела. Вот и слушай меня. Пойдем назад! А здесь и посмеяться нельзя, и от смеха не удержишься.

Люся ничего не понимала:

- Нет, я все-таки сяду здесь.

- Как хочешь.

В первом ряду положили свои книги Саша, Иван и еще несколько ребят. Остальные с боем занимали задние столы.

Едва прозвенел звонок, Люся вынула из сумочки тетрадь и оглянулась на дверь. Там еще толпились ребята. Никто из них, казалось, и не собирался входить в аудиторию.

Так прошло две-три минуты. Неожиданно все хлынуло на места. В распахнутую дверь как-то боком, сутулясь, вошел немолодой худощавый мужчина в больших роговых очках и с пузатым портфелем под мышкой. Волосы его были взлохмачены, пиджак и брюки сильно выпачканы мелом. Он быстро прошел к кафедре, бросил на стол портфель и громко, стараясь перекричать стоящий в аудитории шум, проговорил:

- Здравствуйте, товарищи!

- Здравствуйте, товарищ Цой, - ответил нестройный гул голосов.

После этого Цой подошел к доске и, не оборачиваясь к аудитории, как бы в раздумье произнес:

- На цем зе мы с вами остановились?

И так как никто ему не ответил, он взлохматил всей пятерней и без того взлохмаченные волосы и решительно объявил:

- Возьмем эту вот теорему. - И руки его быстро замелькали по доске, выписывая буквы и цифры.

Но что это за теорема? Что тут дано и что требуется доказать? Люся с надеждой ожидала объяснений Цоя. Но тот все писал и писал, и вот уже начал стирать написанное. Тогда Люся решила поскорее переписать в тет-радь, чтобы разобраться после. Но Цой писал невероятно быстро. При этом почти ничего не объяснял, а только ерошил время от времени волосы и громко вопрошал:

- Так, ум-м? - последний звук он произносил бесподобно, с резким свистящим придыханием, напоминавшим шмыганье носом, что неизменно вызывало смех в аудитории. Цой не обращал на это ни малейшего внимания.

- Так! - отвечал он сам себе после небольшой паузы и тут же добавлял: - Посли дальсе!

И снова на доске выстраивались длинные ряды формул. И снова Люся не успевала переписывать их в тетрадь. Наконец, исписав больше пяти страниц, ничего не поняв и окончательно отстав от Цоя, она беспомощно оглянулась.

Но что это? Многие студенты, оказывается, и не раскрывали тетрадей, а некоторые даже не смотрели на доску. В первом ряду писали только Саша, Иван и Фарид. Люся повернулась к доске. Правая рука Цоя непрерывно выписывала длинные ряды алгебраических выражений, а левая почти сейчас же стирала их. Он продолжал приговаривать:

- Так, ум-м? Так! Посли дальсе.

Люся уже и не пыталась писать.

Вдруг руки Цоя остановились. Он отступил на шаг от доски и молча уставился на только что написанные строки.

- Цто зе у нас получилось, ум-м? - шмыгнул он громче обычного, и Люся невольно улыбнулась.

- Цертовссына какая-то... - неожиданно сказал себе Цой под громкий хохот всего зала и начал быстро исправлять последнюю формулу. Потом снова отошел от доски и почесал у себя в затылке:

- Сплосная цертовссына!

Смех усилился. А Цой решительно махнул рукой и, подойдя к доске, начал торопливо стирать все написанное прямо ладонью:

- А на црта это вам нужно! Вы зе геологи.

Это было уже сверх всякой меры. Аудитория стонала от хохота. Смеялись все: Смеялся Саша, зажав лицо руками. Смеялся Иван, опустив голову на крышку стола. У Люси от смеха на глаза навернулись слезы.

И только Цой, как ни в чем не бывало, отер руки о полы пиджака ("Так вот почему он весь в мелу", - успела подумать Люся) и начал снова выписывать длинные ряды знаков, все чаще повторяя:

- Так, ум-м? Так! Посли дальсе.

Но уже заливался в коридоре звонок, и ребята с шумом вставали с мест, не ожидая, когда Цой допишет последнюю строку, схватит портфель и рысцой побежит к двери, бросая на ходу:

- До свидания, товарищи!

Из аудитории выходили довольные, будто с хорошего веселого спектакля.

- Ну и Цой!

- Во дает! - слышалось со всех сторон, и только Саша с Иваном расстроенно хмурились.

- Совсем запутался! - говорил Иван, сердито вороша листы учебника. - Прошлый раз хоть кое-что было понятно, а сейчас... Даже в книге такого не найду.

Саша махнул рукой:

- Пойдем, Ваня, после разберемся. А в общем-то кончать с этим надо. Так дело не пойдет! Цой нас научит...

- И чего ты, Сашка, бузишь? - неожиданно вступил в разговор подошедший к ним парень с чубом. - Математику сдадим запросто! Вы знаете, как Цой принимает? В прошлом году, говорят, никто ничего не знал, и ни одного завала не было.

- Да что нам до того, как он принимает! - возразил Саша. - Ты это, Колька, брось! Какой толк, если знать ничего не будем! Сам-то ты понял что-нибудь сегодня?

- Я? Очень нужно! Пусть в этой мути физматовцы копаются. Они же вообще... - Колька выразительно крутнул пальцем у себя над головой.

- Нет, Краев, не скажи так! - вмешался Фарид Ибрагимов.

К Люсе подошла Светлана:

- Ну как, здорово?

- Здорово-то здорово. Но разве можно так, на математике?..

- Ладно хоть на математике отдыхаем. А то в физике- разбирайся, в химии - разбирайся, минералогию - зубри!

- Так и в математике придется разбираться.

- Нет, у нас математику за предмет не считают. Слышала, что Колька говорил? А ты в какую секцию запишешься?

По физкультуре?

- Да... Мы все в гимнастическую записались.

- Ну, и я с вами. Я занималась немного гимнастикой.

- А для меня это - гроб! Хуже минералогии. На брусках ведь заставляют. Ну, пойдем в раздевалку.

После небольшой разминки ребята пошли к перекладине, а девушки остались у брусьев. Тренер Ольга Никитична усадила всех на скамеечку вдоль стены и, заложив руки за спину, медленно прошла перед ними:

- Повторим упражнение, которое разобрали на прошлом занятии. Сейчас я покажу вам еще раз. - Она подошла к брусьям и медленно, не переставая делать пояснения, проделала все упражнение.

Девушки внимательно следили за ее движениями.

- Теперь в темпе! - Она рывком послала ноги вперед и так стремительно перенесла их через верхнюю жердь, что Вика даже ойкнула и толкнула Люсю в бок.

Люся кивнула:

- Хорошо!

Отойдя от брусьев, Ольга Никитична поправила прическу:

- Начали! - Она посмотрела на притихших девчат. - Давайте, Горюнова.

Света неловко, пригнувшись, подошла к брусьям и, поплевав на руки, ухватила за жердь. Брусья жалобно скрипнули.

- Ничего себе! - засмеялся кто-то из мальчишек. Света сильно раскачалась, подбросила ноги вверх и... мешком свалилась на мат.

Мальчишки загоготали. Ольга Никитична помогла ей встать:

- Ничего! Еще раз попробуем.

- Нет уж, пусть кто-нибудь другой пробует! - Света, красная от смущения, вернулась на скамейку и села рядом с Люсей.

- Тогда давайте вы! - пригласила Ольга Никитична Вику.

Та легко сделала первую часть упражнения, но перевернуться не решилась и только с помощью Ольги Никитичны перекинула ноги через жердь.

- Ничего! - подбодрила ее преподаватель. - Теперь Крылова!

Но Люба лишь подтянулась, поболтала немного ногами и спрыгнула с брусьев. Ребята смеялись все громче.

Подошла очередь Тане. Она медленно приблизилась к брусьям и остановилась. Чувствовалось, что ей это тоже в новинку.

- Вам помочь? - предложила Ольга Никитична.

- Нет-нет! Я сама. - И Таня выполнила упражнение, не пропустив ни одного элемента. Лишь мелкие капли пота на лбу да учащенное дыхание показывали, как трудно далось ей это. Света чуть слышно вздохнула.

Алла и Надя сделали упражнение без труда: видимо, занимались гимнастикой давно. И все же движения их были неуверенными. Зато когда к брусьям подошла Наташа и свободно, без малейшего напряжения взвилась в воздух, прочертив ногами стремительную кривую, а затем замерла на нижней жерди, четко выбросив в сторону руку и до предела оттянув прямую, словно выточенную, ногу, Люся невольно залюбовалась чистотой ее движений и всей ее безукоризненно сложенной фигурой.

Наташа сделала изящный соскок и не торопясь прошла на свое место, не обращая внимания на восторги с противоположного конца зала.

- Ну, а вы, кажется, в первый раз? - обратилась Ольга Никитична к Люсе.

Люся встала.

- Сможете выполнить упражнение?

- Да, когда-то я делала его.

Люся нерешительно переступила с ноги на ногу. "Не надо слишком стараться", - сказала она себе. Но знакомое волнение уже заставило привычно подтянуться. Руки машинально ухватились за жердь. И как только ноги оторвались от пола и послушно пошли вперед, тело помимо воли вытянулось в упругую струну, а руки плотно прижались локтями к бокам, готовые бросить его ввысь.

Мгновенная выдержка. Щемящий холодок в груди... Затем - толчок! И ноги, не теряя упругости, перелетают через жердь. Глубокий вдох. Руки выпрямлены. Голова чуть откинута назад. Теперь на другую жердь! Но это движение отработано до тонкостей. Правая нога, не разгибаясь, идет назад. Рука - в сторону. Все!

Выдержка в полсекунды, и Люся, соскочив на пол, пошла скамейке. В зале тишина. Оттуда, со стороны мальчишек - ни звука. Но Люся видит, как они обмениваются взглядами. Значит, получилось неплохо. Так всегда бывает, когда не стараешься.

К ней подошла Ольга Никитична:

- Очень хорошо! Надеюсь, вы займетесь у нас гимнастикой серьезно.

Из раздевалки Люся поторопилась к выходу, но путь ей преградил Валерий:

- Прошу прощения!

Люся удивленно подняла брови. В руке Валерия был красный цикламен, который он, видимо, только что сорвал.

- От имени мужской половины группы! - торжественно протянул он цветок Люсе. - В знак того, что мы понимаем толк в совершенстве и можем ценить прекрасное.

Люся попятилась.

- Уверю вас, это словно специально к вашему платью...

- Спасибо, но, по-моему, он больше подойдет к вашему галстуку, - отказалась Люся.

- Ну как, съел? - захохотал Колька Краев. Но Валерий и не подумал смутиться:

- Цветок, предназначенный очаровательной особе, я готов хранить вечно.

Люся отыскивала среди ребят Сашу и подошла к нему:

- Ты не дашь мне свои конспекты... на дом?

- Конспекты? Пожалуйста! - Он с готовностью вынул из сумки стопу тетрадей. - Какие тебе?

- Все. У меня ведь ничего нет...

- Все?!

Люся покраснела:

- Не сразу, конечно. Сначала те, которые тебе не нужны...

Саша усмехнулся:

- Не в этом дело. Я могу дать и все. Только не надо переписывать все подряд, просто время не стоит тратить. К чему, например, лекции Камбалы, если он прямо по книжке шпарит. А вот минералогию надо переписать. Обязательно! Только почерк у меня неважный...

- Ничего, я разберу.

- А что не поймешь, подчеркивай. Потом разберемся вместе.

К ним подошла Наташа:

- Саша, чего же ты?

- Иду, иду! Сейчас... Так вот, - обернулся он к Люсе, - лекции Юрия Дмитриевича - прежде всего. Ну, а математику... тоже возьми на всякий случай. - Саша захлопнул сумку и пошел догонять Наташу.

6. ВЕТЕРАНЫ ГЕОФАКА

Никогда еще, кажется, осень не была так щедра на краски, как в этом году, когда они стали студентами университета. Никогда еще городские парки не пламенели таким разливом золота и багрянца, как в этот день, когда шли они вдвоем по широкой солнечной улице и вдыхали всей грудью бодрящую прохладу сентябрьского воздуха.

Давно уже остался позади Наташин дом и университетское общежитие, давно миновали они шумный центр и тенистые улочки студенческого городка. А ноги несли их все дальше и дальше, туда, где совсем кончался город и где, казалось, было еще больше воздуха и солнца, где еще жарче горели золотой листвой деревья.

Не хотелось ни говорить, ни думать. Хотелось только смотреть и смотреть на ясное небо, где словно заснуло одно-единственное облачко, на уходящую вдаль дорогу, на ровную гладь реки, на серые с искоркой глаза Наташи и снова на дорогу, на скошенные поля вдоль нее, березовую рощу, будто взбежавшую на пригорок, дымок паровоза на дальней станции и красные крыши станционных построек...

Идти и смотреть... И чувствовать тепло маленькой руки. И верить, что так будет долго - и в других краях и на других дорогах.

Неожиданно Наташа остановилась.

- Ой, Саша, как хорошо здесь! - воскликнула она. - А вон и наша рощица! Помнишь?

Он молча кивнул. А она вдруг взъерошила ему волосы и помчалась по скошенному полю:

- А ну, догони!

Когда же он настиг ее и, обхватив руками за плечи, повернул к себе ее счастливое смеющееся лицо, она вдруг смолкла и тихо сказала:

- Пусти, Саша.

Он попытался удержать, но она вырвалась из рук:

- Сумасшедший! Здесь все-таки не Вая.

- Да, к сожалению...

- Ну, почему - к сожалению? Дикарь ты дикарь! - Она тронула его за руку. - Медведь таежный... А как твое обещание?

- Какое?

- Разве не писал, что научишься танцевать.

- Все никак не соберусь...

- А в субботу, говорят, у медиков студенческий вечер. Будет что-то грандиозное. Два оркестра. Духовой и джаз. Блеск! А главное - танцы до утра! И назвали этот вечер "Осенний бал"... Да ты не слушаешь меня?

- Нет, почему же, слушаю.

- Так вот. Билеты будет распределять городской комитет комсомола. Университету дадут, конечно, как следует. Но факультету достанется, наверное, мизер. Будто геологи не любят танцевать! Но мы должны попасть обязательно. Смотри не проморгай. И потом, достань, пожалуйста, Алке с Жориком по билету.

Саша нахмурился:

- Неужели без них и здесь не обойдется?

- Ты знаешь, сколько раз они меня выручали. И за что ты их так не любишь? Ну, Жорик, конечно, пижон... А Алка? Простая веселая девчонка. Никому плохого не делает...

Саша поморщился:

- Она же дура.

- Ну, знаешь! - вспыхнула Наташа. - Не всем быть умным! И разве она в этом виновата? У нее и мать такая. Прошлый раз я пришла к ним, а она... Ты опять не слушаешь меня!

Саша невольно вздохнул. Нет, он слушал ее. Но как можно говорить обо всем этом сейчас, здесь, под этим бездонным небом? И потом, что это за жаргон: "блеск", "мизер"... Никогда она так не говорила прежде.

Он взял ее за руку:

- Наташа, а помнишь, как на Вае...

Она отняла руку:

- Опять Вая! Ему дело говорят, а он...

- Да разве это дело! - возразил Саша с горечью. - Стоит на "его столько времени тратить. Достану я билеты, если уж так хочешь.

- А ты не хочешь?

- Если говорить правду, нет. Ну что мы там будем делать, на этом балу?

- Как что делать? - Наташа даже остановилась. - Танцевать, веселиться, отдыхать, наконец!

- Какой там отдых! Отдыхать так за городом, как сегодня. Или в спортзале... Да и не могу я танцевать.

- Пора бы научиться. И так мы никуда не ходим. Девчонки уж смеются надо мной.

- Хорошо, сходим. Только ни о каких билетах Жорик не может быть и речи. И вообще - хватит об этом! Наташа, я прошу тебя. - Он взял ее под руку. - Не часто выпадает такой денек. Пойдем к реке.

- Нет, Саша, пора домой. Скоро вечер. И дома я ничего не сказала.

- Ну, что же... - Он поднял сумку и с маху перебросил через плечо. - Домой так домой.

Несколько минут они шли молча. И уже не держались за руки. И им уже не светило солнце. Его закрыла большая сизая туча, поднявшаяся над дальним лесом.

Саша прибавил шагу.

- Постой! Куда заторопился? - Наташа догнала его и взяла под руку. Но он по-прежнему шел молча, глядя прямо перед собой.

- Саша, - она старалась заглянуть ему в лицо, - а о чем вы так долго говорили сегодня с новенькой?

- Да просто так. Попросила конспекты переписать. И разговорились. О Юрии Дмитриевиче, о Бенецианове...

- И зачем тебе надо было ввязываться в эту историю с Камбалой? Попилил бы он нас с Алкой, и дело с концом. А теперь вот... Все-таки, он профессор.

- Так, по-твоему, профессору все, что угодно, можно говорить?

- А, может, он и прав?

- Ты не веришь, что На Белтауше есть сиениты? Да я сам их...

- Верю, верю! - перебила Наташа. - Но нельзя же так. Пойми ты наконец! Здесь не тайга...
- Ну и что же! Выходит, лишь в тайге можно быть честным?
- Ты уж вообще!
- Что вообще?
- Ладно, вон автобус подходит. Бежим скорее! - Она пустилась вперед и прыгнула на подножку.

Саша остался на месте.

- Чего ж ты?

- Я же вообще...

- Саша! - Но дверь уже захлопнулась, и автобус тронулся.

Саша зашагал напрямик к реке. В лицо ему дохнул холодный ветер. Тяжелые тучи закрыли почти все небо, река отливала свинцом. А он шагал и шагал по полю, стараясь заглушить нарастающую в душе тревогу.

Нет, что ни говори, а не такой стала Наташа. Он заметил это сразу, как только приехал сюда. Только и разговоров теперь у нее: кино да танцы, прически да моды. Даже косы собирается обрезать. И друзей подобрала себе... Разве такой она была на реке Злых Духов!

Саша замедлил шаги. На реке Злых Духов... А может быть, он тогда просто не знал ее? Но ведь она писала такие письма в Урбек и после на Урал...

В общежитие он пришел поздно, уставший, голодный, расстроенный. В комнате был только Иван - сидел за столом и усердно решал задачи.

- Саша?... Наконец-то! А я тут сижу-сижу, и - ни с места. Никак не могу разобраться в последней лекции. Давай вместе.

- Постой, Ваня, дай что-нибудь перекусить:

- А ты что, в столовке не был?

- Нет.

- Где же тебя столько носило?

Саша промолчал.

- Понятно. - Иван усмехнулся и с шумом захлопнул книгу. - В тумбочке хлеб и колбаса. - Он сдвинул в сторону тетрадь и, взяв папиросу, пошел в коридор. Но Саша задержал его:

- Кури здесь. Чего там...

Иван пересел на кровать.

- Что же будем делать с математикой? - медленно проговорил он, затягиваясь папиросой.

- Не знаю, Ваня. Может, сходить нам с тобой в деканат?

- А кто нас станет слушать?..

- Но почему же? Ты староста, в армии служил. Я тоже все-таки член бюро.

- Это не имеет значения, Саша.

- Так пусть сами придут, послушают. Увидят, что это за лекции! А не увидят, так мы...

- Мало тебе, что сегодня с Бенециановым схватился...

- Ты еще Камбалу будешь защищать?

- Защищать его я не собираюсь. Но и тебе высказывать было незачем. Он свое дело знает. Зажирел, правда, на профессорских хлебах. Вот и шпарит по лекциям десятилетней давности.

- Так и те по учебнику составлены!

- А, может, учебник составлен по его лекциям? Ты учебник-то читал, а того не заметил, что в предисловии автор ссылается и на Бенецианова.

- Где? - удивился Саша.

- Ты ешь, ешь. Потом посмотришь. Есть такая ссылка, сам видел. И потом... Сейчас он, конечно, старик. Но раньше, говорят, был сила! Сколько у него книг написано! К тому же он декан. Об этом забыл? Ну, пойдем в деканат. А Бенецианов спросит: "Кто это лекциями не доволен? Степанов? Знаем такого!"... Нет, Саша, тут надо умнее действовать. Я думаю так.

Соберем комсомольское собрание группы. Ты поговори с Беленьким. Примем решение, и с этим решением - в деканат. А, может быть, и в ректорат. Как ты на это смотришь?

- Конечно, это вернее...

В это время дверь широко распахнулась и в ней показался третий жилец комнаты - Борис Силкин. Борис учился на втором курсе, и потому ко всем первокурсникам, не исключая Ивана, который был гораздо старше его, относился с подчеркнутым снисхождением.

- Здорово, салажата! - бросил он с порога. - Опять за книгами? В академики, что ли, метите?

Он шумно разделся, прошел по комнате, пошарил у себя в тумбочке и, наконец, небрежно подсел к столу.

- Ба! За математикой сидят! Вот чудак! Меня хоть, что ли, спросили бы, что зубрить. На первом курсе учат английский да историю партии. Остальное - только в сессию. И то не математику! Знаете, как Цой принимает экзамены? Нет? Послушайте. Приходишь к нему: так и так, мол, здравствуйте, товарищ Цой, вот я две недели сидел над вашим предметом. Он смотрит на тебя и говорит: "Кажецца, вы у меня посесали". Ты, само собой, говоришь: "Посещал, товарищ Цой. пи одного занятия не пропустил!" И все! Получай четверку - и вылетай. Так что о математике не беспокойтесь! Цой мужик безвредный. С кристаллографией тоже просто. Тут надо заранее подобрать у лаборанта модель. Ну и, само собой, разобрать ее перед экзаменом. А потом незаметно подменить. Разве Семен Алексеевич запомнит, что кому дает? Да и попробуй докажи, что модель не та. Верно? - Он со смехом откинулся на спинку стула.

- Ну и как, помогла тебе эта методика? - спросил Иван.

- Порядочек! В последнюю сессию - одни четверочки. И стипа со мной.

- А знания как же? - сказал Саша.

- Знания? Эх вы, салажата! Соображать надо. Не все, что нам дают, потребуется геологу, кое-что и просто для "университетского образования".

- Но ведь кристаллография как раз и необходима геологу, - возразил Иван.

- Это само собой.

- Так помоги нам разобраться, что это за стереографическая проекция кристалла?

- Стереографическая проекция? Как бы это вам проще объяснить... Ну, это, скажем, такая проекция, которая... из которой... В общем, это сложная штука, ребята. Вы еще не поймете...

- Ну, ладно, - согласился Иван, - потом как-нибудь объяснишь. А сейчас вот что скажи. Неужели вся ваша группа пользовалась этими "методами"?

Силкин вздохнул:

- Ну нет! Это же уметь надо. И, главное, не теряться в любой обстановке. Те, у кого нервы не в порядке, готовы лучше день и ночь зубрить. Но это уж, по-моему, не геологи.

- А какие же они, по-твоему, геологи? - спросил Иван.

- Какие? Это я вам скажу. На днях только с корреспондентом беседовал... Был тут один, из областной газеты, - небрежно пояснил Борис. - Так мы ему прямо сказали, что для геолога главное - вот. - Он показал согнутую в локте руку. - Ну, и это самое... Одним словом, чтобы отчаянная голова была. И болотные сапоги выше колен, бородачи, куртка на медвежьем меху да кожанка на голове...

- А в голове? - усмехнулся Иван.

- Будьте покойны, дураки геологами не бывают. Только смотря как это понимать. Вы думаете, умники те, что всякие теории выдумывают? Как бы не так! Главное, чтобы смекалка была. Да. И ловкость в любом деле. Мы так и сказали корреспонденту...

- Постой-постой! Кто это, все-таки, вы?

- Мы, то есть я и Семен.

- Второгодник-то ваш?

- А что, второгодники, по-вашему, не люди? От этого никто не застрахован. Не сдал пару экзаменов, вот и второгодник! Там не разбирают, что человек не сдал. А у Семки и двойки-то по физике да по английскому. Будто без этого не сможет он геологом работать! Или, может, с медведем ему придется по-английски разговаривать?

- А физика?

- Подумаешь, физика! У Федьки Филимонова с четвертого курса до сих пор хвост по физике. А нынешним летом рысь укокошил и месторождение хромита открыл.

- Он один?

- Зачем один. Вся партия. А от премии и ему куш достался. Вот вам и второгодники да троешники! Это, если хотите знать, ветераны геофака! Самый что ни на есть костяк. Из них-то и получаются настоящие геологи. А не из отличников, которые, кроме своих книг, знать ничего не знают, а потом, глядишь, и пристроятся где-нибудь в институте или в тресте. Недаром они вокруг Воронова хороводятся!

- Воронова ты не трогай! - сказал Саша.

- А что Воронов! Тоже мне геолог! Сидит в кабинете да всякие теории выдумывает. Никто уж и не помнит, когда он в поле был. Или Стенин! Этот уж совсем кисейная барышня. С его руками только кружева плести, а не кувалдой бить.

- Что же геолог только и делает, что кувалдой бьет?

- А вы думали? Вот съездите на практику, узнаете!

- Работал я с геологами, - заметил Саша.

- Да, правда, у тебя же отец геолог, - сбавил тон Борис. - Ну, и много он в кабинете сидит?

- Мой отец полевик. А надо же кому-то и теорию разрабатывать.

- Над теориями сидят те, кто работы боится или у кого жила тонка, чтобы нос в тайгу сунуть.

- Послушал бы тебя мой отец! - сказал Саша. - Он таких вот геологов...

- Постой, Саша! - прервал Иван. - Что и говорить, в "научном" отношении, Силкин, ты подкован крепко. Тут нам спорить бесполезно. А что касается ловкости твоих "ветеранов", то были, знаешь, и у нас в армии ловкачи. Знал одного такого. Силен был на выдумки. Нигде не терялся. Бывало, все оружие чистят, а он ходит, посмеивается. И на проверке ни разу не попадался. Получалось так, что автомат его и не посмотрят. Даже на стрельбище умудрялся командира обмануть. Фокусник да и только!..

- Здорово! - сказал Борис.

- Да, но вот пришлось нам однажды быть в деле. На границе. Участвовали мы в разгроме диверсантов. Досталось крепко. Вернулись только под утро. И его принесли...

- Как принесли? - не понял Борис.

- А так вот, на руках. Не на пограничной же полосе хоронить его...

- А как же... - начал было Борис и вдруг осекся. Молчали и Саша с Иваном. Только мелкий осенний дождь стучался в темные окна, да мерно постукивали часы, невольно напоминая, что время идет и прожить его можно по-разному.

7. БУДЕТ БОЙ!

В переполненном трамвае кто-то стукнул его по плечу. Саша обернулся. На него в упор глядели озорные глаза Петьки Грачева, того самого Петьки, с которым он учился с первого класса и который тоже собирался пойти на геологический.

- Петька! Вот здорово! На стадион? Пробирайся сюда!

- Нет, лучше ты двигай к выходу.

- Идет! - Саша заработал локтями, протискиваясь к двери.

Вскоре они шагали по шумной Заводской улице.

- Пошли напрямик, через парк, - предложил Петька.

Они свернули на широкую предпарковую аллею. Там было пусто. Ветер гнал под ноги сухие листья, яростно теребил полотнища флагов, когда-то веселых и ярких, а теперь потрепанных и выцветших. Небо было сплошь затянуто белесыми тучами.

- Игра будет неважнецкая, - заметил Петька.

- Да, по такой погоде... - ответил Саша, разглядывая Петьку. Тот за год вытянулся и повзрослел. Густые светлые волосы стянуты коричневым беретом. Под отворотом плаща виднелся жестко накрахмаленный воротничок и маленький узелок пунцового галстука. И только плутоватые, с хитринкой глаза да яркие веснушки были прежними.

Петька тоже не без интереса посматривал на Сашу.

- А ты, брат, молодцом! Видно, тайга пошла на пользу. Сколько ты там прожил?

- Почти год.

- И теперь, значит, учиться приехал?

- Я же говорил, что поступлю только в наш университет.

- Я тоже, брат, в университете. На физмате.

- Почему? Ты ведь собирался тоже стать геологом.

- Мало что собирался. Работа геолога мне и сейчас была бы по душе. А вот наука геология...

- Что наука?

- А то, что нет ее, такой науки.

Саша даже остановился.

- То есть как это нет?

- А так вот! Возьми любую настоящую науку, ну, хоть физику, химию или, скажем, астрономию. В каждой, что ни год - открытия. И какие! Дух захватывает! Новые элементы создаются. Машины в шахматы играют. Скоро, наверное, на Марс полетят. А в геологии что?! Как спорили, отчего да почему горы на Земле образуются, так и до сих пор спорят.

- Постой! Постой! А знаешь, сколько сейчас приборов, разных там гравиметров, сейсмографов...

- Я тоже не с луны свалился. Гравиметры, сейсмографы... Это все приборы геофизиков, а мы говорим о геологии. Или не так?

- Ну, так.

- А геологи до сих пор дубинушку тянут. Сейчас передовой фронт науки не в геологии. Так что пойти туда - все равно, что записаться в обоз...

- Так я, значит, плетусь в обозе?

- Ну, может, и не совсем так, но... Ведь из наших, кроме тебя, только Валерка да Наташка на геофак поступили. Наташка за тобой потянулась. А Валерка сначала на филфак нацелился. Да не вышло! Вот и пристроили его временно, чтобы год не пропадал...

- Это я знаю... И все-таки насчет обоза...

- Брось! Как были в геологии одни гипотезы, так ничего к ним до сих пор и не прибавилось. А на гипотезах сейчас далеко не уедешь!

- Но ведь и в астрономии были гипотезы...

- Были. Именно были! Когда-то вся наука на гипотезах держалась. А теперь их - железной метлой! Теперь только математический расчет и эксперименты! Все остальное - к богу в рай. А в вашей геологии до сих пор одни "доказательства от противного". Вот потому и капут ей!

- Да ты что, всерьез?... - начал было Саша и замолчал. Он вспомнил разговор отца с приехавшим к нему из Ленинграда преподавателем горного института. Говорили они о перспективах развития геологии. Отец сетовал, что старая геология исчерпывает себя, а новые идеи до сих пор слабо внедряются в практику исследований. Гость возражал горячо и упорно. Но отец очень быстро припер его к стенке.

Многого тогда Саша не понял да и, признаться, не очень-то интересовался такими высокими проблемами. А теперь вот, слушая Петьку и припоминая лекции Бенецианова, в которых, действительно, не было ничего, кроме нагромождения фактов и бездоказательных гипотез, обильно пересыпанных всепасающими "возможно", "по-видимому", "так или иначе", он начал понимать, о чем говорил отец.

Но, значит, Петька прав? Значит, действительно, не стоило идти на геофак? Однако отец никогда не смотрел на геологию так пессимистически. Наоборот, уже тогда, в споре с ленинградцем говорил, что скоро и она встанет на новый путь, что уже созрело поколение, которое решит эту задачу.

- Капут, говоришь, геологии? - переспросил Саша. - Так что же теперь, по-твоему, пропеть ей вечную память - и в кусты? Туда, где все хорошо и гладко, где все построено на расчетах и экспериментах, а гипотезы давным-давно выметены "железной метлой"? А не думаешь ли, что и там когда-то были такие же люди, которые так вот бежали туда, где полегче, на все готовенькое?

- Это на физмате-то полегче?

- А думаешь, у геологии меньше трудностей? Потому, быть может, и отстала она от физики, что в ней все легко? Нет, черт возьми! Геологию сложнее всего перевести на математическую основу. Но это будет. Обязательно будет! И сейчас уже наш доцент Воронов такое заворачивает. Да и мы не станем сидеть сложа руки...

Петька присвистнул:

- Кто ж это вы?

- А те, кого ты списал в обоз. И, если уж на то пошло, скажу откровенно: лучше быть в обозе, ведущем бой, чем идти в передовую часть, которая давно разгромила противника.

- Бой? - усмехнулся Петька. - Какой бой?

- Будет бой! В геологии. А ты сиди на своем "передовом фронте" и посматривай. Может, еще перейдешь к нам в обоз, когда гипотез поменьше останется.

- Ну, это, знаешь, пока слова...

- А ты что, уж какими-нибудь делами прославился?

- А это мы еще посмотрим, у кого дела будут поважнее, - упрямо возразил Петька, хотя в голосе его уже не было прежней уверенности.

- Да уж посмотрим, - согласился Саша и, взглянув на часы, весело добавил - А ведь уже первый тайм к концу подходит!

Петька тоже взглянул на часы:

- А, черт! И надо было нам завести этот разговор. Ну, да все равно, по такой погоде...

Но в это время, словно в насмешку над приятелями, ветер разорвал пелену облаков, и неяркое солнце осветило аллею. Ребята замедлили шаги, невольно любуясь все еще зеленой мокро блестящей травой и облетающими деревьями. Вдруг Петька как-то подобрался:

- Сашка, смотри! - воскликнул он вполголоса, хватая Сашу за рукав. - Взгляни вон туда, на ту аллею.

- О чем ты?

Петька зашептал ему в самое ухо:

- Третий раз ее здесь вижу. Понимаешь? И все одну. Ты только посмотри...

Саша взглянул на соседнюю аллею. Там, прямо против них на скамье, отделенной лишь узкой стеной кустарника, виднелась одинокая фигура девушки. На ней был светлый плащ с голубыми, в клетку, отворотами. Раскрытая книга лежала на коленях, но глаза смотрели поверх страниц, куда-то вдаль.

Саша невольно остановился. Девушка показалась ему знакомой. Но не это привлекло его внимание. Голова девушки была открыта, и ветер легонько ворошил ее волосы. Они были темными, но с удивительным красноватым оттенком, какой бывает у металла перед тем, как начнет плавиться. И Саша поймал себя на том, что любит, именно любит, короткой, почти мальчишеской прической.

Он уже узнал девушку. Но как до сих пор он не замечал, что она так привлекательна. Или это солнце, неожиданно вырвавшееся из-за туч, так удачно подсветило ее? А Петька уже снова шептал на ухо:

- И где живут такие? Где учатся?..

- Эта, например, - с деланным равнодушием сказал Саша, - у нас на факультете, в нашей группе...

- В вашей группе?!

- Да.

Несколько мгновений Петька смотрел на Сашу, как на пришельца с другой планеты, потом с жаром заговорил:

- Слушай, Сашка, будь другом, познакомь меня с ней! Пошли, обойдем с той стороны и подойдем к ней, как бы случайно.

- Я сам ее еще мало знаю. Да и не умею я знакомить.

- Да-а, был бы на твоём месте Валерка!..

- Так за чем дело стало. Завтра у нас как раз вечер встречи с преподавателями. Приходи. Он тебя со всеми нашими девчонками перезнакомит. Кстати, он уж ей и цветочек успел преподнести.

- Нет, на вечер я не пойду. Неудобно, знаешь. Как-нибудь в другой раз... А может, все-таки подойдем к ней сейчас?..

- Сказал, нет!

- Теперь я вижу, какого дурака сваял, что не поступил на геофак.

- А я вижу, чего стоят твои убеждения.

Петька рассмеялся:

- Ну, Ладно. Считай, - что переспорил меня сегодня. И я еще посмотрю...

- Не перейти ли к нам?

- А что ты думаешь?

- Я думаю, что было бы, если б эта девушка оказалась из балетной школы...

Этого вечера первокурсники ждали с нетерпением. И вот он наступил: встреча с ведущими преподавателями факультета, авторами всем известных монографий и основоположниками целых научных направлений. Такое бывает не часто. Поэтому Люся постаралась прийти задолго до начала, чтобы занять место получше.

Однако Большая геологическая аудитория, подготовленная для вечера, была еще почти пуста. Люся прошла по коридору и заглянула в библиотеку. Старшекурсники спорили о какой-то специальной статье. Спор этот Люсе был непонятным. Она подошла к витрине новинок и начала просматривать книги.

"Тоже все специальное!" - Люся вернулась к столу с журналами и вдруг в углу, возле каталога, увидела знакомую вихрастую голову. Саша!..

Тот уже заметил ее и приветливо махнул рукой. Люся подошла. Он указал на книги:

- Копаюсь вот. Подбираю литературу по Белтаушу.

- Можно, я посмотрю?

- Конечно... Ну, как мои конспекты? Поняла что-нибудь?

- Все поняла. По минералогии уже переписала - завтра верну.

- А как там? - кивнул он в сторону аудитории. - Собираются?

- Когда я проходила, из наших были только Надя и Люба.

- Ну, теперь уж, наверное, и нам пора. - Саша сложил книги.

Большая геологическая быстро заполнялась. Одиннадцатая группа была в сборе. Не видно только Наташи. Люся предложила:

- Займем ей место?

Саша нахмурился:

- Ёе не будет, наверное. С Алкой идет куда-то на танцы...

- Так и здесь без танцев не обойдется.

- Я тоже говорил ей...

Несколько минут прошло в молчании.

- А душно здесь, - сказала Люся.

- Да, набилось народу... В березовую рощу бы сейчас, - неожиданно вздохнул Саша. - Знаешь, что у железной дороги? До чего там просторно!

- И светло, - добавила Люся.

- Особенно в солнечный день.

- Нет, в любую погоду! Всегда! А вот еловый лес за железной дорогой, тот всегда нахмуренный. Даже днем...

Саша удивился:

- Откуда ты знаешь эти места?

- Да мы с папкой все там исколесили. Он как приедет, везде побываем. Летом пешком, зимой на лыжах...

- Откуда приедет? - не понял Саша.

- Он в изыскательской партии. Год в Сибири, год где-нибудь в Средней Азии. Мы с мамой почти и не видим его. Зато, как вернется, и дня дома не сидим. В прошлом году осенью даже робинзонили на Лесном. Знаешь такой остров?

- Слышал.

- Ну так вот, построили там шалаш и целую неделю жили. Так интересно было!

- Еще бы!

- Да и в парке у нас неплохо. Я часто там бываю.

- Знаю...

- Знаешь?!

Саша вдруг покраснел:

- Просто видел тебя раз...

Между тем за длинным, застланным красной скатертью столом появились преподаватели. Кроме знакомых Люсе профессора Бенецианова, Юрия Дмитриевича Воронова, секретаря партбюро Стенина, кристаллографа Семена Алексеевича Бойцова, доцентов Чепкова и Строгановой, здесь были и такие, которых Люся видела впервые.

Среди них выделялся высокий грузный мужчина с золотой цепью на жилете. Он сел на стул и, строго оглядев аудиторию из-под насупленных бровей, забарабанил пальцами по столу. Люся показала на него Саше:

- Кто это?

- С цепью? Заведующий кафедрой петрографии профессор Греков. В геологии звезда первой величины.

- А рядом? - указала Люся на худого мужчину с глазами гипнотизера.

- Тоже величина! Профессор Ростов Глеб Максимилианович. Заведующий кафедрой нефти и газа. Ходячая энциклопедия! Один, говорят, открыл столько нефтяных месторождений, сколько не было во всей царской России.

- А тот старичок с бородкой?

- Это главный водяной бог, гидрогеолог Егоров. Уже восьмой десяток ему. А до сих пор, говорят, работает за троих...

Между тем Бенецианов поднялся и, вынув из кармана очки, развернул на столе бумажку. Разговоры стихли.

- Разрешите мне исполнить... э-э-э... чрезвычайно приятную обязанность и по-о-оздравить вас с вступлением в славный коллектив ста-а-арейшего...

Люся взглянула на Сашу. Он поморщился.

К счастью, бумажка оказалась небольшой, через две-три минуты Бенецианов предоставил слово Ростову.

Выступление Ростова было интересным. Он говорил о том, что геофак основан еще до революции, и что из стен его вышли известные академики, лауреаты Государственной премии, первооткрыватели крупнейших месторождений; что выпускники его работают во всех уголках Советского Союза и многих зарубежных странах; что из года в год руководство университета получает десятки писем и телеграмм, в которых дается высокая оценка работе выпускников геологического факультета...

Не менее интересными были речи и других преподавателей. Наконец в заключение выступил Стенин:

- Вы пришли сюда не только для того, чтобы получить профессию, но и для того, чтобы вместе с нами, вашими старшими товарищами, двигать вперед геологическую науку. Однако еще сто лет назад великий Маркс писал: "У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть

выставлено требование: "Здесь нужно, чтобы душа была тверда, здесь страх не должен подавать совета".

Официальная часть вечера закончилась. Все поднялись, начали сдвигать стулья, готовя место для танцев. Люся взглянула на дверь и тронула Сашу за рукав:

- Смотри, Наташа!.. Иди помоги ей пробраться.

Он ринулся к двери. А Люсе почему-то сразу захотелось уйти домой. Выждав, когда в дверях станет посвободнее, она выбралась в коридор и сошла вниз по лестнице.

Из раскрытых окон доносился смех, музыка. А она ускоряла шаги, чтобы быстрее скрыться за поворотом...

8. ОСЕННИЙ БАЛ

В кабинете Леонида Ивановича Грекова собрался обычный кружок "старейшин" факультета. Кроме хозяина кабинета и его старинного друга Модеста Петровича Бенецианова, здесь были профессор Ростов, Борис Степанович Егоров и заведующий кафедрой палеонтологии профессор Кравец.

Собираться так вот, в тесном профессорском кругу, стало для них старой незыблемой традицией, и на геофаке давно уже поговаривали о "негласном Совете факультета". Так оно, пожалуй, и было. Здесь, в кабинете Грекова, по сути дела заранее вырабатывалась единая точка зрения по всем вопросам, какие ставились на Ученом совете, совещаниях заведующих кафедрами и даже в ректорате. Не обходилось, конечно, без споров. Случались порой и серьезные перепалки. Но об этом не знал никто. За пределами кабинета "Совет" всегда выступал единым фронтом, и не было еще случая, чтобы его мнение не становилось мнением факультета.

Впрочем, речь шла здесь не только о деловых вопросах. Старым профессорам было что вспомнить, о чем поразмыслить и поспорить. А сегодня, к тому же, пришла приятная новость: только что ударил нефтяной фонтан на площади, разбуривания которой факультет добивался уже многие годы.

- Н-да, хотел бы я послушать, что сейчас говорят в тресте да и в институте тоже, - поглаживал усы Бенецианов.

- Трестовские полевики, положим, прежде нас высказались в пользу этой структуры, - заметил Греков.

- Полевики? Так разве они делают погоду, Леонид Иванович! - Кравец снял пенсне и устало потер переносицу. - Не-е-ет, если бы не последняя статья Глеба Максимилиановича...

- Не только моя, - возразил Ростов. - Леонид Иванович тоже не раз писал об этом. Да и вы, Эдуард Павлович, в последнем сборнике...

- Одним словом, это месторождение наше, - заключил Бенецианов. - Результат нашей работы. А вчера я получил приказ министра, в котором отмечается работа и наших выпускников.

- Хорошие известия, - протянул окающим говорком старик Егоров. - Растет наша школа...

- Как ни хоронил ее Воронов! - подхватил Бенецианов.

- Опять Воронов, - развел руками Ростов. - Что-то в последнее время я только о нем и слышу. Чем он вас так тревожит? В конце концов, пусть занимается своими идеями.

- Идеи были и будут, Глеб Максимилианович. А стране сейчас необходима нефть, нужна руда, нужны кадры опытных специалистов. А Воронов начинает уже мешать нам в решении этих задач. Ему нет дела до успехов нашей школе...

- Но кроме успехов есть и недостатки, - осторожно заметил Греков.

- Тут нам Воронов не поможет! - возразил Бенецианов. - А вреда от него хоть отбавляй.

- Да в чем все-таки вред? - пожал плечами Егоров.

- Как в чем? Его увлечения модными методами только уводят молодежь от дела, вносят анархию в научную и учебную работу факультета...

- Наконец, он просто подрывает наш авторитет! - подхватил Кравец.

- Ну, это, положим... - нахмурился Греков.

- Я не имел в виду лично вас, Леонид Иванович, - поспешил поправиться Кравец.

- Но мешает он всем нам! - решительно заявил Бенецианов. - И я считаю, что дальше так продолжаться не может. Всему есть предел. Так ведь Леонид Иванович?..

Греков не спеша закурил, придвинул пепельницу:

- Я уже говорил, что не разделяю крайностей Воронова и не сторонник некоторых его педагогических приемов. Но... Пожалуй, кое над чем из его идей можно задуматься.

- А если эти самые идеи мешают работе всего коллектива? Если они подрывают наши собственные взгляды?

- Ну, свои-то позиции мы всегда сумеем отстоять.

- Вот именно! И пора бы это делать уже не только в научных дискуссиях...

В дверь постучались, и в кабинет вошел Чепков. Все сразу замолчали.

- Я, кажется, помешал вам, - сказал он с порога. - Мне вот к Модесту Петровичу, по небольшому вопросу. Простите, пожалуйста...

Однако никто не повернул к нему головы. А Бенецианов, посмотрев на часы, ответил:

- Через полчаса я буду у себя.

Выйдя из кабинета, Чепков осторожно прикрыл дверь и зло сощурил глаза: "Аристократы! Но подождите! Недолго осталось вам чваниться. Воронов вас раздавит! Определенно! И тогда... Тогда видно будет. А сейчас - работать и работать! Заканчивать диссертацию. Во что бы то ни стало!"

К концу второй недели Люся вполне освоилась с новой университетской обстановкой. Ее не смущала больше веселая толкотня на вешалках и в буфетах. Привычным стал говор, от которого гудели в перерывах огромные вестибюли факультета. Она знала уже всех преподавателей, могла найти любую аудиторию, было у нее и свое любимое место в читальном зале.

Только вот ее группа до сих пор оставалась почему-то чужой и непонятной. Ребята словно сторонились Люси. А ведь между собой все они держались так, будто знали друг друга давным-давно. В перерывах дурачились, подтрунивали друг над другом. На лекциях перешептывались, после занятий договаривались где-то встретиться, куда-то пойти. А Люся все время оставалась одна. Для нее никто не занимал места, никто не интересовался ее делами, никто не посвящал в свои планы.

Даже Саша Степанов стал будто избегать ее. Впрочем, в последнее время с ним вообще происходит что-то непонятное. После недавнего вечера встречи, с которого Люся ушла, оставив их вдвоем с Наташей, он стал каким-то замкнутым, молчаливым, с Наташей, кажется, даже не разговаривает. А та и вовсе косится на нее.

Словом, с группой она не сошлась. Вот и сейчас кончается последняя лекция, и ей снова придется идти одной. Люся вздохнула и, собрав тетради, начала укладывать их в сумочку.

Однако не успел отзвенеть звонок, как поднялся Витя Беленький и громко, стараясь перекрыть начавшийся в аудитории шум, объявил:

- Никто не уходит! Сейчас комсомольское собрание! Слышите? - и, видя, что некоторые ребята торопятся пробиться к двери, добавил: - Открытое! Так что всех касается.

- Ну, вот еще! - послышался бас Коли Краева. - Пора в столовку!

- Ничего, не умрешь! - ответил Витя. - Проходите все в тридцатую. Там сейчас свободно.

Все повалили к дверям. А через несколько минут, когда Люся устроилась в укромном уголке, подальше от кафедры, к ней подошел Валерий.

- К вам можно? - спросил он.

- Пожалуйста.

- Скоро полмесяца, как вошли вы, так сказать, в нашу семью, - заговорил Валерий почему-то шепотом, - и тем не менее никто не знает даже вашего имени.

- Меня зовут Люся.

- Очень приятно! Валерий Ларин, - чуть привстал он и снова зашептал: -В нашей группе, Люся, народ не очень уж интересный. И для меня было приятной неожиданностью появление такой интеллигентной девушки...

- Мне не кажется, что ребята у нас неинтересные, - возразила Люся.

- Ну что вы! Поверьте, я изучил эту группу хорошо. Да сейчас вы сами убедитесь. Возьмите хоть Беленького. Разве это организатор? Вы только послушайте!

Люся посмотрела на Витю.

- Ребята! - надрывался тот у кафедры. - Ну, хватит, в конце концов, галдеть! Пора начинать.

- Так начинай! - крикнул кто-то с места. - Чего тянуть!

- Вот я и говорю, - забубнил Витя бесцветным, деревянным голосом. - Комсомольское собрание одиннадцатой группы считаю открытым. На повестке дня... Да, - спохватился он, - может, сначала президиум изберем?

- Какой еще президиум! - послышались голоса. - Давай ближе к делу!

- Ну, хорошо. Значит, на повестке дня у нас один вопрос: положение с математикой. Давай, Степанов! По твоему предложению собрались.

Саша встал с места:

- Чего же тут говорить? И так все ясно. Плохо с математикой. Если дальше так пойдет, ничего знать не будем.

- А тебе что, больше всех знать надо? - вмешался Краев. - Не первый год Цой читает. В прошлом году ни одного завала не было.

- Что толку в этих цоевских четверках? Математику-то знать не будем...

- А на черта сдалась она нам! - не отступал Краев.

Саша вспыхнул:

- Да сейчас без математики шагу не сделаешь! И в геологии! Поэтому я предлагаю просить учебную часть исправить положение...

- И дать Степанову медаль за спасение утопающих, - сказал Жорик.

- Или заставить его самого читать математику, - добавил Краев.

- Беленький! Веди собрание! - крикнул Иван.

- Да, товарищи, - заторопился Витя, - надо же по порядку. Вот кончит Степанов, тогда выступите. Продолжай, Степанов!

- А я кончил, - ответил Саша и сел на место.

Витя поднялся.

- Ну, значит, продолжим. Доклад окончен. Приступаем к прениям. Давай, Краев!

- А мне говорить не о чем!

- Тогда кто же? Славин и Войцеховский, чего вы там шепчетесь? Выступайте!

- Да мы согласны, - ответил Войцеховский, лучший спортсмен группы и первый рекордсмен по пропускам занятий.

- С чем согласны?

- Со всем, что здесь говорят. Мы же скоро уезжаем на спартакиаду.

- Прошу слово! - поднялся Фарид Ибрагимов. - Товарищи! - рубанул он рукой воздух. - Я скажу так. Лекции Цоя стоят не на должной высоте. Да, товарищи. Потому что, во-первых, читает он их на малодоступном языке. Во-вторых, читает безо всякой связи с предыдущим, последующим. В-третьих, нет никакой связи с практикой...

- Чего там переливать из пустого в порожнее! - крикнула Света. - Все ясно! Пиши, Беленький...

- То есть как, пиши? Я не секретарь. Товарищи, мы же секретаря не выбрали!

- Вот Горюнова и будет секретарем! - предложил Фарид. - Сил у нее хватит!

- Горюнова? - переспросил Витя. - Согласны? - обратился он к аудитории...

- Так... Принимается. Пиши, Горюнова! А... что писать?

- Просим учебную часть... - начал Саша.

- Да ничего мы не просим! На кой нам эта математика! - вмешался Краев.

- Позвольте мне, - попросил Валерий. Он подошел к столу, не спеша поправил волосы, помолчал немного, затем начал значительным голосом:

- Товарищи, должен сказать вам, я удивлен. Прежде всего выступлением Степанова. Нет, я не хочу сказать, что математика нам ни к чему. Как раз наоборот! В век расщепленного атома и кибернетических машин эта наука нужна всем, как воздух...

- Как солнце! Как, сами понимаете, вода! - ухмыльнулся Жорик. Но Валерий не смутился.

- Да, и как бриолин для волос! - добавил он под хохот всей группы. Затем снова повернулся к Саше:

- Но, товарищи, разве мы дети? Разве мы с вами пришли в первый класс? Университет не детский сад и не школа первой ступени! Студент - человек самостоятельный, он учится мыслить и сам разбирается в книгах. А лекции, которые мы слушаем, определяют лишь отдельные вехи нашего творческого пути. Возьмем, к примеру, великих русских ученых... Сначала его слушали. Потом начали прешептываться. Наконец кто-то крикнул:

- Регламент!

Валерий поднял руку.

- Я, собственно, кончаю. Думаю, что выражу общее мнение: мы за математику, но против школярства! Мы за науку, но против методов, которыми когда-то натаскивались дворянские недоросли. - Он тряхнул головой и не спеша направился к Люсе.

- Да разве они поймут! - доверительно шепнул он ей.

Люся не ответила.

- Кто следующий? - спросил Беленький.

- Дайте я скажу, - поднялся Иван.

- Проходи сюда.

- Зачем? Я с места... Вопрос ясен. То, что математика нужна - это факт. Бесспорный. То, что читают нам ее отвратительно - тоже факт. А мы сюда пришли учиться, а не штаны просиживать! Нам знания нужны! Вот и весь разговор! Так что решение может быть сейчас одно - просить учебную часть заменить нам Цоя.

Он сел на место. Валерий запальчиво крикнул:

- Позвольте, но это школярство! Я еще раз хочу сказать...

Тогда Иван снова поднялся и как бы между прочим добавил:

- А что касается выступления этого... Как его?

- Ларина! - подсказал кто-то.

- Да, Ларина... Так это как микстура для пацанов: и много, и сладко, и пользы никакой...

Все дружно засмеялись. Засмеялась и Люся, впервые почувствовав себя не одинокой в своей группе.

Саша встретил Воронова в коридоре, после занятий. Поздоровался, хотел пройти мимо, но неожиданно для самого себя остановился и сказал:

- Юрий Дмитриевич, вы обещали дать тему... тому, кто захочет заняться научной работой...

Воронов посмотрел на него внимательно:

- И вы решили попробовать свои силы?

- Да, если можно...

- Отчего же нельзя, конечно можно. Но имейте в виду, - предупредил он, - это не забава, а труд. И труд не легкий. Вас это не пугает?

- Труда я не боюсь.

Воронов улыбнулся:

- Тогда пройдемте ко мне...

Так Саша впервые переступил порог кабинета Воронова. А скоро Юрий Дмитриевич даст ему и первое научное задание.

Об этом и раздумывал он, подходя к знакомой улице. Но едва свернул сюда, мысли смешались. Все здесь, начиная с булыжной мостовой и кончая дуплистыми липами, напоминало Наташу. И как ни сердит был Саша на нее за все причуды и колкости, какие она, не скупясь, сыпала в последние дни, при виде старого деревянного дома с крашеным крыльцом он мог думать лишь о том, что здесь, за этой дверью, ждет она, и что сейчас он увидит ее, и что она будет с ним весь вечер...

А когда он позвонил и в прихожую вышла Наташа, в пестром домашнем халатике, с брошенными за спину косами, такая, какой он знал ее год назад, что-то сжалось у него в горле и он смог лишь молча шагнуть ей навстречу.

Верно, и она в эту минуту вспомнила то хорошее, что было между ними, потому что глаза ее потеплели, и она порывисто шагнула к нему и молча прижалась к его груди.

А когда он вошел в комнату, где все было по-старому, где сидели за чаем Нина Федоровна и сестренка Милка, где весело потрескивала та самая печь, которую когда-то разжигали они вдвоем с Наташей, и когда Наташа усадила его за стол, а Нина Федоровна стала расспрашивать об отце, о доме, он почувствовал себя совсем счастливым.

Но Наташа быстро скрылась в соседней комнате и через некоторое время вышла оттуда в новом платье, с плотно уложенными косами и модных туфель на тонком каблучке.

И эта другая Наташа взглянула на часы и совсем другим голосом, капризным и нетерпеливым, сказала:

- Опаздываем, Саша!

Он встал, отодвинул недопитую чашку и, поблагодарив Нину Федоровну, стал молча натягивать плащ.

Всю дорогу Наташа беспокоилась, как бы не опоздать. Но, как назло, пришлось долго ждать трамвая, и когда они добрались наконец до института, протиснулись сквозь толпу, штурмовавшую высокие двери, у которых не менее десятка парней с красными повязками на рукавах придирчиво проверяли входные билеты, и вошли в гудящий, пестро раскрашенный вестибюль, мест в гардеробе уже не было.

- Ну, вот, пожалуйста! - надулась Наташа. Но к ним подошли две девушки с яркими осенними листьями в прическах и проводили в одну из аудиторий, где можно было раздеться.

В зале, где танцевали вальс, Наташа не захотела задерживаться. Они двинулись дальше по коридору, пока не добрались до аудитории, откуда неслись звуки джаза. Саша не сразу понял, что и здесь танцуют. Но присмотревшись внимательнее, он увидел, что юноши и девушки держат друг друга за руки и медленно, будто нехотя, перебирают ногами, время от времени поворачиваясь в ту или другую сторону.

Наташа поправила прическу и протянула руки:

- Пошли, Саша!

- Куда? - не понял он.

- Танцевать.

- Так разве это... танцы?

Она рассмеялась:

- Как был ты медведем, так и остался. Ну, не хочешь - не надо. Постоим, посмотрим. Но если меня кто пригласит, ты уж не сердись.

- Да я не вижу здесь ни одного знакомого.

- Не важно! На танцах это не имеет значения.

Через минуту к ним подошла веселая компания ребят, и один из них, высокий завитой блондин, обратился к Саше:

- Простите, у вас нет спичек?

- Нет, я не курю.

- Жаль. А... можно вас на минуту. - Он отошел с ним шага на два и тихо спросил: - Вы не знаете, где курилка?

- Нет, я здесь впервые.

- Ну, простите пожалуйста. - Блондин вежливо раскланялся, а когда Саша пошел обратно, то увидел, как другой парень из их компании протягивает руку Наташе и что-то говорит ей с улыбкой, сверкая золотыми зубами.

- Прошу вас, - донеслось до Саши, и не успел он пробраться через разделяющую их толпу, как Наташа с золотозубым уже вошла в круг танцующих.

Когда музыка смолкла, он пошел было навстречу Наташе, но золотозубый сам привел ее на место.

- Извините, - сказал он Саше, улыбаясь.

Потом начал рассказывать новый анекдот, затем предложил пари, что "Спартак" обойдет "Динамо". А как только снова зазвучали трубы, протянул руку Наташе, и та с улыбкой согласно кивнула ему и снова оставила Сашу.

За спиной его кто-то усмехнулся. И он не выдержал. Стиснув зубы, пробрался сквозь толпу в дверях и бросился вон из зала,

Вот и комната, в которой они разделись. Саша взял плащ и вышел на свежий воздух.

Двери института по-прежнему осаждали желающие попасть на вечер. К Саше сейчас же подскочили несколько ребят:

- У вас нет лишнего билета?

И тогда Саша опомнился. Что он наделал! Ведь Наташа осталась там, среди этих пижонов. Вернуться? Но до слуха снова донесся ритм барабанов, и он будто снова увидел ее рядом с золотозубым.

Нет! Лучше быть дикарем, кем угодно. Только не видеть всего этого. И он шагнул в темноту.

Вечер был ненастным. Резкие порывы ветра сильно раскачивали фонари на столбах, и тени на мостовой метались из стороны в сторону. Деревья качали голыми ветвями, и их мокрые вершины тускло блестели в свете фонарей.

Но вот уже не стало и фонарей. Кончились тротуары. По сторонам тянулись еле видимые в сетке дождя высокие заборы. Под ногами зачавкала грязь. А он все шел и шел, стараясь ходьбой заглушить обиду.

9. "ЭЛЕКТРОННАЯ МАШИНА"

Закончив лекцию, Воронов прошел к себе и, вымыв под краном руки, долго вытирал их полотенцем, шагая в задумчивости по кабинету из угла в угол. На лбу его блестели капли пота. Не легко, видно, давалась ему та завидная непринужденность, с какой читал он свои курсы.

Но судить об этом могли лишь те, кто работал с ним рядом и видел груды книг и журналов, проходящих через руки Воронова перед каждым занятием. Их не удивляло, что восемьдесят минут, проведенные за кафедрой, для него равнозначны нескольким часам любой самой трудной работы. Им, слушавшим Воронова и знавшим, чего стоило просто и доходчиво изложить сложнейшие вопросы атомной физики или кристаллохимии, было известно, сколько энергии требовали эти лекции.

Однако усталым Воронов не выглядел. Глаза его улыбались, будто он увидел или услышал что-то очень хорошее. И так случалось всякий раз, когда он приходил из одиннадцатой группы...

Воронов посмотрел в окно и, кажется, впервые за этот год увидел небо таким, каким видел его еще мальчишкой.

- И таким оно будет всегда и для всех... - Он раскрыл форточку, подставив лицо тугой струе прохладного воздуха.

- О чем это вы, Юрий Дмитриевич?

Воронов обернулся. Перед ним стоял Петр Ильич Ларин.

- Да вот, люблюсь небом.

Ларин с удивлением посмотрел на своего учителя. В последнее время он привык слышать от него только деловые замечания. К тому же погода была пасмурной. Часть неба закрывали облака.

- Сегодня им едва ли можно любоваться, Юрий Дмитриевич, кругом тучи.

- Не в этом дело! А впрочем... - Воронов неожиданно улыбнулся. - Да вы садитесь, Петр Ильич. Рассказывайте, как ваши дела?

- Идут как будто. Предварительные отзывы получены. От обоих оппонентов. Завтра рассылаю авторефераты. Ну, и через месяц...

- Защита?

- Да, если Ученый совет не затянет.

- Об этом мы еще поговорим. А сейчас... Как практические занятия по минералогии?

- Кажется, ничего. Заканчиваем сульфиды. На этой неделе думаю провести коллоквиумы. Начну с одиннадцатой группы.

- С одиннадцатой? Ну, что же, давайте! Кстати, как они работают?

- В общем, неплохо. Ребята любознательные. Иной раз прямо-таки засыпают вопросами. Да вот, хотя бы недавно едва не поставили меня в тупик. Правда, вопрос-то, строго говоря, наивный...

- А все-таки?

Петр Ильич усмехнулся:

- Такое услышишь только на первом курсе. Мы разбирали химический состав сульфидов. И один студент, некто Кравцов, парень деловой, но прямо из армии, с большим перерывом в учебе, вдруг спрашивает: "А почему атомы соединяются друг с другом?" Я вначале даже не понял, чего он хочет. Начал объяснять, что здесь мы имеем дело уже не с атомами, а большей частью с ионами, которые притягиваются, как разноименные заряды. А он свое: "Это все, - говорит, - мне понятно, но почему атомы образуют ионы, почему бы им не оставаться отдельными нейтральными атомами?" Тут уж я руками развел...

- Позвольте, а разве у вас не возникало такого вопроса?

- Но это же основа мироздания. Всеобщий, так сказать, закон природы...

- Закон?

- Ну, может быть, я неточно выразился.

- Не в этом дело. Но ведь и закон требует разъяснения.

Петр Ильич пожал плечами:

- Но, согласитесь, Юрий Дмитриевич, это уже чистейшая физика.

- Физика, говорите? Ну, так что! - Воронов встал из-за стола и зашагал по комнате. - Физика... А, впрочем, это беда всех геологов. Как только дело доходит до атома, так - стоп! Владения геологии кончились. Поистине, "кесарю - кесарево, а богу - божье". Единственный мостик - геохимия. Но и этот курс читается у нас только разведчикам. А вы ведь, кажется, кончали по специальности нефтяная геология?

- Да, но меня с первого курса больше интересовали минералы...

- Минералы вы знаете неплохо. Но... Как бы это вам сказать? Знаете их только с точки зрения "классической геологии". Поэтому вам и показался "наивным" вопрос Кравцова. И не случайно, что задал его именно студент первого курса. Это еще не геолог, а просто пытливый человек. И он хочет знать все. А потом из него начинают готовить геолога. И что греха таить, делают у нас это так, что постепенно студент теряет естественную широту устремлений. У него появляется определенный круг понятий, выходить за который геологу "не положено". А все, что выходит за рамки этого круга, превращается в само собой разумеющиеся "основы мироздания".

Петр Ильич покраснел.

- Я же сказал, что неточно выразился. Просто не подобрал нужного выражения. Ведь это факт, что при современном уровне развития науки узкая специализация становится даже необходимостью.

- Безусловно! Но разве узкая специализация исключает глубину познания? Как раз наоборот. И вот этой-то глубины, к сожалению, сейчас так не хватает геологии. Сплошь и рядом она закрывает глаза на достижения физики, достижения, которые могли бы дать ей эффективнейшие методы исследования вещества. Это все равно, что человек, живший в темноте и привыкший определять предметы на ощупь, не захотел бы воспользоваться появлением света и, завязав глаза, по-прежнему обшаривал все руками. Вы согласны со мной?

- Да, но...

- Хотите сказать, что не нами это заведено, не нам и менять?

- Нет, почему же! В этом отношении как раз наша кафедра являет пример...

- А вы сами?

- Но я же специализируюсь по чистой минералогии. Этого тоже нельзя бросить.

- Почему бросить? И что это за "чистая" и "не чистая" минералогия? Есть одна минералогия, которая изучает минерал, как определенную форму существования материи, со всех точек зрения и на такую глубину, какая возможна при данном уровне науки. А это значит, что минералог должен уметь поставить и правильно разрешить любой вопрос, касающийся этой формы материи вплоть до строения атома и атомного ядра.

Воронов подошел к столу.

- Теперь по существу того вопроса, который задал вам Кравцов. Нет, вопрос этот не так наивен. И надо вам на него ответить. На следующем же занятии. В самом деле, почему атомы теряют или приобретают электроны? Почему соединяются они друг с другом, образуя химические соединения или кристаллические структуры самородных элементов? Почему в природе нет свободных атомов?

- А инертные газы?

- Вот именно! Только инертные газы существуют в виде свободных атомов. И в этом все дело, Петр Ильич. Ведь именно их атомы имеют наиболее устойчивую, наиболее энергетически выгодную структуру электронного облака, в котором полностью замещены так называемые "s" и "p" орбиты. А все остальные атомы лишь стремятся к достижению такой структуры. Но для того, чтобы получить эту устойчивую, восьмиэлектронную оболочку, им необходимо или приобрести недостающие электроны или, наоборот, избавиться от избыточных, лишних. Возьмем, к примеру, натрий. У него в валентном слое один электрон. Ясно, что проще всего отдать этот электрон и остаться с устойчивым предыдущим слоем, в котором как раз восемь электронов. А вот у хлора в последнем слое семь электронов. В этом случае, очевидно, выгоднее захватить недостающий электрон и довести валентный слой до восьмиэлектронного. Но становясь таким образом энергетически устойчивыми, атомы в то же время получают положительный или отрицательный заряд, то есть теряют свою нейтральность и превращаются в заряженные ионы. А это также лишает их стабильности. И для того, чтобы восстановить ее, разноименные ионы соединяются друг с другом, давая нейтральные химические соединения, в данном случае - поваренную соль. Вот откуда стремление элементов соединяться друг с другом.

- Но ведь не всегда элементы могут оказаться в таком удачном сочетании.

- Конечно. Я взял наиболее благоприятную обстановку. Атомы металла обычно теряют электроны, а атомы неметалла, как правило, приобретают их. Ну, а если мы будем иметь дело с атомами только одного сорта, скажем, какого-нибудь одного неметалла. Чтобы достичь устойчивого состояния, каждому атому потребуются дополнительные электроны. А где их взять? И тогда происходит вот что. Возьмем для примера тот же хлор. В последнем валентном слое, как мы видели, атом хлора имеет семь электронов, причем седьмой электрон не спарен - "холостой". Для достижения устойчивого энергетического состояния, следовательно, каждому атому необходим еще один электрон. Но ведь их нет. И тогда каждые два атома хлора соединяются попарно, спаривая свои "холостые" электроны в одну общую ячейку. Но которому из атомов принадлежит эта ячейка? И тому и другому. То есть, каждый атом "вправе считать", что он получил один дополнительный электрон и создал,

таким образом, у себя устойчивую восьмиелектронную оболочку. Вот почему в природе хлор всегда встречается в виде молекул, состоящих из двух атомов. Или возьмем алмаз. Он состоит только из атомов углерода. Что их заставляет связываться здесь друг с другом?

- Видимо, то же стремление к устойчивому состоянию?

- Да, конечно. Только, смотрите, что получается. Валентный слой углерода содержит всего четыре электрона, два из которых спаренные и два "холостые". Значит, если при соединении атомов углерода оба "холостые" электрона спарятся друг с другом, то и в этом случае каждый из атомов как бы получает только два дополнительных электрона. Но ведь этого мало для устойчивого состояния. И тогда происходит следующее. Спаренные электроны валентного слоя распариваются. В результате в нем оказываются "холостыми" все четыре электрона. И все эти электроны одного атома спариваются с четырьмя такими же "холостыми" электронами другого атома. Теперь каждый атом как бы получает по четыре дополнительных электрона и, таким образом, создает вокруг себя устойчивую восьмиелектронную оболочку. А конечный результат - необычайно прочное соединение, которое мы привыкли называть алмазом... Ну, а если у нас будут атомы только одного сорта какого-нибудь металла? В таком случае все они, очевидно, будут стремиться к освобождению от лишних электронов. Но забирать их теперь некому. И все эти электроны остаются свободными, образуя так называемый электронный газ, который и нейтрализует кристаллическую решетку самородных металлов, состоящую, как известно, из положительно заряженных ионов. Следовательно, сама кристаллическая структура твердого тела, на которую мы смотрим, как на нечто само собой разумеющееся, является лишь следствием перестройки электронного облака атомов в направлении большей энергетической целесообразности. Вот вам и ответ на вопрос Кравцова.

- Спасибо, Юрий Дмитриевич, я вижу, мне, действительно, нужно заняться физикой.

- Не только вам, Петр Ильич, а всем геологам. Всем без исключения. И я буду настойчиво добиваться от Ученого совета усиления физико-математической подготовки для всех специальностей геофака. Иначе геология никогда не встанет в один ряд с точными науками. А за это надо бороться!

Воронов с минуту помолчал.

- Так народ в одиннадцатой группе, говорите, любознательный? А как занимается Степанов?

- Это хороший студент. Во всех отношениях. Он был со мной еще на Вае. Помните, я рассказывал...

- Тот самый паренек, с которым искали вы злых духов? Прекрасно. Был он у меня. И я думаю привлечь его к научной работе кафедры.

- Но это же первый курс!

- Неважно! Именно с первого курса надо подбирать учеников. Я убеждаюсь в этом все больше и больше. И не только подбирать, но и руководить их подготовкой, вовлекать в жизнь кафедры, давать им темы научной работы, составлять индивидуальные учебные планы.

- Индивидуальные планы?

- Вы же сами говорили, что наука требует узкой специализации.

- Да.

- Но существующие учебные планы не рассчитаны на такую специализацию. Все наши студенты изучают почти одни и те же предметы, независимо от того, чем они будут заниматься по окончании университета. Скажем, будущему минералогу необходима высшая математика и ядерная физика, а то и другое дается у нас в слишком небольшом объеме. Так вот, я считаю, что для отдельных студентов, которых мы ориентируем на научную работу, нужны индивидуальные планы. Из них следует исключить некоторые не соответствующие научному профилю дисциплины, а вместо них добавить те предметы, которые необходимы для глубокого, именно глубокого, изучения того или иного раздела науки.

- Деканат на это не пойдет.

- Жизнь заставит.
- Но не с первого же курса.
- Нет, именно с первого. Иначе будет поздно. Только для этого нужно знать студентов. А Степанов, кажется, парень мыслящий...

Воронов откинулся на спинку стула и задумался. Перед глазами его возник этот коренастый паренек с настойчивым взглядом, и он будто увидел в нем самого себя, такого, каким пришел когда-то в университет и так же отдался полюбившемуся делу, не боясь трудностей и даже не думая о том, что это лишит его многого в жизни. Путь его в науку был действительно нелегким. А уж в личной жизни...

Воронов нахмурился, но почувствовал, что сделал это больше по привычке. Это было так неожиданно и ново, что он встал из-за стола.

- Петр Ильич, вы верите в чудо?

Трудно было удержаться от смеха при виде того, как вытянулось лицо Петра Ильича, и Воронов рассмеялся, раскатисто и громко, совсем так, как смеялся год или два тому назад. Где уж было Ларину понять, что происходило сейчас с его учителем. А между тем это действительно походило на чудо: доцент Воронов почувствовал, что становится прежним Вороновым. И не последнюю роль в этом сыграло появление в одиннадцатой группе девушки с ясными, как небо, глазами...

- Впрочем, это я так. А теперь... Не хотелось мне вас огорчать, но... - Воронов придвинул портфель и вынул объемистую пачку листов с отпечатанным на машинке текстом. - Сегодня прислали отзыв на вашу диссертацию из Урбекской экспедиции. Отзыв подписан главным геологом...

- Андреем Ивановичем?

Воронов глянул на подпись:

- Да, вот: А. И. Степанов... Позвольте, Андрей Иванович... Это не тот ли Степанов, что работал до войны в Ленинградском горном?

- Да, он там работал. Вы с ним знакомы?

- Я знаком с его работами... Что заставило его покинуть Ленинград?

- Во время блокады потерял там семью.

- Война... - вздохнул Воронов. - Так вот, есть в этом отзыве такая фраза... - Он пробежал глазами страницу. - Послушайте: "Вызывает недоумение, что диссертант не сделал ссылок на некоторые работы геологов Урбекской экспедиции, материал которых широко использован в диссертации". Это что, действительно так?

Петр Ильич помялся:

- Видите ли, Юрий Дмитриевич, я полагал, что ссылки следует делать только на печатные работы. А речь идет о рукописных отчетах, которые... Да, кстати, - оживился Ларин, - недавно я читал последнюю работу по Урбеку Сквородникова. Там тоже нет ссылок на эти отчеты...

- Сквородникова? Что-то не слышал такой фамилии. Дельный ученый?

- Кандидат наук...

- Это не одно и то же.

- Я понимаю. Просто к слову. Так вот, я думал...

- Неправильно думали! - перебил Воронов. - Ссылки требует все, что сделано не вами. К тому же, в диссертации вы ссылаетесь и на рукописные работы, - в частности, мои, профессора Бенецианова... Словом, это необходимо вам исправить.

- Но ведь поздно, Юрий Дмитриевич. Работа у рецензентов.

- Что же вы предлагаете?

- Я улажу это дело.

- Как?

- После вам скажу, Юрий Дмитриевич. Хорошо?

Воронов пожал плечами:

- Но, имейте в виду, так оставить нельзя.

- Конечно, я понимаю... - Петр Ильич поспешно попрощался и пошел к двери.
- Попросите, пожалуйста, Нину Павловну, - вслед ему сказал Воронов.
- Хорошо, Юрий Дмитриевич. - Ларин вышел из кабинета. На столе осталась его тетрадь со списком одиннадцатой группы. Воронов взял ее в руки. В конце списка карандашом было приписано: "Андреева Людмила Владимировна".

"Людмила Владимировна... Люся... - подумал Воронов. - Так это и есть она, та незнакомка?"...

- Можно к вам?

Дверь приоткрылась, и в нее мягко проскользнула Нина Павловна, старший лаборант кафедры, дама неопределенных лет. Губы ее алели так ярко, что можно было позавидовать возможностям парфюмерной промышленности.

- Нина Павловна, сходите, пожалуйста, в библиотеку и подберите каталоги рентгенографических установок.

- И больше ничего?

- Да, вот еще! Там, в деканате, должно быть, сидит корреспондент, я просил подождать. Пригласите его, пожалуйста.

Нина Павловна вздохнула: "И это мужчина! Будто тут не женщина, а гранитная глыба. Впрочем, чего еще можно ждать от бесчувственной "электронной машины"! Поджав губы, она гордо покинула "жестяническую мастерскую", в которую превратился уютный и солидный кабинет ее прежнего шефа.

Через несколько минут перед Вороновым сидел не очень молодой, по чрезвычайно подвижный мужчина в кожаной куртке и быстро сыпал торопливым говорком:

- Мы понимаем, товарищ Воронов, что ваши работы имеют большую известность - и не только у нас, но и за границей. Однако до сих пор с ними знаком лишь узкий круг ученых. Что же касается широкой общественности, то она едва ли знает о выдающихся достижениях, полученных в этой лаборатории.

Воронов слегка поморщился. Но словоохотливый посетитель не обратил на это внимания.

- Так вот, чтобы познакомить широкую общественность с теми успехами, которые имеют место на передовых, так сказать, рубежах науки, наша газета решила поместить очерк о вашей работе.

- А если конкретнее?

- Конкретно - газете нужен материал, в котором нашли бы отражение следующие вопросы. Прежде всего, конечно, сущность вашей работы. Затем - что интересного достигнуто в этом году? Каковы дальнейшие перспективы? Связь науки с производством? Лучшие люди? Неплохо было бы отметить также, в чем заключаются ваши трудности. Какую помощь хотели бы вы получить? И что считаете самым главным на сегодняшний день? Вот короткий перечень вопросов...

- Ну, если отвечать на весь этот "короткий перечень", - усмехнулся Воронов, - работать будет уже просто некогда. Что же касается того, что мешает нам, то как раз об этом я должен говорить сегодня с деканом факультета. Вам, думаю, это будет небылезнтересно.

- Конечно!

- Тогда пойдемте. Только одно условие - вам, пожалуй, не следует говорить, что вы корреспондент, из газеты. Так наша беседа будет естественнее.

- Совершенно верно! Но когда же... - он оглянулся на экраны осциллографов.

- А сюда мы еще вернемся, и вы сами познакомитесь и с людьми и с тем, над чем они работают.

Декан встретил их благодушной улыбкой:

- А-а, Юрий Дмитриевич! - поднялся он. - Проходите, проходите, батенька мой! Не часто балуете вы своим вниманием стариков. Не часто. А зря!

- Вот мы и пришли к вам, Модест Петрович, посоветоваться.

- Да вы садитесь. Садитесь, пожалуйста! И вы, молодой человек. Простите, не имею чести знать...

- Ашмарин, - коротко отрекомендовался тот, с любопытством осматривая просторный кабинет.

- Очень приятно! Присаживайтесь.

- Спасибо, Модест Петрович, - поблагодарил Воронов. - Речь пойдет о наших лабораториях. Я имею в виду кафедральные лаборатории. Они слишком малы, оборудованы слишком примитивно и, естественно, не могут решать тех задач, которые ставит сейчас наука...

Улыбка сбежала с лица Бенецианова:

- Ну-с, и что вы предлагаете?

- Я много думал об этом и пришел к мысли, что пора нам объединить лаборатории.

- Как объединить?

- Очень просто. Создать вместо них единую общефакультетскую лабораторию с подчинением ее деканату или Ученому совету.

- А зачем нужна такая реформа?

- Целесообразность этого, на мой взгляд, очевидна... Ведь что сейчас получается? Делает, предположим, мой лаборант какой-нибудь анализ, и у него не хватает платиновой посуды. А у вас в лаборатории она стоит без дела. Или, наоборот, в вашей лаборатории недостает каких-то реактивов, а у нас их больше чем достаточно. Но не это главное. Возьмите такой вопрос, как распределение средств на оборудование. Из года в год они дробятся между нашими карликовыми лабораториями, и в результате ни одна из них не может приобрести современного дорогостоящего оборудования. А ведь пора уже факультету иметь такую лабораторную базу, которая позволит вести комплексное исследование любых минеральных объектов с использованием всех достижений аналитической техники. Пришло время ставить экспериментальные работы и по кардинальнейшей проблеме геологии - превращению всех без исключения пород и минералов в сырье для промышленности. Пора, наконец, вплотную переходить к созданию искусственных минералов. У нас на кафедре, как вы знаете, кое-что делается в этом направлении. Но делается недостаточно. Нет соответствующего оборудования. Нет дефицитных материалов. Мы до сих пор не имеем даже рентгеновской установки, электронного микроскопа, масс-спектрографа. Без этих приборов невозможно дальнейшее развитие научной работы на факультете. И все это мы сможем получить только при одном условии - создав крупную общефакультетскую лабораторию. Как вы на это смотрите?

- Как я на это смотрю? - Бенецианов забарабанил пальцами по столу. - Я не согласен с вами. Что значит подчинить лабораторию деканату? Деканат у нас - это декан и секретарь. Так что же, мне прикажете руководить этой суперлабораторией? Или моему секретарю? А Ученый совет вообще не станет вникать в такие дела.

Воронов настаивал:

- Во главе объединенной лаборатории будет стоять заведующий. Он-то и станет подчиняться деканату или Ученому совету.

- Нет-нет! Чепуха! Сейчас каждая лаборатория имеет хозяина. Тогда его не будет. Сейчас каждая кафедра имеет свою экспериментальную базу. А что получится, если принять ваше предложение? Нужно сделать какой-нибудь анализ - беги за разрешением в деканат. Или ставь вопрос на Ученом совете!

- Ну, зачем все так усложнять, Модест Петрович! Имеются же планы исследовательской работы кафедры. Эти планы будут увязываться с планом работы лаборатории. Только и всего!

- Опять вы с этими планами! - Бенецианов махнул рукой. - Какие могут быть планы в научной работе! Вы же ученый, Юрий Дмитриевич, и должны понимать, что нельзя втиснуть в какой-то план творческую мысль исследователя.

- Творческую мысль - да. Но экспериментальную работу не только можно, но и нужно. Могут же ваши сотрудники сказать, сколько и каких анализов потребуется им в течение, скажем, семестра.

- Нет, не могут! Бросьте вы, Юрий Дмитриевич, все эти фантазии! Сколько лет существовали кафедральные лаборатории? С самого основания факультета! И всех это устраивало. Все работали, - и не плохо.

- Но ведь наука не стоит на месте. Сейчас нужна совершенно иная экспериментальная база. В противном случае все мы превратимся в кустарей от науки.

- Ну, для настоящего геолога эта "база" не так важна. Геология - не физика! - заметил Бенецианов с явной издевкой.

- Но для настоящего ученого это не может не быть важно. Будь то геолог, будь то физик! - в тон ему ответил Воронов.

- А я вам еще раз повторяю, что для геологии все эти ваши масс-спектрографы все равно что автопилот для тарантаса...

- Конечно, если вы никогда не переседете с тарантаса на самолет или, хотя бы, в автомобиль...

- Я посвятил этому "тарантасу" всю жизнь. Да-с. Всю жизнь! Я его, можно сказать, создал здесь, в нашем университете. И не брошу, как некоторые...

- Что же, в тарантасе, конечно, спокойнее. Но в наше время уже поздно трястись в этой колымаге. Так: что понадобятся геологам и масс-спектрографы и не только масс-спектрографы. Сама жизнь потребует!

- Но пока этого требуете только вы! А вы давно уже отошли от геологии со своими... железками и проводами. Нас же вполне устраивают лаборатории, какие имеются на сегодняшний день. Да-с! И мы не позволим, чтобы ассигнования на оборудование, как это вы изволили выразиться, перешли в ваши руки, под каким бы соусом это ни пытались протащить. Нам ваши электронные микроскопы не нужны! Дай бог, чтобы побольше было простых поляризационных. Тех еще не хватает!

- Вы не правы, Модест Петрович, - спокойно возразил Воронов. - Хотя бы уже потому, что рентгеновскими установками и спектро스코пами оснащены те производственные организации, для которых мы готовим студентов и, следовательно, мы обязаны научить их работать на этих приборах. Что же касается экспериментальной базы, то она давно устарела в наших лабораториях не только для меня, но и для всех, кто хочет вести научные исследования на должном уровне...

- Вы меня не переубедили, - оборвал его Бенецианов. - Мне удобнее, чтобы у меня была своя лаборатория. И я уверен, что другие заведующие кафедрами тоже не согласятся с вами. И вообще, вам следовало бы больше прислушиваться к совету профессоров. - Он встал, давая понять, что разговор окончен.

Воронов поднялся:

- Но вы меня тоже не переубедили, Модест Петрович. И я изложу свои соображения партийному бюро факультета.

- Можете идти с ними куда угодно! Но я должен вам сказать, что в наше время ученые не грозили друг другу жалобами в вышестоящие инстанции.

Воронов побледнел:

- Что значит, в ваше время? И с каких это пор обращение коммуниста в партийное бюро стало рассматриваться как угроза или жалоба?

- Извините, доцент Воронов, я состоял в партии уже тогда, когда вы только еще учились ходить. Однако у меня нет ни времени, ни желания вступать с вами в политические дискуссии. Есть дела поважнее. - Он выразительно постучал костяшками пальцев по странице раскрытой книги.

- Да? - Воронов заглянул в текст незнакомой работы. Но Бенецианов захлопнул объемистый том, и перед глазами изумленного Воронова предстала радужная обложка, на которой

старинной вязью было вытиснено: "Штатное расписание Императорского университета на 1893 год".

- Простите, профессор, что я оторвал вас от важного дела, - сказал Воронов.

- Честь имею! - холодно ответил тот. И вдруг увидел захлопнувшуюся книгу.

- По-о-озвольте!.. - Он быстро метнул взглядом по кабинету. Но Воронов и его спутник уже выходили за дверь.

- Теперь, надеюсь, вы поняли, в чем состоит наша главная трудность? - обратился Воронов к журналисту, как только они вышли в коридор.

Ашмарин кивнул:

- Это же материал для фельетона!

- Ни в коем случае! - возразил Воронов. - Хотя все это, конечно, материал для больших раздумий... До свидания, - подал он руку.

- Вы позволите еще зайти к вам на кафедру?

- Пожалуйста. В любое время.

- Спасибо, Юрий Дмитриевич. - Ашмарин крепко пожал руку и направился к выходу.

Воронов пошел к своему кабинету. Но у двери с табличкой "Партбюро" задержался и после минутного раздумья постучал.

Стенин встал ему навстречу:

- Здравствуйте, Юрий Дмитриевич. Рад вас видеть. Вы мне как раз нужны...

- Вот как! - Воронов с удивлением посмотрел на озабоченное лицо секретаря.

- Да... - Стенин склонился над столом, отыскивая какую-то бумагу.

Воронов молча наблюдал, стараясь угадать, какая новость его ждет.

Стенин был почти ровесником Воронова. Он также пришел на факультет из армии, после окончания войны. Когда-то они вместе ходили на пристань грузить баржи, урывая несколько часов между лекциями и сном. Но по окончании университета пути их разошлись. Стенин уехал на работу в Якутию и возвратился оттуда три года назад, сильно постаревший и больной, но по-прежнему влюбленный в свое дело.

Отношения его с Вороновым, как, впрочем, и с другими сотрудниками факультета, были чисто деловыми. Время затушевало ту непринужденную близость, которая связывает обычно студентов одного курса. Тем более, что и тогда не были они друзьями. Будучи палеонтологом, Стенин не разделял увлечений Воронова физикой. Не одобрял он и резкости его суждений, и чрезмерной замкнутости. Но во всем, что касалось методов работы заведующего кафедрой минералогии и его твердой независимой линии поведения, Стенин был всецело на стороне Воронова, особенно в последнее время, когда, став секретарем факультетской парторганизации, сам почувствовал деспотическую руку декана.

- Да... Так вот какое дело, Юрий Дмитриевич, - снова заговорил он, отыскав наконец нужную бумагу. - На днях Бенецианов уведомил меня, что на следующем заседании Ученого совета он поставит вопрос о перераспределении лаборантско-препараторского состава между кафедрами.

- То есть?

- А вот, извольте видеть. На вашей кафедре, к примеру, вспомогательного персонала почти в два раза больше, чем, скажем, на кафедре геологии.

- Но ведь и объем научной работы у меня в несколько раз больше.

- Да, я понимаю. А вот декан считает...

- Странно. Я только был у него, и он даже словом не обмолвился об этом.

- Ну, в этом как раз нет ничего странного. Что вы, не знаете нашего декана? Зачем ему спорить с вами наедине! В Совете он просто воспользуется "машиной голосования".

- Ясно. Но как можно ставить такой вопрос! План работы кафедры утвержден Советом. И штатные единицы даны мне в соответствии с этим планом.

- Я это знаю, Юрий Дмитриевич. Понятно также, зачем Бенецианову понадобилось ставить сейчас такой вопрос. Поэтому мне и хотелось поговорить с вами до Совета. Попробуем вместе обдумать, как лучше аргументировать возражения.

- Не стоит, Алексей Константинович. У меня есть другие соображения, которые автоматически снимут этот вопрос. - И Воронов изложил идею создания единой общефакультетской лаборатории. Стенин внимательно выслушал его.

- Это, пожалуй, дельная мысль, Юрий Дмитриевич. Но...

- Как к ней отнесутся заведующие кафедрами?

- Да.

- С деканом я уже говорил. Он и слышать не хочет.

- Этого следовало ожидать. Наши заведующие кафедрами, как удельные князья: моя лаборатория, мои коллекции, мои микроскопы...

- Вот я и предлагаю покончить с "удельными княжествами" на факультете.

- Я всецело на вашей стороне, Юрий Дмитриевич. Но придется крепко воевать. И прежде всего с деканом.

- Не понимаю нашего декана. Человек неглупый как будто, а между тем... Ну, что он за свою "персональную" лабораторию держится, это еще куда ни шло. Так ведь он против новых методов исследования, против приобретения факультетом современного оборудования.

- Как понять Бенецианова? По-моему, нетрудно. Человек пережил себя, как ученого. Факт неприятный для каждого. Тем более для такой величины. Ведь он до войны был признанным главой местной школы геологов. С мнением его считались академики. Да и мы с вами учились по его книгам, не так ли? А теперь отстал... Наука идет вперед. А у него, видно, уже ни сил, ни здоровья. Однако привык человек к известности, к власти. Не у каждого хватает мужества признать свою немощь. Главное же - в него верят еще такие гиганты, как Греков. А мнение Грекова, сами понимаете...

- Н-да...

- К тому же, Бенецианов всю жизнь отдал классической геологии. Сжился с ней, убежден в ее непогрешимости. И так же точно, насколько мне известно, считают Греков, Ростов, Егоров. Этим в немалой степени и определяется единство "Негласного совета". Ну, а поскольку Бенецианов всегда был наиболее ревностным поклонником старой геологии, за ним, естественно, осталось нечто вроде лидерства. Отсюда и нетерпимость Бенецианова ко всему, что так или иначе подрывает основы классической геологии. Ничего другого он дать уже не может. Поддержка же Грекова и "Негласного совета" позволяет ему до сих пор оставаться у кормила факультета.

- Да, пожалуй. Но откуда это понятие - "классическая" геология, "чистая" геология? До сих пор я слышал о "чистом" искусстве, "чистом" опыте. Теперь еще и "чистая" геология. А сегодня мой аспирант Ларин вдруг заговорил о "чистой" минералогии...

Стенин вдруг рассмеялся:

- Так это вы, Юрий Дмитриевич, виноваты в появлении "чистых" наук.

- Я?!

- Ну да! Точнее, ваши работы. Вы, так сказать, "загрязнили" геологию физикой. Вот Бенецианов и ринулся защищать ее от физико-математической скверны, беречь ее девственную непорочность. Так появились "чистая" геология, "классическая" геология и тому подобное.

- Вот как! А не кажется ли вам, Алексей Константинович, что эта старая, "классическая" геология отжила свой век?

- Ну нет, Юрий Дмитриевич! Тут уж вы хватили через край. Возможности геологии далеко не исчерпаны. Но то, что она развивается черепашьями темпами, это, пожалуй, верно...

- Тогда почему это так?

- Причин много. И одна из них, если не самая основная, заключается, по-моему, вот в чем. Ведь что ни говори, а темп развития любой отрасли науки определяется теми требованиями,

которые предъявляются к ней жизнью, обществом. Это и состояние экономики государства, и его международное положение, и уровень жизни населения.

- Но разве мало требований предъявлялось к геологии?

- Нет, не мало. И тем не менее все эти требования геология - я имею в виду практическую геологию - удовлетворяла очень быстро и, как правило, целиком и полностью. Возьмите первые годы Советской власти, когда встал вопрос об индустриализации страны. Понадобились топливо, сталь, железо. И наши геологи в короткий срок дали стране месторождения каменного угля и железных руд. Далее, начало развиваться отечественное машиностроение. Понадобились медь, свинец, никель, олово. И геологи опять-таки очень быстро дали богатейшие месторождения цветных металлов. А возьмите сорок пятый год, когда Америка оказалась монопольной обладательницей атомной бомбы. Тогда перед геологами была поставлена задача немедленно снабдить нашу атомную промышленность ураном. И они с честью справились и с этой задачей.

- Все это верно, конечно. Но какой ценой геологи-практики решали подобные задачи? Вы не меньше меня знаете, чего стоила работа наших полевиков. А много ли помощи оказала им наша наука, так называемая теоретическая геология? Да сплошь и рядом ее представители занимались лишь тем, что изучали уже открытые месторождения и строили на этом материале различные теории рудообразующих процессов. Кстати говоря, теорий этих не меньше, чем месторождений, а толку от них... Так что, Алексей Константинович, героизм полевиков, массовый героизм съемщиков, поисковиков и разведчиков - вот на чем выезжала до сих пор геология!

- Ну, может быть, и не совсем так, дорогой Юрий Дмитриевич. Однако все эти задачи решались бы, конечно, проще, легче и дешевле, если бы геологи-практики были вооружены более совершенными теоретическими представлениями.

- Вот именно!

- Но факт остается фактом. Как бы там ни было, а промышленность вовремя получала от геологов все необходимое. А потому и не было тех жестких требований, какие предъявлялись к другим наукам, скажем, к физике или химии. Но теперь времена меняются. И дело не только в том, что все, что лежит, так сказать, под ногами, уже открыто и разведано, - но и в том, что теперь мало иметь уголь, медь, железо, алюминий. Промышленность требует сейчас такие редкие элементы, как тантал, ниобий, церий.

- Да, их-то уж не откроешь с одним молоточком и компасом. Понадобятся знания тончайших процессов миграции атомов.

- Безусловно. И я вполне согласен с вами, что теперь-то и настало время более интенсивного углубления нашей науки. Но именно углубления, - подчеркнул Стенин, - а не сдачи ее в музей древностей. Геология отстала, Юрий Дмитриевич, но не изжила себя, как бы ни называли ее вы или ваши оппоненты.

- Ну, я мог бы поспорить. Однако... - Воронов взглянул на часы.

- Да, время позднее. Что же, будем считать наш разговор не законченным.

- Добрый вечер, Глеб Максимилианович! - Кравец тщательно прикрыл за собой дверь и доверительно подсел к столу Ростова.

- Вечер добрый, - ответил тот, укладывая в портфель бумаги. - Спешу в трест, Эдуард Павлович, на НТС.

- А я зашел поздравить вас с наградой...

- А-а-а! Спасибо. Для меня самого это такая неожиданность...

- Ну, что вы! Если всю открытую вами нефть...

- Нефть не может открыть один человек, дорогой Эдуард Павлович. Это заслуга всего коллектива. И не только нашего.

- Но все-таки! Да, кстати, о коллективе... Я просто не могу не возвратиться к нашему разговору. О Воронове. Вы зря недооцениваете того разлагающего влияния...

- Да бросьте, Эдуард Павлович! Ну, что вы все одно и то же?

- Но теперь он проповедует, что геология вообще не наука. Послушать его, так все наши работы бесперспективны. И он твердит об этом всюду: на лекциях, в студенческих кружках, в частных беседах со студентами, особенно дипломниками.

- Гм... Может быть, потому мы и начинаем испытывать в последнее время трудности с комплектованием аспирантуры.

- Несомненно! Вся талантливая молодежь идет к Воронову или вообще уходит с факультета. Ведь это факт, что студенты все больше теряют интерес к геологии. Я это чувствую.

- В какой-то мере так...

- А все Воронов! Его безответственные разглагольствования о крахе геологии, несовершенстве ее методов и тому подобном.

Ростов раскрыл и снова закрыл портфель:

- Что же, по-вашему, следует предпринять?

- Еще не знаю точно. Пора бы от слов переходить к делу. Модест Петрович подготовил вопрос о сокращении штатов по кафедре Воронова. Не дадут ему нынче и аспирантов. Однако все это мелочи. Нужны более радикальные меры, вплоть до перевода Воронова с факультета.

- Ведь Модест Петрович уже пробовал это сделать в прошлом году.

- Но помешала общая нерешительность. Я и теперь не понимаю Леонида Ивановича...

- Обычно Греков смотрит далеко вперед.

- Но в данном случае... - Кравец покачал головой.

- Что же, я поговорю с ним. А сейчас, прошу прощения, Эдуард Павлович, тороплюсь...

10. БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Услышав голоса в коридоре, Саша приподнял голову с подушки. За дверью как будто назвали его имя. "Кто бы это?" - подумал он, откинув одеяло.

- Степанов? - переспросила сестра. - Вот здесь он, в седьмой палате.

Дверь распахнулась, и за маленькой щуплой медсестрой Саша увидел плечистую фигуру Ивана.

- Ванюшка! - Он спрыгнул с кровати.

- Вот, полюбуйтесь! - ворчала сестра. - И это больной!

Саша, подбежав к Ивану, обхватил его за плечи:

- Пришел!

- Вот, чертушка! Да ты совсем здоров. А я думал...

- Здоров! Совершенно здоров, Ваня! Помоги мне отсюда выбраться.

- Ты объясни, как попал сюда?

- А разве не знаешь? И все наши не знают?

- Никто ничего не знает. Вчера ведь было воскресенье. А тебя нет и нет. Сегодня только позвонили в деканат из больницы. Ну, я и ходу!

- Спасибо, Ваня! Давай выйдем в коридор... А как там, в нашей группе?..

- Встревожились, конечно. И, знаешь, кто больше всего переживает? Андреева. Ну та, новенькая, которой ты еще конспекты давал.

- Люся! А я и не вспомнил о ней...

- Ты кроме Севериной вообще никого не замечаешь.

- А она, Наташа... тоже что-нибудь говорила?

- Опять Наташа. Я тебе вот что скажу, Сашка. Не стоит она тебя.

- Но ты совсем ее не знаешь, Иван. Ведь она в прошлом году на Вае:..

- Да мало ли что было в прошлом, - перебил Иван. - А вот сегодня спросил у нее, почему тебя нет на занятиях - знал ведь, что в субботу вечером ты к ней пошел - так она сказала: "Только у меня и дел, что за ним следить".

- А, может, у нее были основания так обо мне отозваться. Я в тот вечер тоже... не очень-то хорошо с ней поступил.

- Ну, в этом вы сами разбирайтесь! Лучше скажи, что случилось? - Иван кивнул на забинтованную руку.

- Да ночью напоролся в темноте на хулиганов. Остановили девушку. Я выручил ее. Двоих сбил кулаком, но третий успел достать ножом. Рана пустяковая, нож только руку задел, а крови, потерял, видать, немало. Пока добежал до первой трамвайной остановки. Там дружинники помогли вызвать скорую помощь...

Помолчали.

- Да-а, - протянул Иван, морща лоб. - Могло быть и хуже. Теперь лежи, поправляйся!

- Как лежи? Ты же сам сказал, что я здоров. Пойди, поговори с врачом!

- А я с того и начал, что зашел к врачу. Дня три лежать придется. Не дури. С этим шутки плохи.

- Скучища тут...

- Сказал, не дури! Конспекты принесу... Да, чуть не забыл о главном: Цоя сегодня стенографировали. А он, как нарочно, не мог вспомнить, на чем остановился. Раза три спрашивал - никто не знает. Мне даже жалко его стало, но я и сам, признаться, не разобрался в последней лекции. Так и начал он откуда-то с середины. В общем, видно, скоро мы с ним расстанемся.

Иван помолчал.

- Да, еще вот что. С понедельника весь наш курс пошлют, наверное, в колхоз. Копать картошку... Не приходилось?

- Нет.

- Посмотришь, как достается людям жратва. Так что сейчас копи силы.

Большой двор университета не узнать. Сегодня с утра он похож на туристский лагерь. Всюду, куда ни глянь - у цветников и газонов, меж решетчатых домиков метеостанции, даже на широких ступенях анатомического театра - толпятся группами студенты, одетые по походному. Тут же громоздятся рюкзаки, чемоданы, туго набитые сумки.

Смех, шутки, громкий говор.

Студенты уезжают на сельхозработы. Каждый год осенью покидают они на две-три недели университет и выезжают в деревню, в поле, где под холодным дождем и ветром выкапывают картошку, роют силосные траншеи, сгребают в копны солому, срубают кочаны капусты. Случается и мерзнуть, и мокнуть, и недосыпать. Но тем не менее студенты каждый год выезжают в деревню, как на праздник - с песнями, с весельем.

В одиннадцатой группе геологического факультета шуму не меньше, чем везде.

Колька Краев, собрав ребят, с увлечением рассказывает анекдоты. Чуть поодаль Витя Беленьский спорит с Валерием. Они только что закончили партию в шахматы, с которыми Витя не расстается даже в дороге.

- А ферзя-то, ферзя чем бы ты прикрыл? - горячится он.

- Так я мог конем сходить, - отвечает Валерий.

- Конем? А я бы его вот как! Цап-царап...

В это время в кругу Кольки Краева раздается такой взрыв хохота, что все невольно поворачивают головы.

- Во дают! Пошли туда!

Вскоре почти все ребята собрались вокруг Краева. И только Саша Степанов сидит в сторонке на своем рюкзаке. Он, пожалуй, больше всех других ждал этой поездки, надеясь, что там, в поле, сможет наконец уладить свои отношения с Наташей. Но сегодня утром встретил ее в нарядном платье и белых туфлях.

- Ты что же, так собираешься ехать? - опросил он.

- А я никуда не еду. Модест Петрович предложил мне поработать в деканате. Там нужно какие-то сводки составлять.

- И ты согласилась?! - не поверил Саша.

- Не все ли равно, где работать, - ответила Наташа. - К тому же в последнее время у меня часто голова кружится.

Саша молчал.

- А что я такого сделала? - быстро, словно оправдываясь, заговорила Наташа. - И ты можешь остаться. Я даже была уверена, что не поедешь. У тебя же вполне уважительная причина...

Саша повернулся и пошел к выходу...

- Ну, что нос повесил? - подошел к нему Иван. - Сейчас поедем. Вон уже и машина идет. Видишь, из кабины Петр Ильич выглядывает? Он у нас за классную даму.

Саша поднялся.

- А ее так и не уговорил? - спросил Иван.

- Зачем? У каждого своя голова на плечах.

- Н-да... И эти голуби остались. Жорик с этой, как ее... Аллочкой. Справочки представили.

- Они же здоровее нас!

- Важнее всего бумажка... А вот почему нет Андреевой и Гориной?..

- Ну, Люся, та после болезни, сам знаешь.

- Да, пожалуй, Андреевой ехать нельзя. А Горина?... - Иван беспокойно посмотрел вокруг.

- У Светы спроси. Они в одной комнате живут.

- Спрашивал. Встала, говорит, чуть свет, оделась и ушла куда-то... Однако пора грузиться. В машину уже летели рюкзаки, со всех сторон в кузов лезли ребята. Иван подскочил к ним.

- Отставить! - скомандовал он. - Что за балаган! Славин и Войцеховский, забирайтесь в кузов и уложите вещи. Так... - Он придирчиво осмотрел уложенные рюкзаки. - Теперь садятся девочки. Усаживайтесь впереди... А теперь вы, братва! Да не спешите, усадемся.

Машина стала разворачиваться. Иван обернулся к Саше:

- Так и не пришла. Ничего не понимаю...

Аспирант кафедры петрографии Андрей Бардин только что приехал из Москвы, где был в командировке, и теперь, сидя за столом, старательно заполнял бланк отчета. Командировка была удачной. В институте минеральных удобрений дали высокую оценку работе Бардина, и материал в институтских фондах подобрался отличный.

Но прошло уже больше часа, как сел он за стол, а отчет не был дописан и до половины. Бардин вздохнул и бросил ручку.

"А может, не стоит сегодня затевать этот разговор с шефом?.. Успеется... Рассердится старик. - Он встал из-за стола и быстро заходил по комнате. - Но когда-то все равно надо. И чем позже, тем хуже. Как же быть?"

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату влетела, размахивая газетой, Нина Павловна.

- Андрей Семенович, вы читали сегодняшнюю газету?

- Нет, еще не успел.

- А здесь кое-что небезынтересное для вас. Читайте: "Успех звена Гориной".

Андрей недоуменно посмотрел на Нину Павловну. Почему его должен интересовать успех какого-то звена?

- Так это же то самое звено, с которым вы строили свой "химкомбинат".

- Звено Тани! - Андрей выхватил газету и впился глазами в разбегающиеся строки.

В короткой корреспонденции из Ульяновской области рассказывалось о том, как звено комсомолки Гориной, взяв истощенный участок земли, вырастило самый высокий урожай в колхозе. А в конце статьи упоминалось, что немалую роль сыграла в этом помощь, оказанная звену и всему колхозу аспирантом-геологом Бардиным, наладившим добычу и переработку местных руд.

- Ну что, неплохая заметка? - лукаво подмигнула Нина Павловна. - К предстоящей защите?
- Спасибо вам, Таня, - проговорил он.
- Что с вами, Андрей Семенович? Еще не защитили диссертации, а уже рассеянны, как профессор.

Андрей смутился:

- Я хотел сказать, молодец она, Таня. Большое дело делает.
- Подумаешь, какое дело! Много надо ума - в земле копать!

Андрей посмотрел на холеные руки лаборантки:

- Мы тоже в земле копаемся...

- Также сравнили! - Нина Павловна застучала каблучками в сторону двери. - Но для вашей защиты статейка просто клад. Так что скажите мне спасибо...

- Да что вы заладили: защита, защита! И кто вам сказал об этом?

Нина Павловна задержалась.

- Все говорят. К тому же хвалят вашу диссертацию, в ней, говорят, собрана масса фактического материала...

- Только нет ни одной живой идеи. Масса фактического материала... А как обработан этот материал? Вы были в нашей лаборатории? Видели, как лаборанты отмучивают глину и разделяют в сабанинских стаканах алеврит? Не знаю, как вас, а меня уже мутит от подобных "анализов".

- Но ведь вы посылали образцы на рентгеновские и на термические анализы.

- Вот именно, посылал! А не сам этим занимался. Хотя и эти методы бородой поросли. Так что, никакой защиты не будет! Я уже приступил к другой теме.

- К другой теме! - всплеснула руками Нина Павловна. - После двух лет работы! Кто это вам подстроил?

- Почему обязательно подстроил? - Андрей в раздражении отложил газету. - Никто ничего не подстраивал. Я сам вижу - вся моя работа на дедовских методах.

- Ну, это Ученому совету виднее...

- Не очень-то много видно Ученому совету, если сам его председатель, уважаемый профессор Бенецианов, считает бултыханье в стакане вершиной осадочной петрографии.

У Нины Павловны округлились глаза:

- Уж не собираетесь ли вы выступить против Бенецианова?

- А что?

- Проглотит...

- Воронова он тоже хотел проглотить, да зубы поломал.

- Андрей Семенович, дорогой, о чем вы говорите! Воронов - машина. Понимаете - электронная машина! У него нет ни чувств, ни нервов. А вам, с вашей душой ягненка...

- Откуда вы знаете мою душу?

- А кто ее не знает! Вы же мухи не обидите.

- Никого обижать я и не собираюсь, а то, что осадочная петрография, как все науки, нуждается в точных методах исследования, - докажу!

- Что же, дай бог, как говорится, нашему ягненку волка съесть, - бросила Нина Павловна, выходя из комнаты.

Андрей снова заходил из угла в угол. Нет уж! Пусть его работа по юрским отложениям не станет кандидатской диссертацией. Но он докажет, что радиоэлектроника и в осадочной петрографии должна сказать свое слово. Так и заявит сегодня шефу.

Собственно, это решение созрело у него давно, еще в июне, когда он возвратился в город и выписался из больницы. Бенецианов тогда потребовал объяснений по поводу просроченной командировки. А когда Бардин сказал, что задержался, помогая колхозу наладить собственное производство удобрений из местных руд, декан усмехнулся:

- Вы бы там еще металлургический завод начали строить.

- Но ведь использование юрских пород предусмотрено планом диссертации, - возразил Андрей. - А здесь открывались такие возможности...

- Подобные эксперименты проводятся в лаборатории, молодой человек. Вы аспирант, а не кустарь-самоучка. И время, отпущенное регламентом на диссертацию, нужно тратить по назначению.

- В лаборатории все это было мной проделано. Речь идет о практическом использовании. Вообще наши лабораторные методы... Вот новая методика с применением радиоэлектроники...

- Что-что? - перебил Бенецианов. - Какая еще электроника? В осадочной петрографии? Не мните из себя Ньютона, молодой человек. Вы только еще вступаете в науку. Мы были скромнее в ваши годы. Петрография наука немолодая, у нее давно выработаны свои, так сказать, классические методы исследования. Ими пользуются все, и в том числе такие корифеи, перед которыми даже мы, профессора, склоняем головы. А вам, видите ли, этого мало. Понадобилась какая-то радиоэлектроника. Хотите спекулировать модным увлечением. Но, молодой человек, наука этого не любит... А вот о причинах задержки в командировке сообразовали представить письменное объяснение.

На другой день в приказе по факультету аспиранту Бардину был объявлен выговор за "халатное отношение к своим обязанностям и превышение полномочий, представленных научной командировкой". А у Андрея созрело окончательное решение разработать новые методы изучения осадочных пород, которые сделали бы петрографию точной аналитической наукой.

Но как на это посмотрит шеф? Будь на его месте Воронов, тот поддержал бы, несомненно. А заведующий кафедрой петрографии Леонид Иванович Греков - человек старой закалки. Впрочем, этим, пожалуй, и ограничивалось его сходство с такими приверженцами "классической" геологии, как Бенецианов. Профессор Греков являл собой образец типичного университетского ученого русской школы, немного педантичного, немного замкнутого, немного сварливого, но до самозабвения влюбленного в свою науку и исключительно добросовестного во всем, что касалось научных исследований и взаимоотношений между учеными. Многие черты старых университетских традиций сохранились и в отношении Грекова к студентам. Никогда не проводил он проверки посещаемости, не делал студентам замечаний, не писал на них рапортов в деканат, зато нередко приглашал того или иного студента к себе в кабинет и подолгу беседовал с ним, как равный с равным, не избегая самых острых вопросов, и если в кабинете была девушка-студентка, то непременно спрашивал у нее разрешения закурить, а ребятам сам пододвигал свой ящик с папиросами, неизменно называя всех коллегами.

Андрей глубоко уважал своего старого учителя, и потому предстоящий разговор волновал его больше, чем памятная перепалка с деканом, тем более, что Греков со своей стороны тоже проявлял постоянное расположение к беспокойному аспиранту.

Но будь что будет! Профессор должен понять его. А если не поймет, Андрею нечего больше делать на факультете.

Он сел к столу и придвинул к себе газету. Милая далекая Танюша... Ведь он мог бы туда съездить. Ну, скажем, для того, чтобы увидеть, как работает установка. Там, в колхозе, ему, конечно, будут рады. А вот как его встретит Таня? Особенно после той глупой истории с лошастью...

Дверь снова скрипнула - видимо, кто-то вошел. Андрей не оглянулся, - к Нине Павловне приходило немало разных приятелей и приятельниц.

- Здравствуйте... - услышал он.

Андрей обернулся.

- Таня!.. - он вскочил с места и порывисто шагнул к девушке. - Здравствуйте, Таня.

Она смущенно улыбалась, теребя в руках какой-то бумажный сверток.

- Еле разыскала вас...

- Еще бы! У меня ведь и места постоянного нет. Устроился пока вот в лаборатории у минералогов.

Оба смущенно замолчали.

- Да, - вспомнил Андрей, - только что прочитал о вашем звене в газете. Поздравляю, Таня.
- В газете? Вы шутите. А поздравить меня можно. Я все-таки поступила в университет и теперь студентка.
- В наш университет?
- И даже на ваш факультет..
- Нет, в самом деле?.. Вот молодец. Я так и думал, что вы такая... Поздравляю.
- Спасибо. Это ведь я вам обязана. И в колхозе, и... вообще. Я хотела бы... - Она развернула сверток и протянула Андрею большой букет белых цветов.
- Ой, что вы! Мне никогда еще... Даже не знаю, как благодарить вас... Да вы садитесь, пожалуйста!
- Нет-нет! Я па минуточку. Сегодня вся наша группа едет в колхоз.
- Но как же... Мне столько нужно сказать вам!
- После, когда приедем. - Она протянула ему руку.
- Таня...
- До свидания, Андрюша.
- Но расскажите хоть, как вы...
- После, после! Там, наверное, уже собрались. А мне еще надо забежать в общежитие. Недели через две, надеюсь, увидимся.

Таня бежала по улицам, и лицо ее светилось радостью. Только бы не опоздать! Вот и университетский двор. Но где же все? Таня глянула в подъезд и увидела Андрееву.

- Люся!
- Таня! Где же наши?
- И я ищу их. Неужели опоздали?.. - Она растерянно оглядела пустеющий двор и радостно захлопала в ладоши:
- Да вон они! Уселись на машине. Ой, уже поехали! Бежим скорей! Иван! Иван, подождите нас!

А Иван уже колотил по крыше кабины. Машина затормозила.

- Что случилось? - высунулся из кабины Петр Ильич.
- Андреева с Гориной отстали.
- Ох, уж эти девушки! Вечно с ними какая-нибудь история, - проворчал Петр Ильич. - Крикните, чтобы поторопились.

Иван толкнул Сашу в бок:

- Пойдем, поможем!

Они спрыгнули на землю.

- Что же вы так долго спите?
- Да мы не проспали! Вот ни столечко! - ответила Таня, показывая кончик пальца.
- Ладно-ладно, давай рюкзак и бежим скорее! Петр Ильич покажет вам "нисколечко".

Саша снял рюкзак с Люсиных плеч:

- Ну, а ты зачем едешь, после болезни?
- Я? - Люся посмотрела ему в глаза. - Но ты, кажется, тоже...

Рюкзаки девушек полетели через борт, а следом и сами они буквально взлетели на машину, подхваченные руками нескольких ребят.

На этот раз Стенин сам зашел к Воронову, чтобы продолжить разговор, начатый несколько дней назад. Неожиданно заведующий кафедрой минералогии поднял вопрос, который давно уже волновал и Стенина.

- Юрий Дмитриевич! - начал он. - Если послушать вас, может сложиться впечатление, что на факультете у нас вообще полный застой научной мысли. А ведь это не так. Я уже не говорю о Леониде Ивановиче, труды которого имеют мировую известность. А возьмите Ростова. Его рекомендации позволили открыть уникальные месторождения. А старик Егоров! На его работах держится все водоснабжение города. И немало таких... Недавно и у

нас на кафедре начало развиваться новое и, я бы сказал, весьма перспективное направление. Может, вы не в курсе дела, но мы считаем, что в определенные этапы развития Земли весь ее животный и растительный мир в силу каких-то причин общепланетарного или даже космического характера претерпевал одновременные, хотя, возможно, и не очень резкие, изменения. Естественно, что если бы нам удалось отмечать эти изменения на ископаемых объектах, то геология получила бы надежное орудие для определения возраста и синхронизации любых отложений. Наконец, и у вас на кафедре...

- Не в этом дело, Алексей Константинович! - заметил Воронов. - Да, мы добились кое-каких результатов. И факультет в целом не стоит на месте. Но речь не об этом! И не об одном нашем факультете. Вся геологическая наука подходит... как бы точнее выразиться, к кризису, что ли...

- Вот-вот! Но что вы понимаете под кризисом?

- Я исхожу из того, что в развитии всех наук можно наметить три основных этапа: первый - сбор, накопление и систематизация фактов; второй - создание частных гипотез, которые как-то объясняют тот или иной факт и держатся в науке до тех пор, пока новые факты не входят в противоречие с ними, тогда, естественно, гипотезы видоизменяются или отбрасываются целиком; и третий - выработка строгой научной теории, которая вскрывает всю сущность вещей и явлений и в состоянии не только связать и объяснить все известные факты, но и предсказать то, что еще неизвестно науке на сегодняшний день. Нередко этому третьему этапу предшествует какое-нибудь крупное радикальное открытие, которое и создает своего рода кризис в науке, заставляя переоценивать истины, ранее казавшиеся незыблемыми. В математике это было открытие дифференциального и интегрального исчисления, в физике - строения атома, в химии - периодического закона и теории химической связи. Ничего подобного пока нет в геологии. Она до сих пор находится на уровне создания частных гипотез, большинство из которых строится чисто умозрительным путем.

Стенин раскрыл портсигар и долго раскуривал папиросу, видимо, собираясь с мыслями. Наконец он сказал:

- Ваши рассуждения в общем-то, пожалуй, верны. Однако нельзя все-таки сбрасывать со счета специфики геологии, как науки. А эта специфика накладывает отпечаток и на характер ее развития. И прежде всего, специфичен сам объект наших исследований. Земной шар или, по крайней мере, вся его поверхностная часть - вот тот объект, с которым имеет дело геология! Попробуй-ка создать единую теорию всех процессов, совершающихся в его недрах! Но, допустим, возможна такая теория. А достаточны ли наши знания для того, чтобы уже сейчас решать эту гигантскую задачу? И потом, в подавляющем большинстве тех открытий, о которых вы говорили, главная заслуга принадлежит эксперименту. А каковы возможности для этого у геологии? Вы сами знаете, что до сих пор мы углубились в недра земли максимум на пять-семь километров. Тектонические движения земной коры дают нам возможность заглянуть еще километров на десять-пятнадцать. И это все! Но ведь это всего-навсего три десятых процента земного радиуса. Как же нам экспериментировать? Не рано ли ставить вопрос так, как ставите его вы?

- Я предвидел такие возражения, Алексей Константинович, - сказал Воронов, - и постараюсь на них ответить. Вы спрашиваете, возможно ли создание единой теории геологических процессов? Согласитесь, что это равнозначно вопросу, находятся ли процессы, происходящие в земных недрах, в причинной взаимосвязи и взаимозависимости. Но ведь ответ здесь очевиден: конечно, все процессы, происходящие в недрах земли, начиная с движения материков и кончая образованием месторождений полезных ископаемых, тесно связаны между собой и подчинены общим закономерностям. И вот я считаю, что необходима строгая научная теория, которая с исчерпывающей полнотой вскрыла бы именно эти общие закономерности. Это и должно стать главной задачей современной геологии. Безусловно, она сложна. Но общие закономерности могут и должны быть выявлены! Тогда не придется почти вслепую, опираясь лишь на так называемые "поисковые признаки", отыскивать месторождения полезных ископаемых. Больше того, тогда наука

сможет наконец предсказывать и такие грозные явления, как землетрясения, извержения вулканов и тому подобное. Так что вопрос о создании единой теории геологических процессов назрел давно, и решать его нужно уже сегодня... Далее, вы спрашиваете, достаточно ли у нас для этого знаний. Конечно, пока недостаточно. Но накапливаем ли мы эти знания? Нет! Мы копируем факты. А не знания. И в этом главный порок так называемой "классической" геологии. Иногда приходится слышать, что наша наука не доросла еще до решения таких проблем, которые охватывали бы всю совокупность геологических процессов. Так не геология, Алексей Константинович, а наши научные кадры в большинстве своем недостаточно подготовлены для того, чтобы взяться за это дело. При той системе рабюты со студентами и молодыми научными работниками, какая существует на нашем факультете, мы еще долго будем ощущать эту неподготовленность. Сейчас не может быть ученого-геолога без серьезных знаний физики и математики, как не может быть и геологической науки, оторванной от этих и целого ряда других наук. И наконец о методах познания геологических процессов. Вы говорите, геология не располагает достаточными экспериментальными возможностями. Да, я согласен с вами, что бурение даже на глубину в двадцать километров пока еще неразрешимая проблема. Я скажу больше. Если бы мы смогли бурить такие и даже еще большие скважины, - это все равно не решило бы задачи. Но что это значит? Это значит, что нужно искать другие пути изучения земной коры и всей Земли в целом. Ведь физики тоже не видели атома. Не держали в руках электрона или протона. Химики не препарировали молекулярные сооружения. И наш коллега Федоров, создавая теорию пространственных групп, не имел возможности любоваться решетками кристаллов. И тем не менее строение атома известно. Молекулы химических соединений создаются теперь прямо по заказу.

- Да, но геология все-таки наука о Земле. Наука, выросшая из полевых исследований и оставшаяся учением о полевых исследованиях. Готовим-то мы с вами геологов-полевики, и главная задача геологии - поиск полезных ископаемых. Не будь этого, исчезла бы сама основа развития геологических знаний.

- Я ни в коем случае не против полевых исследований, хотя и не склонен так суживать задачи геологии. Но и в полевых исследованиях пора шире использовать богатейший арсенал современной физики.

- Тогда вся геология попросту превратится в геофизику, - заметил Стенин.

- Ничего подобного! Геофизика - в том смысле, в каком она существует на нашем факультете, - лишь один из методов геологических исследований, а не самостоятельная наука. Геология, безусловно, будет все больше и больше опираться на этот метод. Но этого недостаточно. Для решения своих задач она должна привлекать новейшие достижения и физики, и химии, и математики, и многих других наук, чего не делает "классическая" геология. Я не против геологии, как науки, я против этой вот "чистой", или как там еще, геологии.

Воронов откинул со лба упавшую прядь волос. Стенин бросил недокурную папиросу.

- Н-да, теперь я понимаю, почему Бенецианов и иже с ним так ратуют против вас. Ведь дай вам волю, вы всех засадите за парту.

- Без этого сейчас нельзя, Алексей Константинович. И я буду убедительно настаивать, может быть, даже в печати, на перестройке всей системы преподавания в геологических вузах, на предоставлении студентам настоящих физико-математических знаний. А в первую очередь этот пробел нужно восполнить нам, ученым, преподавателям.

- Вы представляете, что значит переучиваться в пятьдесят пять - шестьдесят лет?

- Для ученого это обязанность в любом возрасте.

- Но ведь ученый - не абстракция. Это прежде всего человек, и что по плечу молодым и даже таким, как мы с вами, не всегда возможно для людей преклонного возраста. Тем более, что они отдали жизнь определенному направлению в науке.

- И все-таки начало должны положить учителя. Иначе не смогут они по-новому учить своих учеников.

- Однако не все понимают это.

- Ерунда! Понимают все. Но в том-то и дело, что мало только понимать, нужно заставить себя сломать весь привычный уклад работы и сесть, как вы сказали, за парту. И это, конечно, не всем по вкусу. Поэтому, честно говоря, главные свои надежды я возлагаю все-таки на молодежь. - Воронов с минуту помолчал и добавил: - Ну, и на среднее, так сказать, звено, вроде нас с вами.

Стенин улыбнулся:

- Это чувствуется. Хотя бы по тому, с каким жаром вы стараетесь обратить меня в свою веру.

- И с каким же успехом? - улыбнулся и Воронов.

- Ну, тут есть над чем подумать. Вот и будем думать, не откладывая в долгий ящик.

- Это уже неплохо.

- И будем искать, на кого опереться у нас... - продолжал Стенин, снова закуривая.

- Тут я настроен более оптимистически. Опереться есть на кого.

- И давно вы это почувствовали?

Воронов замялся. Вопрос Стенина напомнил ему о недавних днях, когда он жил и работал словно лишь по инерции.

- Нет, недавно, - произнес он, прямо взглянув в глаза Стенину.

- Я рад за вас, Юрий Дмитриевич, - сказал тот как бы между прочим. И Воронов понял, что секретарь партбюро всегда интересовался его делами, пожалуй, больше, чем он представлял себе до сих пор.

Проводив Стенина, Воронов вызвал к себе лекционного ассистента:

- Федор Тимофеевич, через двадцать минут лекция.

- Какая лекция?

- Минералогия в одиннадцатой группе.

- Так они же в колхоз уезжают.

- Ах, да! Как я забыл...

- Да вон, как раз поехали. Смотрите!

Воронов распахнул окно, и в комнату вместе с холодом осеннего дня ворвался громкий многоголосый гомон: по улице шла целая колонна автомашин, заполненных студентами.

- А вон и Петр Ильич! - продолжал Федор Тимофеевич. - Видите, в последней машине, из кабины выглядывает.

Воронов перевел взгляд в конец колонны и вдруг увидел ее - девушку, так прочно поселившуюся в его сознании. Она смотрела на окна. Воронов поспешил отойти в глубь комнаты. Однако студенты уже заметили его.

- Юри-и-ий Дмитриеви-и-и-ич! - донеслось оттуда, с улицы, заглушая гул моторов.

Воронов помахал им рукой.

Через минуту машины скрылись. Воронов закрыл окно:

- Да, уважаемый Алексей Константинович, мне есть на кого опереться.

11. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

На третий день в поле, где одиннадцатая группа убирала картофель, приехал председатель колхоза. Он долго разговаривал с Петром Ильичей, затем подошел к студентам.

- Здорово, молодцы!

- Здравствуйте, - нестройным хором ответили ребята.

- Как у вас дела?

- Лучше всех! - ответил Краев, сдвигая кепку на затылок.

- Та-а-а-к... - Председатель окинул взглядом пройденные борозды. - А чего же тогда работаете хуже всех?

- Как это хуже всех? - выступил Саша.

- А так. Бригадир замерил вашу работу. И оказалось... - Он вынул бумагу и выразительно щелкнул по ней пальцем. - Вот! Ваша группа сделала вчера меньше других!

- Не может быть! - возразил было Саша, но, вспомнив, что многие ребята вчера действительно больше волюнили, замолчал. Ивана с ними не было. Его послали на трактор в другую деревню. А Петр Ильич почти ни во что не вмешивался. Он или сидел на меже, читая книгу, или совсем уходил куда-то с поля.

- Мне врать не резон, - продолжал председатель. - С этого дня каждой группе дается участок. И тот, кто уберет его до срока, раньше вернется домой, отдохнет перед занятиями. Ну, а вам, как видно, придется до конца работать.

После ухода председателя Саша не выдержал:

- Вот что, ребята, работать так работать! Стыдно же такое слушать. И в университет сообщат...

- А ты верь ему! - вмешался Колька Краев. - Он всем так говорит. Известный прием! Сейчас и к другим с тем же поедет.

- Неужели думаешь, что все так же, как ты, вверх животом лежат да в карты режутся! - вскипел Саша.

- Вот и лежу! - ответил Краев. - И буду лежать! Меня такими баснями не купишь! А ты развесил уши. Не беспокойся, никого раньше срока не пустят. И нечего нас агитировать, как маленьких.

- Ай-вай-вай! - усмехнулся Джепаридзе, рослый парень с шапкой густых волос и маленькими усиками. - У нас в Грузии ни один порядочный мужчина в земле не копается.

- А в нашей деревне, - ответила ему Таня, - с таким "порядочным" парнем даже рябая девка не станет разговаривать.

- Получил? - засмеялась Светлана.

- Девчонки! - сверкнул Джепаридзе глазами. - Смотрите у меня! Грузинский народ - горячий народ!

- Ничто! Сбрызнет нашим дождичком, и остынешь! - отпарировала Таня.

Через минуту вся группа гудела, как потревоженный улей.

- Ну, хватит! - крикнул Саша, стараясь перекричать расшумевшихся ребят, - предлагаю разделиться на четыре бригады. Одну возглавит Краев...

- Другую возьмет Ларин! - крикнул Войцеховский. - Хватит ему языком трепать.

- Не беспокойся, "чемпион"! От вас не отстанем. Витька, вербуй себе тоже бригаду!

- И Степанову дайте! - потребовал Краев. - Хочу с ним силами помериться. Посмотрим, как на деле он постоит за честь группы.

- Давай, давай! - ответил Саша. - Пошли отсчитывать борозды.

Вернулся Петр Ильич. Он провожал председателя колхоза и не слышал спора.

- Вот что, - сказал он, обращаясь ко всем. - Нам следует обдумать создавшееся положение, ибо информация, полученная мной от председателя, вызывает опасение...

- Петр Ильич, простите, что я вас перебиваю, но мы уже надумали, - сказал Саша. - Только что разбились на бригады.

- И теперь нам тратить время некогда, - вступился Краев.

Петр Ильич только пожал плечами.

Вечер опускался на тихую деревенскую улицу. Только что прогнали стадо. По дворам надсадно блеяли овцы, тонко позванивали струйки молока о дно подойников. На темнеющем небе замигали первые звезды.

Саша, встав с завалинки, тихо шел по широкой улице, туда, где виднелась невысокая изгородь из тонких жердей - околица. Здесь он остановился, глядя на темную дорогу, сбегавшую по светлому жнивью к невидимой сейчас реке. Там, внизу, было уже темно, и казалось, именно оттуда, из-за плотной стены густого тальника, надвигается на деревню ночь.

Саша присел на изгородь и задумался. Как просто было бы поговорить сейчас с Наташей. И все бы стало на место. Временами ему казалось, что никакой размолвки не было и что все это он придумал сам. Но тогда не стоял бы он сейчас один под огромным звездным небом...

Вдруг легкий шорох послышался на дороге. Саша поднял голову.

- Люся? - удивился он.

- А-а, ты, Саша. Я даже испугалась. Вижу, стоит кто-то в темноте. - Она подошла ближе. - Правда, хорошо на улице? А в избе душно. Я девчонок звала...

Саша вздохнул,

- А почему ты такой печальный? Неужели из-за того, что краевская бригада нас обогнала? Он ведь самых сильных собрал. И потом... Даже лучше. Главное, что все хорошо работали.

- Нет, не потому.

- Из-за Наташи?

Он смутился.

- Да, из-за нее.

- И зачем вы ссоритесь?

- А мы и не ссорились как. будто...

И он рассказал ей обо всем, что было в ту субботу и после, кончая разговором с Наташей в день отъезда.

- Вот ведь как все получилось.

Откуда-то издалека, должно быть, с другого конца деревни, послышалась песня. Сначала тихо, потом все громче, уверенней, она будто плыла над уснувшей землей.

- Слышишь? - тихо шепнула Люся. - Наши поют.

- Надоел я, наверное, своими рассказами?

- Нет-нет! Если б надоел, я давно бы ушла.

Больше они не говорили ни слова. И сидели не двигаясь, слушая песню. И смотрели в темноту. И ему хотелось, чтобы так было долго-долго.

Хорошо, конечно, когда все трудятся на совесть. А все-таки обидно Саше, что его бригада позади краевской. Сегодня только начали работать, а ребята Краева опять уже вырвались вперед. Особенно Попов с Джепаридзе. Глядя па них, и остальные подтягиваются, даже девчата из бригады Валерия. Но вот Краев оглядывает поле и кричит:

- Эй, Степанов! Саша оборачивается.

- На вот, держи! - Колька выхватывает из кармана кусок веревки и протягивает конец Саше. Все хохочут.

Саша схватил ведро и чуть не бегом понес его к картофельной куче. На нем уже рубаша взмокла. Но разве угонишься за Джепаридзе. Они с Поповым словно летят по борозде. Только почему так медленно наполняется у них ведро? Картошки, что ли, там нет? Саша присмотрелся внимательней. Похоже, они просто идут по борозде, переворачивая землю лопатой.

Он подошел к Джепаридзе и, ни слова не говоря, копнул землю - из-под лопаты вывернулась картошка. Копнул в другом месте - то же самое.

- Вы что, все время так работаете? - подступил он к Джепаридзе.

- А ты что за контроль? Проваливай к своей "краснознаменной". У нас пока свой бригадир.

- Вот и покажем бригадиру. Крае-е-ев!

- Что там такое?

- Иди-ка сюда. Краев нехотя подошел:

- Ну, чего?

- Копни-ка здесь.

Колька недоуменно пожал плечами, но, взяв лопату, вонзил ее в землю. Показалось несколько крупных картофелин.

- Еще копай!

Но Краев уже и сам принялся с ожесточением рыть пройденную борозду. Наконец, бросив лопату, подошел к Джепаридзе.

- Что же вы? Бригаду позорить?!

- Брось, Колька! Из-за такой дряни... - Джепаридзе презрительно поджал губы. - Ай-вай-вай! У нас в Грузии...

- Хватит мне про свою Грузию! - обозлился Краев. - У нас в России вот что за это делают! - И он ударил Джепаридзе кулаком в грудь.

Тот качнулся, но устоял и с криком бросился на Краева, стараясь достать его своими кулаками. Саша схватил Джепаридзе за руки.

- Успокойся!..

- А какое он имеет право драться? В Грузин такое...

- Ладно-ладно! Лодырей везде учат. А если будешь и дальше так "работать", пеняй на себя! Понял?

Джепаридзе молчал.

Саша повернулся к Попову:

- Ну, а ты что воды в рот набрал?

- А чего я... У меня лопата, - растерялся тот. - Мое дело копать...

- Вон из моей бригады! - не мог успокоиться Краев.

- А кому они такие нужны? - возмутилась Светлана.

- Да уж, Краев, - вступился Фарид, - сам свою бригаду воспитывай, потому что, во-первых, ты сам ее набирал, во-вторых, она у тебя сейчас передовая...

В это время подошел Петр Ильич:

- Что случилось? Драка?

- Да нет, - сказал Саша. - Уточняем кое-какие разногласия.

- Воспитательная работа в бригаде Краева, - усмехнулся Валерий.

- А хоть бы и так! - вспыхнул Колька. - И нечего тут глазеть! А вы... герои, шпарьте к началу борозды! И чтобы всю ее пройти заново. Только не вздумайте халтурить.

Ребята расходились по местам. Сашу задержал Петр Ильич:

- Я давно собираюсь поговорить об одном деле. Понимаешь, скоро у меня защита...

- Придем, Петр Ильич. Непременно придем послушать.

- Но дело не в этом. Видишь ли... Отец твой прислал на мою диссертацию отзыв. Да, в общем, все в нем правильно, за исключением... Андрей Иванович не представляет обстановки на факультете. А надо сказать, обстановка сложная. Бенецианову, например, хотелось бы досадить Воронову, ну, хотя бы тем, чтобы провалить меня на защите. А отзыв Андрея Ивановича составлен в таких выражениях, что Бенецианов да и некоторые другие сразу же ухватятся...

- Он что же, отрицательный?

- Да нет, нельзя сказать, чтобы отрицательный. Но есть в нем такие выражения... Например, он пишет, что я обобщил, что ли, данные работ геологов Урбекской экспедиции. У нас же к этому непременно придерутся. Так вот, я просил бы, чтобы ты написал Андрею Ивановичу. Опиши ему всю обстановку...

- Я не могу, Петр Ильич.

- Почему?

- Мне трудно разобраться во всем, что вы говорите, но думаю... Отец не мог ошибиться... Вы сами напишите ему.

- Неудобно как-то.

- Пусть тогда напишет Юрий Дмитриевич.

- Нет, Саша, это все не то! Право, такой пустяк...

- Нет, Петр Ильич, для меня это не пустяк.

- Ну, что ж, извини. - Петр Ильич нахмурился и быстрыми шагами отошел в сторону.

В субботу утром Саша был разбужен криком хозяйкиной внучки Настюшки. Та вбежала как угорелая в избу и еще с порога заголосила:

- Баба! Баба!! Там, у нашей бани - кресты! Видимо-невидимо!

- Какие кресты? - не поняла хозяйка, возившаяся у печки.

- Самые настоящие, с кладбища. Целая куча!

Хозяйка бросила хват и вышла на крыльцо.

Саша, усмехнувшись, повернулся на другой бок. Он знал, в чем дело. Накануне вечером ребята - в избе их жило пятеро - попросили хозяйку истопить в субботу баню. Но хозяйка заявила, что ей топить нечем, нет дров. Тогда ребята решили достать их. Однако леса поблизости не было, а вдоль речки рос лишь редкий чахлый кустарник. И вот кому-то из ребят, не то Войцеховскому, не то Птичкину, пришла такая мысль: притащить с кладбища старые кресты. Они давно покосились, а некоторые совсем упали, и уж, конечно, никому не было до них дела.

- Нет, ребята, - сказал Саша, - не стоит нам трогать кладбище. Не понравится это местным жителям.

- Не понравится? - удивился Войцеховский. - А когда церкви закрывали, думаешь, тоже всем нравилось?

- Церкви - другое дело. А кресты - на могилах...

- По-моему, все это просто пережиток, - вмешался Женя Птичкин. - Да и кладбище, видать, заброшенное.

- Конечно, - поддержал его Славин. - Только вот неудобно тащить кресты по улице. Засмеют.

- А мы ночью, когда стемнеет! - предложил Войцеховский.

На том и порешили. Теперь Саша лежал и прислушивался. Обрадуется ли старуха, когда увидит, каких дров ей принесли постояльцы. Тут не то что на баню, - на все пять хватит.

Хозяйка влетела в избу так, будто за ней гнались собаки.

- Ой, батюшки! - причитала она. - Что ж это, Настюшка? Беги к соседям! Нет, стой, смотри за печкой! Я сама побегу.

Ребята проснулись.

- Куда вы? - вскочил Войцеховский. - Что случилось?

- Ой, батюшки! Вставайте! Напасть-то какая: крестов полон двор!

- Да мы это принесли. Баню топить.

Хозяйка с минуту молчала, потом, поняв наконец смысл сказанного, разразилась такой бранью, что верзила Войцеховский попятился к двери.

- Вы?! Антихристы! Чтобы руки у вас поотсыхали! Богохульники! Ишь ведь, что надумали - кресты с могил сбивать! Ну, это вам так не пройдет! Я в сельсовет пойду. - И, поправив на голове платок, она вышла, сердито хлопнув дверью.

Все молчали.

- Вот что, ребята, - предложил Саша, - давайте скорее порубаем и - в поле! Обойдется как-нибудь. Не будет же сельсовет заниматься ерундой.

Однако надежды Саши не оправдались. Не успели ребята приступить к работе, как в поле прибежал мальчишка и крикнул, что "студенческого начальника" требуют в сельсовет. Петр Ильич, недоуменно пожав плечами, направился в деревню.

Ребята приуныли.

- Что будем говорить? - спросил Войцеховский.

- Что было, то и скажем, - ответил Саша.

- Нет, надо что-то придумать...

- Зачем?

- А чтобы не всыпали по первое число. Дело-то вон как оборачивается.

- Обернется, так скажем прямо: взяли кресты на кладбище...

Петр Ильич вернулся часа через полтора и подозвал к себе участников "крестового похода".

- Натворили! - начал он без всякого предисловия. - Всю деревню против себя восстановили!.. Позор!

Все пятеро молчали.

- Чуть замаял это дело, - продолжал Петр Ильич, понизив голос. - А теперь вот что - немедленно в деревню, и чтоб через два часа кресты были на месте. Поняли?

- Поняли, - ответил Саша. - Только зачем такая спешка, можно ведь и вечером.

- Ну, хватит рассуждать!..

А через час работавшая в поле одиннадцатая группа увидела странное шествие. Вначале никто ничего не понял. А когда разглядели, то хохот раскатился по всему полю.

Во главе удивительной процессии шагал Костя Славин с огромным крестом на плече. За ним по двое в ряд шли Саша с Войцеховским и Вайман с Птичкиным - тоже с крестами на плечах и во все горло тянули что-то среднее между похоронным маршем и "Дубинушкой". Сзади них со смехом и криками бежала целая ватага деревенских ребятишек. А замыкал шествие большой облезлый пес, охрипший от лая при виде столь необычного зрелища.

Петр Ильич растерянно молчал. Он так старался, чтобы это происшествие не получило огласки. А по всему полю к дороге бежали студенты, за ними - колхозные ребята и девушки. И вся эта толпа, отнюдь не похожая на похоронную процессию, валила в сторону кладбища, уныло сереющего на краю поля.

Собрание было бурным. Несмотря на все доводы Петра Ильича, ребята никак не хотели "строго и решительно осудить неблаговидный поступок своих товарищей".

Впрочем, Войцеховский тут же отмежевался от "неблаговидного поступка", заявив, что они с Костей Славиным в данном случае играли всего лишь роль "рабочей силы".

- Сказали нам "бери", - мы взяли. Сказали "неси", - мы понесли. А кто сказал, - не помню.

Еще более скромную роль играл, оказывается, в этом "поступке" Женя Птичкин. Он просто помогал Войцеховскому и Славину. Что же касается Бори Ваймана, то по его словам выходило, будто бы он даже отговаривал ребят от рискованной затеи.

Получалось так, что единственным виновником "поступка, ложившегося пятном на всю группу", был Степанов. Тем более, что сам он и не пытался выгораживать себя! На Сашу и обрушил весь гнев рассерженный Петр Ильич. Правда, в разгар его нравоучений Славин не выдержал и крикнул, что все они виноваты. Но Петр Ильич сейчас же спросил его:

- А кто был организатором этого шутовского шествия с крестами?

- Я думаю, организаторами были те, кто придумал нести кресты на кладбище, - ответил Саша. - А то, что мы подурачились дорогой, так в этом нет ничего особенного.

- Но вы хоть понимаете всю неблаговидность вашего поступка? - горячился Петр Ильич.

- Не очень.

- А что же тут неблаговидного? - спросила Светлана. - Ведь отнесли кресты на место!

- Подумаешь, кресты! - протянула Вика Хонцер. - Если бы они трактор взяли...

- Верно - поддержал Краев.

- Сейчас же прекратите шум! - потребовал Петр Ильич. - Беленький, скажи-ка, совместим ли этот поступок со званием комсомольца?

Витя замаялся:

- Да ведь о крестах в уставе ничего не сказано. А что касается борьбы с религией...

- При чем здесь борьба с религией! - Петр Ильич даже покраснел от досады. - Степанов нарушил общественный порядок. Понимаете? Общественный порядок!

- И что вы все: Степанов да Степанов! - не унималась Светлана. - Когда он придумал бригады, никто ему доброго слова не сказал. А теперь, когда Степанов какие-то гнилушки взял, принялись его прорабатывать!

- Постой! - перебил ее Фарид Ибрагимов. - Дайте слово. Я скажу так. Организовал Степанов бригады - хорошо. Мы его за это уважаем. А вот унес кресты - плохо. Почему? Да потому что, во-первых, без разрешения даже деревья из леса нельзя тащить, а кресты все-таки люди

делали. Во-вторых, сегодня Степанов отвлек от работы всю группу. Я сам побежал смотреть...

- А ты бы не бегал!

- Нельзя было, когда все бегут...

Саша не выдержал:

- Никого бы мы не отвлекали, если бы не заставили нас днем с этими крестами возиться. Я предлагал их ночью отнести...

Наконец поднялся Иван. Он час тому назад приехал из другой деревни, где работал на подъеме зяби.

- Скажу прямо. Не ожидал я такого... И дело здесь не в религии, не в каком-то нарушении порядка. Дело в том, что у каждого человека есть в жизни что-то самое дорогое. И надо бы научиться уважать это, не быть такими бездушными.

Саша облизал пересохшие губы. Он хотел сказать Ивану, что все было не так. Но что не так? Ведь он все-таки пошел на кладбище. Не говорить же сейчас, что вначале он отговаривал товарищей и даже спорил с ними! Чем он тогда будет лучше Ваймана и Войцеховского?

Но упрекать его в бездушии? Отчитывать только за то, что не стал он юлить и изворачиваться... Эх, Иван, Иван!

А в наступившей тишине звенел уже взволнованный голос Люси:

- Да, поступили нехорошо. Ведь под каждым из этих крестов - чьи-нибудь родные. А Саша...

- Ну, что Саша? Что Саша? - закричал он, вскакивая с места. - Ведь все вы просто ничего не знаете. А говорите...

- Но что еще нужно знать, скажите, пожалуйста! - перебил Петр Ильич. - Теперь все ясно!

Люся возразила:

- Нет, пусть он выскажется. Может, мы действительно чего-нибудь не знаем.

- Ничего я больше не скажу, - отрезал Саша. - Не к чему!

А вечером, когда стемнело, он ушел далеко за деревню и там, шагая по сухому колючему жнивью, почувствовал такую обиду, какой не знал еще ни разу в жизни.

Ну, пусть Войцеховский шкурник. Ничего другого Саша и не ждал от него. Не удивил и Петр Ильич. Но Иван... Как тот мог, не разобравшись и даже не поговорив с другом, так отхлестать его при всех? А Люся... Да что и говорить! Видно, нет у него верных друзей. Он выбрался па дорогу. Начал накрапывать дождь. Была бы сейчас Наташа... Ведь она-то была ему настоящим другом. А он даже не написал ей до сих пор.

Саша повернул обратно к деревне. В окнах темно. Все уже спали. Только в сельсовете, у дежурного, виднелся неяркий свет. Саша постучал в дверь.

- Кто это? - спросил сонный старческий голос.

- Разрешите мне срочное письмо написать.

- Письмо? - Дверь медленно раскрылась, и в ней показалось морщинистое заспанное лицо сторожа. - Чего тебя приспичило на ночь глядя?

- Надо, папаша. Очень надо!

- Ну, раз так, пиши. Вот у меня и конвертик.

Саша уселся на лавку, обмакнул перо в чернила и задумался. О чем писать? В голове была сумятица. Нет, в письме того не выразишь.

"Наташа, - написал он, - очень прошу, брось все и приезжай сюда. Я был, наверное, неправ. Мне столько нужно сказать тебе! Приезжай, Наташа!" - Он запечатал конверт и повернулся к старику. Но тот уже спал на скамейке.

Саша старательно вывел адрес.

"Если не ответит... Но этого не может быть!" - Он встал из-за стола и тихо, стараясь не разбудить сторожа, вышел на крыльцо.

12. "НАУЧНАЯ КАРЬЕРА" АШМАРИНА

Совещание заведующих кафедрами закончилось.

Модест Петрович расстегнул пиджак и ослабил ворот. Голова чуть кружилась. Годы...

За плечами уже семь десятков лет и полвека научной деятельности. Срок немалый. Не мудрено, что на голове почти не осталось волос, а под глазами набухли мешки. Иные и не доживают до столь почтенного возраста. И уж, во всяком случае, немногие удостаиваются видеть эту круглую цифру, отделанную в красный бархат и увитую цветами, над столом президиума в актовом зале университета.

А заседание Ученого совета, посвященное семидесятилетию профессора Бенецианова, было особенно торжественным. Папки с адресами заполнили весь стол. Все выступавшие называли себя не иначе как учениками Модеста Петровича. Все отмечали, что именно с него, профессора Бенецианова, началась история геологического факультета.

Да так оно и было. Все они, сидящие в этом зале, слушали профессора, изучали его труды. Знали, как Бенецианов еще в первые годы Советской власти создал геологический кабинет при естественном факультете, а затем добился выделения его в самостоятельный факультет. Все читали работы Бенецианова, датированные еще тысяча девятьсот двадцать шестым, двадцать вторым и даже семнадцатым годом.

Только вот о его послевоенных работах почему-то никто ничего не знал. И зеленая молодежь, сидящая в задних рядах зала, почему-то непочтительно посмеивалась, когда маститые ученые называли себя учениками Бенецианова. И в зале почему-то совсем не было геологов-производственников, которые съезжаются в таких случаях из самых далеких уголков страны.

Но разве это могло испортить общую картину торжества? Нет, Бенецианов знал себе цену, и все, что говорилось на юбилейном заседании, принимал как должное. В университете его ценили. На факультете же, как говорили, без ведома Бенецианова ни один лаборант не смел даже стол передвинуть с места на место. Ему принадлежало последнее слово в любой дискуссии. К его советам прислушивались почти все заведующие кафедрами.

Прежде этого "почти" не было. Бенецианов, сам будучи сыном профессора, всегда придерживался мнения, что в науку не следует пускать людей со стороны. Нет, он был убежденным демократом и с первых дней революции, не задумываясь, встал на сторону большевиков. Но в то же время считал, что и рабочая власть должна уважать привилегии ученых, ибо ученые всегда и везде составляли особый круг людей избранных, людей с особым укладом жизни, особыми традициями, привычками. А раз так, то и пополнение научных кадров должно идти только из этого круга.

Открыто он об этом не говорил, но, будучи бессменным деканом геофака, делал все возможное, чтобы в коллектив не попадали "посторонние". И долгое время ему это удавалось. А теперь вот приходится поступаться своими принципами. Все больше засоряется факультет чужаками. Среди них был и Воронов, который пришел в университет сразу после войны в потрепанной солдатской гимнастерке и вдруг потребовал введения факультативных курсов и спецсеминаров, где ставил потом своими вопросами в тупик даже самых опытных преподавателей.

Этого-то Воронова бывший заведующий кафедрой минералогии и пригласил к себе в аспирантуру. Бенецианов возражал против него, ибо уже тогда предвидел, чем может закончиться такое приглашение. Но действовать более решительно, - к сожалению, не смог: слишком много шума наделал вороновский прибор.

С тех пор и кончился мир на факультете. Молодой ученый никак не хотел покориться Бенецианову. С него стали брать пример и другие сотрудники. На факультете начался разлад, появилась оппозиция. После же того, как Воронова избрали заведующим кафедрой, с ним вообще не стало сладу.

И дело не только в том, что он превратил свою кафедру в филиал физмата. И даже не в том, что не хотел считаться с факультетскими традициями, которые так ревниво оберегал Модест Петрович. Главное было в другом: Воронов расшатывал самую основу геологической науки, той науки, которой Бенецианов отдал всю жизнь и которая зарекомендовала себя как безотказная служанка горнорудного дела, по крайней мере, здесь, в стенах руководимого им факультета.

Правда, сам Бенецианов не выступал в последние годы с фундаментальными трудами. Но разве не под его руководством и не его ученики продолжают развивать и совершенствовать методы геологических исследований? Много ли найдется школ, которые пользовались бы такой же известностью, как школа профессора Бенецианова!

И подо все это теперь подкапывается Воронов. Год назад Бенецианов попытался было покончить с этим, поставил вопрос о передаче темы Воронова на физмат. В случае успеха тому не оставалось бы ничего другого, как и самому перейти к физикам. Но Воронов оказался удивительно изворотливым. Он поднял молодежь, дошел до парткома и все-таки добился того, что сохранил тематику кафедры. Далось это ему нелегко - два месяца пролежал в больнице и как будто утихомирился. Однако ненадолго.

Пора бы с этим кончать. Вряд ли теперь у кого-нибудь из профессоров остались сомнения в пагубности вороновских затей. Только Греков еще не может отделаться от своего либерализма. А Греков - это все! Без его поддержки нечего и думать об избавлении от Воронова. Но как убедить его занять более решительную позицию?..

Модест Петрович встал из-за стола и в раздумье заходил по кабинету.

Студент четвертого курса Вася Герасимов кипел от возмущения: его, секретаря комсомольского бюро факультета, подняли на смех. И кто же? Сам секретарь партбюро. Можно ли после этого руководить молодежью?

Он-то, Алексей Константинович Стенин, говорят, впервые на партийной работе и, кроме своих ракушек, знать ничего не знает. А Вася еще с первого курса руководит ребятами. Был и комсоргом в своей группе, и членом факультетского бюро, и даже членом университетского комитета комсомола. Вчера намекнули даже, что есть мнение рекомендовать его в члены горкома. Тогда он покажет, как надо работать!

И вдруг этот Стенин! Герасимов зашел проинформировать его, секретаря, о явном неблагополучии на кафедре минералогии. Там молодежь - подумать только! - создала чуть ли не организацию какую-то, выпускает без ведома комсомольского бюро не-то бюллетень, не то газету. Вася не преминул захватить с собой экземплярчик. А Стенин прочел - и давай хохотать. Да мало того, еще сказал, что ему, Васе, не хватает чувства юмора. У ребят мозги набекрень, а ему юмор!

Вася в сердцах рванул дверь в деканат и невольно попятился: перед ним стоял декан.

- А-а-а, комсомольский лидер! Но почему такой воинственный вид? Ну-ка, выкладывайте,

- Да что там выкладывать! - Вася вздохнул. - Тут работаешь, стараешься, а некоторым смешно.

- Кому? Кто эти некоторые?

- Да вон Алексей Константинович.

- Стенин?

- Да! Я ему насчет кафедры минералогии доложил, а он...

- Что же на кафедре минералогии?

- Видите ли, Модест Петрович... - Герасимов замялся, поглядывая на секретаря и двух девушек-первокурсниц, наостривших уши.

- Пройдемте ко мне в кабинет.

Вася последовал за деканом.

- Ну-с, так что же там случилось? - промолвил Бенецианов, усаживаясь и кивая Васе на рядом стоящее кресло.

- Да все эти ребята... ну, "физики" наши! Я давно уже к ним присматриваюсь. Мне кажется, они... Понимаете, Модест Петрович, - Вася понизил голос, - мне кажется, они какое-то подозрительное общество создали...

- Как? - Бенецианов выпрямился в кресле.

- Да что-то у них там... Сидят у себя каждый раз до поздней ночи. Я как-то шел с заседания, смотрю - свет. И дверь полуоткрыта. Подошел и слышу: "Так дальше продолжаться не может. Надо расчистить эту плесень. А прежде всего привлечь молодежь, студентов старших курсов, аспирантов..."

- И что же вы думаете? - перебил декан.

- Тогда я еще ни о чем не думал. А теперь вижу, это неспроста. У них, Модест Петрович, в петлицах такие красненькие цилиндрики, вроде значков. Я как-то спросил, что это значит. Мне отвечают: радиодеталь, "сопротивление". Сопротивление, видите ли, - а чему?!

- К-гм...

- Все они к тому же носят какие-то странные звания, - продолжал Герасимов. - Одни - пентали и пенталины, другие - октали и окталины. Все поголовно с кличками. Одна студентка-второкурсница, я слышал, - монолина. Студент нашего курса Волков - тетраль. Даже Воронов имеет свое звание...

- Вот как!

- Да. Теперь, я узнал, по воскресеньям они частенько выезжают за город. Все вместе! И со студентами. А зачем, спрашивается? У себя на кафедре создали свою собственную библиотеку. Что, мало им нашей факультетской? И главное - вот! - Вася вынул из кармана помятый лист бумаги, развернул перед Бенециановым. - Газета! Понимаете, без ведома бюро выпускают свою газету! И вывешивают ее прямо на кафедре. А что в ней пишут? Я тут подчеркнул кое-что. Вот, например: "Ура! Генератор закончен. Шеф сказал: молодцы, ребята! Завтра за город! Подальше от цивилизации и ее гнета..." Каково! Или вот еще: "Ультраширокополосный усилитель на полупроводниках. Сила! Читай об этом..." Дальше какая-то иностранщина, американский журнал, наверное. А вот послушайте: "Хватит сонной одури на танцах! Танцы и спорт - близнецы-братья. Твист - вот что мы будем танцевать, не жалея ни ног, ни полов, ни общественного мнения!" И все это вывешивается прямо на стене.

- Н-да... Все, что вы говорите, не так еще страшно, разумеется. Но... - Бенецианов задумался. - Надо, пожалуй, разобраться. Давай-ка сделаем так... Создайте комиссию. Проверьте все это. А о мерах после подумаем...

Журналист Ашмарин стал частым гостем на кафедре минералогии. Очень уж по душе пришлись ему и ребята-прибористы, до самозабвения влюбленные в свое дело - один из них был, кстати, у него на квартире и за двадцать минут починил телевизор, над которым техник из ателье просидел несколько часов, да так ни с чем и уехал, - и молодые инженеры, и ученые, совсем не похожие на ученых в том смысле, в каком до сих пор понимал Ашмарин, и вся обстановка спокойной непринужденности, делового азарта, шумных споров.

За неделю он коротко познакомился со всеми сотрудниками кафедры, знал, что такое триод и чем измеряется напряженность магнитного поля, и давно уже ходил без часов, ибо его противоударная и влагонепроницаемая "Кама" остановилась, едва он сунулся к большому работающему магниту, желая посмотреть, как тот действует.

Так что материала для газеты было больше чем достаточно. Но... очерка ему теперь было мало. Ашмарину казалось, что он открыл совершенно новый мир, которого никто не знал и о котором нужно как можно скорее рассказать людям, и уже не в очерке, а в обстоятельной книге.

В этом мире властвовали электроны. Они здесь работали. Но они и загадывали людям загадки, капризничали, выводили из себя. В этом мире меряли тысячными долями секунды, миллионными долями миллиметра и сотнями тысяч километров в секунду. Здесь ничему не верили на слово: все было отдано на откуп математическим расчетам и Его величеству эксперименту.

Люди этого мира мыслили математическими абстракциями. И тем не менее оставались обыкновенными простыми ребятами - веселыми, остроумными, заядлыми спортсменами и рыболовами, любителями стихов и модных песенок.

Спортом они занимались не от случая к случаю, а самым серьезным образом. Михаил Сергеевич Звягин был лучшим теннисистом университета. Берг и Степаненко играли в сборной волейбольной команде. А Вадим Стрельников, комсорг кафедры, стал этой осенью чемпионом города по фехтованию.

В дни отдыха часто выезжали за город, раскидывали где-нибудь в укромном уголке, за рекой, палатку и превращались в настоящих робинзонов. И кто бы мог тогда узнать в этих орущих, хохочущих парнях в джинсах и с тюрбанами из рубашек на голове тех богов, какими казались Ашмарину повелители электронов.

Но вот они возвращались в лабораторию, надевали черные халаты с непрямым "сопротивлением" в петлице, садились за свои осциллографы и генераторы, - и это были уже боги. Теперь изъяснялись они особыми, одним им понятными словами. И каждое движение их имело свой особый скрытый смысл.

Впрочем, нередко и на Олимпе звучал смех. Памятуя ту истину, что две минуты юмора заменяют два часа сна, здесь и на работе не скупилась на шутки и остроты. Никогда и нигде не слышал Ашмарин столь отточенных анекдотов и поучительных историй, как на кафедре минералогии. А прямо у распределительного щита лаборатории висел юмористический листок, открывавшийся знаменитым изречением, которое было высечено, говорят, над камином Эйнштейна: "Господь бог хитер, но не злопамятен". Под этим изречением каждый, кто хотел, писал все, что ему вздумается. Писали и серьезное, и смешное. Но чаще - смешное.

Вот об этих-то людях и решил поведать Ашмарин миру. Материал у него подбирался первосортнейший. Тут было все - и передовые позиции науки, и прямая связь с производством, и новое поколение ученых, и конфликт с консервативно настроенным руководством. Ради этого стоило лишиться не одних часов. И Ашмарин теперь целыми днями просиживал на кафедре минералогии - лез в каждую щель, рискуя остаться без пуговиц, запонок и тому подобных вещей, на которые, как тигры, набрасывались вороновские магниты, большие и маленькие, гудящие и бесшумные, одетые в кожу и совсем открытые. Впрочем, теперь Ашмарин знал их хищные повадки, как и ангельский характер очаровательной Нины Павловны.

Одним словом, к созданию книги можно приступать хоть сейчас. Но Ашмарина смущали два серьезных обстоятельства.

Во-первых, на кафедре Воронова было сколько угодно прекраснейших "героев" и не было ни одной мало-мальски подходящей "героини".

Во-вторых, несмотря на все "жертвы", он так до сих пор и не уяснил, чем же все-таки занимается кафедра Воронова. Нет, от него никто ничего не скрывал. Достаточно ему обратиться, скажем, к Звягину, как тот сейчас же развертывал целые простыни схем и чертежей. Стоило подойти к Вадиму или Славе, как те с готовностью раскрывали перед ним крышки любых приборов. Даже теоретик Берг не отказывался от беседы с ним. Но от всего этого у Ашмарина только рябило в глазах и начинало стучать в висках, как от изрядной дозы горячительного.

Единственная надежда оставалась на беседу с Вороновым, который обещал уделить ему часа полтора сегодня утром.

- Я к вашим услугам, - сказал Воронов, приглашая Ашмарина к своему столу. - Чем, стало быть, мы занимаемся?

- Да. В чем заключается, так сказать, самая суть вашей работы?

- Самая суть? Ну, что же, попытаюсь объяснить. - Воронов с минуту помолчал. - Человек, как вы знаете, уже много лет бьется над разгадкой одной из главных тайн природы - тайны строения вещества. Еще древнегреческие философы заговорили об атомах, из которых

состоит все сущее. Но для того, чтобы в этом разобраться, необходимо заглянуть внутрь вещества, найти оконце, которое позволило бы увидеть мельчайшие кирпичики мироздания. В настоящее время таких оконцев много. Это прежде всего химические, спектральные и прочие анализы, это лучи Рентгена, это явления естественной и искусственной радиоактивности, с помощью которых можно заглянуть даже в недра атома. Так вот, одним из таких оконцев является изучение магнитных свойств минералов...

- Юрий Дмитриевич, простите, я вас перебую. Вот мы говорим: магнитные свойства, магниты... А что значит - магнит? И почему он притягивает?

- Природа всех магнитных явлений лежит в строении атома. Электрон, несущий определенный заряд, движется вокруг атомного ядра и одновременно вращается вокруг собственной оси. Однако, как вы знаете, всякий движущийся заряд создает магнитное поле. Следовательно, любой атом сам по себе подобен маленькому магниту. Веществ без магнитных свойств в природе не существует. Но проявляются эти свойства по-разному: одни тела втягиваются во внешнее магнитное поле, другие выталкиваются из него. В первом случае мы имеем дело лишь с диамагнитным эффектом. Он наблюдается в атомах, все электроны которых спарены. Действие внешнего магнитного поля накладывается на первоначальное движение электронов, и это создает дополнительный магнитный момент, ориентированный противоположно полю. Во втором случае главная роль принадлежит во много раз большему парамагнитному эффекту, который возникает в атомах с неспаренными электронами, создающими постоянный магнитный момент. Но ориентировка этих моментов в теле беспорядочна, а потому и в этом случае действие их проявляется лишь под влиянием внешнего магнитного поля, которое упорядочивает их, выстраивает по полю. В результате все тело намагничивается в направлении поля. Подобные тела так и называются - парамагнитными.

- А как же настоящие магниты?

- Что значит - настоящие?

Ашмарин удивленно взглянул на Воронова:

- Как что значит? Магниты! Обыкновенные. Хотя бы те, что продаются в магазинах. Или этот... как его? Да, магнитный железняк.

- Прежде всего это далеко не одно и то же. Если говорить о так называемых "постоянных магнитах" - это, очевидно, вы имели в виду - так они в большинстве случаев представляют собой разного рода искусственные сплавы. В них магнитные моменты всех атомов всегда строго ориентированы в одном направлении, что и создает постоянное магнитное поле. Что же касается магнитного железняка и других "магнитных минералов", то это естественные парамагнетики с той, однако, разницей, что атомы в них как бы собраны в группы - домены. В пределах такой группы все магнитные моменты направлены в одну сторону. Следовательно, при внесении таких тел - мы называем их ферромагнитными - во внешнее магнитное поле по направлению силовых линий ориентируются уже не отдельные атомы, а целые домены сразу. Поэтому ферромагнитный момент во много раз сильнее парамагнитного.

- Но ведь этот магнитный железняк действует, кажется, и без всякого магнитного поля.

- А магнитное поле Земли?

- А-а! Значит, где-нибудь, скажем на Луне, он ничего притягивать не будет?

- По-видимому, так.

- А собственно магнитами вы совсем не занимаетесь?

- Да, мы изучаем только природные объекты. В основе последних работ нашей кафедры лежит исследование минералов методом парамагнитного резонанса. Суть его вот в чем. Кристалл минерала помещается одновременно в два взаимно перпендикулярных магнитных поля. Одно статическое - оно создается сильным электромагнитом - вы видели, сколько их у нас. Другое поле - переменное, радиочастотное. Оно возбуждается радиочастотным генератором, их вы тоже видели достаточно. Если при этом наступит резонанс между

колебаниями переменного поля и прецессией электронных орбит, то начнется сильное поглощение энергии переменного поля.

Почему здесь важен резонанс? Попробую пояснить это таким примером. Представьте себе неподвижную круглую площадку, а вокруг нее вращающийся кольцеобразный диск. На площадке стоит человек и раскручивает на веревке шарик. На диске стоит второй человек и пытается отнять у первого шарик. Естественно, что если частоты вращения шарика и диска будут разными, то второй человек сможет лишь время от времени схватиться за шарик. Но если диск начнет вращаться точно с такой же скоростью, что и шарик, то они по отношению друг к другу станут как бы неподвижны, и второй человек сможет, как и первый, ухватившись за шарик, тянуть его в свою сторону. Тут уж кто окажется сильнее.

Так и в наших экспериментах. Действие переменного поля становится ощутимым лишь в том случае, когда частота поля сравнивается с частотой прецессии. В таких условиях переменное поле будет все больше и больше отклонять атом от наиболее устойчивого положения в постоянном поле, то есть увеличивать энергию парамагнитной частицы за счет переменного поля. А так как атом в веществе находится во взаимодействии с другими окружающими его частицами, то избыток энергии атома будет переходить в тепло. И с помощью наших приборов вся эта картина изобразится в виде кривых на экране осциллографов. Вот они, видите?

Это и есть то оконце, через которое можно заглянуть внутрь вещества и увидеть там многое такое, что до сих пор не было известно науке. Над этим мы работаем уже не первый год, и, надо сказать, результаты получаются обнадеживающими.

- Ну, а что вы конкретно увидели через это окно?

- Изучая кривые поглощения или тонкую структуру спектра парамагнитного резонанса, мы получаем сведения о месте, занимаемом ионом в кристаллической решетке, о типе его химической связи, словом, уточняем внутреннее строение того или иного кристалла.

- А кроме магнитных исследований...

- Кроме магнитных свойств, мы изучаем также оптические и электрические свойства минералов, применяем в своих исследованиях ультразвук, ультрафиолетовое и инфракрасное излучение и так далее. Все это позволило настолько расширить наши представления о внутренней структуре минералов, что мы уже сейчас приступаем к созданию искусственных кристаллов с заранее заданными свойствами. Вы слышали, наверное, что именно такими кристаллами оснащаются некоторые новейшие типы квантовых генераторов - лазеров... Я думаю, для начала этого вам достаточно.

- Спасибо, Юрий Дмитриевич.

Из всех интервью, полученных Ашмариным за годы его журналистской деятельности, ни одно еще не задавало ему столько задач, как это, полученное в кабинете-лаборатории Воронова под непрерывное гудение трансформаторов, резкие щелчки реле и тихий шелест приборов-самописцев. Несколько дней он вообще не показывался в университете. Острые на язык техники-прибористы начали уже поговаривать, что на парамагнитном резонансе и кончилась "научная карьера" Ашмарина. Но кафедральные оракулы ошиблись.

Дома Ашмарин обложился книгами и несколько дней усердно штудировал теорию магнетизма. Когда же появился наконец на кафедре, то первыми его словами были:

- Электронный резонанс что! Вот ядерный - сила!

Подобное "откровение" журналиста вызвало бы восторг. Но сегодня ребят словно подменили. Ашмарин недоуменно перевел взгляд с одного лица на другое и несмело обратился к Вадиму:

- У вас похороны, что ли?

- Не похороны, а судный день.

- Как? - не понял Ашмарин.

- А так вот. Обвинили нас в "ереси" и таскают по очереди в "святейшую инквизицию". Не понравился тут кое-кому наш юмористический листок.

- И "сопротивления" на халатах, - добавил Слава.
- В общем, - пояснил Степаненко, - в каких только грехах нас не обвинили! В анархизме, аморальности, аполитичности!

- Что за вздор! Кому могла прийти в голову такая чушь?

- Есть тут один такой, в чине комсорга факультета. Некто Герасимов...

- Так что же, на этого комсорга управы нет? Сходили бы в партбюро! - посоветовал Ашмарин.

- Зачем же серьезных людей беспокоить, - возразил Берг.

Но Степаненко поддержал Ашмарина:

- Правильно! Дураков надо учить!

- Ну-ну, вы там полегче с дураками, - вмешался Бойцов. - Может, за ними стоят и умные люди. Недаром от вас требуют признания, что все делалось не без ведома Юрия Дмитриевича.

- Так вы думаете?..

- Пора бы вам тоже подумать. Конечно, надо пойти в партбюро и объясниться. Дело пустячное, но могут раздуть такое...

- И Юрий Дмитриевич знает об этом? - спросил Ашмарин.

- Не хватало еще его отвлекать от дела!

- Тогда вот что. Я, кажется, придумал, как быть. Слушайте!

Все столпились вокруг журналиста.

- Не понимаю тебя, Леонид! - горячился Бенецианов, теребя кончики усов.

- А я не понимаю всех вас, - возразил Греков. - Даже Ростову и тому внушили, что причина всех зол на факультете - Воронов. Но это же абсурд!

- Однако ты сам говоришь, твой аспирант...

- Да, я вынужден был согласиться, чтобы он несколько изменил профиль своих исследований. Но при чем здесь Воронов?

- Так это же он и сбивает с толку всех аспирантов. Они готовы уже совсем забросить геологию и стать физиками. А кто будет продолжать наше дело? Подумай об этом, Леонид!

- Ну, хорошо, я постараюсь разобраться.

- Неужели тебе неясно?..

- Постараюсь разобраться, - упрямо повторил Греков.

- А уж манеры, манеры! - не успокаивался Бенецианов. - Да вот хоть на днях: является ко мне в кабинет, - как заведующий кафедрой к заведующему кафедрой. И тащит не то лаборанта, не то препаратора. Этаким, знаешь, стилига в кожанке!

- Постой-постой! В кожанке, говоришь? Так это корреспондент областной газеты, он уже несколько дней у нас...

Бенецианов глотнул воздух.

- Корреспонде-е-ент?..

По уходе Грекова он долго сидел в кресле, не двигаясь и не поднимая головы. Так вот кто был свидетелем той дурацкой истории с книгой. Вот он каков, доцент Воронов - ведь все это, наверняка, было нарочно подстроено...

Бенецианов нажал кнопку звонка. Тотчас в двери показалось испуганное лицо лаборантки.

- Я слушаю, Модест Петрович.

- Попросите ко мне Строганову.

Софья Львовна не заставила себя ждать. Едва Модест Петрович успел овладеть собой, как в двери выросла ее плотная фигура и послышался низкий воркующий голос:

- Здравствуйте, Модест Петрович.

Бенецианов поднялся навстречу своему доценту, чмокнул ее руку, затем взял за локоть и провел к столу.

- Софья Львовна, голубушка, рад вас видеть в добром здравии. Садитесь, пожалуйста.

Строганова небрежно опустила в кресло, положив ногу на ногу.

Бенецианов сел в кресло напротив и некоторое время молча рассматривал лицо молодой женщины, на котором странным образом уживались нежные ямочки на щеках с толстым мясистым носом над плотно сжатыми губами.

- Я слушаю вас, Модест Петрович, - сказала Строганова.

Тот глубоко вздохнул:

- Боюсь, как бы вам, Софья Львовна, не пришлось работать с другим деканом.

- Что за глупости!

- Нет, кое-кто явно хочет избавиться от меня, чтобы самому хозяйничать на факультете.

- Уж не Воронов ли?

- Он, конечно!

- Так неужели вы допустите?

- Все может случиться...

Она молчала, рассматривая блестящий кончик туфельки, как бы взвешивая сказанное профессором.

Бенецианов почувствовал, что необходимо подтолкнуть собеседницу:

- Вы думаете, и без меня ваш супруг останется в должности ассистента?

Софья Львовна подняла голову:

- Что вы хотите этим сказать?

Бенецианов пристально взглянул ей в глаза:

- Надеюсь, вы не забыли, как ваш покорный слуга устроил его без ведома Ученого совета.

Строганова вся как-то сжалась.

- Неужели вы готовы капитулировать? Можете быть уверены, что ваши друзья...

Бенецианов прервал ее:

- Софья Львовна, душечка, я всегда знал, что мы останемся друзьями.

Она молча кивнула.

- Мне хотелось поговорить с вами... Дело в том, что Воронов... Мне кажется, он уже прибегает к недозволенным приемам. Привел на факультет корреспондента и что-то затевает.

- Да уж, лишил он вас спокойной жизни!

- Не надо быть злой, дорогуша, это не идет красивым женщинам... Так вот, спокойно смотреть на эти происки ни мне, ни вам нельзя. И я полагаюсь на ваш практический ум. Вы же больше общаетесь с сотрудниками. Найдите способ раскрыть им глаза на Воронова.

Воронов отбросил карандаш и, энергично потянувшись, зашагал меж лабораторных столов. Время было позднее, все его помощники давно разошлись. Из коридора не доносилось ни звука. В такие часы особенно хорошо работалось.

Он снова подошел к столу и взял пленки отснятых спектров поглощения европия.

- В чем же здесь дело?..

Спектры были получены в связи с изучением кристаллической структуры флюорита. Минерал этот, представляющий природное соединение кальция и фтора, давно уже привлекал внимание Воронова. Дело в том, что кальций в нем нередко замещался европием - одним из представителей когда-то таинственных и неуловимых "редких земель". А европий был парамагнитным элементом и, следовательно, давал возможность применить к изучению структуры флюорита метод парамагнитного резонанса.

Этим и занимался Воронов в последнее время. Получено уже несколько десятков спектров европия, расшифровка их позволила уточнить структуру кристаллической решетки флюорита. И можно бы на этом поставить точку. Но до сих пор оставалось необъяснимым одно: снимки спектров поглощения европия почему-то странно раздваивались. На пленках ясно проступало два самостоятельных спектра с очень близкой сверхтонкой структурой, но все-таки не одинаковых.

Часы в коридоре пробили двенадцать.

- Почему все-таки они удваиваются? - Он снова посмотрел на снимки.

- А что, если...

Воронов быстро перелистал страницы справочника:

- Так... Европий имеет два изотопа: европий-151 и европий-153. Процентное соотношение почти поровну... Спин ядра обоих - пять вторых. А вот магнитный момент... - Он, схватив логарифмическую линейку, снова заглянул в справочник.

- Так... Что же у нас получается?... Для европия-151 - три целых и четыре десятых. А для европия-153... Ого! - Воронов так и впился глазами в цифры. - Одна целая и пять десятых. Меньше чем в два раза! Но это значит... Это значит, что заметное содержание европия в флюорите при комнатных температурах должно обусловить разрешение сверхтонкой структуры спектра парамагнитного резонанса от... каждого его изотопа. Стоп! Спокойно. Проверим еще раз...

Воронов сбросил пиджак и закатал рукава рубашки.

Часы в коридоре пробили час.

- Итак, семь групп линий... Каждая из них - наложение двух эквидистантных секстетов сверхтонкой структуры... Ширина индивидуальной компоненты... - Он снова берет линейку.

- Так... А интенсивность линий? Прекрасно! Вполне согласуется с естественным содержанием изотопов. Но ведь это...

Воронов порывисто поднялся. Это то, о чем он не смел и мечтать. Определение изотопического состава элементов было одной из сложнейших проблем. Но теперь, стало быть, это можно решать простым снятием спектра парамагнитного резонанса.

Он усмехнулся:

- Теперь Модест Петрович может спать спокойно. Масс-спектрографа нам не понадобится. Но все-таки - неужели это так? Нет ли здесь какой-нибудь ошибки?

Он снова сел за стол.

Часы пробили два.

Снова - линейка, справочник, снимки спектров.

- Нет, пожалуй, изотопы! Вот они! Прямо тут, на спектрах. - Воронов откинулся на спинку стула и крепко зажмурил усталые глаза. И тогда совершенно отчетливо, будто в свете сотен прожекторов, на сознание надвинулось то, что сопровождало его теперь везде и всегда: большие, словно удивленные, глаза девушки из одиннадцатой группы.

А неделю спустя, когда Воронов, окончательно убедившись в возможности определения изотопического состава элементов в минералах методом парамагнитного резонанса, набрасывал основные положения будущей статьи, в кабинет к нему зашел Стенин:

- Давно я хочу спросить, Юрий Дмитриевич, что за стычка была у вас с Чепковым? Какое-то решение партбюро отказались выполнять или что-то в этом роде?

Воронов усмехнулся:

- Веселенькая история! Хотите послушать?

- Конечно...

И Воронов рассказал, как однажды вызвал его к себе Чепков и без всяких предисловий, будто речь шла о самом обычном деле, предложил:

- Пишите заявление о том, что хотите ехать в деревню председателем колхоза.

- Как председателем колхоза? - не понял Воронов.

- Так. Разве не знаете, что селу нужны опытные руководящие кадры?

- Знаю, но...

- Так вот, - не дал ему закончить Чепков, - есть мнение, что вы оправдаете наше доверие и успешно справитесь с этим поручением.

- Я?! Но, позвольте, это что, мнение партийного руководства факультета или лично Ивана Яковлевича Чепкова?

- Что значит - лично Ивана Яковлевича Чепкова! - вскипел тот, - Чепков - секретарь партбюро. И для вас, как рядового коммуниста, мнение Чепкова - это мнение партийного руководства факультета. Садитесь и пишите!

- Но, может быть, "партийному руководству" будет угодно выслушать рядового коммуниста Воронова? Я понятия не имею о сельскохозяйственном производстве. Да и дело, которым занят...

- Нам лучше известно, где вы нужнее. Пишите заявление, там разберемся.

- Ничего я писать не буду! - сказал Воронов.

- Ка-ак? - повысил голос Чепков. - Отказываетесь подчиниться партийной дисциплине?

Воронов встал и направился к двери:

- Если партия, но не Чепков, какое бы он кресло ни занимал, прикажет ехать в деревню, я поеду хоть сегодня. Только никаких заявлений писать не стану, ибо не хочу вводить партию в заблуждение относительно того, где я мог бы принести больше пользы.

- Не разводите демагогию! Если бы вам предложили идти сейчас на фронт, вы так же начали бы рассуждать о пользе?

Не ответив ни слова, Воронов вышел из комнаты. На этом разговор и кончился.

- А кто-нибудь присутствовал при вашем разговоре? - спросил Стенин.

- Кажется, никто. Да это было уже давно, забылось.

- Однако сейчас кое-кому понадобилось вновь поднять эту историю.

- Зачем?

- Боюсь, тут есть какая-то связь с тем, что "старики" снова собираются ставить вопрос о передаче ваших исследований на физмат.

- Как, теперь?

- Да, и насколько мне известно, на этот раз они выступят единым фронтом и будут действовать самым решительным образом.

- Но почему?

- Я скажу тебе, почему, - неожиданно перешел Стенин на "ты". - Потому что замкнулся в кругу своей кафедры. Отгородился от всех китайской стеной. А результат? Ведь мы на факультете почти не знаем о существовании твоих идей. Твои труды читают больше физики. О твоих исследованиях известно больше в других вузах. А здесь, у нас, чаще всего слышат о них из третьих рук. И будь уверен, эти "третьи руки" так преподносят "твои" взгляды, что скоро весь факультет восстановит против тебя. Поэтому вот что, Юрий. Надо изложить свои соображения Ученому совету. И сказать все, открыто, - так, как ты говорил об этом мне. Будут возражения - не страшно. Важно, чтобы не было закулисных наговоров. Потом... Неплохо бы побеседовать тебе с Грековым, Ростовым, Егоровым. Поближе познакомить их со своими взглядами.

- Пожалуй, ты прав.

- Да, кстати, как тот кристалл силлиманита, что вырастили вы на прошлой неделе?

- Прекрасно! Превзошел все ожидания. Энергия генерированного луча во много раз больше, чем у рубина.

- За счет чего же?

- Квант больше, - отсюда и мощность излучения. Одним словом, можно гарантировать дальность действия луча по крайней мере до Марса.

- Вот видишь! А ведь об этом у нас тоже никто не знает. Так что подумай о том, что я сказал. Это нужно не только для тебя, это нужно всем нам, для будущего нашей науки.

13. ДРУЗЬЯ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Все уже забыли о "крестовом" собрании. Да ничего там особенного и не было. Ну, пропесочили немного...

И все-таки обидно, что ребята, кого Саша считал лучшими друзьями, не захотели даже разобраться толком. Иван с того дня ни разу не пришел к ним в деревню. А Люся и не разговаривает с ним.

Вот и бродит он теперь вечерами один, стараясь не попадать на глаза однокурсникам. И от Наташи ни слова. А ведь, наверное, давно получила письмо - до города рукой подать. Так что же - о настоящей дружбе только в книгах пишут?

Саша перепрыгнул канаву и зажмурился от яркого света из окна. Сельсовет... Он замедлил шаг. Из двери выглянул знакомый сторож.

- А, ты, мил-человек, - узнал он Сашу - Али снова письмо писать надумал?

- Да нет...

- Заходи, побалакаем.

Саша прошел за сторожем в комнату и сел на скамью. Старик снял полушубок и, усевшись рядом, начал сворачивать козью ножку.

- Кури, - кивнул он Саше на раскрытый кисет. - Свой табачок, не купленный.

- Спасибо, не курю.

- И то дело. Пакость это, больше ничего. Через табак вот и кашель у меня. Да привык. - Он жадно затянулся и, бережно свернув кисет, сунул его в карман. - Отстать не могу... Ну, а на кого ты, к примеру сказать, учишься?

- Геологи мы, папаша. Землю будем исследовать, руды искать.

- Ага. И долго этому надо учиться?

- Пять лет.

- Эва сколько. Грамотными станете. А что ж это ваши, намедни, с крестами набедокурили?

- Я это набедокурил, папаша.

- Ты? - не поверил старик. - На тебя вроде непохоже.

- Почему так думаете?

- А потому, что я человека насквозь вижу.

- И все-таки я.

Старик покачал головой:

- По шее бы за такое дело.

- Уже получил.

- От кого?

- От своих ребят. Самые близкие друзья надавали, на кого и подумать не мог...

- Да... Ить друг не тот, кто медом мажет, а кто правду кажет.

- Вы так думаете?

- Мне, мил-человек, думать нечего. Я на своем веку ой-ой как много думал. - А тебе есть над чем задуматься...

Проговорили они долго.

А когда Саша подходил к дому хозяйки, навстречу ему поднялась с завалинки знакомая плечистая фигура.

- Здорово, бродяга!

Иван! И сразу стало легче.

- Здравствуй. Давно ждешь?

- Порядочно... Как вы тут живете?

- Ничего.

- Не совсем, видно, "ничего", если по ночам не спишь. Обиженного строишь... И других разжалобил. Вчера целая делегация приходила мне за тебя шею мылить.

- Какая делегация?

- Девчонки наши! Мол, зачем я так обидел несчастного Степанова.

- Постой-постой! Какие девчонки? Светка, что ли? Кто ее просил!

- Нет, не Светка. Таня с Люсей! И никто их не просил. А напустились на меня, хоть беги да извиняйся перед тобой... Но я не затем пришел. С какой стати на всех дуешься? Не думай, что я не знал, кто затеял эту историю с крестами. А выступил против тебя потому, что больно легко ты поддался Войцеховскому. И проучить тебя за это следовало.

Саша молчал. Иван достал папиросы, чиркнул спичкой.

- И смотри, не вздумай девчатам рассказать о нашем разговоре.

- Понятно, - буркнул Саша.
- Ну, ладно, я пойду, - поднялся Кравцов. - Три километра топать.
- А ты заночуй у нас!
- Нет, я с рассветом выезжаю.
- Пойдем провожу.
- Это зачем? Сам дойду... Ну, бывай! - Он крепко пожал Саше руку.

Саша в задумчивости смотрел ему вслед. Вот тебе и Иван. "Не тот друг, кто медом мажет...", - вспомнились слова старика. А Люся... Ведь это ее выступление вывело его тогда из равновесия. Это от ее глаз он прятался, бродя по вечерам темными переулками. А она, оказывается, не только не сердится на него, но даже...

Он опустил на крыльцо и долго смотрел на усеянное звездами небо.

Дождь, зарядивший после обеда, так и не перестал. Земля намокла. Сапоги стали пудовыми, лопату не вытащить из борозды. Работу пришлось бросить.

С поля шли молча. В деревне ребята разделились. Саша повернул к своей избе, но его задержал Валерий:

- Пойдем со мной.
- Куда?
- В профилакторий.
- Куда, куда? - не понял Саша.
- В профилакторий, говорю! Промок, наверное, насквозь? И я тоже. А печи хозяйки сейчас не топят. Так что, не обсушишься. Надо греться по-таежному.
- Неудобно...
- По-твоему, лучше заболеть?

Саша заколебался. Чего тут, в самом деле, неудобного!

- Пошли, - согласился он, и они зашагали к лавке сельпо.

Там была почти вся бригада Краева. Глаза у ребят блестели.

Фарид шагнул им навстречу:

- Вот и хорошо! Возьмем на троих, ребята! Все уже сообразили, одни мы остались.

Валерий поморщился:

- Пить здесь? Мы не извозчики! - Он купил бутылку вина, хлеба и колбасы. Кивнул Саше.

- Пошли к нам!

В избе было неприветливо. Хозяйка, действительно, печь не топила, и Саша не стал даже раздеваться. Но после первой же выпитой рюмки озноб кончился, и по всему телу разлилось приятное тепло.

Выпили еще. И Саше стало совсем хорошо. Изба показалась уже почти уютной, а залежалая колбаса даже вкусной. И сам Валерий - не таким уж плохим парнем. В конце концов, никто вот не догадался предложить ему выпить после такой слякоти. А Валерий предложил. Мало ли что было у них когда-то... А Валерий снова налил по рюмке и заговорил:

- Ты, Сашка, парень стоящий. Один я знаю, какой ты парень. Только жизнь твоя будет нелегкой.

- Почему?

- Никто тебя не поймет. Люди еще не доросли, чтобы ценить хорошее. Да-да! Не смейся! Думаешь, я сам не знаю, что хорошо и что плохо? Или мне самому не хочется делать хорошее? Еще как хочется! Но ты мне дашь гарантию, что и другие будут делать так же? Нет, не дашь! И никто не даст!

- Постой-постой! Что-то я тебя не пойму. О чем ты?

- А вот о чем. По-моему, чтобы жить по-настоящему честно, слышишь, честно, и никогда не кривить душой, делать только добро, надо быть уверенным, что и все другие будут отвечать тебе тем же. А то с какой стати...

- А-а! Теперь понятно. Только что же получается? Выходит, самому-то тебе на все наплевать? Мне вот, например, самому хочется быть честным. Какое мне дело до других! То

есть, не то чтобы никакого дела не было. Но главное для меня - в своих глазах быть человеком... Да и тебе самому разве не хочется быть честным? Так и другим. Вот тебе и гарантия!

- Да брось ты, Сашка! Мало ли, что нам хочется! А кругом такие вот краевы да войцеховские. Попробуй быть с ними честным. Или думаешь, они хотят нам добра? Как же! Ну, мне, положим, и ждать от них нечего. Знают они, что я и говорить с ними не хочу. Но ты ведь их терпишь, даже порой хорошо к ним относишься. И чем они тебе отплачивают? Как поступили в последний раз? А? Молчишь?.. Так что же, по отношению к ним я тоже должен быть честным, по-твоему? Нет, спасибо! Это уж толстовщина какая-то!

- Чудак ты, Валерка! Не в них же дело... Пусть они оказались трусами, предателями, что ли. Но разве ты сам хотел быть на их месте? Да я бы после этого...

- Ну, конечно, сейчас ты готов пожалеть их. А тогда тоже психанул.

- Тогда мне обидно стало, что Иван и Люся...

- Люся... Да, это, брат, девчонка! Одни глаза чего стоят. Я бы за нее... Знаешь, Сашка, я за ней на край света поехал бы! А ты?

- Что я?

- Ну, чего притворяешься! Что я, не вижу, ты с нее глаз не спускаешь!

- Я?!

- А то нет? Да и она тоже...

Саша почувствовал, что краснеет.

- С чего ты взял?

- Слушай, Сашка, это правда? Правда, что ты к ней ни-ни?

Саша молчал.

- Ну, что молчишь? Я тебе все сказал... Если ты в самом деле по отношению к ней ничего... то не мешай мне. Слышишь? Не мешай! И выпьем за это...

- За что выпьем? - Саша встал и сжал кулаки. - За что ты предлагаешь выпить?!

Валерий растерялся:

- Да ты чего? Я же по-дружески...

- Молчи! По-дружески... Что ты понимаешь в дружбе с твоими гарантиями!

- Но я люблю ее...

- Врешь! Если бы любил, не торговался бы со мной, как на базаре. - Хлопнув дверью, Саша вышел из комнаты.

Дождь не переставал. Но теперь он освежал разгоревшееся лицо.

"Вот гад! Не мешать ему. Еще смеет говорить о ней, как о какой-то Аллочке или Вике. Да за нее любой пойдет в огонь! Любой! Только уж не Валерий. И разве можно говорить об этом вслух? Разве можно вообще кому-нибудь сказать о том, как хочется ее видеть..."

Так что же это? Неужели он... любит ее? А Наташа?.. Нет-нет! Наташа всегда будет его лучшим другом. Но почему же он думает не о Наташе, а о ней? Только о ней! Все время только о ней!"

В тот вечер у дома бабки Маши до ночи не смолкали голоса. Накануне здесь опрокинулся воз соломы - колесо соскочило с телеги, или еще что-то случилось, но солома так и осталась лежать под старым тополем, и теперь на ней расположились ребята из одиннадцатой.

Сначала общим вниманием завладел Краев. Все покатывались от смеха, слушая невероятные истории, героем которых был сам Колька. Потом заговорили о спорте. Затем вспомнили, кто что знал таинственного и необъяснимого. И тут вдруг раскрылся "талант" Бори Ваймана. У него в запасе было столько сверхъестественного и страшного, что удивительно, как он вообще не боится ходить по земле. Сам он, правда, ничего такого не встречал. А вот его тетя и бабушка и одна мамина "знакомая"...

Но Борю перебил Костя Славин:

- Хватит, Борька, ерунду пороть! Пусть лучше Сашка расскажет, как он тогда с пижонами расправился.

- Правда, Саша! Расскажи! - поддержали ребята.
- Нашли о чем вспоминать. Ну, шел я с вечера...
Ребята притихли. Пришлось рассказать все.
- А ты, Сашка, свой парень! - проговорил Краев. - Я это еще на последнем собрании понял. Вот тебе мои пять!
- Парень-то он мировой, - заметил кто-то из темноты. - Но вот покрывать Войцеховского не стоило.
Подошли Джепаридзе и Войцеховский.
- Ребята! Вы тут сидите, а там такое творится!
- Где?
- В избе, у девчат. Понимаете! - начал Войцеховский. - Мы хотели их подзавести, стали мяукать под окнами. А девчата нас - водой! И тут... Вот хохма! Подвернулся. Петр Ильич, к ним зачем-то шел. А они на него - целое ведро воды! Он как закричит: "Безобразие!" - и к ним в избу. А мы ходу! Представляю, что там сейчас делается. Потеха!
- Ничего себе, - сказал Саша. - Подвели девчат, и потеха!
- А что? - усмехнулся Войцеховский. - Не лезь, знаешь, куда не просят. Не то пожалеешь.
Саша поднялся:
- Какая же ты дрянь, Войцеховский!
Войцеховский шагнул было к нему, но дорогу преградил Краев.
- А тебе чего? - зло бросил Войцеховский.
- Сунься, увидишь!
- Скажите пожалуйста, защитник!
- Ну-ну! - встал и Костя Славин. - Полегче!
- Да что вы все с ума посходили? - растерянно проговорил Войцеховский.
- Да, все! - подался вперед Попов. - Хватит командовать!
За ним поднялись и другие - Ибрагимов, Беленький, Вайман. Одиннадцатая группа становилась группой.

Воскресный вечер выдался на славу. Дождь, моросивший почти весь день, неожиданно перестал, и заходящее солнце осветило землю последними лучами. Осимь, вчера еще еле заметная, поднялась теперь сплошным зеленым ковром.

Но короток осенний закат. Погасли краски, потемнело небо. И все-таки разве усидишь дома, особенно в душной избе? Наскоро поужинав, девчата переоделись и решили идти к клубу.

Они шумно высыпали на крыльцо, и - о счастье! - музыка!

- Танцуем, девчата! - крикнула Светлана, первой сбегав с крыльца. Остальные пустились вдогонку. Но Люся не спешила за подругами. Зачем? Чтобы снова слушать комплименты Валерия? Нет, с ним ей говорить не о чем. А возвращаться домой тоже не хочется. Лучше побыть одной. Саша тоже где-нибудь сейчас один. У клуба его, конечно, нет. Но если бы и был, все равно теперь он ее словно не замечает.

Люся вышла за ворота и медленно направилась вдоль улицы. Ей было как-то не по себе. Почему? Она и сама не могла разобраться. Может быть потому, что знала теперь: Саша не так уж и виноват, и она была несправедлива к нему на собрании, может быть, ей стало жалко его, последние дни такого хмурого, молчаливого, а может, обидно, что он не подходит к ней. Она посмотрела по сторонам.

"Если бы он был где-то здесь, поблизости..." - подумала она, пугаясь собственной мысли. Так хотелось, чтобы все было по-прежнему.

Неясный шорох слышался от дороги. Люся взгляделась в темноту.

- Саша!.. - негромко позвала она. В ответ ни звука. Она прислушалась. Издали, от клуба, доносилась музыка. А здесь тихо, пахнет землей и подопревшей соломой.

Люся тихонько пошла по дороге. Ночь была темной. И там внизу, у реки, что-то поскрипывало. И огни в деревне гасли один за другим.

Вернуться? Но девочек, наверное, еще нет дома. А может, он все-таки здесь, за околицей. Сейчас это было самым удобным - объяснить ему все. Люся снова двинулась вперед.

Вот и речка. Крутой спуск с берега. Узкий бревенчатый мостик почти вровень с водой. Черная стена тальника на том берегу.

Люся сбежала на мост и оперлась на шаткие перила. Воды внизу не видно, но журчала она где-то совсем рядом, у самых ног. Люся перегнулась через перила. Но что это? В привычный шум реки влились какие-то новые звуки. Люся выпрямилась. Шаги... Все в ней так и рванулось навстречу этим звукам. Но руки еще крепче сжали тонкую перилку, и ноги будто приросли к бревенчатому настилу.

Шаги все ближе, ближе...

- Люся!

- Саша... - она шагнула к нему.

- Ты не в клубе?

- Собиралась пойти, да вот...

- А я оттуда. Смотрю, все наши танцуют, а тебя не видно. Я и пошел... - Он запнулся. А Люсе вдруг стало трудно дышать. И уж, конечно, трудно говорить. И еще труднее молчать.

- Я думала, что после того собрания...

- На том собрании... В общем, неправ я был. И после тоже...

- Не стоит говорить об этом! Я ведь тоже была не совсем права. Но и ты должен был сказать хотя бы Петру Ильичу.

- Вот ему-то как раз я ничего и не мог сказать.

- Почему?

- Потому, что перед этим он просил оказать ему одну услугу, и я не согласился.

- Какую? Или это секрет?

- Нет, почему же...

И Саша рассказал о своем разговоре с Петром Ильичей.

- Ну, разве мог я после этого перед ним оправдываться? Тем более, что действительно был виноват. Верно вы с Иваном сказали... - Саша нахмурился.

Люся тронула его за рукав:

- Забудем об этом. Хорошо?

Саша кивнул.

- Пойдем лучше побродим...

С минуту они шли молча, прислушиваясь к доносившейся издали музыке, и время от времени украдкой поглядывали друга на друга. Люся попросила:

- Рассказал бы хоть что-нибудь.

- Страшное или смешное?

- Нет, что-нибудь о своей работе в Урбеке.

- Ну, хорошо, - сказал он после некоторого раздумья. - Расскажу тебе один случай. Послали меня раз на буровую. А буровая в тайге, километрах в двадцати от базы. Рабочих там уже не было. Но оборудование еще не вывезли. И керн был недоописан. Обычно летал туда вертолет. А тут его, как на зло, где-то задержали. Одним словом, пришлось идти пешком. Вдвоем - я и паренек, рабочий Мишка Глухов. Дороги никакой, конечно, шли по компасу, а кругом завалы, болота. Ноги вязнут чуть не по колено. Устали как черти. Двадцать километров по тайге - дело нешуточное! Не заметили, как и за вечерело. Погода в тот день была пасмурная, так что стемнело быстро. Идти стало еще труднее. А мошкара в тот вечер - просто с ума сводила! Мишка не переставал дымить папиросой, но все без толку. Начал он отставать. Пошел и я потише. А когда нам осталось до буровой, по моим расчетам, километра полтора, наткнулись на болото. Черное такое, будто нефтью полито. Что делать? Свернул я в сторону, потом в другую. Кругом трясина. Как ни обидно поворачивать обратно, пришлось. Но не тут-то было! Не прошли и сотни шагов, снова - болото. Проверил по компасу направление - вроде все верно. А сколько ни стараемся нащупать твердую землю - ничего не получается. Куда ни ткнемся, везде болото. Как на остров забрались, - видно,

прошли на него по узкому перешейку, а теперь в темноте попробуй отыщи его! Вдруг Мишка тянет меня за рукав и говорит почему-то шепотом: "Смотри!" Я посмотрел, и глазам своим не верю. Совсем неподалеку от нас, в той, примерно, стороне, откуда пришли, - огонек. Откуда он? Никакого жилья там быть не могло. На костер не похоже. А огонек горит! И ровно так, словно кто свечку зажег под деревьями. Обычно огонь в тайге радует. А здесь... Что-то не по себе нам стало. Мишка схватил меня за руку и шепчет: "Пропали мы, Сашка". "Почему, - говорю, - пропали?" А у самого мурашки по спине. "Огонь-то, - говорит, - прямо из-под земли"... "Ну и что ж, - отвечаю, - что из-под земли?" А самого уже холодный пот обливает. И тут вдруг что-то ка-а-ак чмокнет! Мишка присел от страха: "Неч-чистая сила!" И бегом к дереву. А прямо у него под ногами снова - ка-ак чмокнет! Он мигом на лиственницу - привык на деревьях от зверя прятаться. Лезет, аж сучья трещат! Пустился и я за ним. Но только вытащил ногу из трясины, снова: чмок! Вот оно что - болотный газ чмокает. А мы-то, дурачье! "Мишка! - зову. - Прыгай обратно! Пошли на огонь!" А тот и голос не подает. Пришлось его за ноги стаскивать. "А ты, - говорит, - не того?" - "Кой черт, - говорю, - того! Это болотный газ горит. Сам и поджег его. Сколько раз тебе говорил, не бросай в лесу окурков! Ну да теперь он нас из болота выведет". Через час добрались до буровой. Там избушка была. Выкурили мы из нее мошкарку и такого храпака задали, что только держись!

...Они снова подошли к реке и остановились на мосту.

- Давай послушаем, как шумит река, - сказала Люся. Она оперлась на перила и склонилась над водой. Саша встал поодаль.

Меж тем мрак ночи поредел. Выходила луна. Она только еще показалась над дальним холмом и потому была красная, как пламя пожара.

Саша молчал. Все вокруг было слишком необычно и сказочно. Черная вода в реке. Черные кусты по берегам... Черный настил моста под ногами. И над всем этим багровое зарево луны.

Он перевел глаза на Люсю. Тьма еще скрадывала черты ее лица, делая их еще тоньше, нежнее, а волосы уже пылали в свете луны, и оттого что-то необычное виделось Саше в ее огромных, широко расставленных глазах, узком овале лица и тонкой шее.

- О чем ты думаешь, Саша? - спросила Люся.

- О чем я думаю?.. Мне, знаешь, всегда казалось, что когда-нибудь я встречу девушку, такую гордую, красивую, необыкновенную. Каких нет на земле. Я мечтаю об этом давно. А вот сейчас...

- А сейчас?..

- Сейчас я думаю, что это может быть не просто мечтой...

Председатель сдержал свое слово. За три дня до срока, вечером, когда студенты одиннадцатой группы докапывали последние борозды отведенного им участка, он приехал в поле и объявил, что правление выносит им благодарность и отпускает всех домой.

- Только вот какая загвоздка получилась, - кашлянул он в кулак, - машины у меня в расходе. Так что завтра погуляйте у нас, а послезавтра мы вас отправим, так сказать, с честью...

- Ну вот еще! - разочарованно зашумели ребята. Славин крикнул:

- Зачем нам тут гулять! Сколько километров до города? Восемнадцать? Так мы пешком дойдем.

Но его перебил Войцеховский:

- Ты что, Костыка? Пешком? Ноги ломать?..

- А кому ног жалко, пусть ждет машины! - сказал Саша.

Через два часа шумная ватага ребят с рюкзаками за спиной уже толпилась у околицы. Ждали девушек, которые почему-то задерживались.

- Вечно с ними так! - ворчал Колька. - Пошли, ребята!

- Ни в коем случае, - сказал Иван. - Что, их одних оставлять, на ночь глядя?

Но вот показались и девчата. Впереди всех по-мужски шагала Света Горюнова. За ней, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, спешили остальные.

- И чего столько понаклали? - покачал головой Саша. Когда же девушки подошли ближе, он шагнул к Люсе и взял за лямку ее рюкзак:

- А ну-ка, сними! Хочу прикинуть, сколько весит.

Люся неловко сбросила рюкзак под ноги Саше.

- Ничего себе! Как раз для такого маршрута! - рассмеялся он, забрасывая ношу себе за спину.

- А это зачем? - спросила Люся.

- Ничего, я к рюкзакам привычен.

- Так и мне надо привыкать.

- Конечно! Вот и возьми на первый случай. - Он протянул ей свой почти пустой рюкзак. - Этот будет, как раз.

Люся смущенно оглянулась по сторонам.

Но рюкзаки снимали уже со всех девчат. И только Света Горюнова насмешливо повела плечами, отводя руку Войцеховского:

- Ну-ну! Я еще и тебя донесу в придачу...

И вот потянулась под ногами проселочная дорога. И нет ей конца. Восемнадцать километров не пустяк. К концу пути все устали, растянулись на добрые полверсты. Зато с какой радостью увидели вдаль огни города. Весь горизонт будто мерцал, обаятый бледным заревом.

- Какой он красивый, наш город! - воскликнул кто-то из девушек.

- Теперь дома! - сказал Иван, и всем показалось, что город в самом деле рядом. Однако пришлось еще шагать и шагать, прежде чем сплошное море огней рассыпалось в стайки, обозначились улицы, и наконец застучала под ногами мостовая.

Все подтянулись. Послышался смех, веселый говор.

Но кто-то уже свернул на свою улицу. Потом еще. И еще. И вот уже их осталось только пятеро. Потом - трое. И наконец двое: он и она.

И идут они теперь медленно и почему-то молчат, не глядят друг на друга.

Но вот она останавливается возле большого четырехэтажного дома:

- Здесь я и живу. Спасибо, Саша.

- За что?

- За то, что всю дорогу нес мой рюкзакище.

- Тогда и тебе спасибо за мой рюкзак.

Люся долго поправляет косынку и наконец протягивает руку:

- До свидания, Саша.

- До свидания...

- Счастливо тебе добраться... - Она не торопится уходить. И не отнимает своей руки.

- А до занятий еще целых три дня, - неожиданно говорит он и почему-то вздыхает.

- Да, еще три дня, - повторяет она. - А может, ты выберешь в эти дни пару часов и... сможешь мне разобраться в математике?

- Непременно! - говорит он. - Конечно! Хоть завтра.

- Нет, завтра я займусь домашними делами. А послезавтра приходи, если можешь. Часам к одиннадцати. Хорошо?

Он молча кивает головой.

- Вот в этом подъезде, квартира тридцать вторая, запомнишь? Ну, до свидания. - Она берет рюкзак и идет к дому. А он все не двигается с места. Она оборачивается и машет рукой. И ему кажется, что он еще видит ее улыбку и ощущает на руке холодок, оставшийся от ее ладони.

А улицы спят. И сонно покачиваются на столбах фонари. И поют свою песню невидимые во тьме провода.

14. "ЧЕРНАЯ НОРА"

Холодные капли стекают за ворот и щекочут шею. Дождь, назойливый, колючий, опутал все - дома, деревья, улицу. Начался он еще с вечера, лил всю ночь и кончится, наверное, нескоро.

Ну и пусть. Наташа поежилась и плотнее запахнула полы плаща. Зато на улицах нет прохожих, и никому не видно ее слез, навертывающихся на глаза... Вдали показалось здание университета. Сегодня оно выглядело серым и неприветливым. До чего же не хочется входить в него! Снова перебирать бумаги, слушать ворчливую трескотню секретаря... Наташа замедлила шаги. Что за народ там, у входа? Студенты? Не может быть, они приедут только завтра... Лучше бы никогда не приходило это завтра, и никогда больше не видеть ребят своей группы...

Но что это? На другой стороне улицы показалась будто бы знакомая фигура.

- Люся! - крикнула Наташа.

Та оглянулась. Она! Или приехала раньше срока, или совсем не ездила? Не все ли равно! Люся была единственным человеком, с которым Наташа могла сейчас поделиться своей бедой. И она побежала к ней через улицу.

С отъездом ребят Наташа загрустила. Она была уверена, что Саша останется в городе. Но он уехал, даже не попытавшись воспользоваться тем, что недавно вышел из больницы. Уехал без нее. И так отчитал ее перед выездом. В последнее время он вообще стал каким-то дикарем. Никуда его не затащишь, ни с кем не познакомишь! Однако Наташа не может не думать о нем. И неужели ей никогда не удастся доказать ему, что он неправ. Кажется, сделала для этого все. Даже самолюбия не пожалела. Нарочно в тот вечер, на балу, заставила его понервничать.

Но все получилось не так. Он уехал. И ей осталось лишь по два раза на день заглядывать в почтовый ящик, ожидая письма.

Однако писем не было. Тогда, все бросив, она мчалась к Алке. Больше в городе не осталось ни одной подруги. Но Алка целыми днями пропадала где-то с Жориком. Вот счастливая, и даже не зайдет к ней!

Наконец Алла появилась. Пришла прямо в деканат, где Наташа переписывала давно уже осточертевшие бумаги, и вызвала в коридор:

- Слушай, Наташка, что вечерами делаешь?

- Сижу и злюсь! Что же мне делать одной. Даже ты не заходишь.

- Ой, Наташка, я такое должна тебе сказать...

- Что же? Говори.

- После расскажу... Так ты, значит, свободна вечером? Тогда пойдем с нами.

- Куда?

- Ребята вечеринку затевают.

- Какие ребята? Кто там будет?

- Ну, я да Жорик, еще кое-кто из наших. Ребята мировые!

- Где же вы Собираетесь?

- А мы зайдем за тобой в семь вечера. Договорились?

Наташа заколебалась. Но ей надоело скучать по вечерам дома.

- Ладно, заходите...

Вечеринка была какой-то необычной. Все пили вино, почти не закусывая, даже не присаживаясь к столу. Потом завели радиолу и начали танцевать. Подвыпившие ребята вели себя развязно, больно сжимали руки, говорили двусмысленности, "Хорошо еще, Саша этого не видит", - подумала Наташа.

Неожиданно погас свет.

- Что это? - спросила Наташа.

Партнер молча усадил ее на диван и сам сел рядом. - В чем дело? - встревожилась она, пытаясь высвободить руки.

- Антракт! Не вечно же танцевать...

Наташа попыталась подняться. Но парень цепко держал ее за плечи. Она почувствовала его жаркое дыхание.

- Спокойно, детка. Мы здесь одни.

- Пусти! - крикнула Наташа, стараясь увернуться от липких губ.

- Ты меня обижаешь. - Он обхватил ее за талию, и вдруг она почувствовала, как торопливые пальцы обшаривают ее колени.

- Прочь! - Наташа, изогнувшись, оттолкнула его. Однако парень снова поймал ее за руки. Тогда, собрав все силы, Наташа ударила его ногой.

Парень взвыл. Она кинулась к двери. Скорее! Но дверь не поддавалась. Что делать? В дальнем углу комнаты все еще играла радиоло. Где-то за стеной слышался смех.

Наташа метнулась в сторону, потом в другую. Больно ударилась о стол, опрокинула несколько стульев, заколотила в дверь кулаками:

- Откройте! Алка!

За стеной молчали.

Наташа подбежала к смутно виднеющемуся окну и, вскочив на подоконник, толкнула раму... Свобода! Но со второго этажа не прыгнуть - внизу асфальт. Руки вцепились в переплет оконной рамы.

А сзади уже слышится тяжелое дыхание преследователя. Ближе. Еще ближе. Уже у самого окна. И Наташа разжала руки...

В первое мгновение, сгоряча ничего не почувствовав, она вскочила и пробежала несколько шагов. Но потом ногу вдруг точно обожгло, и все потонуло в разливе тупой пронизывающей боли...

Очнувшись Наташа от прикосновения чего-то холодного. Она открыла глаза. Незнакомая пожилая женщина, склонившись почти к самому ее лицу, прикладывала ко лбу смоченный водой платок. Другая, помоложе, легонько растирала ушибленную ногу. Лица у женщин были встревоженными, добрыми.

- Откуда ты? - спросила одна из них. - Что с тобой случилось? Упала, что ли?

Наташа молча кивнула.

- Как же так неосторожно? Слава богу, перелома нет! А вывих мы вправили.

Наташа невольно подтянула ногу.

- Да ты не бойся! Из больницы мы, с дежурства идем - санитарки. К этому делу привычные. Ну-ка, попробуй встать.

Наташа поднялась. Сильная боль, действительно, прошла. Осталась ноющая ломота. Она сделала несколько неуверенных шагов.

- Спасибо вам.

- Не за что. До дому-то проводить, или сама дойдешь? А, может, в больницу?

- Нет, я дойду, спасибо.

В комнату Наташа вошла тихо, стараясь не разбудить мать. Но та уже сидела на кровати, торопливо набрасывая кофточку.

- Что же так поздно? Разве можно так? Вся душа изболелась....

Наташа промолчала.

- У Аллы, что ли, была?

- Да... - сказала Наташа, сбрасывая платье и стараясь не смотреть на мать.

- А ужинать?

- Я ужинала, мама, там... у Дубровиных.

- Ну, смотри. Только скажу тебе, дочка, так нельзя допоздна.

- Больше, мама, этого не будет. Обещаю.

- Там письмо тебе...

Наконец-то! Знакомый почерк на конверте, ее старательно выведенное имя... Дрожащими руками Наташа разорвала конверт, с трудом разобрала разбегающиеся строки: "...Мне столько нужно сказать тебе! Приезжай... Твой Саша".

Твой Саша... Сашка, Сашка, слишком поздно! Такого ты не простишь никогда...

Алка прибежала утром, сразу, как только мать Наташи ушла на работу.

- Наташа, я...

- Уходи!

- Знаю, простить меня, нельзя. Я бы и не пришла. Они послали...

- Кто они?

- Ну, они. Ребята. И велели передать, если ты кому-нибудь скажешь, если проболтаешься, одним словом...

- И ты еще угрожаешь мне! Уходи, сейчас же уходи!

- Наташа...

- Убирайся!

Алла вдруг опустилась на колени и заплакала. Наташа растерялась:

- Ну, чего же ты реवेशь?

- Я... больше не могу... Зачем ты на меня?

- Зачем я на тебя? - крикнула Наташа. - А кто меня затащил туда?

- Не я. Они заставили. А то, говорят, плохо будет. Они ведь могут и убить, Наташа. Честное слово! Тебе вот хорошо, ты убежала. А я... Наташа! Я совсем пропала. Ты еще не знаешь всего. Что они со мной делают!..

- Как они? Жорик, ты хочешь сказать?

Алла затрясла головой:

- Нет, все они...

- Что? - Глаза Наташи округлились от ужаса.

- Все, все, Наташа! Такие у них правила.

- Как же ты можешь?

- А что я... Их много. Ты еще не видела всех. Там есть такие! Это - "черная нора".

- Что еще за нора?

- "Черная" - так все это называется. И если кто проболтается...

- Трусиха! Жалкая трусиха! Я сейчас же пойду в милицию.

- Наташа! Не смей! Наташенька, пожалуйста, не ходи. Они же нас...

- Убьют? Зарежут? Но разве можно так жить!

- Ой, не знаю. Ничего я не знаю... - Алла заплакала. Наташа смотрела на подругу широко раскрытыми глазами, тоже не зная, что сказать ей, что делать...

С тех пор словно черная ночь опустилась над Наташей. Она ходила в университет, убирала в комнате, старалась читать. Но все это было как во сне, в ожидании чего-то страшного, неотвратимого.

Сначала ей хотелось наказать негодяев. Но как? Она понятия не имела, с чего начать, куда пойти. А посоветоваться не с кем. И страшно. Со временем страх все больше охватывал ее. Она уже боялась по вечерам выходить из дома. Ей казалось, что за ней всюду следят, кто-то преследует ее.

А еще ужаснее было возвращение группы. Как она придет па занятия? Как посмотрит Саше в глаза?

... И вот теперь Наташа стояла перед одной из подруг, той, к которой еще совсем недавно относилась свысока, которую за что-то недолюбливала. Сейчас это не имело никакого значения. Только ей могла Наташа рассказать обо всем и посоветоваться, как быть дальше.

- Люся! Ты не была в колхозе? - сказала Наташа, только чтобы начать разговор.

- Была. Но позавчера мы вернулись.

- Как? Вся группа?

- Да. Разве ты никого не видела?

- Нет. Но это... все равно. Люся, ты, может быть, удивишься, но мне хотелось бы рассказать тебе об одном... деле. Потому что... Потому что некому больше. А нужно, - сейчас же, сию минуту! - Голос Наташи дрогнул. Она закусила губу и отвернулась.

- Что с тобой, Наташа? - растерялась Люся. - Зайдем в университет.

- Нет-нет! Пойдем лучше ко мне. Или... в читалку. Там сейчас никого нет.

И вот они сидят в пустом читальном зале, в самом дальнем углу, за шкафами, и Наташа рассказывает о себе. Начиная с того, как приехала в этот город и познакомилась с Сашей, и кончая той страшной ночью, когда бросилась из окна.

Люся слушает молча. И Наташа даже не догадывается, какую страшную тяжесть взваливает на ее плечи, открывая перед ней свою душу.

- Что же теперь делать? Что мне делать? - спрашивает Наташа.

- Надо прежде рассказать об этом Саше. Он поймет...

- Ой, что ты? Разве можно сказать ему о таком!

- А кому еще скажешь?

- Да, больше некому. Но Саша... Ты не знаешь, какой он...

Если бы не знать! Люся еле сдерживается, чтобы не крикнуть: "Знаю! Лучше тебя знаю!"

- Тогда так... У Тани есть хороший друг, аспирант, член факультетского бюро. Он поможет.

- Как?

- Я и сама пока не знаю. Но, кажется, на такого можно положиться.

Долгое время они молчат.

- Люся, - говорит Наташа. - Как ты думаешь, сможет ли когда-нибудь он простить?

- Саша?

- Да.

Люся не отвечает.

- Имею ли я право на то, чтобы, как прежде... - продолжает Наташа. - Нет, не сейчас. Когда-нибудь...

- Мы поговорим об этом. Только после. А сейчас... я пойду, Наташа. Прости, что не могу больше быть с тобой.

- ...Вот что она рассказала мне, мама, - закончила Люся со вздохом. - И теперь я... Теперь мы просто не знаем, что делать. Саше она не хочет говорить.

- Да, ей, пожалуй, нелегко пойти на такой разговор, - согласилась мать. - А ты могла бы поговорить с ним?

- Я?! Что ты, мама! - Люся даже отодвинулась от нее.

- А почему бы нет? Ты, кажется, дружишь с ним...

- Нет-нет! Я... не дружу с ним!

- Как же так? - продолжала мать. - Он только вчера был у тебя. Да и прежде ты всегда говорила о нем только хорошее.

- Я и сейчас только хорошее...

- Так в чем же дело? - удивилась мать.

- Но она любит его, мама! - крикнула Люся в отчаянии.

- Вот оно что... - В глазах матери мелькнула тревога. - Я понимаю тебя, дочка. - Она привлекла ее к себе. - Понимаю. Наташу нельзя целиком во всем оправдывать. Но нельзя и не пожалеть. И если она, как ты говоришь, любит его и открылась тебе в этом, ты должна помочь ей вернуть дружбу Саши.

- Но ведь дело не только в ней, мама. А если он уже... не любит ее, и если он... Ну, как ты не поймешь всего?

- И все-таки ты должна постараться помочь ей, - мягко повторила мать.

- Но ты не знаешь ее, их отношений, - упорствовала Люся. - И потом...

- Зато я знаю тебя, моя девочка.

- Как же теперь... Ведь он... Ведь я... Как мне теперь держаться с ним?

- Ты должна поступить так, как подсказывает твоя совесть и твое сердце, дочка. Но поверь мне, счастье не может быть рядом с несчастьем другого человека. Его нельзя ни отнять, ни украсть... Ты слышишь меня, Люсенок?

"Да-да", - она кивает головой. Она слышит и понимает слова матери, но они воспринимаются как нечто отвлеченное, не касающееся ее.

- Так вот, нельзя ее оставить наедине со своим горем, - тихо продолжает мать. - И ты правильно сделала, что рассказала обо всем Тане. Я верю, этот аспирант, Бардин, подскажет вам, что нужно сделать. Но больше никому ни слова. Так будет лучше...

Люся опять кивает головой. Конечно, так лучше. А как ей самой теперь быть с ним? Сегодня они договорились встретиться возле университета, и Люся не пошла. А дальше?.. Что будет дальше?

Поезд прогремел по длинному мосту, и за окном вагона замелькали янтарные стволы сосен.

- Скоро дома. - Андрей толкнул вниз тугую раму. Только что прошел дождь. Земля была мокрой, и в воздухе густо пахло сырой прелой хвоей. Осень!..

- Вы заморозите меня, Андрей Семенович, - послышался капризный голос из глубины купе.

- А вы оденьтесь, Софья Львовна, - ответил он, не поворачивая головы.

- Нет, лучше закройте окно.

Андрей нехотя повиновался.

- И сядьте, пожалуйста.

Андрей сел.

- Теперь скажите, неужели вы в самом деле решили бросить литологию? Ваш доклад на конференции заинтересовал многих. Даже меня. Хотя я и не занимаюсь мезозоем. И было бы очень обидно...

- С чего вы взяли, что я собираюсь бросить литологию?

Софья Львовна лукаво улыбнулась.

- Вы думаете, если вас никто не интересуется на факультете, то и вами никто не интересуется...

- Нет, почему же, для меня факультет не просто место работы.

- Слишком общо.

- Ну, а если говорить конкретнее, то мои друзья знают, что я по-прежнему считаю литологию одной из самых интересных областей геологии.

Софья Львовна сделала вид, что не поняла дерзости Андрея.

- И все-таки, говорят, вы хотите бросить почти законченную работу и не представлять ее в качестве кандидатской диссертации. А между тем ваши реконструкции верхнеюрского моря по данным литологии - просто прелесть! Я слушала ваш доклад, как сказку...

- Насчет прелести это вы зря! А сказок в моем докладе было действительно больше чем достаточно. Слишком много предположений, слишком мало проверенных данных. Поэтому я и решил временно прервать работу над юрой. Надо создать новую методику, заставить породы заговорить. Понимаете, Софья Львовна, заставить их рассказать о себе все - всю их биографию, если можно так выразиться. Вот над этим стоит поработать! А вы говорите, бросить литологию. Я просто хочу немного подновить ее...

- Как Воронов "подновил" минералогию?

- Ну, что вы! Как можно сравнивать меня с Вороновым.

Софья Львовна погрозила пальчиком:

- Самоуничижение паче гордости, Андрей Семенович. И Воронов был когда-то аспирантом. А кстати, правда, что он хочет переманить вас к себе?

- Юрий Дмитриевич? Это была бы слишком большая честь для меня.

- А мне кажется, наоборот, слишком большая находка для него.

- Вы смеетесь?

- Ничуть! Просто вы еще плохо знаете Воронова. А между тем это его стиль - собирать вокруг себя умных, работоспособных людей и использовать их в своих целях. Возьмите Берга. Или Степаненко. Это же таланты! А кто знает о них? Все Воронов да Воронов... Мне просто жаль их!

- А я им завидую, Софья Львовна.

- Завидуете?

- Конечно! Работать под руководством Юрия Дмитриевича... И смешно было бы, если бы он брал к себе в помощники бездарных остолопов.

Строганова поджала губы:

- Молодости свойственно ошибаться. Андрей усмехнулся:

- Конечно! И я уверен, что вы, Софья Львовна, ошибаетесь.

- А вы, оказывается, можете делать комплименты!

- Нет, я только хотел сказать, что Юрий Дмитриевич для всех нас...

- Ладно-ладно! И что вы так боитесь показаться просто мужчиной? Ученость от вас не уйдет! - Софья Львовна прищурилась. - Нехватало, чтобы мы поссорились из-за Воронова. Мне бы этого не хотелось. А вам?

- Я ни с кем не ссорюсь.

- А дружите? - Софья Львовна посмотрела ему в глаза.

- Я не люблю говорить о дружбе в таком тоне...

Он глянул в окно:

- Да мы почти приехали!

За окном уже дымили трубы заводов. Вдали, за излучиной реки, показались башни древнего кремля. Поезд замедлял ход.

Софья Львовна поднялась:

- Андрей Семенович, помогите мне снять чемоданы. Выйдя из вагона, Бардин протиснулся сквозь густую толпу встречающих и, не глядя по сторонам, пошел к остановке трамвая. Его никто никогда не встречал. Быстро пройдя вокзальную площадь, он задержался лишь у книжного киоска, чтобы купить свежую газету. И вдруг:

- Андрюша...

Таня? Он обернулся на голос и в самом деле увидел ее, взволнованную, улыбающуюся. Он бросился навстречу, мгновенно позабыв и о газете, и о том, что где-то здесь была еще, наверное, Софья Львовна вместе со своим мужем и своими чемоданами.

- Таня! - он крепко сжал ее руки.

- Вот мы и встретились, Андрюша...

- Но как вы узнали?

Она смутилась:

- А я уже третий день здесь... гуляю.

- Танюша... - Он смотрит в ее глаза и не может понять, как жил до сих пор без нее.

Потом они идут куда-то, говорят о чем-то. И не замечают, как наступил поздний вечер. Пора по домам. И тут выясняется, что живут они в одном общежитии и даже на одном этаже.

- Ну, как устроилась, Танюша? - спрашивает он.

- Хорошо. И в группе все хорошо. Подружилась с одной девушкой, Люсей Андреевой. Я тебя непременно познакомлю. Она и сегодня у меня была... - Таня вдруг замолчала. - Ты должен помочь нам, Андрей...

- Вам обеим?

- Нет, Наташе Севериной из нашей группы. В беду она попала. В городе есть такая шайка...

- Шайка?

- Ну, вроде шайки. "Черная нора". Заманивают туда девушек и... в общем издеваются над ними. И Наташу заманили. Она от них со второго этажа прыгнула. Теперь они грозят убить ее, и мы не знаем, что делать.

- Завтра же займусь этим. Обязательно! А пока... Сама-то будь поосторожнее.

- Я себя не дам в обиду!

15. ВСЕ ТЕЧЕТ, ВСЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ

Проснулся Саша в самом хорошем настроении.

Мысли его снова и снова, как весь вчерашний день, и позавчера вечером, и долгой ночью, что он лежал без сна, возвращались к Люсе. В памяти были еще живы часы, проведенные у нее. Думать об этом он мог без конца, если бы...

Если бы не возглас Ивана:

- Да ты что валяешься до сих пор? Ну-ка, вставать!

Через полчаса они уже идут к университету и Иван, как всегда, строит планы на весь день. Но Саша его почти не слышит. Мысленно он уже там, в тридцатой аудитории, где увидит сейчас Люсю. Но там же будет и Наташа... Как встретиться, как держаться с ней?

Саша невольно замедляет шаги. В душе просыпается тревога, - не потому, что он чувствует себя виноватым перед Наташей или в чем-то винит ее сам. Но он понимает, что как бы ни сложились его отношения с Люсей, Наташа уже никогда не будет для него тем, кем была. Однако разве можно так сразу перечеркнуть все, что было между ними...

- Ты что, заболел? - Это Иван. Саша и забыл, что - он идет рядом.

- Нет, я просто... задумался. - Саша прибавляет шаг. Вот и университет. Привычно гудящий голосами вестибюль. Широкая лестница на второй этаж. Тридцатая аудитория. Саша нерешительно идет за Иваном и в двери останавливается. Что такое?.. Люся и Наташа - рядом! Они о чем-то говорят, - и не просто говорят, а прямо-таки поглощены разговором. Как давние знакомые, как лучшие подруги. Саша подходит ближе и здоровается. Девушки рассеянно кивают и выжидающе молчат, будто недовольные тем, что их прервали. Саша в недоумении переступает с ноги на ногу, не зная, что сказать, и, услышав звонок, поспешно садится на первое попавшееся место.

В перерыве к Люсе и Наташе присоединяется Таня. И все трое о чем-то шепчутся. Потом куда-то исчезают - надолго, на всю лекцию. Затем садятся в дальнем углу и снова шепчутся.

"После занятий подойду и спрошу, в чем дело", - решает Саша.

Но перед практикой по минералогии в аудиторию влетает Вася Герасимов.

- Степанов и Беленький! - кричит он с порога. - На заседание бюро! Без опозданий! Слышали?

"Вот досада!" - Саша быстро обводит глазами аудиторию и неожиданно встречается взглядом с Люсей. Она стоит у окна, задумчивая, печальная.

- Люся! - позвал он и пошел было к ней, но дорогу ему преградил Иван.

- Сашка, стой! Ты знаешь, что с Краевым?

- Нет, не знаю. Погоди... - Он пытается проскочить мимо. Но Иван хватается его за руку:

- Ты в самом деле ничего не знаешь?

- Нет! - вырывает руку Саша. Но уже хлопнула дверь. Все кидаются по местам, начиная торопливо листать тетради. В аудиторию входит Петр Ильич.

- Здравствуйте, товарищи! - говорит он, раскрывая журнал. - Двое в лаборантскую за минералами. Остальные закройте тетради! Вспомним пройденное. Да, пока не забыл, Степанов и Беленький, вас просят на заседание бюро. Можете быть свободны. Сегодняшнюю тему отработаете самостоятельно.

- Счастливчики! - вздыхает Вика, переправляя тетрадь со стола на колени.

А Джепаридзе почти стонет:

- Вспомним пройденное! Чего вспоминать, когда в голове одна картошка?..

- Все-таки лучше, чем ничего! - язвит Валерий.

- Прошу не отвлекаться! - одергивает их Петр Ильич. - Итак, начнем...

Убедившись, что картофельная эпопея едва ли способствовала закреплению знаний по минералогии, Петр Ильич приступил к изложению нового материала.

Но Люся не слушает. "Пожалуй, хорошо, что он ушел", - думает она.

- ...Крокоит не имеет пока практического значения, - слышится голос Петра Ильича. - Но, как говорят, все течет, все изменяется...

- Люся, мы сегодня идем в театр, - взволнованно шепчет на ухо Таня, и Люся чувствует, как счастлива ее подруга.

Все течет, все изменяется...

И разве сама Люся два дня тому назад не замирала от радостного ожидания, то и дело выглядывая в окно. А теперь... Теперь надо бежать и от него, и от самой себя. А куда? Зачем?..

Все течет, все изменяется...

Она смотрит украдкой на Наташу. Та сидит, подперев голову рукой и словно в забытии чертит какие-то вензеля в своей тетради. Лицо ее побледнело и осунулось. В самом деле, разве можно причинить ей боль даже ценой своего счастья? И все-таки...

Хватит. Люся пытается заставить себя слушать преподавателя. Бесполезно копаться в том, чего не вернуть! Но в это время ей на тетрадь падает сложенная вчетверо записка.

"Люся! Надо немедленно сказать нечто важное. Умоляю тебя заглянуть после занятий в сквер. Буду ждать у входа.

В. Л."

Только этого не хватало! Она скомкала записку и бросила под стол, заметив косой взгляд Вики. Та исподлобья следила за каждым ее движением, не упуская в то же время из виду Валерия. Люся пододвинула тетрадь и стала записывать, но Петр Ильич закончил традиционной фразой;

- Берите образцы, начинайте работать.

Таня сейчас же сорвалась с места и, ухватив лоток с минералами, кивнула Люсе:

- Держи! Самый полный. А то ребята все растащат.

Люся помогла перенести лоток и раскрыла книгу.

- Читай вслух! - попросила Таня. - Или давай я.

- Да, лучше ты.

Таня уселась поудобнее.

- Значит так. Пироморфит... - начала она, взяв образец. - Блеск алмазный, твердость...

К ним подсел Иван:

- Девочки, можно, я с вами? Там уже все разобрали...

- Пожалуйста, - кивнула Таня. - Твердость - три с половиной, спайность практически отсутствует...

Иван взял образец и глянул на Таню.

- Ты на минерал смотри! - строго заметила Таня.

Иван смутился.

- И то смотрю. Вот же алмазный блеск. Но спайности вроде бы не видно....

- А что у тебя?

- Как что?

- Это же апатит!

- Разве? А ты о чем читаешь? Таня засмеялась.

- Эх ты: "алмазный блеск" и "спайности вроде бы не видно". Где тут алмазный блеск? А еще староста!

- Что же, старосте и ошибиться нельзя?

- Смотря отчего ошибиться, Ванечка! - послышался за их спиной ревнивый голос Светланы.

Таня подмигнула Люсе, но та не могла себя заставить даже улыбнуться.

Заседание было необычным. Кроме членов бюро и комсorghов групп, всегда собиравшихся в тесной комнатухе, за деканатом, сегодня сидели здесь декан, профессор Бенецианов,

молодые сотрудники Воронова, несколько ассистентов и аспирантов с других кафедр и какой-то незнакомый мужчина с блокнотом в руках.

- Корреспондент, - шепнул Витя Беленький. - Специально пригласили.

- Да в чем дело-то?

- Сам не знаю.

Саша повернулся было к Васе, но тот был занят разговором с Бенециановым и каким-то высоким блондином.

Впрочем, ждать пришлось недолго. Вася объявил:

- Заседание комсомольского бюро факультета считаю открытым... Феногенова! - сказал он секретарю. - Чтобы протокол сегодня был, как надо! Так вот... - взглянул он в лежащую перед ним бумажку. - На повестке дня у нас такие вопросы: о политико-воспитательной работе на кафедре минералогии и разное. Другие предложения будут?

Саша и Витя переглянулись: повестка была самой обычной.

- Стало быть, нет возражений? - спросил Вася. - Утверждается!.. По первому вопросу слово имеет комсорг кафедры минералогии Вадим Стрельников.

Вадим встал, одернул пиджак и просто, без лишних слов начал рассказывать, как живут и работают комсомольцы кафедры.

"Что же, неплохо!" - подумал Саша, слушая, как они помогают друг другу в учебе и работе, ходят в кино, выезжают за город.

- Молодцы ребята! - шепнул он Беленькому и посмотрел на секретаря. С лица того не сходила саркастическая улыбка.

- И это все? - протянул он, как только Вадим закончил выступление.

- Да, все, - кивнул Стрельников.

- Вот как! Больше ничего не добавишь?

- Нет,

- Ну, что ж. Послушаем комиссию. Давай, Воробьев.

К столу подошел незнакомый Саше блондин и, разложив перед собой целый ворох бумаг, начал докладывать:

- Комиссия, созданная комсомольским бюро факультета, детально ознакомилась с постановкой политико-воспитательной работы на кафедре минералогии и установила следующее...

Вот оно что! Саша даже присвистнул от изумления. По словам Воробьева получалось, что все, о чем только что говорил Стрельников, было всего лишь дымовой завесой, прикрывавшей подозрительные дела, творящиеся на кафедре минералогии. Из материалов комиссии следовало, что там существует какая-то организация молодых ученых и студентов, "распространяющая чуждые нравы".

Что за чертовщина? Саша посмотрел на комсомольцев. Они сидели озадаченные. А Воробьев сыпал фактами, приводил цитаты, показывал журнальные фотографии.

Тягостная тишина воцарилась после сенсационной справки, оглашенной Воробьевым.

- Кто это? - шепнул Саша Беленькому.

- Аспирант с кафедры нефти... Ну и Шерлок Холмс!

- И ты ему веришь?

- А черт его знает. Ведь факты...

Члены бюро стали перешептываться. Вася поднялся:

- Что же, послушаем Стрельникова.

- Есть вопрос! - С места поднялся невысокий худощавый юноша.

- Аспирант Грекова, - шепнул всезнающий Витя.

- Пожалуйста, Бардин, - повернулся к нему секретарь.

- Здесь только что выступал председатель так называемой "комиссии", созданной комсомольским бюро. Но всем известно, что из бюро до сегодняшнего дня в университете был один секретарь. Я только что приехал из Москвы. Остальные были в колхозах. Кто же, собственно, создавал комиссию?

Члены бюро переглянулись. Бенецианов нахмурился.

- Вопрос не по существу! - заявил Герасимов. - Секретарь может решать организационные вопросы в рабочем порядке.

- Допустим. Но почему секретарь не информировал членов бюро о столь важном деле, прежде чем выносить его на расширенное заседание?

- Ты что, Андрей, хочешь сорвать обсуждение по существу?

- Нет, я уточняю кое-какие детали.

- Ясно... Пусть Стрельников доложит бюро, как дошли они до такой жизни.

Вадим поднялся:

- Я сказал все, что считал нужным.

- Тогда приступим к вопросам. - Вася постучал карандашом по столу. - У меня есть несколько вопросов. Что это за непонятные звания имели члены вашей организации - "пентали", "пенталины"? В уставе я таких не видел.

Вадим усмехнулся:

- А ты кроме устава что-нибудь читаешь? С греческими цифрами, случайно, не знаком? Студенты-геологи с ними встречаются...

Вася вспыхнул:

- Отвечай по существу, Стрельников!

- Я и собираюсь ответить по существу. Эти "звания" означают: сколько научных работ или оригинальных конструктивных решений имеет тот или иной из наших товарищей. Одну - моноль. Пять - пенталь. Десять - декаль. Только и всего.

- А зачем вам понадобились греческие названия цифр? - не унимался Вася. - Русских не хватает, что ли?

- А почему, как ты думаешь, кристаллография пользуется греческими цифрами? - в тон ему ответил Вадим.

Герасимов замялся:

- Ну, это... совсем другое дело. Скажи лучше, для чего это вам понадобилось? Эти значки в петлицах. Мы знаем, как их называют- сопротивления!

- Еще бы! Другие узнают об этом не к четвертому курсу, а к четвертому классу. Ну, да каждому свое. А почему носим именно эту радиодеталь?.. Так ведь силовой трансформатор не повесишь в петлицу.

Все засмеялись. Вася потребовал:

- Еще раз предупреждаю, Стрельников, отвечай по существу! Здесь комсомольское бюро, а не балаган!

- Возможно, - все так же невозмутимо отвечал Вадим. - Но тебе и членам комиссии следовало бы знать, что эти "значки" носят в петлицах халатов физики-радиотехники повсюду. И пошла эта мода раньше, чем мы с тобой поступили на геофак. Во всяком случае, задолго до того, как выступавший здесь товарищ научился писать кляузы... простите, справки.

- Я попрошу выбирать выражения! - вскочил Воробьев.

- А ты выбирал их, когда стряпал свою справку и пичкал ее разными небылицами?

- А это вот тоже небылицы? - Воробьев достал из папки несколько журнальных фотографий, на которых красовались не то танцовщицы, не то купальщицы в таких костюмах, на каких кто-то явно перестарался в экономии материала.

- Вот за это нам остается только покраснеть, - согласился Вадим. - Глупость, больше ничего. Но и это заведено не нами. На физмате ребята-прибористы всегда украшают приборы такими картинками. Больше такого не будет.

- А как ты объяснишь нам это? - Вася развернул злополучный юмористический листок.

- Что же тут объяснять! - удивился Вадим. - Кажется, ясно...

- Тебе кажется? А по-нашему, тут надо кое-что объяснить. Что это за "гнет цивилизации", например, от которого вы бежите за город?

Вадим усмехнулся:

- Ничего особенного! Имеется в виду уехать от городского шума, дыма, пыли... Шутка, одним словом.

- Ну-ка, дайте этот листок! - прервал их Бардин. - Хватит оттуда цитаты выдергивать. Да и все документы комиссии заодно передайте сюда. Посмотрим. Дело-то, кажется, выеденного яйца не стоит.

- Вот как! - возвысил голос Вася. - Для тебя это тоже, может быть, шутка. Или ты тоже против цивилизации?

- А что! Иногда против. Да вот хоть в позапрошлом году, в экспедиции. Изодрал я штаны по оврагам. Пришлось обрезать до колен, - в таком виде и приехал в город. А милиционер меня за это чуть не арестовал... Разве это не "гнет цивилизации"?

Все захохотали. А Вася забарабанил по столу:

- В последний раз предупреждаю тебя, Бардин, за срыв работы бюро...

В спор неожиданно вмешался корреспондент:

- Так это же юмор, товарищ Герасимов, только юмор! Как вы не понимаете.

Однако на помощь Васе пришел Воробьев:

- Что это, товарищ Ашмарин, за "просто юмор"? Или вы забыли, что юмор относится к области идеологии?

- Нет, я этого не забыл, но в данном случае...

И тут Саша не выдержал:

- Но здесь в самом деле нет ничего, кроме желания ребят посмеяться. Где же "чуждые нравы", "анархия", о которых нам читали в справке?

- А ты, Степанов, помолчи! - осадил Вася. - Молод еще. Тут и без тебя есть кому заняться этим делом.

- Что за тон? - вспыхнула сидящая неподалеку от Саши Инна Григорьева. - Ты что же, единолично хо-Нешь все решать, как и комиссию создавал, - "в рабочем порядке"?

- Действительно, что за тон! - поддержал Инну другой член бюро, Володя Свиридов.

Ребята зашумели.

- Ну, ладно-ладно. - Вася беспокойно заерзал на стуле. - Давайте без крика! Переходим к обсуждению. Должен предупредить, что вопрос, который мы решаем, очень серьезный. Кто будет говорить?... Может быть, вы, Модест Петрович?

- Нет-нет! Я послушаю. - Бенецианов был чем-то недоволен.

- Дай мне сказать.

- Опять Бардин... - Вася недовольно поморщился.

- Да, я. Мы тут просмотрели с ребятами все "документы". О них и говорить нечего! Только людям с болезненной мнительностью могло прийти в голову, что на кафедре минералогии образовалась какая-то "организация", распространяющая "чуждые нравы". Это не значит, что там все безупречно. Взять хотя бы эти картинки. Но с ребятами надо было поговорить запросто, по-товарищески. Поэтому я хочу сказать сейчас о другом. Как могло возникнуть это высосанное из пальца "дело"? Как получилось, что нас оторвали от работы и заставили быть невольными участниками комедии...

Вася попытался прервать его, но все зашумели:

- Не мешай! Говори, Андрей!

- Так вот, - продолжал Бардин, - как могло получиться что целому коллективу кафедры нанесено такое оскорбление, а все комсомольское бюро оказалось в положении недоумевающих свидетелей? Причина в том, что наш секретарь перестал считаться с мнением бюро, присвоил себе право единолично решать любые, даже важные вопросы, и больше того - проникся нездоровым чувством подозрительности, недоверия к своим товарищам. Я считаю, что мы должны указать ему на это, а если не поймет, придется нам ставить вопрос о переизбрании секретаря.

- Ставьте! - крикнул Герасимов. - Хоть сейчас! Но я этого так не оставлю. Сегодня же пойду в партком!

- Не нужно ходить.

Все повернулись к двери. Там стоял Стенин.

- Незачем ходить, - повторил секретарь партбюро. - Тем более, что вы уже были у меня и, видимо, ничего не поняли. Зато сегодняшний урок, надеюсь, откроет вам глаза на роль коллектива.

С улыбкой оглядев ребят, Стенин обратился к Бенецианову:

- Молодежь-то у нас, оказывается, на высоте, Модест Петрович?

- Да, мне и словом не пришлось вмешаться в их дискуссию. - Бенецианов встал и направился к выходу. - Пойдемте, Алексей Константинович, у меня к вам одно дельце...

Все поднялись. Но Вася постучал ладонью о стол:

- Пойдите! Тут вот еще чэ-пэ, и пока все в сборе... - Он порылся у себя в столе и извлек какую-то бумажку. - Беленький, ты знаешь, где сейчас студент вашей группы Краев?

- Краев? - Витя оглянулся на Сашу. - Нет, не знаю...

"В самом деле, ведь его не было на занятиях, - подумал Саша. - И Иван что-то хотел сказать в последнюю минуту".

- Не знаешь! - повысил голос Вася. - И даже не поинтересовался, почему его не было на лекциях?

- Так ведь... Сразу после занятий сюда, на бюро. А где он может быть?

Вася прищурился:

- В тюрьме! Арестован за связь с уголовными элементами. Рядом с тобой столько времени сидел преступник. А ты прохлопал! Тут персональным делом пахнет...

- Сразу уж и персональным? - спросил Саша.

- А ты что думал? Пусть лучше людей изучает.

- Да ведь всего месяц какой-нибудь... - начал было Витя.

- Довольно разговоров! - прервал его Герасимов. -

Предлагаю поставить Беленькому на вид для начала... Других предложений не будет?

- Каких предложений? - вспыхнул Саша. - Беленькому на вид! А Краев? Его ты уже в расход списал?

- Преступные элементы нас не интересуют.

- Какой же он элемент? И что ты знаешь о Краеве!

- Вот! - Вася поднял над головой бумажку. - Из милиции. Вчера только из деканата передали. Поинтересуйся!

- Да я с Краевым три недели бок о бок работал и знаю, что не может он быть преступником. Здесь какое-то недоразумение. Надо выяснить!

- Милицию проверять? - усмехнулся Вася.

- Проверять надо все, - возразил Андрей. - Ну-ка покажи, что за бумажка.

Он пробежал глазами письмо:

- Да... бумага серьезная. И все-таки надо уточнить. Только без всяких комиссий. Поручить кому-нибудь...

- Поручите мне, - вызвался Саша. - Я проверю.

- Будут там с тобой разговаривать! - возразил Герасимов.

- А почему бы и нет? - сказал Андрей. - Напишем ему удостоверение. Пусть сходит и все выяснит. Пока же вопрос этот надо вообще снять.

Только выйдя в коридор, Саша почувствовал, как он голоден, и вспомнил, что с утра ничего не ел.

- Ну, я в столовку, - кивнул он Беленькому и помчался к лестнице. Но здесь его ждал Петька Грачев.

- Сашка, здорово! - закричал тот издали, сияя всеми веснушками. - Ну и горазды вы заседать! А еще геологи. Юристам сто очков дадите!

- Да тут, видишь ли, такое дело... Арестовали нашего студента.

- За что?

- Не знаю. Пришла из милиции бумажка...

- Ну, значит, дело табак! Глаголь аминь и сматывай удочки. Ибо, как поется в гимне бюрократов:

В жизни главное - бумажка.
С ней мы связаны навек.
Без бумажки ты букашка,
А с бумажкой - человек!

А здесь, выходит, все с обратным знаком.
- Брось балагурить! Человека выручать надо...
- Стоящий парень?
- Колька-то? Конечно! Представить не могу, что с ним случилось... А тут находятся такие: поскользнется человек, так они готовы еще подножку дать. Сейчас вот с одним сцепился на бюро...
- С Герасимовым?
- А ты его откуда знаешь?
- Слышал, что водятся еще такие ископаемые на геофаке.
- И в самом деле ископаемое. Напустился на вороновских ребят, так они ему дали прикурить!
- Я думаю.
- Ребята что надо! Вот бы с кем поработать... Ну, а ты как?
- Я к тебе вот за чем. Начал изучать кристаллографию. Нам без нее, сам знаешь, никак. Ну и подумал, почему бы не послушать у вас лекции. Разрешение взял. И с расписанием тоже нормально: в эти часы у нас лабораторка по физике, я вечерами смогу отработать. Только вот неудобно как-то в чужую группу вваливаться одному... В общем, давай встретимся где-нибудь перед лекцией.
- Ладно. Встретимся у деканата.

Бенецианов с самого начала понимал, что все "открытия" Герасимова выеденного яйца не стоят. Но давняя неприязнь к Воронову взяла верх. Модесту Петровичу казалось, что каковы бы ни были результаты обсуждения вороиновской кафедры, оно лишний раз покажет, что обстановка там все-таки ненормальная.

И что же получилось?.. Этот аспирант Грекова спутал все карты. Принесла его нелегкая! Модест Петрович тяжело вздохнул, оделся и хлопнул дверью кабинета.

В конце коридора его догнала Софья Львовна.

- Модест Петрович! Вы еще не ушли?
- Да вот заседали, - устало проговорил Бенецианов.
- По вороновской кафедре?
- Ну да...
- И что же?

Бенецианов махнул рукой:

- Чепухой все кончилось. Этот бездарь из мухи слона раздул...
- Я же в самом начале не советовала доверять Герасимову... Ну да не расстраивайтесь! Поедьте с нами. Вы еще не знаете: Мышкин сменил "москвича" на "волгу". Такая прелесть! Хотите вам покажем?

Софья Львовна огляделась по сторонам:

- Мышкин!
- Я здесь.

Бенецианов поморщился. Видимо, супруг Софьи Львовны был ему не очень по душе.

- Мышкин, Модест Петрович согласился поехать С нами. - Софья Львовна выразительно моргнула мужу.

- К-хе... Очень приятно. Здравствуйте, Модест Петрович. Милости просим...

- Да я, собственно... - замялся Бенецианов.

- Едемте, едемте, Модест Петрович! - Софья Львовна тронула его за локоть. - На дворе вон какой дождь!

Машина стояла у подъезда. Мышкин торопливо открыл дверцу:

- Пожалуйста, Модест Петрович.

- Нет, уж прежде даму.

Машина тронулась.

- А как Греков? - доверительно спросила Софья Львовна.

- Раскусил, кажется, и он нашего Ахилла, - оживился Модест Петрович. - Так что профессура теперь едина. Решили действовать. Скоро поставим вопрос на Совете. Главное теперь - как можно больше фактов.

- Так я, пожалуй, знаю уязвимое место вашего оппонента...

- А именно?

- Молодежь! - выпалила Строганова.

- Не понимаю...

- Я хочу сказать, что сила Воронова в поддержке молодежи. Он для них - бог! Да-да. Поэтому надо прежде всего раскрыть глаза молодежи...

- Но как это сделать?

- Есть у меня кое-что на примете...

- Да? - Модест Петрович недоверчиво покосился на Строганову.

Та многозначительно промолчала.

- Вы знаете, что ассистент Воронова Ларин скоро выступит с защитой диссертации?

- Что же из этого? Диссертация на уровне. Я просматривал.

- Диссертация, может, и на уровне. А слышали, какой разгромный отзыв пришел из экспедиции, где работал Ларин?

- Разгромный?

- Ну, положим, не совсем. Но будет над чем призадуматься Совету. Нина Павловна шепнула мне, что Ларин совсем растерялся.

- К-гм... Представляю, как ринется Воронов защищать своего подопечного, чтобы сгладить впечатление.

- Нет, по имеющимся у меня, сведениям, Воронов как раз и не собирается этого делать. А вот нам, пожалуй, надо бы сделать все возможное, чтобы "сгладить впечатление".

- Нам? Кому нам?

- Ну, мне или вам...

- Мне?! С какой стати?

- А вы представляете, какое это впечатление произведет на диссертанта?

Бенецианов пожал плечами:

- Допустим. А дальше?

- А дальше вы постараетесь, чтобы вновь испеченный кандидат перешел на вашу кафедру.

- Как так?

- Очень просто. У нас ведь открывается вакантное место доцента. Я думаю, Ларин на это клюнет. У Воронова такого места не предвидится.

- Гм... клюнет... Еще бы не клюнуть. Но для чего это нужно? Что будет он делать у нас на кафедре?

- Заниматься минералогией.

- Да?... Впрочем... Тэ-тэ-тэ! Заниматься минералогией... Изумительно! Софья Львовна, вы - гений! Заниматься минералогией у нас на кафедре. Ну конечно! Где же кроме! Не в кузнице же Воронова. Это будет показательно... Единственный ученик Воронова, не порвавший с

геологией, ищет у меня убежища! Единственный минералог бежит с кафедры минералогии! Только... Вы уверены, что согласится он покинуть Воронова?

- Это предоставьте мне, Модест Петрович.

- С удовольствием, дорогая Софья Львовна!.. Мы, кажется, доехали? Что значит "волга"!

- Да. И мы хотели бы просить вас, Модест Петрович, зайти к нам завтра вечером отметить, как говорится... Мышкин!

Тот обернулся:

- Тормоза скрипят, Модест Петрович. Без обмывки хоть не ездите! Так что, милости просим...

16. КОЛЬКА

Легко сказать, проверить. А как это сделать? С чего начать? Там, за этой дверью, думать будет поздно. Саша оглянулся на забранные решеткой окна и, так ничего и не придумав, шагнул к крыльцу. Но дверь перед ним вдруг открылась, и навстречу вышел... Краев.

- Колька!

Тот удивленно поднял глаза:

- Ты чего здесь?

- Да вот... Выручать пришел.

- Кого? - недоверчиво покосился Колька. - Меня?!

- Ну да! Я ведь сразу не поверил всему этому. Ерунда какая-то! Недоразумение!

- Никаких недоразумений! Зря сюда не приводят.

- Но тебя же выпустили?

- Выпустили... Под расписку.

- А что все-таки случилось?.

- Эх, Сашка, если рассказать, и не поверишь...

Жизнь в самом деле не баловала Кольку Краева. Навсегда запомнились ему огромные кулаки отца и мутные, словно остановившиеся глаза, какими смотрел он на них с матерью, вваливаясь поздно ночью в тесную каморку, где негде было и спрятаться от родительского гнева. Затем следовала разухабистая ругань, грохот падающей мебели, звон разбиваемой посуды, и, наконец, ночная сырость двора пронизывала Кольку, забиралась под материнскую кофту, наспех наброшенную почти на голое тело.

Это называлось - "получка", и не было для Кольки ненавистнее слова, и ничего не ждал он с таким ужасом, как этого кошмарного дня, когда им с матерью приходилось нередко ночевать даже на улице.

И все вдруг переменилось. Не стало "получки", не стало и отца. Мать теперь почему-то все время плакала и надолго уходила куда-то "хлопотать", а соседи жалели ее и называли несчастной горемыкой. Но Колька не считал себя несчастным. Не стало получки - и хорошо. Нет матери дома - тоже неплохо. И он целыми днями слонялся по двору или убегал с мальчишками на речку.

Вернулся отец, когда Колька уже ходил в школу. Только на этот раз он не вошел, как прежде, широко распахнув дверь, а его внесли какие-то незнакомые люди. И потом он лежал на кровати днем и ночью, сильно кашляя и ни слова не говоря ни с Колькой, ни с матерью.

Впрочем, иногда он подзывал Кольку к себе, усаживал на кровати и молча гладил по голове. Однако Колька по-прежнему дичился отца и боялся, что тот встанет с постели, и снова начнутся страшные "получки".

Но отец так и не встал. Как-то вечером подозвал он Кольку расстегнуть ворот рубахи. Колька нехотя подошел. В горле у отца что-то булькало и хрипело, а руки были горячими и потными. Колька постарался высвободиться и хотел уже снова юркнуть в свой угол, но,

взглянув случайно на отца, увидел, что из глаз у него текут слезы. Это было так неожиданно, что Колька заплакал и в первый раз прижался к жесткой костлявой груди отца.

А через три дня шли они с матерью за гробом, и мать голосила на всю улицу, а Колька молча всхлипывал и никак не мог представить, что теперь отец никогда уже не вернется к ним и никогда уже он не сможет сделать то, на что так и не решился в тот последний вечер - погладить отца по голове.

Снова остались они вдвоем с матерью.

Но мать была теперь совсем другой. По целым дням она сидела дома, глядя в одну точку. Не плакала и не говорила, а только вздыхала, так что Кольке становилось не по себе, и он готов был бежать куда угодно, лишь бы не слышать этих вздохов и не видеть странно неподвижных глаз матери.

К осени мать слегла. А в начале зимы Колька снова шел за гробом, но теперь уже с теткой, о существовании которой он и не догадывался. Тетка почему-то все время держала его за руку и без конца повторяла:

- Ты теперь, Колька, круглый сирота и должен, стало быть, всех почитать, а особенно сродственников своих. На сродственников вся твоя надежда. А без них пропадешь ты, как тля.

Вечером тетка приехала на подводе, собрала все до последней тряпки и повела Кольку к себе, не переставая твердить ему о том, как не умела жить его мать и как хорошо ему будет в "порядочной" семье.

Так началась Колькина жизнь у "сродственников". Товарищей в новой школе, куда его перевели, не оказалось. Зато в теткинском дворе скоро нашелся приятель, шустрый белобрысый паренек, которого звали почему-то Крыжем. Был он почти ровесник Кольки, ходил в заплатанных брюках-галифе и был всегда весел, всем доволен, никогда ничему не удивлялся и никого, кажется, не боялся, кроме своей матери, длинной костлявой женщины во всем черном.

Крыж постоянно просил Кольку вынести чего-нибудь "пожевать". Однако время от времени у него вдруг появлялись деньги, и тогда он щедро угощал приятеля мороженым и газировкой.

Месяц спустя Крыж познакомил Кольку еще с двумя ребятами с соседнего двора: длинным - Дылдой и маленьким большеголовым - Карапетом. Они также никогда не унывали и ничего не боялись. Но Колька их не любил. Они были старше их с Крыжем, все время хвастались и даже поколачивали Кольку. А Крыж Кольку не бил. Он даже заступался за него. И потому Колька считал его самым лучшим, самым настоящим другом.

Дома теперь Колька бывал редко. Прямо из школы - во двор, к приятелю. А то соберутся все четверо, - и ну бродить по городу. На рынок заглянут, у кинотеатра повертятся, в парке на аттракционы поглазеют.

Так вот шли они однажды вчетвером по улице, глядели по сторонам, лениво перебрасывались словами, толкали зазевавшихся прохожих. Вдруг Крыж, подмигнув Дылде и Карапету, потянул Кольку в сторону.

- Мы сейчас, - шепнул он, - зайдем сюда, во двор. Дело есть. А ты постой у ворот. Кого увидишь - свисти.

- А чего вы там... - начал было Колька. Но Дылда прервал его:

- Стой и помалкивай! Только смотри, не пропусти кого.

Ушел Крыж с ребятами, а на Кольку страх напал. Нет, не просто озорство они затеяли, и страшная догадка стегнула по нервам. А ну как сейчас милиция нагрянет.

Уйти? А Крыж! Да и Дылды с Карапетом боязно.

Но вскоре из-за забора показалась голова Крыжа.

- Никого не видно? - спросил он и прыгнул на тротуар. Затем поддернул брюки и, стрельнув глазами вдоль улицы, скомандовал Кольке:

- Ходу!

- А они?

- Они - другой улицей. Рви быстрее!

Колька только этого и ждал. Рванул так, что ветер засвистел в ушах. Крыж еле догнал его:

- Мастак ты бегать!

На другой день отозвал Крыж Кольку в угол двора и сунул в руки смятую пятерку.

- Доля! - шепнул он, оглядываясь по сторонам.

- Ч-чего?

- Доля, говорю. Вот балда! - надвинул он Кольке кепку на глаза и побежал к воротам.

Смотрит Колька на деньги - своим глазам не верит. Пятерка! Никогда еще такого богатства не держал в руках. Сколько можно всего закупить!

А через несколько дней Крыж снова отозвал его в сторону и протянул какой-то сверток:

- Спрячь! Будешь в доле.

- А что здесь? - спросил Колька.

- Много будешь знать, скоро состаришься! Говорю - спрячь. И помалкивай! Да не вздумай разворачивать! Скоро заберу.

Опять страх напал на Кольку. А как откажешь Крыжу? Спрятал он сверток в сарай и после того уж и по двору ходить боялся.

На другой день отдал сверток Крыжу и только было вздохнул свободнее, как тот опять сует какой-то пакет. Потом еще. И еще. Совсем извелся Колька. Хоть из дому беги. Но все это были еще цветочки.

Встретил его однажды Дылда и говорит:

- Ну, вот что, - сосунок, хватит дармоедом быть. Пора и в дело!

Колька побледнел. Вспомнилось, как стоял на карауле, дрожа от страха, и сразу понял, о каком деле говорит ему Дылда.

- Я... не хочу, - выговорил он хриплым голосом.

- Трусишь, падло! - подскочил к нему Карапет. Колька в отчаянии посмотрел по сторонам и вдруг увидел Крыжа.

- Крыж! - позвал он. - Иди-ка сюда. Чего они пристали?

- А что?

- Привязались вот. Пора, говорят, в дело. А я...

- Верно говорят. - Крыж сплюнул и отвернулся.

А Дылда схватил Кольку за ворот рубашки:

- Ты что, волынить? Попробуй! Как долю брать, он тут как тут. А теперь в кусты? Марш за мной!

Так помимо своей воли попал Колька в шайку, и неизвестно, как сложилась бы его жизнь, если бы семья тетки не переехала в соседний город. Теперь Колька наконец-то мог вздохнуть свободно. А вскоре и совсем хорошо пошли дела у Кольки.

Все началось с того, что тетка попросила его помочь "в одном деле" - дала кипу кофточек и велела разнести по адресам. Для Кольки это - раз плюнуть. А когда вернулся домой, тетка сунула ему трешницу.

Дело было пустяковое, и он сразу смекнул, что если тетка отвалила столько денег, значит оно, дело это, не совсем чистое. Однако это было не воровство. И никого он этим не обидел. А раз так, отчего же не заработать лишнюю трешку.

И начал Колька разносить по городу кофты, чулки, ходить с теткой на базар и даже ездить за город к бабке Усте, которая нагружала его целыми тюками барахла и тоже совала то десятку, а то и четвертную.

Одним словом, жизнь пошла фартовая. Теперь он, Колька, верховодил во дворе, направо и налево раздавая тумачи да подзатыльники. Теперь для него бегали пацаны за папиросами и жадно глядели в рот, ожидая подачки.

Изменились и его отношения с теткой. Он уже не только не давал помыкать собой, но позволял себе и покрикивать на нее. И та сносила. Великое дело - круговая порука!

В школу Колька ходил, но уроков почти не учил. Однако в одном классе не засиживался и слыл даже способным учеником, хотя чуть ли не на каждом собрании упоминали его в числе самых трудновоспитуемых.

Так закончил он десятилетку, и тетка, схоронившая к тому времени мужа, решила вывести Кольку в люди. Долго уговаривала она его "пойти по ученой части" и все-таки добилась своего. Он подал заявление в университет, неожиданно для себя сдал вступительные экзамены и стал студентом геологического факультета.

В университете Кольке понравилось. Ни тебе уроков, ни отметок! А главное - столько интересного. Не то что в школе. И ребята мировые. Особенно Сашка Степанов. Да и работать всем вместе, оказывается, так здорово. Плевал он теперь на теткинны тряпки! Летом к геологам поступит, в партию. Вот где жизнь будет! Деньжат заработает, сам себе хозяином станет. А после университета - в тайгу, в самые дебри, где еще ноги человеческой не было! Как Сашкин отец. Там Колька покажет себя!

С такими мыслями влетел он после колхоза на свой двор и... остолбенел. Навстречу ему шел Дылда.

- Явился? Так... слушай сюда.

- Откуда ты взялся? - Колька хотел пройти мимо.

Но Дылда загородил дорогу:

- Продал, сука!

- Чего?

- Думаешь, не знаем, кто нас тогда застукал. Недаром удрал из города. Думал, не найдем.

- Ты что, спятил?

- А вот мы узнаем, кто спятил. И не вздумай драпать. На этот раз понюхаешь ножа!

Давнишнее чувство страха хлестнуло по сердцу:

- Слушай, Дылда, я, честное слово... Ведь тетка переехала, ну и я...

- Ладно, проверим на деле.

- Как... на деле?

- Так, завтра вечером приходи во двор напротив. Там будут все. Понял?

Правая рука Дылды была в кармане, и Колька хорошо знал, что это значило. Надо было как-то выиграть время.

Ладно... - протянул Колька.

Дылда шагнул к нему вплотную:

- Смотри, - процедил он сквозь зубы. - Мы с тебя глаз не спустим!

- Сказал, ладно!

Домой Колька пришел мрачнее тучи. "Так просто от них не отделаешься. Бежать придется. Раз выследили, здесь теперь не жить. Но сегодня, пожалуй, ничего не выйдет, нечего и думать. Не дадут со двора выйти. Придется сходить с ними раза два. Потом выберу время и - в тайгу! Буду работать геологом без всякого университета. Это дело решенное. А раза два придется потерпеть, как-нибудь..."

Однако двух раз терпеть не пришлось. Они попались па первом же деле. Дружинники выросли будто из-под земли. Лишь Карапету удалось скрыться. Но и его схватили прежде, чем он выбрался из города. А Колька и не пытался бежать...

- Так вот и стал я вором, - закончил Колька. - Теперь наверняка посадят. А жалко, привык я к вам...

- Что же ты в милиции все не рассказал? - воскликнул Саша.

- Говорил. Да там словам не верят. Попался - отвечай!

- Но ты же не виноват!

- А кто поверит?

- Я тебе верю. И докажу, вот увидишь!

- Кому докажешь? Герасимову?

- Есть люди на факультете, я знаю....

- Ничего ты не знаешь, Сашка! Может, они и есть, хорошие люди. Да ведь все они для себя хороши. Будут из-за меня руки марать. Ничего ты не добьешься.
 - Добьюсь, Колька! Только ты не отчаивайся. Приходи вечером к нам в общежитие.
- Он покачал головой:
- Нельзя. Тебя еще припутают.
 - Брось ты, в самом деле! Кто меня припутает?
 - Ну, ладно. Приду...

17. ЗАГАДКА ИЕРОГЛИФОВ

Прибор капризничал. Уже третий день Степаненко со Звягиным, не разгибая спины, возились с ним с утра до ночи, стараясь отладить систему стабилизации температуры. Но самое большее, что удавалось выжать из схемы, это держать колебания температуры в рабочем объеме генератора в пределах двух-трех десятых градуса. При таком режиме нечего было и думать о высокой стабильности частоты.

Кажется, инженер и физик испробовали все. Перебрали все известные варианты стабилизирующих систем. Были выслушаны мудрые советы Берга и насмешливо-скептические замечания Бойцова. Но все оставалось по-прежнему. Температура "прыгала". А вместе с ней металась из стороны в сторону и стрелка частотомера.

Сегодня с утра к ним присоединился Вадим, потом и сам Воронов. В лаборатории стояла тишина. Даже Бойцов оставил свои структуры и подошел к стенду с прибором.

В это время в дверь просунулась голова лекционного ассистента.

- Юрий Дмитриевич, - позвал он с порога. Это было кощунством.
- Ч-шш! - Сергей предостерегающе поднял палец.

Но Климов решительно подошел к Воронову:

- Юрий Дмитриевич, в два часа ваша лекция.

Воронов рассеянно взглянул на ассистента:

- Какая лекция?
- Минералогия в одиннадцатой группе.

- В одиннадцатой? - Лицо Воронова просветлело. - Чудесно! Что у нас там сегодня?.. Да, магнитные свойства минералов. Ну, вы знаете, Федор Тимофеевич, что нужно приготовить. - Воронов вернулся к прибору и снова углубился в схему.

Звягин сел на стол и взялся за линейку. Степаненко раскрыл каталог ламп. Вадим начал осматривать чувствительный элемент. Слава и Сергей принялись - в который раз! - прощупывать контакты. Бойцов покачал головой и вернулся на свое место.

Так прошло минут десять. Вдруг Воронов резко выпрямился:

- Мы ведь питаем чувствительный элемент постоянным током?
- Как обычно.

- А если перейти на переменный?

- Допустим. Но что это даст?

- А вот взгляните. - Воронов быстро набросал новую схему. - В этом случае реле будет срабатывать не только от изменения напряжения, но и от изменения фазы...

- Ага... Пожалуй, так мы увеличим чувствительность системы. Да и схему усилителя можно будет упростить.

- Вот именно, - улыбнулся Воронов. - Сделаем так: этот мост долой, взамен его - мост переменного тока. Действуйте, Сергей. Ну, а в силовом трансформаторе... там еще на одну обмотку хватит места?

- Хватит!

- Вот и прекрасно. Займитесь этим, Вадим. И вы, Слава, тоже! А вам, Яков Павлович, - усилитель.

- Идет! - согласился Степаненко. - Я его в два счета.

- Ну, а мы с Петром Андреевичем переберем вот этот узелок. - Воронов постучал карандашом по схеме. - Тут тоже кое-что можно выжать.

Все снова углубились в работу. Послышался звонок с лекции. В кабинет ворвался привычный гул голосов, и в двери показался Саша Степанов:

- Разрешите, Юрий Дмитриевич?

- Да-да, заходите! - Воронов приветливо кивнул Саше. - Ну как, разобрались?

- Разобраться-то разобрался... Но сейчас у меня к вам совсем другое дело, Юрий Дмитриевич. Несчастье в группе. Студента у нас арестовали. А он почти не виноват... То есть, виноват, конечно. Но если разобраться, нельзя его в этом винить...

- Пойдите! Виноват - не виноват... Кто? В чем? Садитесь и расскажите по порядку.

Саша сел на стул и передал Воронову все, что узнал от Краева о его злоключениях. Воронов с минуту молчал, постукивая пальцами по столу. Потом опросил:

- А почему вы пришли с этим ко мне, Степанов?

- К кому же еще?

- Ну, хотя бы к вашему руководителю...

- К Петру Ильичу? - воскликнул Саша.

- Конечно... Да, кстати, Слава, где сейчас Ларин?

- В препараторской, наверное.

- Попросите его сюда.

Вскоре Петр Ильич был в кабинете.

- Присаживайтесь, Петр Ильич, - сказал Воронов, - Тут вот такое дело... Вы слышали о Краеве?

- Не говорите, Юрий Дмитриевич! Кто бы мог подумать...

- Но вы знаете суть дела?

- Тривиальнейшая история. Парень ворует не первый год.

Воронов остановил его коротким жестом:

- Подождите, Петр Ильич, а вы достаточно хорошо представляете себе этого студента?

- Конечно. В колхозе он грубил, дрался.

На этот раз Саша не выдержал.

- Неверно! - сказал он, вскакивая с места. - В колхозе Краев не дрался, он только стукнул раз Джепаридзе, и то за дело. Пусть не оставляет картошку в поле. За такую работу и я бы стукнул...

- Это еще ничего не значит, - перебил Петр Ильич. - "И я бы стукнул..." Нашли способ наводить порядок! Да если бы все так рассуждали...

- Подождите, Петр Ильич, - остановил его Воронов. - Вам не кажется все же странным, что человек, который "не первый год ворует", вступился в драку за колхозное добро?

- Но это мелкий штрих, Юрий Дмитриевич. А сколько раз он грубил и говорил непристойности всем нам! И на работе, и вообще...

- На работе он грубил только бездельникам и белоручкам, - снова начал Саша. Но Ларин поднялся:

- Юрий Дмитриевич, я не могу разговаривать в подобном тоне. С какой стати студенты...

- Действительно... Вы можете идти, Петр Ильич, - холодно ответил Воронов.

- Н-да, история... - протянул Стенин, выслушав Воронова. - Что же ты предлагаешь, Юрий Дмитриевич?

- Мы должны поручиться за Краева и сделать все возможное, чтобы он остался в университете.

- Не подведет?

Воронов ответил не сразу. Он прошелся по кабинету из угла в угол и медленно опустился на диван.

- Я думаю сейчас о другом, Алексей Константинович. Помнишь сорок пятый, когда мы так же вот начинали на первом курсе? На фронте, конечно, всякое бывало, но что такое карточки, мы узнали тогда впервые.

- Да, нелегко было на студенческих четырехстах граммах.

- Немудрено, что не все такое выдерживали. Ушел Костя. Ушел Федя Снегирев. Помнишь? Какой бы ученый вышел! А здоровьем слабоват, - о том, чтобы на пристань с нами идти, нечего было и думать. Сколько раз обращался к Бенецианову с просьбой подыскать какую-нибудь работу в университете, но тот и разговаривать не захотел. Ушел парень с факультета. Никто не поддержал...

- Бенецианов и Чепков поддержат! Мало из-за них потерял факультет? Одна история с Гореловым чего стоит.

- С Гореловым?

- Ну да! Разве забыл? Это уже на четвертом курсе было. Ты тогда все на физмате пропадал. А мы с Гореловым по профсоюзной линии парились. Он был председатель бюро, я - его заместитель.

- А-а-а! Припоминаю. Что-то там с похоронами получилось...

- Вот-вот! Умер в том году старый служитель, дядя Вася. Мы его и не знали совсем, он при нас уже на пенсии был... А похороны, известное дело, профбюро организует. Бегали мы в тот день с Ильей с утра: машину доставали, красный материал, цветы... Короче, когда подъехали к факультету, было уже два часа. Навстречу нам Чепков - и ну кричать на Горелова: "Это почему, - говорит, - на гражданской панихиде не видно студентов? Почему не организовали как следует?" Илья отвечает, что, мол, так и так, с машиной провозились... А Чепков:

"Имейте в виду, когда вы умрете, мы вас так же хоронить будем!" У Горелова, понятно, всякое терпенье лопнуло. "Я, - говорит, - все-таки надеюсь, Иван Яковлевич, не вам придется хоронить меня, а скорее - наоборот..." Чепков сначала позеленел. Потом покраснел. "Хорошо, - говорит. - Я вам этого не забуду!" И не забыл ведь. Придрался к пустяку - исключили Горелова. Как мы ни старались отстоять, ничего не вышло. Времена-то, знаешь, какие были...

- Ну, а теперь? Тоже наплюем на судьбу студента?

- Нет, Юрий. Только я сам все проверю... А ты, оказывается, дипломат!.. - Стенин рассмеялся и хлопнул Воронова по плечу. - Эка ведь откуда зашел!

- Да, не грех и вспомнить иногда студенческие годы. Чтобы не стать толстокожим.

- Это верно. Только и за молодежью нужен глаз. Хотя бы в этой вот истории... Проморгали комсомольцы. Впрочем, секретарь у них неудачный...

- Герасимов?

- Да... Пора бы уже переизбрать его. И кандидатура есть подходящая - Бардин.

- Аспирант Бардин?!

- А что?

- Стоит ли отвлекать его от научной работы? Светлая голова.

- Тут и нужна светлая голова. А научной работе это не мешает. Поможем!

- Ну, смотри... С математикой ему много придется повозиться. Кстати, как с Цоем? Решили что-нибудь?

- Говорил я с проректором. Они рассмотрели стенограммы его лекций, - видимо, дадут нам другого преподавателя. Да, вот что я забыл сказать. Еще одна неприятность на факультете. И тоже на первом курсе...

- Что такое?

- Как раз Бардин и сообщил об этом. Понимаешь, группа молодых людей, среди которых оказались и наши студенты, образовали нечто вроде притона.

- Это уж черт знает на что похоже!

- Да, гнусная история... Тем более, что своим жертвам они грозят расправой.

- Надо немедленно принять меры. И самые решительные!

- Так и я думаю.

Лишь выйдя из кабинета Воронова, Петр Ильич понял, что его попросту выставили. Да, именно выставили! Но почему? Не из-за Краева же. Стал бы Юрий Дмитриевич беспокоиться о каком-то беспутном студенте! Нет, здесь другое. Не иначе как Степанов ему что-то наплел. Не об отзыве ли?..

Петру Ильичу стало жарко.

Отзыв Андрея Ивановича не давал ему ни минуты покоя. Можно было бы так легко уладить все через Сашу. Но тот уперся... Что же теперь придумать? На защиту Воронова нечего и рассчитывать. Разве эта "электронная машина" войдет в положение! А другие...

Петр Ильич подошел к витрине, где висела факультетская стенгазета. Его внимание привлекла большая карикатура в красках. На рисунке был изображен не то робот, не то человек с лицом, удивительно похожим на лицо комсорга факультета Герасимова, и с длинной подзорной трубой, направленной в окно, за которым виднелись поля с работающими ребятами. Одной рукой робот, как цирковой эквилибрист, удерживал подзорную трубу и телефонную трубку, а другой, сжатой в кулак, бил по столу. Подпись под карикатурой гласила: "Величайшее достижение науки и техники: новый метод комсомольского руководства - на расстоянии".

- Ну как, нравится?

Петр Ильич обернулся. Позади него стояла Софья Львовна.

- Как вам сказать? В общем похоже...

- Я не об этом. А тема?..

- Что тема?

- Ведь если так и дальше пойдет: сегодня комсомольского секретаря нарисуют, завтра преподавателя, а там и декана. Как же тогда работать со студентами? Главное здесь - авторитет преподавателя, я так понимаю. А если будут его подрывать...

- Но ведь Герасимов - студент...

- Лиха беда начало! Герасимов не просто студент, а прежде - секретарь комсомольского бюро.

- Но он и в самом деле за все время сельхозработ не выезжал из города.

- Я не оправдываю Герасимова. Ни в коем случае! Пусть бы ему указали, дали там выговор, что ли. Но выставять на всеобщее посмешище! А ведь стоит только начать. Сегодня Герасимов, завтра Ларин...

Петр Ильич сразу вспомнил историю с крестами и невольно поежился:

- Да, в какой-то мере вы, пожалуй, правы.

- Еще бы! Представьте-ка себя на этой витрине. Особенно перед защитой...

Петр Ильич насторожился. В последних словах Строгановой чувствовался подвох.

- При чем тут моя защита?

- Наивный вопрос! Будто не знаете, что и члены Совета- люди.... А кстати, как вы уладили с отзывом?

- Каким отзывом? - Петр Ильич сделал вид, что не понял Софью Львовну. "Даже до нее дошло! - подумал он. - Но откуда? Не иначе, Нина Павловна разболтала".

- Каким?.. Ну этим... из экспедиции, - продолжала Софья Львовна. - Вот люди! Им помогают, за них работают. А они...

Петр Ильич с удивлением взглянул на свою собеседницу. В словах Софьи Львовны послышалось что-то вроде сочувствия.

- Даже не знаю, как с ним быть, - чистосердечно признался он, - Юрий Дмитриевич заставляет все переделывать. А работа уже у рецензентов. Сами понимаете...

- Наплюйте-ка вы на этот отзыв! - неожиданно выпалила Софья Львовна.

- Вы шутите?

- Ничуть.

- А что будет на защите? Ваш Бенецианов первым обрушится.

- Не думаю.

- То есть как... не думаете?

- Я знаю, что Модест Петрович о вашей работе хорошего мнения. Да и о вас лично... Это кое-что значит. Во всяком случае побольше, чем отзыв какого-то полевика...

- Отзыв подписан Степановым, известным геологом Сибири.

- Для Модеста Петровича это не величина. И потом - что вы так волнуетесь? Ну, переживете несколько неприятных минут. Результат все равно будет положительным. Зато узнаете, кто ваши друзья, кто - враги. Уверяю вас, - тоже не лишнее при той обстановке, в какой мы сейчас вынуждены работать. - Софья Львовна кивнула совершенно сбитою с толку Петру Ильичу и величаво поплыла по коридору, постукивая каблучками.

Ларин проводил ее долгим взглядом: "Гм, наплевать... А что, если, в самом деле, наплевать?" - Он взглянул на карикатуру, и вдруг ему показалось, что робот похож не только на Герасимова, но и на декана факультета.

"С какой же стати быть ему хорошего мнения обо мне? Однако не будет врать его доцент". - И Петр Ильич бодро зашатал по коридору.

Андрей остановился у двери с табличкой "Заведующий кафедрой минералогии и полезных ископаемых" и провел языком по пересохшим губам. Давно уже не волновался он так, как сейчас, накануне разговора с Вороновым. Ведь это было последнее, что еще стояло на пути к новой теме. Своей идеей он увлек уже почти всех сотрудников кафедры. Сам шеф, профессор Греков, больше всех отговаривавший от "рискованной затеи", согласился наконец с доводами Андрея и даже освободил для него часть своего кабинета. Вчера он начал монтировать там установку. А сегодня...

Сегодня им снова завладели сомнения. Что, если все это - фантазия, и установка, которую он задумал, не даст желаемого результата? Что, если задача, поставленная им, вообще не разрешима? На все эти вопросы мог ответить только Воронов. Андрей решительно постучал и раскрыл дверь. В кабинете-лаборатории было шумно. Почти все помощники Воронова собрались вокруг него, горячо обсуждая, по-видимому, что-то важное.

"Не вовремя зашел", - подумал Андрей. Но возвращаться было поздно. Поздоровавшись, он подошел к Воронову.

- Я к вам, Юрий Дмитриевич...

- Пожалуйста. Чем могу быть полезен?

- Я аспирант Леонида Ивановича Грекова... - начал Андрей.

Воронов улыбнулся:

- Андрей Семенович?..

- Да... - Андрей с удивлением взглянул в смеющиеся глаза: "Откуда он знает мое имя?.."

- Приятно с вами познакомиться, Андрей Семенович, - продолжал Воронов, протягивая руку. - Присаживайтесь.

- Но вы, должно быть, заняты?

- Не больше, чем всегда.

- Мне хотелось бы, Юрий Дмитриевич, посоветоваться с вами... об одной идее, - начал Андрей, волнуясь.

- Что же, давайте, выкладывайте.

- Я занимаюсь, как, может быть, вы слышали, осадочными породами. И мне всегда казалось, что при существующей методике исследования пород многое до сих пор остается невыясненным. В частности, мы еще мало знаем о том, в каких условиях формировались породы, что определяло их структуру, концентрацию тех или иных компонентов, форму нахождения различных минеральных образований и многое другое. А между тем, процессы накопления осадков и превращения их в породу не могут не оставить каких-то следов, каких-то не известных нам пока иероглифов.

- Это безусловно, - согласился Воронов. - Но в чем они, по-вашему, могут быть выражены, эти иероглифы?

- На этот вопрос я пока не могу ответить. Да это и не так важно. Гораздо важнее решить, нельзя ли перевести такие иероглифы в знаки или символы, доступные нашему наблюдению и измерению. А это, мне кажется, можно сделать.

- Каким образом?

- Я исхожу из того, что любой осадок, любая порода на всех стадиях развития находится в контакте с жидкой фазой...

- Вы хотите сказать, с водой?

- Да, с водой. И не просто с водой. Все природные воды, как вы знаете, содержат в себе массу солей и, следовательно, являются электролитами. А раз так, контактируя с поверхностью породы или слагающих ее минералов, они должны производить какие-то изменения, в том числе и необратимые...

- Да, пожалуй.

- Но поскольку эти изменения связаны с электрохимическими процессами, - оживился Андрей, - то мы вправе ожидать, что при определенных условиях они в свою очередь будут вызывать электрические явления, которые можно наблюдать и даже измерить.

- Любопытно...

- Да. И прежде всего эти явления будут обнаруживаться при исследовании электрической характеристики поверхности пород и минералов.

- А как вы получите эту "электрическую характеристику"?

- Я думаю так. Погружать породу в электролит и исследовать электрические процессы, протекающие в приповерхностном слое жидкости. Они будут всецело зависеть от особенностей поверхности, то есть от тех необратимых изменений, которые возникли в процессе формирования породы.

- У вас уже есть какие-нибудь данные?

- Да, кое-что есть. Я брал, к примеру, образцы совершенно однотипных, но разных по возрасту песчаников. И вот что получилось. - Андрей развернул небольшую табличку. - У меня тут приведены все данные замеров. Видите?

Воронов придвинул к себе таблицу:

- Да, разница заметная... Интересно! Вы беретесь за чрезвычайно перспективное дело, Андрей Семенович.

- Вы действительно считаете, что это стоящее дело?

- Безусловно!

- А меня так смущало, что ничем подобным никто не занимался. Ведь только в электрохимии можно кое-что почерпнуть, но у них совершенно другое направление.

- Да, это ново. Но тем более интересно. А какова методика ваших исследований?

- Пока все очень примитивно, Юрий Дмитриевич. Первую установку мне помогли сделать ребята-физики. А сейчас я думаю собрать такой прибор. - Андрей развернул схему.

Воронов просмотрел ее:

- Так-так... Здесь вам нужно будет, конечно, помочь. Петр Андреевич, подойдите к нам! Вот. познакомьтесь...

- Мы уже знакомы. - Звягин подошел к столу и пожал руку Андрею.

- А теперь познакомьтесь с его идеями. Взгляните на эту схему.

Звягин взял чертеж и невольно улыбнулся.

- Конечно, кое-что здесь придется подправить, - поспешил заметить Воронов. - По-видимому, это первый опыт Бардина в делах такого рода. Но знаете, какую задачу поставил он перед собой? Решил расшифровать иероглифы, начертанные природой. Не какие-нибудь письмена Майя, а летопись самой природы! И кажется, он на верном пути. Надо помочь ему, чем сможем.

- Спасибо, Юрий Дмитриевич, - сказал Андрей.

- Ну что там - спасибо. Друг другу надо помогать. Желаю вам самых больших успехов.

Рассказ Саши о разговоре с Вороновым ребята выслушали молча. Лишь Войцеховский с обычной своей развязностью бросил:

- Чепуха! Будет он о нашем брате заботиться.

- Будет, я знаю! - возразил Саша. - А не будет, так в Москву поеду или еще куда. Докажу, что не виноват Колька.

- В Москву? - усмехнулся Войцеховский. - Только там тебя и ждут!. - Здравствуйте, скажут, молодой человек. Не иначе вы, как насчет Кольки...

- Ты, Войцеховский, помалкивай! - обернулся к нему Иван. - Сейчас не до шуток. Но в Москву и все такое прочее - конечно, ни к чему. Вот разве к декану еще сходить?..

- Ну, знаешь, Ваня, я считала тебя умнее! - сказала Светлана. - Уж если еще куда идти, то в партбюро, что ли.

- Верно! - согласился Костя Славин. - Только раз Сашка говорил уже с Юрием Дмитриевичем, то пока не стоит. Я тоже думаю, что Юрий Дмитриевич этого дела не оставит. Вот если не получится у него., тогда можно и в партбюро...

- И всей группой! - добавила Таня. - Поручиться надо за Колю.

- Как это поручиться? - удивился Вайман.

- Да, в самом деле, - заговорил молчавший до сих пор Валерий, - а ты уверен, что Колька действительно ни в чем не виноват?

Саша усмехнулся:

- Ты что, успел с братом поговорить?

- При чем тут брат! Просто хочется предупредить. Ведь дело-то делика-а-а-атное. А что, если Колька напелл тебе с три короба? В каком положении окажемся тогда мы?

- Кроме рассказа самого Краева, у нас действительно нет никаких фактов, - неожиданно поддержал Иван.

- Вот именно! - сказал Валерий.

- Да-а-а, поручиться за него вряд ли можно, - произнес Витя Беленький.

Ребята зашумели:

- Может подвести!

- Мы же ничего о нем не знаем!

Саша в растерянности переводил глаза с одного на другого:.

- Да стойте вы! Послушайте!.. Человека сразу видно.

Однако настроение группы менялось. Тогда в спор вмешалась молчавшая до сих пор Люся.

- Много, оказывается, надо мужества, чтобы просто поверить человеку! - веско сказала она.

- Смотря кому, - парировал Валерий.

- Нет, смотря в чем, - возразила Люся. - Ведь в твои "сомнения", кажется, сразу поверили. А почему? Потому что тут рисковать не надо.

- При чем здесь "рисковать - не рисковать"? - нахмурился Иван. - Речь идет...

- Речь идет о человеке! - сказала Таня.

- Вот и надо все обсудить, - не сдавался Витя.

- Да бросьте вы спорить! - остановил их Костя. - Чего обсуждать? Слишком много ты стал осторожничать, Иван. А о Витьке и говорить нечего. Только и знает "обсуждать". Может, Краев и не совсем чист. Но сейчас-то он к нам тянется. Так? А мы должны его по рукам стукнуть? Чтобы всякую веру отбить? Чтобы опять толкнуть его к шпане этой? Не подвел бы он, видите ли, их! Разве мы не сможем в случае чего сами продрать его? Верно девчата говорят. Берем на поруки!

- Ты, Славин, не горячись, - ответил Иван. - Я своего слова еще не сказал. Осторожность во всяком деле необходима. И если мы поручимся за Краева, будем за него в ответе. А поручиться, я думаю, следует. Парень-то в общем неплохой.

- Правильно! - подал голос Фарид Ибрагимов. - И насчет Беленького правильно...

- Так я тоже не против, - согласился Витя. - Но учитывая, так сказать, настроение...

- В общем так, - прервал его Иван, - берем Краева на поруки. Но только, чтобы следить за ним. Всей группой!

- Верно! - раздалось несколько голосов. Ребята пошли к выходу.

Люся пропустила вперед Наташу и замедлила шаги. Подойдет или не подойдет к ней Саша. Раньше они всегда уходили вместе. Пусть уж было бы все по-старому, пусть!

И все-таки радостно захолонуло сердце, когда увидела, что Наташа оделась и вышла из дверей одна.

Люся не спеша надела пальто, закрепила на голове шарфик, пробежала глазами объявления на доске профкома. И тут только поймала себя на мысли, что чего-то ждет.

Нет-нет! Она быстро вышла за дверь и сбежала по каменным ступеням. "Идти и не оглядываться!" - приказала она себе и... оглянулась. Рядом стоял Саша.

- Люся, я... провожу тебя?

- Не надо, Саша.

- Почему?

- Ну, просто... не стоит.

Это было незаслуженно жестоко. Она поняла это сразу, едва взглянула на Сашу. Еще мгновение, и она бросилась бы к нему со словами извинений.

Но он уже взял себя в руки. Глаза потемнели. Брови вплотную сошлись у переносья.

- Ну, что же... - проговорил он глухим голосом и, круто повернувшись, зашагал прочь.

Люся осталась стоять на месте. Все в ней словно окаменело. Что это, ссора? Нет, это конец. И ничего нельзя сказать ему, объяснить... Как пережить? И если он обернется сейчас и увидит ее, растерянную, плачущую, и вернется к ней, она, кажется, не сделает больше от него ни шагу, несмотря ни на что.

Но он не обернется. И не возвратится к ней. И не узнает даже, чего стоило ей сказать это "просто не стоит".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

18. "ИНДИЙСКАЯ АКТРИСА"

Крупные снежные хлопья рвутся в самые окна.

Они мчатся вверх, вниз, во все стороны, и кажется, весь мир закружился в огромной белой карусели. Бело все: мостовая и крыши, воротники прохожих и вывески, белы деревья, бела вся улица. А снег все валит и валит.

- Ну и погодка, - говорит Саша, глядя в окно.

- Да, поднавалило снежку, - отвечает Петька. - Сейчас бы в лес на лыжах!

- В лесу сейчас красота, - соглашается Саша. - Но пока не кончим, никуда!

- Да я так, к слову...

Они сидят за высоким лабораторным столом в препараторской кафедры минералогии и усердно монтируют прибор - задание Юрия Дмитриевича. Друзья спешат: не за горами сессия, а прибор нужно закончить в этом семестре, чтобы уже в каникулы начать измерения. Ведь им поручено - шутка сказать! - самостоятельно исследовать, как меняются магнитные свойства минерала оливина в зависимости от содержания в нем железа.

Это их "тема". Юрий Дмитриевич предупредил, что ее внесли в план научно-исследовательской работы кафедры, и дал срок: первое мая. Но для работы с кристаллами оливина понадобился новый тип держателя. Это и есть тот прибор, над которым сидят сейчас приятели, время от времени поглядывая в окно.

- А на лыжах и в самом деле неплохо бы, - замечает Саша, укрепляя в тисках ось маховичка.

- В такую погоду, знаешь, забраться бы куда-нибудь подальше...

- Не триви! - обрывает Петька. - Договорились же!

- Нет, я так, вообще... А здорово, что Цагин разрешил тебе работать на кафедре Юрия Дмитриевича.

- Наш декан - не то, что ваш Камбала. Да, а как новый математик?

- Куцев? Силен. Пришел - и сразу контрольную. А мы, сам знаешь, ни бе ни ме. Ну, думаем, разнесет в пух-прах. А он нас же и утешает. "Ничего, - говорит, - наверстаем".

- А Герасимов как? Все еще ходит в президентах?

- Да нет, турнули давно. Теперь вместо него Бардин. А Герасимова - на бытовой сектор.

- Зря! Совсем из бюро надо бы...

- Я тоже так думал. Да говорят, нельзя до перевыборов... А ты, значит, окончательно решил по физике твердого тела пойти?

- Интересная штука, знаешь! Да и в решениях ваших проблем без нее не обойтись.

- наших проблем? Кроме шуток? Значит, тот наш разговор не пропал зря? А я ведь, честно, думал, что ты к нам идешь из-за Андреевой.

Петька присвистнул.

- Познакомился я с ней... Только она, оказывается, ни то ни се - дистиллированная вода!

- Ну, это уж ты брось! Можешь пижонить по любому поводу. Но тут...

- А с чего ты разошелся? Было бы из-за кого.

- Запомни, я никому не позволю сказать о ней плохого. Никому, слышишь!

- Да ты что! - удивился Петька. - Я же не сказал ничего такого. Да и не знал, что ты к ней...

Саша не ответил. Он подошел к тискам, взял напильник.

Несколько минут они работали, не говоря ни слова. Наконец Петька окликнул:

- Сашка!

- Ну, что?

- Значит, нравится она тебе?

Саша промолчал.

- Да брось ты в самом деле. Что я тебе, не друг?

Саша отложил напильник и подошел к окну. Петька встал рядом.

- Ну, чего ты? - он положил руку на плечо Саши. Тот чуть приметно вздохнул.

За окном сгущались сумерки. На столбе напротив зажегся фонарь. И теперь лишь в полосе света струились снежинки.

- Так я и знал, что нравится, - сказал Петька вполголоса.

- "Нравится!" Не то, Петька... - Саша сел на подоконник и, по-прежнему не отрывая глаз от окна, задумчиво произнес: - Ты знаешь, мне кажется, что такой, как она, нет больше на всей земле...

- Даже? - Петька строил рожу. - Табак, значит, твое дело! Влюбился по уши!

- Разве можно в нее просто влюбиться. И разве мог бы я когда-нибудь сказать ей об этом...

- Ну и дурак!

- А ты?

- Что я?

- Ты мог бы сказать ей?

- А я сказал.

- Ты... сказал?! А она?

Петька замялся:

- Как тебе объяснить... Все они такие, будто и не понимают ничего. Нет, брат, это не по мне. Ходить да на луну вздыхать - на это я не способен.

- Опять пижонишь.

- Ничего подобного! Я прежде всего физик. А физик должен быть рационалистом. Всегда и во всем. Я, если вижу, что не по той дороге пошел, так фью-ю-ю! А ты вот пропал!

- Почему пропал?

- Да разве я тебя не знаю? Пропал, как миленький! Только как же теперь с Наташкой?

- С Наташей? Понимаешь, Петька, все стало как-то сложно с ней, с Наташей. Прежде я думал, что хорошо знаю ее. А теперь... Сначала, когда приехал осенью, мы часто спорили с ней, даже ругались. Мне казалось, она стала какой-то пустушкой, вроде Аллочки. А потом, после колхоза, снова все переменялось. Сейчас она никуда не ходит. С Алкой, видно, не дружит. И ко мне, вроде, как прежде. Будто и не было у нас никакой ссоры. А я после всей этой чехарды...

- Ну, конечно, когда появилась такая...

- Нет, Петька, не то. Пойми меня. Она мне и сейчас нравится, Наташа. И если бы вот сейчас, сию минуту, что-нибудь случилось с ней, я бы жизни не пожалел. - Саша вздохнул. - А вот думаю все время не о пей...

- Да-а, брат. Сплошная психология... Ну, я пошел. Хватит на сегодня.

- На кристаллографию завтра придешь?

- Нет. По книге разберусь.

Модест Петрович не в духе. Только что закончилось расширенное заседание партбюро, и, несмотря на то, что он, Бенецианов, дважды выступал против нового предложения Воронова, бюро приняло решение рекомендовать Ученому совету создать единую общефакультетскую лабораторию.

Но это бы полбеды. Совету можно рекомендовать что угодно. И неизвестно еще, как он посмотрит на эту "рекомендацию"... Взвинтило Модеста Петровича другое. На бюро зашел разговор о научно-исследовательской работе на факультете, о состоянии науки геологии вообще. И тут случилось неслыханное. Воронов, для которого честь факультета не дороже прошлогоднего снега, и который, наверное, уже и забыл, что когда-то был геологом, вдруг заявил, что геология отстала от других наук на полстолетие, что научные исследования стоят в ней на уровне чуть ли не девятнадцатого века и что, если ученые-геологи хотят исправить положение, им нужно серьезно переучиваться. Так прямо и заявил: "Все мы должны сесть за книги, чтобы восполнить пробел в знаниях физики и математики, мешающий дальнейшему движению вперед".

Так что же теперь и ему, профессору Бенецианову, создателю факультета, признанному главе местной школы геологов, переучиваться? Сесть за учебники и начать зубрить интегралы?

И ведь никто не возразил. Все завкафедрами словно воды в рот набрали. Один Чепков что-то пытался "обосновать", но его тут же одернул секретарь. Тоже, вершитель судеб геологии! Выбрали на свое горе! Но кто бы мог подумать? Казалось, ничего и не замечает, кроме своих ракушек. А тут тоже: "Мы в долгу перед подрастающим поколением. Они вправе потребовать от нас..." Слишком уж многие стали требовать. Слишком! Бенецианов в возбуждении заходил по кабинету.

В дверь постучали.

- Да, - сказал он.

Дверь с шумом распахнулась.

- Так-та-а-ак! Ходим и нервничаем, - зарокотал густой бас Грекова.

Бенецианов живо обернулся. Вот с кем душу отвести! Греков был почти одних лет с Бенециановым, и их с давних пор связывало нечто большее, чем просто приятельские отношения.

- Ну-с, как понравилось выступление Воронова? - спросил Греков, садясь в кресло и пододвигая ящик с папиросами.

- Демагог! - бросил Бенецианов, продолжая ходить по кабинету.

Греков улыбнулся. Высокий, полный, с крупными энергичными чертами лица и густой шапкой жестких седых волос, он являл собой прямую противоположность Бенецианову, особенно сейчас, когда тот беспрерывно семенил из угла в угол и скороговоркой сыпал словами:

- Я был возмущен. Да что там, возмущен. Я был разъярен! Взбешен!

- Ого! А меня так больше возмутило выступление Ивана Яковлевича, - заметил Греков. - И не столько возмутило, сколько насмешило.

- Выступление Чепкова? Что же в нем было такого... смешного? - удивился Бенецианов.

- Так ведь весь смысл его "речи" сводился к тому, что углубленное изучение физики не только ни к чему, но даже мешает геологу. И это ученый! Ученый - против науки!

Бенецианов поморщился:

- Против физики - это не значит, против науки вообще.

- Но зато очень напоминает мне "индийскую актрису".

- Что-что? - не понял Бенецианов.

- "Индийскую актрису", - повторил Греков, шаря по карманам в поисках спичек. - Разве не слышал?

- Нет, не слышал.

- Ну, как же! В свое время на кафедре столько было разговоров об этом...

- Понятия не имею.

- Тогда слушай, - Греков наконец закурил и поудобнее уселся в кресле. - Это было давно, еще в первые годы революции. Тогда Семен Лазаревич, мой учитель... Ты его помнишь, конечно?

- Разумеется! Чудесный был старик, шутник, весельчак. - Бенецианов тоже сел к столу и взял папиросу.

- Вот-вот! - сказал Греков, подавая спички. - Он и рассказал нам эту историю. Дело было так. Ехал он однажды утром в университет. А кучер его Пантелей - я его до сих пор помню, занозистый был мужичонка - знай себе ворчит на козлах:

- Вот ведь, революцию сделали, и все должно бы стать по-новому. А как возил тебя в пролетке, так и вожу. Как сидел на этих козлах, так и сижу...

Семен Лазаревич слушал, слушал, да как гаркнет:

- А ну, слезай с козел!

Пантелей соскочил на землю и, ехидно подбоченясь, повернулся к своему седоку:

- А дальше?

- Теперь садись в пролетку!

- Зачем это?

- Садись, тебе говорят!

Пантелей почесал в затылке, буркнул что-то и забрался-таки в тарантас. А Семен Лазаревич вскочил на козлы, взял вожжи и - ну погонять! Пантелей понял, в чем дело, сидит, ухмыляется. Шутка сказать - профессор везет.

Доехали до университета. Семен Лазаревич соскочил с козел и говорит:

- Теперь ступай на кафедру, да поторопись, через пять минут лекция.

- Чего-чего? - захлопал глазами Пантелей.

- Ничего особенного, - говорит Семен Лазаревич, - я тебя довез, а ты за меня лекцию отчитай. Хватит на козлах сидеть - революция.

Пантелей туда-сюда, шутник, мол, профессор. А Семен Лазаревич - знаешь, какой он был, в плечах косая сажень - взял его за плечи и прямо в дверь.

- Иди-иди, - говорит, - я не обижусь, как-нибудь сочтемся. Да тему-то лекции не забудь: "Оптическая индикатрисса в кристаллах".

Тут и взмолился наш Пантелей:

- Семен Лазаревич, благодетель, дозвожь мне кучером остаться! Христом богом прошу! А эта самая... индийская актриса в крестах, нешто она по мне, да и слов я таких отродясь не слыхивал...

Вот так, Модест. История эта, конечно, старая... Однако не кажется ли тебе, что все, о чем говорил сегодня Чепков, напоминает "индийскую актрису"?

- Ну, что ты, Леонид, зачем же так? Оговорился, видно, Иван Яковлевич, это с ним бывает. Не бог весть какого ума человек. С неба звезд не хватает, но ничего, тянет кафедру и диссертацию вот скоро защитит. Нет, с ним работать можно...

- Это как понимать?

- Ну, как... Во всяком случае, когда он был секретарем, на факультете было спокойнее. Совсем не то, что ныне, с этим Стениным...

- Стенина я уважаю.

- Я тоже... ничего не имею против Алексея Константиновича. Но с Чепковым работать было легче.

- Ты хочешь сказать, удобнее?

- Я хочу сказать, мы понимали друг друга с полуслова.

- Еще бы! - рассмеялся Греков. - Это был не секретарь, а твой заместитель по политчасти.

- Не понимаю, чем он тебя не устраивал?

- Я людей не делю на тех, которые "устраивают" и которые "не устраивают". Просто одних уважаю, других - нет.

- А если эти уважаемые начнут ставить палки в колеса?

- Порядочный человек всегда останется порядочным, если даже окажется противником.

- Гм... Возможно. Но все-таки избавь нас бог от любых врагов, и порядочных, и непорядочных. А Иван Яковлевич умел с людьми ладить. И главное, считался с мнением всех...

- А всех ли?

- Ты же сам говорил, что даже к тебе, беспартийному, он заходил советоваться по любому вопросу, даже о составе партбюро.

- Ко мне он заходил, это верно. А вот советовался ли с рядовыми коммунистами, прислушивался ли к мнению молодых ученых?

- Но совет профессора важнее совета какого-нибудь ассистента. Так что, для пользы дела...

- Сомневаюсь, чтобы он поступал так для пользы дела. Судя по его сегодняшнему выступлению...

- Но ведь и я выступал сегодня против предложения Воронова.

- Вот-вот! В этом всегда и заключалась его "польза делу": повторять то, что скажешь ты. Да только делает он это как тот медведь, что пытался булыжником комара на лбу у покровителя прихлопнуть.

- Этого я не замечал.

- Напрасно! Он ведь и сегодня, можно сказать, утопил тебя. Взял твои аргументы и довел их до полнейшего абсурда. Честное слово! Если кто еще и сомневался в правоте Воронова, то уж после такой речи... Скажи спасибо Стенину, что тот не дал ему до конца изложить свое кредо. Не то пришлось бы тебе самому выступать против такого "защитника".

- Ну, это слишком! Есть у Чепкова, конечно, такая слабость. Любит поговорить. И нет-нет, да хватит через край. Но кто без недостатков? А дисциплину держать он мог. Студенты при нем по струнке ходили.

- Это верно. Только как он держался со студентами? Урядник!

- Урядник не урядник, а спуску не давал. Если же все будут относиться к студентам так, как ты...

- Это было в университетских традициях всегда.

- Мало ли что было. А нынешним студентам только дай волю!

- Это наш вечный спор. Я никогда не пойму твоего взгляда на молодежь. Ведь им жить, а нам с тобой... Да и для кого мы работаем, пишем свои труды, читаем лекции?

- Делаем-то мы для них не мало. А толку? Выучили вот Воронова...

- И что же?

- Как что? Чего только не слышали от него, нашего ученика, сегодня! Геология устарела! Зашла в тупик! Кто дал ему право делать такие заключения? О каком тупике может идти речь, если мы каждый год, каждый день узнаем все новые и новые факты о строении тех или иных регионов, выявляем новые закономерности в размещении полезных ископаемых, вводим в свой арсенал новые методы исследования...

- Ну, ты, кажется, не очень ратуешь за эти новые методы, судя по тому, что говорил на сегодняшнем заседании.

- Я выступал против превращения факультета в филиал физмата. Да! Против разрушения нашей традиционной лабораторной базы, против подчинения ее чуждому геологии направлению. Ведь к чему клонит Воронов? К тому, чтобы все ассигнования на оборудование шли на приобретение всяких там электронографов, осциллографов, то есть того, что нужно только ему.

- Но ты сам говоришь, что все мы вводим новые методы исследования.

- Вводим. Но если, к примеру, тебе понадобится какой-нибудь радиоактивный изотоп, ты не будешь требовать создания на факультете атомного реактора.

- Гм... допустим.

- Вот то-то и оно! Для того чтобы украсить работу двумя-тремя рентгеновскими анализами, всегда можно сделать их на стороне. Без всяких хлопот...

- Н-да... "Украсить", говоришь?

- Ну, иллюстрировать, что ли. Не все ли равно! Это же геологические работы. Вот для Воронова - другое дело. Ему эти осциллографы стали дороже минералов. Заведующему кафедрой минералогии!

Греков нахмурился:

- К чему столько желчи, Модест?

- Но как же иначе! Разве можно говорить спокойно, когда человек, называющий себя геологом, воспитанный этим факультетом, предлагает отбросить, как старую ненужную рухлядь, то, над чем мы трудились десятки лет. И не только мы, но и сотни, тысячи наших коллег во всей стране!

- Постой, Модест. Я понимаю тебя, но Воронов поднял такой вопрос, от которого нельзя отмахнуться. Он слишком серьезен и сложен. Это верно, все мы не сидим сложа руки. Но ведь главное не в том, как мы работаем, а в том, что мы делаем...

- Ты, я вижу, готов согласиться с этим... отщепенцем?

- Нет, я не разделяю мысли, что геология зашла в тупик или что-то в этом роде. Здесь Воронов, конечно, перегнул. Но то, что в нашей науке не все благополучно, это непреложный факт. И чем скорее мы признаем его, тем лучше.

- Ты это серьезно?

- А ты не согласен?

- Я даже в толк не возьму, о чем ты говоришь! Что у нас неблагополучно? Чем мы хуже других? Количество печатных работ на факультете растет из года в год. И все на должном уровне. Диссертации защищаются тоже, как будто, неплохо. Количество докторов и кандидатов наук - дай бог каждому факультету!

- Не в этом дело, Модест! Как ты не поймешь! Не в том главное, как мы работаем, а в том - над чем работаем. И Воронов справедливо заметил...

- Слушай, Леонид, неужели ты можешь всерьез принимать его выступления? Этот человек враждебен не только нам с тобой...

- Враждебен? - удивился Греков. - Почему враждебен? Я действительно долго не соглашался с целесообразностью его научной тематики и в свое время прямо и не раз говорил об этом. Но и только. А теперь мне кажется, что и в этом я был не совсем прав. Во всяком случае, его последние статьи о связи оптических свойств минералов с магнитными свойствами и структурой кристаллической решетки дают нам очень многое.

- Ну, мало ли...

- Но сейчас речь не об этом. И не о Воронове вообще. Его выступление лишь напомнило мне о том, что давно уже было предметом моих собственных раздумий. Да, Модест, я вижу, что в науке нашей не все благополучно. Сам процесс установления истины остается у нас чисто умозрительным.

- Это почему же?

- Да ведь как мы строим подчас наши теории и гипотезы? Обобщаем имеющиеся в нашем распоряжении факты и на основании этих обобщений делаем те или иные выводы, аргументируя их только тем, что они не противоречат имеющимся фактам. Если же через некоторое время появятся другие факты, не укладывающиеся в "теорию", то на смену ей приходит другая "теория". И мы считаем, что это в порядке вещей.

- Ну и что же? Истина всегда познается не сразу.

- В том-то и дело, что подобные "теории" не только не приближают нас к истине, но вообще отодвигают задачу отыскания истины на задний план. Ведь сплошь и рядом бывает, что формально логический анализ фактического материала приводит к двум, а то и к нескольким взаимоисключающим выводам, причем все они оказываются как будто равновероятными. На каком же из них мы останавливаемся?

- Ну... на том, который наиболее разумен, который подсказывает наша интуиция... - осторожно ответил Бенедианов.

- Вот-вот! Принимаем за истину то, что нам кажется наиболее вероятным, а подчас и то, что больше соответствует нашим прежним высказываниям или высказываниям наиболее уважаемых авторитетов. А потом спорим друг с другом, убеждаем, доказываем, и в подтверждение своей правоты опять приводим только факты - те, разумеется, которые не противоречат нашей точке зрения, о других мы просто умалчиваем - или цитаты наших единомышленников, или неточности и описки наших оппонентов.

- Но это обычный, так сказать, ход научной полемики. Так было всегда, насколько я помню. И никто не видел в этом ничего предосудительного. Что же касается процесса установления истины в геологии, то таков он повсюду. У нас просто не может быть другого метода познания.

- Ты хочешь сказать, мы не знаем другого метода?

- Это одно и то же.

- Не совсем! Но дело не только в методе. Большим недостатком нашей науки является и то, что не идет она впереди практики. Ведь это же факт, что открытие крупнейших месторождений полезных ископаемых сплошь и рядом делалось геологами-практиками без каких бы то ни было рекомендаций, а то и вопреки рекомендациям ученых-теоретиков. И только после их открытия мы начинаем изучать эти месторождения и в лучшем случае даем указания на наиболее целесообразные методы разведки.

- Как это только указания на разведку! Мы определяем и возраст и генезис.

- А для чего? Чтобы была написана еще одна диссертация? Или создана еще одна "теория"?

- Но ведь наука для того и существует, чтобы объяснять...

- Нет! Нет, Модест, задача любой науки - не только объяснять уже известные факты, но и предсказывать новые! А мы из года в год без конца детализируем, уточняем, классифицируем, приводим в систему все тот же фактический материал. Для вас это - все более дробное расчленение отдельных систем, ярусов, горизонтов. Для нас - все более детальная классификация горных пород. Для палеонтологов - все более скрупулезное описание окаменелостей. Но мы не ставим принципиально новых вопросов, не пытаемся, как сказал Воронов, проникнуть в сущность вещей и явлений.

- Опять Воронов!

- Хорошо, оставим Воронова. Но я припоминаю сейчас одно высказывание Ньютона, который писал, что уподобляет себя мальчику, который отыскивает на берегу яркие красивые камешки, в то время, как у ног его простирается необозримый океан неизвестного. С Вороновым можно соглашаться и не соглашаться относительно его "единой теории геологических процессов". Но то, что мы до сих пор занимаемся лишь собиранием камешков на берегу моря - это непреложный факт, закрывать глаза на который мы просто не имеем права.

- Это мы, профессора, собираем камешки?

- Я имел в виду вообще всех ученых-геологов, независимо от их звания. А если уж говорить о нас с тобой, Модест, то, как это ни трудно признавать, мы давно отстали...

- Отстали? Да ты понимаешь, что говоришь? Как отстали? Нет ни одного геологического журнала, который бы я...

- Не о журналах речь! Пора понять, Модест, что разделение науки о мире вообще на отдельные частные науки - условно, и геология не может развиваться независимо от развития физики, химии, биологии и других наук. А мы с тобой замкнулись в наших узких специальностях, гигантские изменения в смежных науках проходят мимо нас. Вот почему мы вынуждены теперь работать по старой арабской поговорке: "Если мы не можем делать то, что хотим, будем делать то, что можем".

- Ну, это уж слишком! Что сегодня с тобой, Леонид? Ты не болен?

- Я просто стар, Модест. А обнаружить на старости лет, что ты отстал...

- Да ты что, в самом деле сдаешься на милость Воронову? Ты, заслуженный профессор, готов изменить свои взгляды в угоду какому-то самонадеянному мальчишке!

- При чем здесь Воронов! Я говорю сейчас обо всем этом не потому, что меня поразило вороновское выступление, а под впечатлением недавнего разговора со своим аспирантом Бардиным. Помнишь, мы как-то говорили о нем. Так вот, он отказывается представить в качестве диссертации уже почти законченную работу по литологии. И знаешь, почему? Она, по его мнению, не отвечает современному уровню науки. Он понял это. Сам! А я - нет... - Греков опустил голову.

- Ну, и что же теперь?

- О чем ты? - словно очнулся Греков.

- Как ты решил со своим аспирантом?

- Так он решил это без меня. Н-да... И мне пришлось только согласиться с его решением.

- То есть?

- То есть пора и в литологию вводить точные методы исследования.

- Докатились! - Бенецианов с усмешкой развел руками. - Что же, садись за парту!

- А я и собираюсь это сделать. Да что там... Скажу по секрету, я начал уже изучать новейшую физику...

Бенецианов упал в кресло:

- Так-так... А потом потребуешь осциллографы и всякие там амперметры?

Греков улыбнулся:

- Мне до этого еще далеко. А вот Бардину все это понадобится в ближайшее время.

- Ну да, - Бенецианов тряхнул головой. - А геологию, значит, по боку? Геология стала не модной! - Он соскочил с кресла и снова заходил по кабинету.

Греков с удивлением смотрел на своего собеседника. Лицо Бенецианова покрылось красными пятнами.

- Неужели, Модест, - ты ничего не понял из того, что я говорил?

- Я понял только то, что и ты - против меня. Да-с! Ну что ж, если тебе дороже Воронов...

- Да при чем здесь наконец Воронов? - повысил голос Греков, не скрывая раздражения. - Почему ты так нетерпим к нему?

- Потому, что он мне антипатичен. Да! Потому, что он перевернул вверх ногами весь факультет. Потому, что он растоптал все наши традиции!

- Остынь, Модест! Гнев слишком плохой советчик в серьезных делах. Остынь и подумай о нашем разговоре. Подумай серьезно. - Греков поднялся и пошел к двери.

Снег все еще падал с низкого неба, когда Саша вышел на улицу. Но ветер уже стих. Ни с чем не сравнимый запах свежевывавшего снега зашекотал ноздри. Не хотелось ни забираться в трамвай, ни вообще куда-то спешить, а только идти по этим выбеленным улицам и вдыхать свежий, пахнущий морозом воздух.

Он прошел мимо трамвайной остановки, поднялся к театру, свернул на тихую улицу, ведущую к стадиону, пересек заснеженный парк и вышел к линии железной дороги. Послышался шум приближающегося поезда. К небу, словно из-под земли - линия проходила

здесь в глубокой выемке, - выметнулся яркий сноп прожектора. Стайкой светляков вспыхнули в нем падающие снежинки.

Саша взмошел на мост через выемку и облокотился на каменный парапет. Поезд, прогромыхав у него под ногами, мигнул на прощанье красным огоньком.

И снова стало тихо. Саша перешел мост и направился в сторону аэропорта. Конечно, рассуждал он, Петьке всего не понять. А ему самому? Разве сам он знает, что произошло в последнее время. Почему будто невидимая стена встала между ним и Люсей?

Саша остановился на тихом пустынном перекрестке и поднял глаза к слабо освещенному указателю улицы:

- Улица "Искры"...

Стоило ли убеждать себя, что он забрел в эти края случайно? Не раз и не два уже ноги сами приводили его сюда, и он сворачивал на эту узкую, обсаженную деревьями улицу и медленно проходил по ней, задерживаясь перед большим четырехэтажным домом и подолгу всматриваясь в яркие окна второго этажа.

Он оглянулся по сторонам и неторопливо зашагал вдоль улицы. На противоположной стороне ее, у киоска, большая ватага ребятишек лепила снежную бабу. Потом ребята разбежались в стороны и начали забрасывать бабу снежками. Саша не удержался и, вылепив снежок покрепче, ловким ударом отбил у бабы нос. Ребята взвыли от восторга.

Мимо прошла девушка с портфелем. Саша поспешно отряхнул руки. Ведь так же вот можно встретиться тут и с ней. От одной этой мысли стало жарко. Он расстегнул пальто и вдруг на углу, под фонарем, увидел знакомую долговязую фигуру: "Петька? Не может быть..."

Саша прошел еще несколько шагов: "Конечно, Петька! Вот тебе и физик-рационалист. Ну, подожди, рыжий черт!"

Саше захотелось тут же разыграть его. "Но что бы такое придумать?.. Ага!" - он вернулся к ребятам.

- Идите-ка сюда!

Ребята подошли.

- Видите вон того, долговязого?

- Видим. Он тут каждый вечер ходит.

- Так... А можете вы для меня одно дело сделать?

- Какое?

Саша вырвал из блокнота листок и, стараясь по возможности изменить свой почерк, набросал:

"Какие научные проблемы решаете вы, юноша, глядя на светящиеся окна в столь отдаленной части города?

Цагин".

Ребята, вытянув шеи, следили за каждым его движением.

- Вот так. Теперь бегите и отдайте это ему, - сказал Саша, свертывая записку. - А если спросит, кто передал, скажите - дяденька.

Ребята сорвались с места и гурьбой побежали к Петьке. Саша, спрятавшись, начал наблюдать.

Через минуту ребята окружили Петьку и начали что-то говорить ему, показывая руками назад. Петька сначала, видимо, не мог понять, в чем дело, потом, выхватив у ребят записку, впился в нее глазами. Читал он долго, затем начал расспрашивать ребят, оглядываясь по сторонам. И вдруг попятился - дальше и дальше, пока наконец не побежал к остановке.

Собрание в одиннадцатой группе затягивалось. В общем-то все были согласны вступить в объявленное комитетом соревнование за группу коммунистического труда и быта. Тем более, что новый секретарь бюро Бардин сказал, что и одиннадцатая группа должна стремиться к получению такого высокого звания. Однако оставалось большое "но".

Этим "но" была математика. Сейчас о ней говорили все. И не в том смысле, нужна или не нужна им, геологам, эта наука, а о том, как наверстать упущенное.

- Это же немыслимо, за месяц почти заново проработать столько материала, - горячилась Вика. - Завалим зачет. Непременно завалим! Хороша, скажут, группа коммунистического труда!..

- Поменьше надо было хихикать и записочками перебрасываться, - заметил Витя Беленький.

- Будто сам не смеялся па цоевских лекциях, - крикнула Светлана. - Забыл, как все покатывались?

- Что было - то было, - прервал ее Саша. - Не об этом речь!

- Нет, об этом! - продолжала Вика. - Два месяца ничего не делали. А теперь попробуй, наверстай! И еще вот о чем я хотела сказать. Может, это и не по обсуждаемому вопросу... Но все равно. Недружная у нас группа. Каждый только о себе думает. На смех кого поднять - это у нас могут, а вот помощи ни от кого не дождешься!

На кафедру поднялся Фарид Ибрагимов.

- Я скажу так. Соревнование - вещь хорошая. Но что мы имеем на сегодняшний день? Во-первых, на последней контрольной по математике - пятнадцать двоек! Во-вторых, некоторые первоисточников совсем даже не читают, а к семинарам готовятся по философскому словарю. В-третьих, - я буду критиковать невзирая на лица - есть у нас такие, как Горюнова, которые грубят руководству, мне, например, как профоргу. А так вступать в соревнование даже невозможно. Это мероприятие политическое, я так понимаю...

- Подождите, Ибрагимов, - обратился к нему Андрей. - Вот вы говорили о последней контрольной. А сколько было по ней четверок и пятерок?

- Совсем даже немного. Штук так около шести.

- Семь четверок и одна пятерка, - уточнил Иван.

- Ну, это не так уж плохо, - заметил Андрей. - Продолжай, Беленький.

Витя вскочил с места:

- Кто еще хочет выступить?

К столу подошла Светлана.

- Я заранее извиняюсь, как бы опять не нагрубить "руководству", - начала она, хитро глянув на Ибрагимова и Беленького. - В общем-то неплохое у нас это самое "руководство" - мухи не обидит...

- Говори по существу, Горюнова! - постучал Витя карандашом.

- Вот, пожалуйста, "по существу"! А что, спрашивается, сказал "по существу" Ибрагимов? Что вообще можно было понять из его "руководящей" речи, кроме того, что "руководство" нельзя обижать? А поговорить нам действительно есть о чем. Права Вика! Плохо у нас с математикой. Я сама контрольную на двойку написала, потому что не разбираюсь во многих вопросах. И не одна я. Нет, Витенька, ты не стучи карандашом! Я не собираюсь подпевать Войцеховскому и Джепаридзе, что вся затея с этим соревнованием - одна буза. В соревнование вступать надо. Но надо подумать и о том, что делать с математикой. И еще... Верно ведь, нет у нас в группе дружбы. Каждый кто в лес, кто по дрова! Собираемся только на такие вот собрания. Вот о чем следовало бы сказать нашему "руководству".

- Правильно! - поддержали Светлану.

С места поднялся Саша:

- Верно тут говорили девчата. О дружбе и вообще. Вот что я предлагаю для начала. Восемь человек написали контрольную? Написали. Значит, кое-что соображают. А восемь человек это почти треть группы. Так пусть каждый из них позанимается теперь с двумя отстающими. Не - раз и не два - до конца семестра. Согласны?

- Идет!

- Давно бы так! - раздались голоса.

Витя погрозил карандашом:

- Тихо-тихо! Поступило, значит, предложение...

- Разрешите мне! - прервал его Валерий.

- Давай, Ларин.

- Товарищи, я понимаю глубокую озабоченность всех выступающих тем положением, какое создалось у нас в группе с математикой. Оно несомненно создает весьма серьезное опасение за судьбу предстоящей сессии и заставляет с особой ответственностью отнестись к тем обязательствам, которые мы должны будем сформулировать сегодня в своем решении...

- Ох и мастер заливать! - вставила Светлана. Но Валерий даже не обернулся в ее сторону.

- Однако то, что предлагает Степанов, - продолжал он, повысив голос, - едва ли приемлемо, товарищи. Все подобные "прикрепления" одного студента к другому, все эти натаскивания "отстающих" могут, мне кажется, лишь оскорбить чувство собственного достоинства тех, кому будет предложена такая помощь, не говоря уже о том, что в подавляющем большинстве плохие результаты контрольной объясняются лишь нежеланием отдельных студентов работать по-настоящему. А помощь такого рода приучит их к постоянному ничегонеделанию, разовьет чувство безответственности. Поэтому нужно что-то новое. Я предложил бы, например, создать в группе математический семинар под руководством одного из наиболее сильных студентов. Он подберет интересные задачи, продумает, как вызвать полезный обмен мнениями по наиболее трудным разделам курса. И дело, я уверен, сдвинется с мертвой точки. А главное, какой резонанс это вызовет в масштабе университета...

- А на что он нам сдался, этот "резонанс"? - крикнул кто-то из ребят.

- Так речь идет о соревновании на лучшую группу всего университета...

- Нет, вы не совсем так поняли, - прервал Бардин. - Речь идет о соревновании на звание группы коммунистического труда и быта. Это звание могут получить одновременно многие группы университета. И учитываться здесь будут живые конкретные дела, а не "резонанс в масштабе университета".

- Но я предлагаю дельную вещь! - упрямо возразил Валерий.

- Что ж, если вы действительно готовы возглавить такой семинар...

- Я?! Почему я? - удивился Валерий. - Я говорю, так сказать, вообще. А что касается конкретной кандидатуры, это еще надо обсудить.

- Чего же тут обсуждать? - сказала Светлана. - Ты и пятерку по контрольной получил, и предложение внес, - вот и руководи...

- Что за постановка вопроса! - крикнул Валерий. - Если каждого, кто выдвинет какую-нибудь идею...

- А если обяжем? - не дал ему договорить Иван.

- Подождите, друзья, - остановил их Андрей. - Не будем никого "обязывать". Остановимся пока на предложении Степанова. Я не думаю, что чье-то "чувство собственного достоинства" будет оскорблено дружеской помощью. У геологов этого не бывает. Я бы сказал даже, что дружба и взаимопомощь и будут главным мерилом в нашем соревновании.

- Ну, теперь можно, пожалуй, и голосовать, - оглянулся Витя на Андрея. - Кто за то, чтобы вступить в соревнование, прошу поднять руки! Так... Против? Никого. Принято единогласно. Переходим к "Разному"... Вы знаете, что приближается такое важное мероприятие, как встреча Нового года...

- А день рождения у тебя тоже "мероприятие"? - подколола Светлана.

- Не перебивай, Горюнова! Так вот, по Новому году... Тут Славин придумал одну штуку. Давай, Славин!

- Собственно, придумал эту "штуку" не я. Предложил ее Краев. Ну, и меня уговорил. Батя у меня, как вы знаете, лесник. В лесу живет. От железнодорожной станции, если по прямой, километров шесть, не больше. Вот Колька и говорит, хорошо бы встретить Новый год всей группой в лесу, под елками. А надоест на снегу, можно и в избу, - места хватит. С отцом я говорил. Он согласен.

- Здорово!

- Молодцы, ребята!

- Хорошо придумали! - раздалось со всех сторон.

Женя Птичкин поднял руку:

- Можно вопрос? А как мы устроимся там с ночлегом?
- Чудак-человек! Разве в новогоднюю ночь спят?
- Гамаки захватим! - крикнул кто-то из ребят.
- Ну, хватит! Голосую, - объявил Витя. - Кто за?
- За что - "за"?
- За то, чтобы спать или не спать? - крикнула со смехом Светлана.
- Да хватит, в самом деле! Голосуем за все мероприятие в целом.
- Ах, за "мероприятие"! Тогда мы, Витенька, обеими руками!

Из университета Валерий вышел не в духе. К тому, что группа его не понимала, он уже привык. Но сегодня от него просто отмахнулись, как от назойливой мухи. Да еще стукнули по носу. И, главное, без всякой злости, будто мимоходом. Это было уж слишком. И вдруг он увидел Люсю. Она шла одна и, кажется, не спешила. Валерий догнал ее:

- Кончилось представление! Как говорится, погасли огни ramпы... А теперь куда же? Домой?

- Куда ж еще.
- И, конечно, в трамвае, и желательно без провожатых?
- Нет, сегодня как раз мне хочется пройти пешком.
- Только не в моей компании?
- Почему же, пожалуйста.

Валерий даже растерялся от неожиданности.

- Я ведь знаю, какое мнение сложилось обо мне, - сказал он со вздохом. - Я и пижон, и выскочка, и зазнайка...

- Ничего подобного.

- Нет, я знаю, это так. Но пусть я для тебя неисправимый грешник. Пусть! А они? Ведь надо же было, чтобы в одной группе собралась такая уйма бесцветных людей! Мне порой тошно становится... Почему? Сейчас скажу. Ты только не перебивай меня. Я не знаю, что говорил тебе Сашка. Да это и не столь важно. Я сам расскажу все. Так вот, я человек действительно никудышный.

- Зачем же так, Валерий?..

- Нет, не перебивай. Дай выскажусь. Я... Как бы это сказать... В общем, там, в тайге, я обокрал их, Саш-киного отца и Наташу. Случилось несчастье. Мы погибли с голоду. Надежды на спасение не было. И я... съел последний кусок шоколада, потом... забрал у них ружье и... ушел. К лагерю. Ты этого не поймешь. Это можно понять, когда смерть возьмет за горло. Тогда все вытесняет одно желание: жить. Во что бы то ни стало! И я ушел от них. Иначе мы погибли бы все трое. Спаслись они случайно. Вернее, к ним подоспел Сашка... Но это было случайно. Нет, я не оправдываю себя, и никто никогда меня не оправдает. Но так было. Вот...

Люся молчала... Он продолжал:

- Я даже хуже, чем ты обо мне думала. Но я хоть понимаю это. А они... Они все так довольны собой! Все! И Беленький, и Горюнова, и уж, конечно, Джепаридзе. А Войцеховский! Видела ты когда-нибудь более самодовольную морду? А Вайман с Птичкиным! Даже те собой довольны. Да что говорить...

Валерий передохнул.

- Возьми хоть сегодняшнее собрание. Анекдот! Вступают в соревнование за коммунистический труд. Коммунистический! А сами... Ведь вся их обязанность перед обществом - только учиться. А как они учатся? Горюнова спит на лекциях. Войцеховский и Джепаридзе вообще пропадают неизвестно где по целым дням. Беленький только и знает, что сидит за шахматными этюдами. Аллочка кроме танцулек знать ничего не знает. Полгруппы книгу в руки не берут! А теперь - караул, пропадаем! Спасите наши души. И все это облекается в форму борьбы за коммунистический труд. Да это же издевательство над самим понятием "коммунистический"! Все ведь свелось к чему? Помогите нам только сдать

зачет, и мы вступим в любое соревнование. И вот решение- прикрепить всех сильных студентов к халтурщикам. Помочь им, видите ли, надо. В чем? Что они, действительно попали в какое-то безвыходное положение? Стихийное бедствие на них обрушилось? Ничего подобного! Просто все вдруг увидели, что придется расплачиваться за свое безделье. И теперь вот прикрепят ко мне такую парочку, и должен я тянуть их, этих недорослей!.. По-моему, работать и жить по-коммунистически - это самому преодолевать все трудности. Думаешь, моя пятерка легко мне досталась? Еще при Цое я не оставлял без разбора ни одной лекции. Главное - самому работать. Для того мы и пришли в университет. Я говорил об этом в свое время. Тогда Иван меня с грязью смешал.

Валерий усмехнулся:

- Некоторым хотелось бы только разжеванное глотать. Ну, хорошо, добились они своего, сменили Цоя. А результат? Опять двойки, опять "помогите, пожалуйста!" И разошлись все довольные. И так всегда. И все они хорошие. А я плохой...

- Но почему все? - возразила Люся.

- Ну да! Есть еще Сашка! Так вот, о Сашке. Я и сегодня не скажу о нем ничего плохого. Я давно его знаю. И все же... Ну, зачем, скажи, пожалуйста, взял он тогда на себя вину за этот "крестовый поход"? Ради кого! Потом целый месяц выручал этого Краева. Тоже мне персона- Колька Краев. Теперь вот с этой помощью "отстающим". Сплошное самопожертвование! И ведь он не рисуется. В том-то и дело, что нет! Но для чего все это нужно? Для великой цели? Зачем вообще идти на лишения, даже страдания ради тех, кто подчас гроша ломаного не стоит?

- А ты никогда не думал, что было бы, если бы все люди стали такими вот добрыми, готовыми к самопожертвованию даже без всякой "великой цели"?

- Но это же утопия! Все люди никогда не станут одинаковыми. И самопожертвование героев-одиночек никому ничего не даст.

- А помнишь, как Саша спас тебе жизнь? Наташа мне об этом рассказала. И я не думаю, чтобы в тот момент, когда течение несло тебя на скалы, а он бросился к тебе на помощь, в груди твоей kloкотало такое же негодование бессмысленным самопожертвованием.

- Ну, это совсем другое дело...

- Почему другое? И я хочу спросить тебя, что ты чувствовал, когда увидел, как гибнет человек, спасший тебе жизнь? Хотя, уж извини меня за резкость, едва ли ты заслужил тогда такое самопожертвование.

Валерий вздрогнул. Перед глазами его возник мутный грохочущий поток, отвесные стены ущелья и неподвижное тело Саши...

- Я не забуду этого никогда, - сказал он сдавленным голосом.

- Этого и нельзя забыть. И согласишься - ведь ты стал лучше? Ты не мог не стать лучше после этого!

- Возможно, ты права...

- Конечно... А теперь о твоих отношениях с группой. Ну, почему ты все время говоришь: "я и они", "они и я"? Вот сейчас со мной ты говоришь просто. А как выступал сегодня на собрании? Тут и "глубокая озабоченность", и "весьма серьезные опасения", и "резонанс в масштабе университета". Прости, Валерий, но ты был просто смешон...

- Это правда? - спросил он упавшим голосом.

- Да, правда. Разве ты не видишь, что любое твое выступление вызывает у всех только улыбку? А твоя манера язвить по любому поводу! Я не собираюсь идеализировать наших ребят. И все же нельзя постоянно становиться в позу судьи-обличителя. Проще всего сказать: это плохо. Взять хотя бы сегодняшнее собрание. Ведь не случайно зашел разговор о дружбе. Ребята чувствуют, что не все в группе хорошо. Но как это изменить - не знают. А ты увидел только мольбу о помощи.

- Да-а, - вздохнул Валерий. - Не стоило, кажется, начинать этот разговор.

- Почему же?

- Наговорил я тебе... Все, что накипело, выложил. А ты...

- Честно говоря, я думала о тебе хуже. И рада, что мы поговорили так вот, обо всем откровенно.
- Рада? Ты не шутишь?.. Так я завтра, назло всем, организую этот семинар. Для всех, кто захочет.
- Но почему опять назло?
- Ну, пусть не назло. Но я покажу им, как надо работать в университете по-настоящему!
- Что ж, попробуй.
- И этот Бардин увидит...
- Слушай, Валерий, неужели нет человека, которого бы ты по-настоящему уважал, который был бы для тебя, если не идеалом, то во всяком случае...
- Почему "во всяком случае"? Есть у меня идеал!
- Кто же он?
- Воронов, вот кто.
- Юрий Дмитриевич?!
- А что? Ты, кажется, удивлена?
- Конечно. Ведь Юрий Дмитриевич - это...
- Это титан! Да-да, это борец, который крушит на своем пути все.
- Но ведь он тоже защищал Краева и добился восстановления его на факультете.
- Навязали человеку, вот и пришлось возиться, - упрямо возразил Валерий.
- И в этом ты не прав. Но мы, кажется, пришли. Спасибо, как говорят, за компанию и включай меня в свой семинар. До свидания, - она протянула руку. - До завтра.

19. ПОЧЕМУ НЕТ ГОР НА МАРСЕ

В Большой геологической аудитории не протолкнуться: началась отчетная научная конференция геофака. По традиции она ежегодно открывается в конце первого семестра, в декабре, и неизменно вызывает большой интерес у студентов всех курсов. Но сегодня народу особенно много. Дело в том, что в университет приехал выпускник факультета доцент Грюнталь - он разработал новую геологическую теорию и сегодня должен выступить с нею перед учеными факультета.

Вот почему студенты еще задолго до начала заполнили аудиторию, и Саша, пришедший к самому открытию, еле протиснулся сквозь густую толпу у двери. Впрочем, ему повезло. Не успел он оглядеться по сторонам, как его позвал Володя Свиридов, бессменный староста минералогического кружка:

- Степанов, иди сюда! А ну-ка, ребята, подсократимся! Первый курс идет. Наша смена!

Саша присел на кончик стула. Но Володя, ухватив его за плечи, придвинул поближе:

- Садись крепче, чего там! В тесноте да не в обиде!

За председательским столом появился профессор Бенецианов. Шум в аудитории начал стихать. Модест Петрович вынул очки, неторопливо надел их. Потом, раскрыв папку с бумагами, постучал карандашом по графину:

- Итак, итоговую научную конференцию профессорско-преподавательского состава геологического факультета считаю открытой. Слово для первого доклада предоставляется Ивану Яковлевичу Чепкову. Ему, как вы знаете, скоро предстоит защищать докторскую диссертацию, и потому нам будет особенно интересно послушать сообщение о новых данных в стратиграфии каменноугольной системы, что, собственно, и является темой его многолетней плодотворной работы. В этой работе...

- Надолго затянул, - зашептал Володя. - Уже четвертый год хожу на эти конференции и каждый раз первое слово - Чепкову. А с какой стати?..

- Подожди, послушаем, - сказал Саша, стараясь отыскать глазами заведующего кафедрой региональной геологии.

- Чего послушаем! Говорю, он с этими "новыми данными" который год носится.

Между тем Чепков поднялся на кафедру и, многозначительно кашлянув, раскрыл тезисы доклада. В аудитории снова стало шумно. Чепков терпеливо ждал. Длинный, тощий, с узкими, почти детскими плечами, он словно переломился над кафедрой. Издали его можно принять за сильно вытянувшегося подростка, если бы не редкие седые волосы, гладко зачесанные назад, и дряблое морщинистое лицо, напоминавшее вынутую из компота грушу. Было совершенно непонятно, почему его так боятся на факультете.

Но вот Чепков заговорил, и Саша невольно заслушался. Голос у Ивана Яковлевича густой, сочный. Говорил он короткими точными фразами и так ярко и образно излагал суть работы, что Саша с упреком взглянул на Володю. Но тот только рукой махнул.

Саша снова обернулся к докладчику. Было просто удивительно, как этот невзрачный человек так красиво владеет голосом и речью. Казалось, его можно слушать без конца.

"Нет, что-то тут Володя темнит", - подумал Саша. Но вся аудитория оставалась поразительно безучастной к докладу. Большинство студентов тихо переговаривались между собой, другие читали журналы. Преподаватели также сидели со скучающими лицами.

После доклада Чепкова ни о чем не спрашивали, никто с ним не спорил. А выступившие Бенецианов, Строганова и Кравец ограничились лишь общими словами.

- Ну как? - спросил Володя Сашу.

- Да в общем неплохо. Все ясно, понятно...

- А что же ты, собственно, понял? - усмехнулся Володя.

- Ну, взять хотя бы этот спор о границах ярусов. Он убедительно показал, что границу надо поднять...

- На двенадцать метров?

- Да.

- Вот об этих двенадцати метрах он и твердит без малого двенадцать лет. И каждый раз преподносит это как "новейшие данные по стратиграфии каменноугольной системы". А что изменится, если граница эта будет выше или ниже? Кому и что это даст?

- Мне и тебе - ничего, а Чепкову - докторскую степень, - вмешался в разговор сосед Свиридова.

- Да поостойте вы! - попросил Саша. Он увидел, что на кафедру поднимается Воронов.

- Я не собираюсь делать большого доклада, - начал тот негромко. - Но мне хотелось бы поделиться некоторыми обнадеживающими результатами, которые были получены у нас на кафедре в ходе работы над проблемой изотопов.

- Это другое дело, - шепнул Свиридов.

- Незачем говорить, насколько важно для всех естествоиспытателей, в том числе и для нас, геологов, - продолжал Воронов, - определение изотопического состава элементов, входящих в решетку минералов и других химических соединений. Всем, надо полагать, также известно, какие трудности стояли до сих пор на пути решения этой задачи. Результаты наших работ позволяют надеяться, однако, что определение изотопического состава элементов можно успешно вести методом электронного парамагнитного резонанса...

Доклад Воронова слушался труднее, чем выступление Чепкова. В нем было много математических данных, да и сам докладчик, видимо, меньше всего заботился о внешнем эффекте. Но одно сознание того, что речь идет о совершенно новом, только что родившемся открытии, заставляло с особым интересом прислушиваться к каждой фразе докладчика.

Воронов говорил недолго, но вопросов к нему оказалось так много, что круг затронутых проблем раздвинулся, и прошло немало времени, прежде чем Бенецианов смог подняться и сказать:

- Я с большим вниманием прослушал в высшей степени интересный и содержательный доклад доцента Воронова. В нем есть кое-что... э-э... любопытное, что, безусловно, заинтересует... скажем, физиков, химиков и других исследователей в области точных наук. И остается только пожалеть, что из-за обилия математических предпосылок мы вынуждены принимать на веру все аргументы докладчика. Но-о, - Бенецианов многозначительно потряс

очками, - я думаю, выражу общее мнение, если скажу, что от заведующего кафедрой минералогии мы вправе были ожидать иного доклада...

В зале загудели. Но шум тут же стих, как только поднялся Греков. Тот вышел из-за стола и, не заходя за кафедру, оперся спиной о стену.

- Мне трудно высказать какие-либо суждения по существу доклада, - начал он. - Вопрос, действительно, сугубо специальный. Но вот что хотелось бы сказать: не грех Воронова, а наша беда, если не все нам в его докладе ясно.

Он сел. Желающих выступить больше не оказалось.

- А теперь, - Бенецианов выдавил на своем лице некое подобие улыбки, - мы предоставим слово нашему гостю, бывшему питомцу факультета, доценту Георгию Александровичу Грюнталью, который познакомит нас... э-э-э... с новой оригинальной теорией горообразовательных процессов. Мы очень ценим, что свой доклад о новых представлениях, касающихся тектоники, Георгий Александрович решил сделать именно здесь, у нас, и желаем Георгию Александровичу, чтобы эта работа позволила ему в самом ближайшем будущем стать доктором геолого-минералогических наук. Мы ве-е-ерим, что работа многоуважаемого Георгия. Александровича откроет новую страницу в развитии геологических - я подчеркиваю! - геологических знаний и на-а-адеемся...

Но Саша его уже не слушал. Новая теория горообразовательных процессов! Одна эта фраза заставляла приготовиться к чему-то необыкновенному, такому, свидетелем чего можно стать раз в жизни.

- Пожалуйста, уважаемый Георгий Александрович, - закончил свое вступление Бенецианов.

На кафедру поднялся довольно молодой, скромно одетый мужчина с тонким подвижным лицом, на котором выделялись умные внимательные глаза.

- Я далек от мысли, что предлагаемая вам теория тектонических процессов, - начал он, немного волнуясь, - сможет явиться темой докторской диссертации и, тем более, что она откроет какую-то новую страницу в нашей науке. Здесь уважаемый председатель, конечно, преувеличил... Но для меня лично эта теория, безусловно, нечто большее, чем просто научная работа. Это, если хотите, моя мечта, которая возникла еще в студенческие годы. Мечта о том, чтобы многочисленные, на первый взгляд, абсолютно далекие друг от друга геологические явления были связаны единой нитью причинной зависимости,

Грюнталь сделал небольшую паузу. Аудитория застыла в молчании. Начало было необычным.

- Мне тем приятнее изложить свою теорию в этой аудитории, - продолжал докладчик. - что когда-то я сам слушал в ней лекции по геотектонике, а еще более потому, что некоторые из моих здешних коллег, как я только что имел возможность слышать, также работают в новом для геологии направлении. Но, - улыбнулся Грюнталь, - принимая во внимание претензии, высказанные уважаемым председателем в адрес предыдущего докладчика, я постараюсь по возможности не касаться математической основы теории, хотя все, что я буду излагать, основано, разумеется, на математическом расчете и на строгих математических доказательствах.

Он покинул кафедру и медленно прошелся перед развешенными на стене таблицами.

- Итак, чему обязаны тектонические явления, происходящие и происходившие на нашей планете? Чему обязаны процессы складкообразования, разломы земной коры, землетрясения, магматическая деятельность? Чем обусловлена форма магматических тел и распределение различных типов изверженных пород? Чем объясняется распределение тех или иных полезных ископаемых в земной коре? Что сформировало в конечном счете лик нашей планеты, ее недра, ее минеральные богатства? Чтобы ответить на эти вопросы, покинем на минуту Землю и обратимся к другой планете - Марсу...

"К Марсу?" - Саша скорее почувствовал, чем увидел, как волна недоумения прокатилась по всей аудитории.

- Да, к Марсу, - повторил докладчик, как бы отвечая на немой вопрос слушателей. - Задумывались ли вы когда-нибудь, почему на Марсе нет гор? На этот вопрос отвечают

обычно так: Марс - планета древняя, и горы, которые там были, давно, разрушены. А есть ли тому какие-нибудь доказательства? - Грюнталь помолчал, словно ожидая возражений. - Нет, таких доказательств не имеется!

А теперь, - сказал он, - обратимся к Луне. Почему период обращения Луны вокруг оси в точности соответствует периоду ее обращения вокруг Земли? Случайно ли это? И всегда ли наш спутник вращался так медленно? - Грюнталь повысил голос: - Нет, не случайно! Было время, когда Луна вращалась значительно быстрее. Теперь это можно считать доказанным. Замедлили ее вращение мощные приливы и отливы, которые вызывались притяжением Земли. Они оказывали тормозящее воздействие на Луну, и это продолжалось до тех пор, пока ее угловая скорость не сравнялась со скоростью движения вокруг Земли. Но ведь точно такое же воздействие оказывает и Луна на Землю. Всем вам известно, что даже твердая земная кора, по которой мы ходим, на которой строим города и выращиваем сады, тоже два раза в сутки поднимается и два раза в сутки опускается, повинаясь мощным силам притяжения нашего громадного спутника. Особенное влияние оказывают эти силы на водные массы мирового океана. Гигантская волна прилива высотой до двадцати с лишним метров непрерывно катится по земному шару, вызывая трение о морское дно, наталкиваясь на встречные острова, ударяясь о прибрежные скалы континентов. А так как угловая скорость приливной волны во много раз меньше угловой скорости Земли, то естественно, что вращение нашей планеты все больше и больше замедляется. Теперь это всем известно. Сейчас уже точно доказано, что даже сто лет назад Земля вращалась быстрее, чем теперь. Правда, разница эта исчисляется ничтожными долями секунды. Но все же...

Саша в недоумении посмотрел на Свиридова: при чем же здесь тектонические процессы? А Грюнталь продолжал:

- Обо всем этом, повторяю, знает почти каждый. Но далеко не все обращают внимание на другую сторону этого явления. Действие приливов и отливов ограничивалось бы лишь замедлением вращения Земли только в том случае, если бы плоскости лунной орбиты и земного экватора совпадали, если бы вся Земля была равномерно покрыта водной массой, если бы дно такого мирового океана было идеально ровным и гладким, или если бы все препятствия, находящиеся на пути приливной волны, были вытянуты строго вдоль меридианов. Но поскольку ничего подобного нет, то совсем нетрудно доказать математически, да это ясно и без всякой математики, что сила воздействия приливов разлагается на две составляющие: одну, действующую параллельно экватору, - она-то и замедляет вращение Земли, - другую, перпендикулярную первой, которая будет стремиться повернуть всю твердую оболочку земного шара относительно ядра вокруг оси, расположенной в плоскости экватора.

Докладчик подошел к доске и, быстро набросав чертеж, показал направления действующих сил.

- Надо, впрочем, сказать, что поскольку вторая составляющая невелика, смещение твердой оболочки относительно ядра происходит чрезвычайно медленно. Но ведь размещение материков и островов на поверхности Земли, а также рельеф дна океанов не остаются неизменными, и вполне вероятно, что при определенных условиях они могут оказаться такими, что меридиональная составляющая резко возрастет и твердая оболочка тогда будет смещаться значительно быстрее.

Грюнталь показал это возможное смещение оболочки на чертеже.

- Но что при этом произойдет? - продолжал он. - Известно, что в любом меридиональном сечении земной шар представляет собой почти правильный эллипс, кривизна которого минимальна у полюсов и максимальна на экваторе. Очевидно, смещение твердой оболочки не изменит формы эллипса. Но в таком случае те участки ее, которые будут перемещаться от экватора к полюсу, должны неизбежно разгибаться, что приведет к возникновению мощных напряжений сжатия в верхней части оболочки. Расчеты показывают, что наибольшей величины эти напряжения достигнут примерно на широте сорока пяти градусов основного меридиана смещения. В результате именно на этой широте значительная часть оболочки

будет смята в складки и вывернута вверх в виде колоссальных многокилометровых складчатых сооружений. Нетрудно догадаться, что эта зона в виде дуги большого круга, пересекающего плоскость экватора под углом в сорок пять градусов, опояшет весь земной шар.

На чертеже Грюнталь появилась дуга большого круга.

- В то же время с другой стороны от полюса, - продолжал докладчик, - смещение оболочки создаст зону не менее интенсивных растягивающих усилий, поскольку там будет иметь место сгибание ее вследствие перемещения от полюса к экватору, где кривизна эллипса максимальна. Нетрудно догадаться, что результатом этих растягивающих усилий являются гигантские разломы, трещины, сбросы и тому подобные дизъюнктивные нарушения земной коры. Само собой разумеется, что эта вторая зона также обоит вокруг всего земного шара, располагаясь под прямым углом к зоне складкообразования.

Грюнталь нанес на чертеж вторую дугу большого круга и, взяв указку, перешел к развешанным на стене таблицам:

- А теперь развернем обе наши дуги на плоскости так, как обычно разворачивается любая географическая карта. Очевидно, в таком случае получится нечто вроде двух синусоид, которые вы и видите на этом чертеже. Красной линией нанесена здесь зона максимальных деформаций сжатия, синей - зона максимальных деформаций растяжения.

Докладчик снял чертеж кривых и подошел к физической карте мира:

- Если теперь наложить эти кривые - подчеркиваю, они получены исключительно расчетным путем! - на карту того же масштаба, то нетрудно обнаружить...

Гул всего зала заглушил последние слова докладчика. Кривые были вычерчены на тонкой прозрачной бумаге, и можно было отчетливо видеть, что красная линия почти точно совместилась с нанесенными на карту горными цепями альпийской системы, следуя за очертаниями хребтов Северной Африки и дальше по Альпам и Карпатам, Крыму и Кавказу, горным сооружениям Ирана и высочайшим пикам Памира и Гималаев. Синяя же побежала по океаническим впадинам, протягивающимся вдоль Филиппин, островов Японии, Курильской гряды и дальше по Алеутским островам и западному побережью Северной и Южной Америки.

Комментарии, как говорится, были излишни.

- Здорово, а? - затормошил Саша Володю.

- Да тише вы! - прикрикнули сзади.

Но шум нарастал уже во всей аудитории. Оживленно было и среди преподавателей. Воронов что-то быстро и горячо говорил Стенину. Близорукий Кравец хлопал себя по карманам, видимо, в поисках пенсне. Обычно сдержанный Глеб Максимилианович в возбуждении поворачивался то в ту, то в другую сторону. А Леонид Иванович Греков, грузно обернувшись к Бергу, спорил с ним, то и дело показывая на чертеж Грюнталь.

Только Чепков, сидящий против кафедры, оставался подчеркнуто невозмутимым.

Бенецианов постучал карандашом о графин. Грюнталь снова заговорил:

- Какой же мощности должна быть твердая смещающая оболочка Земли, чтобы сдавливающие усилия могли привести к возникновению складчатых сооружений, подобным Гималаям? Мои расчеты показывают, что мощность оболочки должна быть около восьмисот - тысячи километров...

Новая волна возгласов прокатилась по аудитории. Тысяча километров! Невероятная, фантастическая цифра! Максимальные величины, которыми до сих пор оперировали геологи при характеристике мощности земной коры, не превышали семи десятков километров.

Грюнталь поднял руку:

- Я понимаю ваше недоумение, товарищи. Мне самому казалось удивительной столь громадная цифра. Но судите сами. Гипоцентры землетрясений устанавливаются на глубинах в четыреста, четыреста пятьдесят и даже больше километров...

- На тихоокеанском побережье до шестисот километров, - заметил Греков.

- Вот именно. Однако согласитесь, трудно представить, чтобы эти тектонические явления могли иметь место в пластичной оболочке.

Но это было неубедительным.

- А как же магма? - спросил с места Чепков. Докладчик улыбнулся:

- Я ждал этого вопроса. В самом деле, как в таком случае следует представлять себе магму, которая, судя по характеру залегания магматических пород, поднимается почти к самой поверхности Земли и даже изливается на дневную поверхность? Как преодолевает она эту тысячекилометровую толщу? По-видимому, ответ может быть только один. Магмы в том смысле, как мы это привыкли понимать, не существует...

Гул в аудитории усилился.

- Вот так номер! - воскликнул Володя Свиридов, оборачиваясь к Саше.

- Да, ничего себе теория! - сказал сосед Володи. - Эдак всю геологию...

- А так ее и надо, эту магму. Я за нее двойку схватил, - пробасил кто-то сзади под общий смех.

Явное замешательство было и в первых рядах. Все повернулись в сторону заведующего кафедрой петрографии. Греков нахмурился.

- Позвольте, - снова спросил Чепков. - Откуда же взялись магматические породы? Или они также, по-вашему, не существуют?

- Нет, почему же, - ответил Грюнталь, - породы существуют. Но все эти породы, которые мы называем "магматическими", на мой взгляд, образовались не из магмы, а за счет кристаллизации вторичного расплава, возникшего вследствие локального переплавления тех или иных пород оболочки Земли. Что же касается причин... Представьте себе, как сминается в складки толща пород мощностью в несколько сот километров! Расчеты показывают, что тепловой энергии, которая выделится в результате такой "операции", с избытком хватит на расплавление любых известных нам пород. Но дело даже не в этом. Вспомните, сколько неразрешимых до сих пор парадоксов мешает объяснить образование "магматических" пород из магмы, поднимающейся из недр Земли? Чего стоят один факолиты, эти загадочные интрузивные тела, имеющие форму изогнутой чечевицы и размещающиеся в сводовых частях складок. Они же, как вы знаете, не имеют никакой связи с другими "магматическими" телами. Так откуда же поступала сюда магма?.. А возьмите другие интрузивные тела. Ну, хотя бы наиболее крупные из них, батолиты. Все петрографы и тектонисты подчеркивают, что у них поразительно ровные боковые стенки. Но разве можно предположить, что магма, поднимающаяся откуда-то из больших глубин и имеющая колоссальное давление, не производит никаких механических воздействий на боковые породы? Да уж сам факт того, что магма почему-то всегда "предпочитает" проникать к поверхности Земли именно в момент складкообразования, и в основном в местах, приуроченных к наиболее интенсивной складчатости, то есть тогда и там, где и когда действуют наиболее мощные сдавливающие усилия и где, следовательно, особенно затруднено ее продвижение кверху, - разве сам этот факт не является величайшим парадоксом теории магматического пороодообразования? Таких фактов можно привести сколько угодно. Для их объяснения привлекалась и привлекается масса всевозможных гипотез. Но все вы знаете, что объясняя одно, эти гипотезы неизбежно вступают в противоречие с другим. И таким образом, парадоксы по-прежнему остаются парадоксами. Этим я отнюдь не хочу сказать, что моя теория вполне свободна от недостатков. Над ней, конечно, еще надо работать и работать. Но уже и теперь она вполне удовлетворительно объясняет многое из того, что было до сих пор неясным и противоречивым. Возьмите ту же форму интрузивных тел. Она просто как следствие выводится из самого механизма складкообразования.

Грюнталь снова подошел к доске и с помощью чертежей показал, как создаются те или иные формы магматических тел в зависимости от степени развития складчатости. Гул одобрения пронесся по аудитории.

Докладчик продолжал:

- Даже вопросы происхождения руд металлов, в которых до сих пор остается много неясного и спорного, могут быть решены на принципиально новой основе, проще и точнее, если исходить из предлагаемой нами теории тектонических процессов.

Повторяю, эта теория ни в коем случае не претендует на то, чтобы окончательно установить причинную взаимозависимость всех или почти всех геологических процессов. Но уже то, что она удовлетворительно объясняет многие из них и имеет строгое математическое обоснование, делает ее, на мой взгляд, хорошей основой для дальнейших исследований.

Гром аплодисментов покрыл последние слова докладчика. Ребята из научного общества защелкали фотоаппаратами. Блики магниевых вспышек побежали по аудитории, по лицам Чепкова и Бенецианова, по старым истертým таблицам, висящим на стенах. И Саше подумалось, что это над самой геологией уже блещут молнии начинающейся очистительной грозы.

Обсуждение доклада Грюнталя затянулось до ночи. Но все, что говорили Греков, Стенин, Воронов и другие, было так необычно, интересно, ново, что Саша даже пожалел, когда Бенецианов объявил заседание закрытым и все повалили к выходу.

Саша вышел одним из последних. Сегодня он особенно ясно почувствовал, как мало ему дали лекции Бенецианова. "Все придется заново прорабатывать по книгам, - думал он, спускаясь по лестнице. - Все с самого начала. А на лекции к Камбале нечего больше и ходить".

И вдруг он увидел: внизу, у вешалки, мелькнула знакомая шапочка.

Саша торопливо obeжал глазами вестибюль. Вот она, уже почти у самой двери. Еще минута, и он снова потеряет ее из вида. А у гардероба такой хвост...

И вдруг от самой вешалки:

- Саша, давай номерок! - Это Володя. Его очередь уже подходит. Саша оглянулся на дверь. Желтой шапочки не видно. Но еще можно догнать. Он бросает номерок Володе:

- Ох, и выручил ты меня! Тут такое дело... Секунда - и Саша выскакивает за дверь. В лицо пахнуло снегом. Где же она?... Перед глазами сплошная белая пелена. Разыгравшаяся метель вьюжила даже здесь, под сводами портала. А дальше, за колоннами, все точно кипело в белом вихре. Выходящие из здания люди невольно останавливались, поспешно нахлобучивали шапки или поднимали воротники и сразу тонули в снежном мраке.

Он сбежал по ступеням и окунулся в облако несущегося снега. Ветер толкнул его в бок, вцепился в пальто, потащил в сторону. Мокрые хлопья хлестнули по лицу, яростным свистом заложило уши. Все исчезло из глаз. Лишь снег и темнота. Не видно даже собственных ног. Тускло, как в тумане, светятся расплывающиеся квадраты окон.

Саша в растерянности остановился. Разве тут кого-нибудь найдешь! Он пересек улицу и пошел вниз, к скверу. Позади остались слабо освещенный подъезд поликлиники, неоновое пятно молодежного кафе, узкий, точно засыпанный снегом скворечник, киоск союзпечати. Вот и решетка сквера. Куда же теперь? Да и не могла она уйти так далеко.

Саша повернул обратно. Навстречу медленно тянулись студенты. Они шли друг за другом, след в след, стараясь не сбиться с протоптанной дорожки. Теперь он просто не мог не встретиться с ней.

Но подъем кончился. Впереди из снежной пелены выступили белые массивные колонны.

Саша остановился. Он снова был один перед строгой громадой университета. Один... Но разве был он теперь хоть минуту без нее, даже сейчас, когда она словно растаяла в этом кипящем котле.

Он глянул на здание университета. Подоо древнему колоссу, высилось оно среди беснующейся метели, как бы утверждая величие и мощь науки. Но Саша уже знал, каким титаническим трудом и какой напряженной борьбой даются они людям. Так разве останется он в стороне от схваток, которые начались и наверняка развернутся еще у них на факультете. Конечно, он только студент, и у него еще очень мало знаний. Но и за знания надо бороться!

Саша повернулся лицом к ветру. Эх, и разыгралась ты, метель!

И вдруг... Или ему показалось? Нет, он узнал бы ее и среди тысяч.

- Люся!

Голос Саши тонет в свисте метели.

- Люся... - он подходит ближе, пытаясь загородить ее от ветра.

Но Люся не слышит, не замечает его. Ветер рвет из рук шарф, который она пытается набросить на голову. А тут еще сумка...

Он трогает ее за плечо:

- Давай поддержи.

Люся вздрагивает от неожиданности:

- Саша... Откуда ты? - в глазах недоумение. - А ветер уже завладел ее шапочкой, вцепился в волосы, треплет воротник.

- Давай сумку! Мешает же... - он подхватывает конец шарфа и дает ей в руки. - Улетит!

Она торопливо поправляет шапочку, закрепляет на голове шарф. Он поднимает воротник ее пальто. На мгновение лицо Люси оказывается совсем рядом, так близко, как не было еще никогда. И сразу все: и пережитые волнения, и радость встречи выливаются в одно огромное желание - прикоснуться к ее губам.

Но резкий порыв ветра бросает на них целую гору снега. Люся невольно встряхивает головой:

- Ну и метет!

- Ерунда! Я даже люблю такую погоду. - Саша поправляет шапку. - Пошли!

- А сумку?

- Ладно уж. Вместе пойдем.

- Пешком?!

- Конечно.

- Что ты, Саша. Я на трамвае.

- А ходят ли они в такую погоду? Но до трамвая я тебя все-таки провожу.

Он решительно берет ее за локоть и привлекает к себе. Сегодня это можно. Сегодня многое можно. В такую ночь! Когда само небо обрушилось на землю.

В будке на трамвайной остановке почти тихо. Метель прорывалась сюда лишь временами и потому в глубине ее, за кабинкой автомата, можно было даже отряхнуться от снега.

Саша помог Люсе почистить пальто:

- Так ты, значит, слышала доклад Грюнталя?

- Конечно, там много было наших: Витя Беленький, Фарид, Светлана. Витя даже место тебе с Иваном занял.

- Иван в общежитии дежурит. А я засиделся в препараторской у Юрия Дмитриевича, чуть не опоздал к началу. Пришлось к знакомым ребятам пристроиться. А здорово у него получается!

- Да, интересно. Только я не поняла, при чем здесь все-таки Марс?

- А как же! Там, говорят, действительно, до сих пор не обнаружено гор. И согласно теории Грюнталя, их и быть не могло, так как нечему было вызывать приливные явления.

- Но ведь спутники-то у Марса есть. Целых два.

- Какие это спутники! - Саша даже присвистнул. - Деймос всего, кажется, пятнадцать километров в поперечнике. А Фобос и того меньше - километров семь-восемь. Одним словом, это песчинки по сравнению с Марсом. Разве могут они оказывать какое-нибудь воздействие на планету.

- А Луна? Сколько она примерно?

- Луна? Что-то, если не ошибаюсь, около трех с половиной тысячи километров. Некоторые астрономы вообще не считают ее спутником. Так и пишут - система двойной планеты "Земля - Луна".

- Это я знаю, папа рассказывал. Но почему же у Марса такие маленькие спутники?

- А ты слышала о гипотезе Шкловского, что они искусственные?

- Искусственные?

- Да. Шкловский изучал движение этих спутников и оказалось, что Фобос движется так, как если бы он был полый. Пустой, одним словом, как футбольный мяч.

- Что ты говоришь!

- Он доказал это математически. И потом, это ведь единственные спутники, которые движутся вокруг своей планеты в экваториальной плоскости. А возьми такой факт. Астрономы давно уже заметили, что чем больше планета, тем больше у нее спутников. У Юпитера их двенадцать, у Сатурна - пять, у Земли - один, а у Венеры, которая меньше Земли, - ни одного. Марс же еще меньше Венеры, так что у него вроде бы не должно быть спутников, как и у Меркурия, а на самом деле...

- Интересно...

- Еще бы! И оказывается, эти загадочные спутники давно уже будоражат умы ученых. Впервые их открыли во время великого противостояния 1877 года. И сразу же оказалось, что их видно даже в сравнительно слабые телескопы. Но ведь изучение Марса началось давно. А между тем даже в самые сильные телескопы никто не видел у него никаких спутников...

- Ты хочешь сказать, что тогда их и запустили марсиане?

- Да, вполне возможно, что до 1877 года их там не было. А что касается марсиан... Марсиане тут, может быть, и ни при чем. Знаешь, что может быть, - Саша даже понизил голос. - Космические корабли с другой звезды прилетели в нашу солнечную систему и подошли к Марсу. Но на планету такой корабль не посадишь. Вот и задали им скорость искусственного спутника. А потом, мало ли... Может, у них источники энергии кончились, может, сломалось что-нибудь. Так и вращаются эти корабли вокруг планеты... Вот куда бы я сейчас полетел!..

- А как же геология?

- Так разве геолог всегда будет привязан к Земле? Может, как раз на Марсе и решатся главные проблемы геологии. Да и не в этом дело. Я... Саша в смущении замолчал.

- Что ты?

- Я полетел туда хотя бы ради того... Ты знаешь, ведь что бы я сейчас ни делал, о чем бы ни думал... - он посмотрел ей прямо в глаза. - Люся...

Она покачала головой.

- Люся...

Она молча шагнула к выходу:

- Саша, кажется, трамвай!

Они вышли из будки. Издали, сквозь снежную пелену надвигались три желтых пятна.

- До свидания, Саша, - она взяла у него сумку. - И подними воротник.

Он нерешительно шагнул к ней ближе:

- Люся, можно, я поеду с тобой?

- Зачем?

- А там этот пустырь... Мало ли...

- Ну что ты, Саша! Пустырь... Он же, можно сказать, у меня дома. А тебе еще шагать да шагать!

Трамвай остановился.

- Ну, счастливо добраться, - Люся взялась за поручень.

Он удержал ее за локоть:

- Люся!..

- Не надо, Саша, - сказала она с грустной решимостью. - Не надо! - И поднялась на площадку вагона.

Трамвай тронулся. Медленно, с еще не закрытыми створками дверей. Мимо поплыли заснеженные окна. Саша не сводил с них глаз. А что, если сесть в прицепной вагон? Он ухватился за поручень, но тут же отпустил его: ведь уже не первый раз она так вот, с непонятной решимостью, мягко, но настойчиво отстраняет его от себя, чуть только разговор переходит за рамки чисто товарищеских отношений. Так куда и зачем ехать?..

Лишь потеряв из виду трамвай и оставшись совсем одна, Люся почувствовала, как разъярилась метель, особенно здесь, где кончалась улица и начинался пустырь, отделяющий старую часть города от новых кварталов. Едва отойдя от остановки, она провалилась в сугроб и еле добралась до углового дома. Тут хоть можно немного отдышаться. Но уже в двух шагах творилось нечто невообразимое.

Люся, повернувшись спиной к ветру. Трудно было представить, что где-то неподалеку стоят дома, полные людей, и течет обычная жизнь большого города. Мир сузился до предела и стал чужим, неуютным, совсем не таким, каким был полчаса назад, когда рядом двигалась коренастая фигура Саши.

Если бы он был сейчас здесь... Но нет, нельзя тянуться к счастью, которое станет горем другому человеку. И потом...Разве можно теперь, после того, как она так долго его отталкивала, ответить на его.... Нет, об этом нельзя даже думать!

Домой она пришла вся в снегу, с мокрыми ногами.

Мать встретила ее у дверей:

- Наконец-то! Быстро одевайся во все сухое. А я поставлю чайник. Остыл, наверное.

Люся переоделась и заглянула на кухню:

- Ну и погодка! Как у папы.

- В нашем городе я и не помню такого. Чуть дошла, наверное?

- В общем, досталось. Пришлось и поплутать.

- И тебя никто не проводил?

- Хотели проводить... Саша. Я не позволила. Ты же сама...

- Ну, в таких исключительных случаях...

- Что ты говоришь, мама! Разве можно...

- Пожалуй, ты права... Садись скорее. Чай готов.

- Мама!.. Как ты думаешь, если один человек любит другого... Может он разлюбить только потому, что тот, другой человек... Как бы это тебе сказать?.. Словом, если он не знает, как тот, другой человек к нему относится?

Мать подошла к окну и долго прислушивалась к глухим ударам ветра.

- Нет, дочка, любовь не может уйти от человека, если это действительно любовь...

А наутро еле удалось поднять голову с подушки. Заложило горло, поднялась температура. Пришлось остаться дома.

Между тем настроение Люси не было подавленным. В памяти всплывало то вчерашнее поведение Саши, то слова матери о любви. Больше того, предчувствие чего-то хорошего не покидало Люсю весь день, и, когда вечером зашла к ней Таня, она была почти уверена, что от нее она узнает такое, что прогонит остатки болезни.

- Проходи, проходи, Таня. Вот молодец, что зашла, - говорила она, устраиваясь на подушках. - Садись сюда. А журналы - на стол. Ну, как там, на улице?

- Снегу, Люся, снегу! Весь день скребут, метут, возят, и хоть бы что. А ты, значит, лежишь?

- Лежу, Танюша. Промочила вчера ноги.

- Беда с вами, городскими. Чуть что, сразу болеть. Вика ушла сегодня с занятий, Алка весь день чихает.

- Так ведь вчера такое было!

- Ну, уж и было! У нас на Волге не так еще крутит все здоровехоньки. Даром, что ни автобусов, ни трамваев. А у тебя и остановка под боком.

- Остановка-то рядом. А знаешь, как вчера пришлось добираться. Я ведь на конференцию оставалась.

- А-а! Значит, ты совсем ночью пришла. Но зато, говорят, столько интересного было. Андрюша рассказывал. Да, Люся, у Наташи Севериной несчастье. Мать положили в больницу. Говорят, что-то серьезное, может и не встать. Совсем одна останется. Да еще сестренка у нее, небольшая совсем. А дома топить нечем. Дров ни палки. В общем, извелась

Наташка! Помочь ей надо. Мы тут поговорили с девочками. В профком сходить, что ли? Или купить чего...

Люся замерла.

- Ты что, не согласна?

- Что ты, Танюша! Конечно, надо помочь ей. Это само собой. А еще вот что... Таня, поговори с Сашей. От своего имени, конечно. Я знаю, у тебя это получится. Ну, чтобы навестил он Наташу. И вообще... Ты понимаешь?

Таня с удивлением взглянула ей в глаза:

- А как же... Я думала, вы с Сашей...

- Нет-нет! Я... Как бы тебе сказать... Просто я уважаю его. Очень уважаю, но... разве можно иначе? Я очень прошу тебя. Ты с ним завтра же поговори.

- Попытаюсь. А ты... Тебе хуже?

- Голова кружится.

- Может, подать что-нибудь?

- Нет. Мне ничего не надо. - Люся отвернулась, но Таня успела заметить навернувшиеся на ее глаза слезы.

- Что с тобой? Ты плачешь, Люся!

- Нет, горло болит... Но теперь уже лучше. А что сегодня на занятиях было, Танюша?

- Ничего особенного. Камбала о вулканах рассказывал. Петр Ильич закончил карбонаты. К сульфатам перешел...

- Да?... - Люся слышит и не слышит, что говорит ей подруга. А Таня уже смеется, вспомнив, как Джепаридзе доказывал Петру Ильичу, что "у них в Грузии" есть вина, от которых кальцит шипит, как от соляной кислоты.

- А на минералогии... Ой, знаешь, Люся, Юрий Дмитриевич был сегодня такой невеселый, будто сглазил кто или заболел.

Люся поднимает с подушки голову. Последние слова вызывают непонятную тревогу, и тревога эта не уходит, и уже кажется, что это от нее горит лицо и все плывет в горячем тумане...

20. ЧЕРНЫЙ ШАР

Защита диссертации подходила к концу. Петр Ильич изложил уже суть работы, ответил на все замечания официальных оппонентов и членов Ученого совета и теперь сидел неподалеку от кафедры в ожидании приговора.

Бенецианов, раскрыв папку, внушительно заговорил:

- Здесь имеются отзывы с производства, от научных учреждений и некоторых частных лиц. Все они в общем положительные... м-м... за исключением отзыва из Урбекской экспедиции, в котором, к сожалению, не все гладко. Следует огласить их? - спросил он.

- Огласить последний! - предложил Ростов.

- Та-а-ак... - Модест Петрович надел очки - Отзыв на диссертационную работу...

Саша затаил дыхание. Отзыв отца... Для Саши это был не просто официальный документ, оценивающий работу, представленную на соискание ученой степени. Для него это было мнение отца о Петре Ильиче, как ученом и человеке, мнение, которое сейчас особенно важно, потому что здесь, в стенах университета, Петр Ильич в третий раз предстал перед Сашей в новом свете и ему пришлось заново пересматривать свое отношение к молодому преподавателю кафедры минералогии, бывшему когда-то его первым учителем-геологом.

Саша узнавал стиль отца, улавливал некоторые из его любимых выражений и будто видел его самого, спокойного, доброжелательного, справедливого. Таким же был и его отзыв. Что же тогда беспокоило Петра Ильича? А вот оно что!

- "...Вызывает недоумение, что диссертант не сделал ссылок на работы геологов Урбекской экспедиции, материал которых широко использован в диссертации", - Бенецианов сделал паузу и многозначительно посмотрел на Петра Ильича. Тот покраснел. - Ну, а дальше обычное. Автор полагает, что работа соответствует всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а соискатель достоин присвоения ученой степени кандидата наук.

В аудитории стало шумно. Члены Совета заговорили, задвигались. Петр Ильич поспешно вытер платком лицо.

- У меня есть вопрос! - послышался громкий голос Чепкова. - Руководитель диссертанта знал об этом отзыве?

Бенецианов посмотрел на Воронова. Тот поднялся:

- Да, я знаком с отзывом. И рекомендовал Петру Ильичу внести соответствующие изменения в работу. Однако он не счел нужным этого сделать.

- Есть ли еще вопросы? - спросил Бенецианов. - Нет? Тогда прошу выступать.

К председательскому столу подошел Греков:

- Работа, представленная Совету, не вызывает серьезных возражений. Но вот с этим отзывом... Я полагаю, что молодому ученому следует быть более щепетильным в вопросах научной этики, и, если мы сейчас и проголосуем за присвоение ученой степени, то выдадим ему тем самым большой аванс, - он повернулся к Петру Ильичу: - Да, уважаемый коллега, большой аванс, в надежде, что вы поймете неблагоприятность своего поступка и не дадите больше повода для такого рода разговоров.

- Я совершенно согласен с выступлением Леонида Ивановича, - сказал сменивший его Ростов, - и считаю, что Совет должен обязать соискателя внести в диссертацию ссылки на работы урбекских геологов, по крайней мере при подготовке ее к публикации. Считаю также, что Совет должен рекомендовать диссертанту направить в Урбекскую экспедицию извинительное письмо, в котором было бы указано, что такие изменения в работу внесены. Наконец, считаю, что Совету следует официально указать соискателю на недопустимость подобных поступков в практике научной работы.

- Позвольте и мне высказать свою... э-э... точку зрения, - поднялся Бенецианов.

Аудитория настороженно затихла.

"Ну, этот разнесет в пух и в прах!" - подумал Саша, невольно проникаясь чувством сострадания к Петру Ильичу, который сидел, понутив голову, теряя, видимо, всякую надежду на благополучный исход защиты.

Но Модест Петрович не торопился "разносить" незадачливого диссертанта. Напротив, воздав должное его "умению излагать материал и логически мыслить", он сделал небольшую паузу и недоуменно развел руками:

- Я не понимаю, из-за чего разгорелся весь сыр-бор? Разве качество работы так уж пострадало от того, что в списке литературы не оказалось нескольких рукописных отчетов? Все мы знаем, что представляют собой отчеты производственников. И если уж поднимать этот вопрос, то совсем в другой плоскости. Допустим, отсутствие ссылок является все-таки недостатком представленной работы. В какой-то мере это, конечно, так. Но с кого мы в первую очередь должны спросить за эту оплошность? Первая работа ученика, говорят, - работа его учителя. Вряд ли кто-нибудь с этим не согласится. И мне думается, что не кто иной, как доцент Воронов должен был указать своему аспиранту на допущенный промах. Указать в свое время и настолько убедительно, чтобы у аспиранта не возникло даже мысли "не счесть нужным" исправить свою ошибку. Именно так должен поступить всякий уважающий себя ученый, а не выступать на Совете с жалобой на своего непослушного ученика.

- Верно! - поддержал Чепков.

- Есть еще желающие? - спросил декан.

- Есть пожелание, - отозвался Стенин, - чтобы все здесь сказанное было поточнее занесено в протокол.

- Что вы хотите этим сказать? - повернулся к нему Бенецианов.
- Я полагаю, секретарь Совета понял меня, - ответил Стенин.
- Поддерживаю пожелание Алексея Константиновича, - сказал Греков, - и прошу внести в протокол, что я лично и, насколько мне известно, большинство других членов Совета не разделяем пренебрежительного отношения к геологам-производственникам.

На лице Бенецианова выступили красные пятна.

- Есть ли еще выступления по представленной работе? Нет? - спросил, он. - Тогда какие соображения будут по составу счетной комиссии?..

Один черный шар. Один голос против...

Итак, тайным голосованием Ученый совет факультета присвоил Петру Ильичу ученую степень кандидата геолого-минералогических наук.

Но кто же тот один, голосовавший против? Греков, Ростов, Стенин? Или Юрий Дмитриевич?.. Не может быть! Но тогда кто же? В толпе старшекурсников Саша увидел Володю Свиридова.

- Володя, слушай, кто голосовал против Ларина, как думаешь?

- Чепков, конечно.

- Он же вроде бы, наоборот, в защиту Петра Ильича...

Свиридов засмеялся:

- В защиту?.. Не знаешь ты Чепкова. Верно, ребята?

- Ничего, к четвертому курсу поумнеет.

- Постойте, - сказал Саша. - А откуда же вы знаете? Ведь тайное голосование...

- Да вот Трофимов своими глазами видел. Расскажи-ка, Гена.

- Понимаете, я у окна стоял, как раз у кафедры. А Чепков рядом пристроился, - начал Трофимов, известный балагур и весельчак, который, как знал Саша, был из одной группы с Володей и даже как будто дружил с ним. - Так вот, развернул он листок, где написано "согласен" и "не согласен" и - хвать! - первое слово зачеркнул. А потом, видели бы вы, подходит к Ларину и с такой, знаете, улыбочкой говорит: "Поздравляю, уважаемый Петр Ильич, с успешной защитой".

- Вот так-то, Степанов, - хлопнул его по плечу Володя. - Живи и копи ума-разума... А знаешь, не зря ты тогда вступился за Краева. Он в штабе ДНД так развернулся, дай боже! У него против этой шпаны, видно, давно зуб!

- Еще бы, досталось парню.

- А что с этим вашим, как его...

- С Жориком, что ли?

- Да.

- Отправили, говорят, со всей компанией подальше.

- И о чем думают такие? - сказал кто-то из ребят.

- О чем думают? - вступил в разговор не знакомый Саше блондин с усиками. - Будешь и ты думать, когда живем, как манную кашу жуем. Нет же ничего героического в наше время. Вот и мечутся те, кто не хочет ограничить себя жратвой да работой. Будьте покойны, заурядная личность во все времена оставалась паинькой!

- Что же, по-твоему, - перебил его Саша, - этот Жорик и вся его компания героическое искали в своей "норе"? Или это незаурядные личности, так что ли?

- Как ты не поймешь, - усмехнулся Володя, - это он сам, Всеволод Луговой - незаурядная личность.

- Не умно, Свиридов, - ответил Луговой с достоинством.

- Не умно? Тогда послушай, что я расскажу.

- Будешь лозунгами угощать?

- Нет, угощу одной историей, что была у нас этим летом на практике.

Был у нас в партии шлиховый отряд. И случилось так: остались они без продовольствия - вертолет забарахлил. А шлихи мыли километрах в сорока от базы, вниз по речке Черной. В

отряде парнишка-техник и две девчонки-практикантки. А места там, замечу, такие, что пешком к ним не то что с грузом, и налегке не проберешься. Да тут еще дождь зарядил. Единственная возможность - по речке, на плотках. А речка эта - будто сам черт ее исковырял. Камень на камне, порог на пороге! Собрал нас начальник и говорит: "Приказывать я такое не могу, а, сами понимаете, люди с голоду умирают". Вот и поплыли втроем. На трех плотках: специально разделились. На всякий случай. Прогулочка получилась что надо! Один плот - в щепки. Другой на камень наскочил - еле стащили. А все-таки добрались до своих. Так что это, по-твоему, "кашу жевать?"

- Бывают исключительные случаи, - усмехнулся Луговой.

- Исключительные? А прошлогодняя история с Коноплевым на перевале? Обвал в Рудничном?..

- Кому ты, Володька, рассказываешь? - заметил один из ребят. - Брось! Он же все лето в фондах проторчал. Вся его практика в Уфе прошла.

- Ну, там, конечно, трудно было найти что-нибудь героическое.

- Не скажи, Володя, - возразил Генка. - Уфа - город большой. И столовка на другой стороне улицы. А если под трамвай попадешь по дороге?

- Трамвай что! - подхватил другой паренек. - В фондах, я слышал, и туалет на втором этаже. А шутка ли, туда и обратно по лестнице. Можно нос разбить.

- Ребята засмеялись.

Луговой, ничего не сказав, пошел прочь. Генка вздохнул ему вдогонку:

- Последний обломок рухнувшей цивилизации!

Придя в общежитие, Саша хотел засесть за книги, но, заглянув в свою комнату, так и застыл в дверях: комната была полна дыма, а за столом, где стояла недопитая бутылка водки и лежала груда окурков, сидел Иван, уронив голову на руки.

- Ты с чего это? - удивился Саша.

- К черту все! Напьюсь как сапожник!

- Да ты в уме?

- Или брошу все, и - поминай, как звали! - продолжал Иван. - Уеду! Хоть в тар-тарары. Только подальше отсюда.

- Постой-постой! Что у тебя случилось?

- Что случилось? День рождения у меня сегодня...

- Чего ж ты молчал? Поздравляю!

- Не с чем меня поздравлять, - насутился Иван.

- То есть как это не с чем?

- А так вот... Но тебе этого не понять!

- Почему же?

- Потому что не было у тебя такого. Дружишь со своей Севериной и знать ничего не хочешь. А вот я... - Иван махнул рукой. - Да что говорить об этом...

- Постой, Ваня, - Саша сел к нему ближе. - Не торопись мне завидовать. С Наташей у нас тоже не все гладко. И вообще... Ничего-то ты не замечаешь. Но что все-таки у тебя стряслось? Что-нибудь с Таней?

- А откуда ты знаешь?

- Я все вижу. И понимаю тебя. Только напрасно...

- Что "напрасно"? Скажешь, все это пустяки? Конечно, для вас, мальчишек, все это вроде игры. А мне и жизнь уж будет не в жизнь без нее... Ведь для наших девчат я солдат неотесанный. А она другое дело... Уж я бы для нее! Рук не жалеючи работал бы, шагу лишнего не дал бы сделать!

- Так в чем же дело?

- Знаешь, какой подарочек она преподнесла мне ко дню рождения?

- Значит, она знала, что у тебя день рождения?

- Я сам сказал ей. И попросил, чтобы пожелала мне чего-нибудь...

- Ну и?..

- Ну и дождался! "Желаю тебе, говорит, встретить в жизни такую девушку, с которой ты был бы так же счастлив, как я с Андрюшей"... Словом, больше в одной группе с ней мне не быть. Уеду я отсюда! Переведусь в другой вуз. Или еще что...

- Не валяй дурака, Иван!

- Хорошо тебе рассуждать. А мне... - Он махнул рукой и, схватив пальто, направился к двери.

- Постой! - крикнул Саша. - Куда ты?

- А теперь все равно.

- Ну, топай... Только вот что, Иван. У меня к тебе просьба. У Наташи Севериной несчастье. Мать положили в больницу. А дома, говорят, топить нечем. Помочь ей надо. Съездим на дровяной склад?

- Это можно, - буркнул Иван. - А сейчас пойду. Проветрюсь немного.

Саша проводил его взглядом: "И что его потянуло к Тане? Вон Светка глаз не сводит. И подошли бы они друг другу. Так нет же! Как все сложно в жизни..."

У Петра Ильича не было как будто никаких оснований для плохого настроения. Защита прошла успешнее, чем можно было ожидать. Успешно проскочила диссертация и через Большой совет. Тут Петру Ильичу положительно повезло. Ученый совет университета собирался не чаще одного раза в месяц, а диссертационные дела разбирались и того реже. Однако Бенецианов сумел провести его диссертацию уже на третий день после защиты. Это было приятным и неожиданным сюрпризом.

Повезло ему и в другом. Курортную путевку, на которую было столько желающих и которую Петру Ильичу так хотелось получить, профком решил предоставить именно ему. Даже от руководства так ему надоевшей одиннадцатой группой Стенин обещал освободить, если подыщется подходящая замена.

Словом, все складывалось как нельзя лучше. Но радости не было. Наоборот, какое-то тягостное предчувствие не покидало Петра Ильича в последнее время. И все из-за урбекского отзыва! Его ведь наверняка пошлют с документами в аттестационную комиссию. И вопрос еще, как там посмотрят на это.

Петр Ильич бросил книгу, которую листал уже больше часа, тщетно стараясь вникнуть в смысл, и, хлопнув дверью, вышел в коридор.

- Кто это у нас так дверями гремит? - послышался воркующий голос. - А-а-а, Петр Ильич. Вы мне как раз нужны, - Софья Львовна извлекла из своего арсенала самую обворожительную улыбку. - Петр Ильич, зайдемте, пожалуйста, ко мне, студенты принесли какой-то минерал, и я... В общем, нужна ваша консультация.

- Можно, - согласился Ларин.

Софья Львовна провела его в ассистентскую кафедры общей геологии. - Вот взгляните.

Петр Ильич удивленно пожал плечами:

- Этот? А что тут неясного? Самый обычный эпидот...

- Для вас обычный, - сказала Строганова, улыбаясь. - А мы с ним и так и эдак... Забываются минералы. Да сейчас, пожалуй, на всем факультете только вы один и остались настоящим минералогом. Я всегда, между прочим, поражалась вашей необычайной способности к диагностике. Да, кстати, взгляните еще на этот образчик. - Софья Львовна порылась у себя в столе и достала небольшой клиноподобный кристалл.

- Вот это уже интереснее, - Петр Ильич взял кристалл и несколько минут рассматривал его. Затем легонько царапнул по стеклу. - Похоже, аксинит. Но лучше проверить. Не дадите ли его мне на пару часов?

- Пожалуйста, могу вообще подарить, если он представляет для вас какую-нибудь ценность.

- Большое спасибо. У нас в коллекции как раз нет аксинита.

- Вот видите, оказывается, не зря вы потеряли здесь несколько минут. Ну, а как теперь ваше настроение?

Петр Ильич насупился:

- Благодарю вас, хорошо.

- Я думаю, у вас нет оснований для мрачных раздумий. Хотя Воронов немного испортил черным шаром...

- Вы хотите сказать, что Воронов голосовал против? Этого не может быть!

- Святая простота! Ну, да бог с ним, с Вороновым. Один голос против - это, знаете ли, даже к лучшему. Говорят, в Москве придираются к диссертациям, прошедшим единогласно.

- И все-таки против голосовал не Воронов, - упрямо повторил Петр Ильич. - Он не мог этого сделать!

- Ну хорошо, хорошо. Мог или не мог... Ясно только, что его мелочные придирки не помешали вам стать кандидатом наук. И я радуюсь вместе с вами...

- Радоваться, положим, еще рано. Как Москва посмотрит.

- А что Москва? Работа превосходная.

- Но как там отнесутся к этому отзыву?..

- Ах, вот чем вы обеспокоены! - Софья Львовна, улыбаясь, открыла своп стол. - Вот он, наш отзыв. Можете взять его себе на память.

- Как?.. Но мне сказали, что все документы...

- Уже посланы? Да, Модест Петрович постарался, чтобы не было никакой задержки. А отзыв... Можете изорвать его, можете повесить у себя дома, под стекло. Теперь видите, как относится к вам Бенецианов?

Петр Ильич не знал, что и подумать. Что же получается? Воронов голосует против, а Модест Петрович оказывает такую услугу...

- Да, Петр Ильич, - продолжала Софья Львовна, становясь серьезной, - вас уважают, ценят. И прежде всего, декан. Он смотрит на вас как на достойного продолжателя добрых традиций нашей минералогической школы. Да вы садитесь, что же мы стоим, в самом деле.

Петр Ильич опустил на диван. Софья Львовна села рядом.

- Ведь ваш Воронов, что греха таить, уже давно далек от минералогии. Как небо от земли. А вы... На вас теперь вся надежда факультета. Не знаю только вот... как вы сработаетесь с Юрием Дмитриевичем? Ведь он понимает - придет время, и неминуемо встанет вопрос о том, что во главе кафедры минералогии должен стоять минералог. К тому же, насколько мне известно, в ближайшие годы на кафедре Воронова не будет вакансии доцента.

- Мне об этом еще рано и думать, Софья Львовна.

- Вам? - Строганова закатила глаза. - Не прибедняйтесь, Петр Ильич. Будто не знаете, что на факультете есть доценты, которым уже сейчас далеко до вас. А Воронов только и думает, чтобы набрать побольше физиков. Какие уж там вакансии! Впрочем, на других кафедрах место доцента может открыться уже в этом году.

- Но я же минералог.

Софья Львовна положила свою ладонь ему на руку:

- Будем говорить прямо, Петр Ильич. Много ли внимания уделяется минералам на кафедре Воронова?

- Ну, все-таки...

- Чего там "все-таки"! Боюсь, даже на нашей кафедре ими занимаются больше, чем у вас. Кстати говоря, именно у нас с нового года откроется вакантное место доцента. Модест Петрович уже сейчас думает, кого бы ему пригласить на это место.

- Ну, меня-то едва ли...

- Вы уверены? Впрочем, то же вы говорили, помню, и перед защитой.

- Но с какой стати Бенецианову обо мне заботиться?

- Модест Петрович заботится о судьбе факультета. О судьбе геологии, настоящей геологии. Естественно, он не может оставаться равнодушным и к такому ее разделу, как минералогия. На кафедре Воронова она уже давно дышит на ладан. Рано или поздно это будет заурядный филиал физмата. Впрочем, вы прекрасно знаете это и сами. Но геологический факультет не может остаться без минералогии. Вот что заботит Модеста Петровича. А ведь заниматься

наукой, развивать и совершенствовать минералогию можно, я думаю, на любой кафедре, были бы условия для работы. Вы меня понимаете? - Она встала и протянула руку. - Ну, до свидания, Петр Ильич. Спасибо за консультацию.

- И вам... спасибо, - сказал Петр Ильич, неловко пятясь к двери.

В голове был страшный сумбур. Но отзыв лежал у него в кармане. И это означало конец всем страхам и сомнениям.

- Уф-ф! - невольно вырвалось у него, - как только закрыл он дверь.

А все, что говорилось после, - галиматья. Хотя вообще-то не лишне подумать. В конце концов, эта минералогия на атомном уровне право же не для него. И потом... Доцент Ларин. Это не то, что какой-то ассистентшишка.

21. ДЕВИЗ НАШ: ВПЕРЕД И ВПЕРЕД!

От Грекова он вышел поздним вечером, когда на факультете уже почти никого не оставалось. Медленно прошелся по коридору, с минуту постоял у доски с приказами и решительно направился к Стенину.

- Ты не ушел еще, Алексей?

- А-а, Юрий, заходи! - отозвался Стенин, поднимая голову от микроскопа. - Ты что сегодня такой сияющий?

- Головойойку получил сейчас... От Леонида Ивановича.

- От Грекова? - Стенин встал из-за стола. - Интересно... За что же он тебя?

- Во-первых, за то, что не зашел к нему до сих пор и не поговорил начистоту.

- Резонно.

- А еще за то, что "выбрал себе удел гордого одиночества".

- Так он и сказал? - рассмеялся Стенин.

- Да еще добавил, что на таких, как я, следовало бы схиму надевать.

- Молодец Греков! Будешь знать, как жить отшельником! - Стенин закурил. - Ну, а что же было в-третьих?

- Ты уверен, что было и в-третьих?

- Абсолютно!

- В-третьих, попало за то, что думая, так сказать, о будущем науки, я отошел от забот сегодняшнего дня.

- Гм... Недурно! И как же ты - ошетинился всем арсеналом своей логики?

- Не беспокойся, наши с тобой перепалки не пропали даром. Доказывать, что "без воды ни туды и ни сюды" Грекову не пришлось. Но дело не в этом. Леонид Иванович выслушал мои соображения и с большинством из них согласился. Однако, когда речь зашла о единой теории геологических процессов...

- Я знал, что против этого многие станут возражать.

- Нет, не то, чтобы он категорически возражал. Но высказал опасение, что излишняя ориентировка молодежи на разработку теоретических вопросов может быть воспринята как отказ от полевых исследований.

- То же самое говорил и я. Ведь именно полевые исследования представляют ту лабораторию, в которой мы совершенствуем методы познания геологических объектов и явлений.

- Помилуй, я никогда и не мыслил создание теории геологических процессов в отрыве от исследований в поле. Я возражал и возражаю против того, что некоторые ученые-геологи, решая практические вопросы, вообще отказываются от разработки крупных теоретических проблем. А то, что такие проблемы должны вырастать из полевых исследований и в конечном счете сами служить совершенствованию методов поисков полезных ископаемых - в этом я совершенно согласен и с тобой и с Леонидом Ивановичем. Другое дело, что

полевые исследования в ряде случаев оказываются недостаточными и требуют привлечения более тонких методов, включая математические и даже кибернетические исследования. Но это, кажется, ни у кого уже не вызывает сомнений.

Стенин бросил окурок в пепельницу:

- Я рад, что вы с Леонидом Ивановичем нашли общий язык. Но признайся, понадобилась-таки вся мощь грековского авторитета и его железной логики, чтобы ты освободился от некоторых перегибов в своих суждениях.

Воронов улыбнулся:

- В спорах рождается истина...

- Но дело, кажется, не кончилось этим?

- А кончилось все тем, что мы несколько часов подряд толковали о квантовой механике, парамагнитном резонансе и тому подобных вещах. Леонид Иванович уже не первый год, оказывается, сидит над физикой... Мало того, в заключение он предложил сходить вместе с ним к ректору к поставить вопрос о введении новой специализации на факультете, о подготовке геологов-теоретиков.

- Широко мыслит Греков. Молодчина! Что же, я думаю, партийное бюро с этим согласится.

- Еще бы не согласилось! Но Греков! Признаться, я не ожидал...

- Да, Юрий, не знаем мы еще своих союзников. А между тем, я уверен, что и Ростов придерживается таких же взглядов и кое-кто из других. Недаром Леонид Иванович упрекнул тебя в "гордом одиночестве". К людям надо уметь подойти...

- Этого у меня никогда не получалось, - признался Воронов.

- Потому-то и было тебе трудно. Так ведь? Но теперь лед тронулся. Найти общий язык с Грековым - это больше, чем сломить сопротивление Бенецианова или Чепкова.

- Ты еще мало их знаешь, Алексей.

- Зато я знаю тебя и Грекова. Твое упрямство...

- Ну, меня-то мое упрямство до сих пор награждало только шишками.

- Однако, в последнее время у тебя, кажется, нет оснований слишком гневаться на свою судьбу.

- В последнее время? - улыбнулся Воронов. - Да, пожалуй...

Но тут его внимание привлекла музыка, доносившаяся откуда-то из коридора.

- Что это, слышишь?

- Студенты в Большой геологической, - ответил Стенин. - К Новому году готовятся.

- Да, Новый год не за горами. - Воронов приоткрыл дверь и прислушался к молодым голосам.

Путь наш труден. По нашему следу

Только самый отважный пройдет,

Но мы верим, мы верим, добьемся победы,

И девиз наш: вперед и вперед!

- Не слышал такой песни, - признался Воронов.

- Это гимн факультета, наш собственный: Бардин сочинил... А ты, вижу, и в самом деле отгородился от всего своими магнитными полями. Бываешь ли хоть на студенческих вечерах?

- Давненько не был.

- Что же, студентов только на лекциях видишь?

- Почему на лекциях! У меня в лаборатории всегда народ.

- Ну, в лаборатории - это само собой. А вот, скажем, в общежитии, на вечеринке...

- То есть как на вечеринке?

- А что тут особенного! Студенты, я знаю, тебя любят. Почему же и не встретиться с ними где-нибудь вне факультета, не поговорить по душам. Не о минералах, нет! А о жизни, о том, как ты ее понимаешь, за что любишь. А?

- Признаться, не думал об этом...

- А ты подумай! Слышишь, как поют?

Воронов приоткрыл дверь шире. Из коридора доносилось:

Не страшны никакие преграды,
Если рядом испытанный друг...

- Да, сейчас им нужен, - продолжал Стенин, - очень нужен настоящий, опытный друг, такой, который помог бы выбрать правильный путь. И опять-таки, я говорю не о профессии, а становлении каждого из них как гражданина, как личности, как человека. А ведь что греха таить, многие студенты не видят в своем преподавателе друга. И в этом повинны мы сами, - отдали их на откуп декану: ему, дескать, это по должности положено, а наше дело - только лекции да научная работа. Формально вроде бы и так. А ведь им, сегодняшним первокурсникам, эстафету передавать придется.

- Ты прав, конечно. Дела захлестывают. Но это, разумеется, не оправдание...

Послышался дружный припев гимна:

И всюду, где проходят наши ноги
И глушь звенит от наших молотков,
В тайге пролягут новые дороги
И вырастут кварталы городов.

Воронов поднялся:

- Ну, пора и мне шагать. Кое-что надо еще закончить. Пойдешь, стукни.

- Добро.

Воронов вышел в коридор. Из Большой геологической по-прежнему доносилась песня. Он заглянул в дверь. В глубине аудитории у рояля столпились студенты. Воронов с интересом всматривался в их лица. Невольно подумалось: "Как объединяет и сближает людей песня". И словно отвечая его мыслям, с особой силой зазвучали слова:

Если ж трудно нам станет, ребята,
Иль взгрустнется случайно в пути,
Вспомним мы, вспомним мы гордый гимн геофака -
С песней легче по жизни идти.

"Да, этим будет легче идти по жизни. Вот хоть этому вихрастому... - Он присмотрелся внимательнее. - Так это же Степанов! А рядом с ним Кравцов. Значит, это одиннадцатая группа"...

Он быстро obeжал глазами лица студентов и вдруг увидел ее, сидящую за роялем. Впервые он видел Люсю не на лекции, где она всегда была сосредоточенно-серьезной, а в совершенно иной обстановке. Воронов не мог отвести от нее взгляда. Люся вскинула голову, рояль под ее руками словно смешался и замолк. Все обернулись к двери.

- Юрий Дмитриевич!

- Юрий Дмитриевич, идите к нам!

- Добрый вечер! - Он вошел в аудиторию. - Вот не знал, что так хорошо поете.

- Да мы еще только репетируем.

- Юрий Дмитриевич, - обратился к нему Валерий, - давно хотел спросить вас, что за минерал был в короне Александра Македонского - из "Лезвия бритвы"?

- Вы имеете в виду роман Ефремова?

- Да.

- Насколько мне известно, такого минерала не существует. Его придумал Иван Антонович.

- А по многу минералов вы спрашиваете на экзаменах? - поинтересовалась Вика, смущенно выглядывая из-за спины подруги.

И началось:

- А правда, что в нашем музее есть минералы даже из Антарктиды?

- Скажите, Юрий Дмитриевич, на Луне могут быть алмазы?

- А уранинит?

- Юрий Дмитриевич, а что будет, если на месторождение уранинита сбросить атомную бомбу?

Воронов едва успевал отвечать.

- Юрий Дмитриевич, - спросил Саша Степанов. - А правда, что вы изобрели какие-то лучи?

- Вы имеете в виду, наверное, квантовую электронику. Это изобретение физиков. Мы же лишь помогаем им. Дело в том, что в квантовых генераторах энергия луча зависит от того, какой именно кристалл служит в качестве "рабочего вещества". Над этим мы и работаем. И кое-чего добились. Кристаллы некоторых минералов, предложенные нами, значительно повысили энергию излучения. А ведь энергия - это, как не трудно догадаться, дальность! Сейчас мы ставим задачу достичь Юпитера и еще более далеких планет...

У Саши заблестели глаза. А вперед уже протиснулась Светлана Горюнова.

- Юрий Дмитриевич, - сказала она, - сегодня у нас возник спор: что такое счастье?

- Счастье?.. - вопрос был неожиданным. Выручила профессиональная привычка: - А как вы сами думаете?

- Я... Я думаю, что счастье - это... Ну, в общем, когда человек, который для тебя...

- Неужели это так интересно? - прервал ее Валерий.

- Нет, почему же, - возразил Воронов. - А как бы вы сами ответили?

- По-моему, вообще все разговоры о счастье - мешанство. А если уж и есть какое счастье, так это - счастье победы! Другого быть не может!

- А что думают другие? - Воронов мельком взглянул на Люсю. Но та не поднимала глаз от нот.

- А по-моему, - сказала Наташа, - счастье - это сознание того, что ты кому-то нужен.

- Я тоже так думаю, - включилась в спор Вика. - Во всяком случае, большего несчастья, чем быть никому не нужной, трудно себе и представить. А ведь счастье - нечто противоположное...

- Ну и сказала! - снова вступил в разговор Валерий. - Счастье - нечто противоположное несчастью!

- А что, не правда, что ли? - вмешалась Таня. - Верно говорит Наташа. Только я бы сказала так: счастье - это быть полезным людям, вот!

- Смотря каким людям! - возразил Валерий. - Встречаются такие типы...

- Так я говорю о людях, а не о "типах".

- А как вы, Степанов, думаете? - спросил Воронов.

- По-моему, счастье - это просто жить.

- Совсем непонятно! - воскликнул Витя.

- А чего тут непонятного! - крикнул Краев. - Здорово сказано. И еще, когда почувствуешь, что ничего тебе не надо бояться и можно делать что хочешь...

- Ну, если всем дать волю! - перебил Валерий.

- Ты просто не понял его, Валерий, - сказала Наташа. - Это действительно большое счастье, когда человек может делать именно то, что хочет.

- Ну, а по-моему, - заговорил Иван, - по-настоящему счастливы только те, кому не в чем упрекнуть себя. Помните, как сказал Островский: "Жизнь дается человеку один раз..."

- Знаем, знаем, - снова перебил Валерий. - Только если каждый будет судить о своих поступках сам...

- Не беспокойся. Самого себя не обманешь!

- Да что вы там мудрите, - сказал Женя Птичкин. - Счастье - это просто когда везет.

- Эх, Птичкин, совсем ты отсталый в этом вопросе, - возразил Фарид. - Я читал где-то: "Человек - творец своего счастья".

- Ну, а сам-то ты что думаешь об этом? - спросил Саша.

- А зачем самому думать, когда столько всего написано, - ответил Фарид под общий смех.

- А все-таки больше всего пишут о любви, - вздохнула Света.

- И о сельском хозяйстве много пишут, - не моргнув глазом, возразил Фарид.

- И о профсоюзной работе тоже, - в тон ему произнес Валерий.

И снова дружный смех раскатился по аудитории.

- Ну вот, вы сами и ответили на свой вопрос, - заговорил Воронов, когда все немного успокоились. - Счастье, как видите, понятие условное и в какой-то степени субъективное. Первобытному человеку для счастья достаточно было, по-видимому, чтобы он был сыт, согрет огнем и чувствовал себя в относительной безопасности. Теперь это сложнее. Едва ли кто-нибудь из вас назовет счастьем сытое беззаботное существование. Но и теперь для каждого человека оно представляется по-разному и выражает то, что ему особенно дорого, к чему он стремится, чего добивается, за что борется. А это зависит и от темперамента человека, и от условий его жизни, и от социального положения, и от индивидуальных склонностей, привычек, культурного уровня. И потом... Хотите, я расскажу вам одну историю?

Воронов сел к столу. Ребята сгрудились вокруг.

- Это было в Белоруссии, во время войны. Я был в то время разве чуточку старше вас. Ночью вместе с двумя бойцами я возвращался с боевого задания. Стоял октябрь. Дождь, ветер, тьма, как говорится, хоть глаз выколи. И - ни огонька. Впрочем, нас это вполне устраивало. Для разведчика лучшей погоды трудно и пожелать. Так вот, шли мы из вражеского тыла к линии фронта, и когда до передовой осталось каких-нибудь два километра, услышали вдруг детский плач. Остановились. Плач доносился из небольшой лощины за дорогой. Приказал я своим товарищам быть начеку, а сам - туда, в лощину.

Пошарил руками - нащупал сверток. Пригляделся, а это ребенок, завернутый в какую-то дерюжку. Схватил я его, поднял на руки. А он весь мокрый, дрожит и плачет, тихо так, жалобно, - видно, из последних сил тянет. Я туда-сюда - ни души. Что делать... Сбросил шинель, снял гимнастерку, завернул малыша в свою рубашку - и к своим.

Увидели друзья мои находку. Молчат. И я молчу. А ребенок согрелся немного и, слышу, губами чмокает. Изголодался, видно, бедняга. Потом вдруг как опять заплачет. Переглянулись мы: ясно, через фронт с ним не пробраться. И задерживаться нельзя, срочные сведения нужны командованию. У войны свои законы. А у жизни свои. Будто почувствовал малыш наше замешательство, даже плакать перестал. Махнул я рукой товарищам: "Идите, говорю, к своим". А сам - назад. В распоряжении у меня всего несколько часов, пока ночь не кончится...

Вам, наверное, трудно сейчас все это и представить, А я в ту ночь, верите, чем угодно готов был поплатиться, лишь бы его куда-нибудь определить. И если кто-нибудь спросил бы меня тогда о счастье, я, не задумываясь, сказал бы, что большего счастья я не попрошу у жизни никогда...

Воронов оглядел притихших ребят.

- Ну, и как же дальше? - не выдержал кто-то.

- Дальше?.. Счастье улыбнулось нам той ночью. На рассвете набрел я на небольшой хутор и отдал своего найденыша одной старушке...

А много лет назад, когда я уже работал в университете, пришлось мне отстаивать еще одно детище - новую научную тематику кафедры. Борьба за нее была долгой и трудной. И все это время я опять не мыслил для себя иного счастья, чем добиться победы в этой борьбе... Так что, и для одного человека это понятие не остается, видимо, неизменным. Сегодня он называет счастьем одно, завтра - Другое. Да иначе и быть не может. Меняется жизнь человека - меняются и его понятия о счастье. Но как бы там ни было, оно всегда включает в себя элемент общения с другими людьми. Человек вне общества никогда не будет счастливым, чего бы и сколько бы он ни имел. И еще. Мне кажется, что в большинстве случаев счастье - понятие не статическое, а динамическое. К нему можно идти, его можно ждать. На него можно надеяться. За него можно, наконец, бороться. Но оно всегда должно быть впереди, - как математический предел, к которому стремится какая-то величина. Достигнут предел - исчезает и то, что называлось счастьем. Как исчезает всякое удовлетворенное желание. На смену приходят иные желания, появляются иные мечты. Недаром каждый Новый год люди говорят друг другу: "С новым счастьем!"

На минуту воцарилось молчание. Потом Люся тихо спросила:

- Юрий Дмитриевич, а как же ваш... найденыш? Вы больше ничего о нем не знаете?

- Года четыре назад пришлось мне быть во Львове, на научной конференции. По пути заехал я в те места, где участвовал в боях. Разыскал тот хутор, узнал и старую избушку на краю леса. Дверь мне открыла девушка лет восемнадцати. Угостила чаем. Потом рассказала, что бабушку она похоронила, а отца и матери своих не знает, потому что бабушка удочерила ее во время войны. Вот и все...

Воронов поднялся:

- Ну, отвлек я вас, друзья. До свидания. Но ребята не хотели его отпускать:

- Юрий Дмитриевич, а где вы встречаете Новый год?

- Да как придется, - пожал плечами Воронов.

- А мы будем встречать в лесу, под елками.

- Интересно, - улыбнулся Воронов. - Но как же вы доберетесь ночью до леса?

- На лыжах. Нас вот Костя приглашает. У него в лесу отец живет. -

- Юрий Дмитриевич, давайте с нами!

- Право, не знаю, что вам сказать... - замялся Воронов. Он взглянул на Люсю. В глазах у нее была несмелая просьба.

- В общем, я подумаю. Только... вы позволите мне пригласить с собой кое-кого из моих друзей-преподавателей...

Ясная звездная ночь опустилась на город, когда вышли они вдвоем из университета и не спеша направились к троллейбусной остановке. Морозный ветер, звеня в заиндеветых проводах, гнал по тротуару седые космы поземки.

- Дает себя знать зима-зимушка, - вздохнул Стенин, поднимая воротник.

- Пора уже. Скоро Новый год. А кстати, что бы ты сказал, если бы в такую ночь нас пригласили в лес, на встречу Нового года?

- Как, в лес? - не понял Стенин.

- Так, в лес, в самую глушь, с рюкзаком за плечами, на лыжах.

- Что за глупости! - не понял Стенин.

- Вот так так! А я за тебя согласие дал.

- Кому?

- Да понимаешь, студенты-первокурсники пригласили нас под Новый год. И не куда-нибудь, а именно в лес, под елочки...

- Слишком все это сказочно, Юрий.

- Тем лучше! Разве плохо, если в жизни будет немного сказочного. Мне во всяком случае никогда это не мешало. Наоборот...

- В какой-то мере ты прав, конечно. Но в нашем возрасте...
- Брось, Алексей! Я в старики записываться пока не собираюсь.
- Да и мне не хотелось бы.
- Вот и хорошо. Стало быть, согласен. Бардина прихватим за компанию, может, еще кого-нибудь. А поговорить с ними, действительно, небезынтересно. Шустрый народ!
- Ну что же, надо подумать. Только многих не стоит приглашать. Разве вот Бардина. Нравится он мне.
- А вот Леонид Иванович им не совсем доволен.
- За что?
- Написал, говорит, хорошую работу по литологии и отказался представить ее в качестве диссертации. Методика исследования, дескать, устарела.
- Интересно...
- Да, в общем-то такая самокритичность делает ему честь. Но каково Грекову? Работа писалась под его руководством. К тому же, срок аспирантуры у Бардина истекает. А дальше Леониду Ивановичу трудно будет без степени оставить его на кафедре.
- Н-да... Бенецианов, конечно, сделает все возможное, чтобы избавиться от такого беспокойного сотрудника. Но этого допускать нельзя.
- Надо поговорить с Бардиным.
- Что же, завтра так и сделаем... А ты мне вот что скажи, Юрий... Давненько хочу спросить, когда же будешь оформлять свою докторскую?
- Зачем? Знаешь ведь, на это надо уйму времени. А сейчас у меня столько интересных идей!
- Идеи идеями. А нужно, чтобы во главе кафедры стоял профессор, доктор наук, - настаивал Стенин.
- Я понимаю, но...
- Нет уж, придется без "но". На днях об этом шла речь в ректорате, говорили и о тебе. Так что нужно заняться вплотную. Тем более, что у тебя все готово. Надо просто технически оформить работу.
- Вот на это техническое оформление и не хватает времени.
- Если потребуется, добьемся творческого отпуска.
- Нет, это ни к чему.
- Ну, смотри. Но в ректорате надеются, что через год все будет готово.
- Хорошо, я подумаю... А сейчас, коли речь зашла у нас о Бардине, хотел я просить помочь ему. Я слышал, он семьей решил обзавестись...
- Что ж, дело хорошее.
- Да, но, к сожалению, у него нет ничего, кроме койки в общежитии. И у будущей жены - то же самое...
- Ты, помнится, так же женился. Воронов нахмурился:
- Да... И тем не менее, а вернее, именно поэтому я очень просил бы тебя помочь им получить хотя бы комнату в общежитии.
- Постараюсь.
- Пожалуйста, поговори... А вот и мой троллейбус. Всего доброго!

Только пробыв целый день на морозе и пробежав десятка три километров по лесу на лыжах, можно оценить всю прелесть обогреваемого львовского автобуса, будто специально предназначенного для дальних туристских маршрутов. А если к тому же у тебя слипаются глаза, и рядом с тобой - самый близкий, самый дорогой человек, то кажется, все радости жизни воплотились в эти счастливые минуты, и ничего уже не может быть лучше.

Все кругом плывет, качается, как в полусне.

- Ты спишь, Танюша?

"Да нет же, нет! Просто сижу и слушаю, как сердце бьется..."

- А рука моя не мешает?

Смешной! Она берет его руку и прижимает к себе... И снова рядом: тук-тук, тук-тук... А ехать еще далеко. И долго еще можно будет сидеть вот так, прижавшись: друг к другу, ни о чем не думая.

Но сквозь дрему опять прорывается голос Андрея:

- Вчера мне попало, Танюша.

И сразу сон долой.

- От кого?

- Юрий Дмитриевич. и Стенин пропесочили...

- За что же?

- Защищать диссертацию, говорят, надо.

- Диссертацию... А ведь верно они говорят. Вон Петр Ильич, такой сухарь, а защитил. Кандидат теперь. А ты такой добрый, такой хороший.

Андрей смеется:

- Думаешь, этого достаточно, чтобы стать кандидатом наук?

- Так разве только это! Вот я письмо получила из колхоза. Иван Сергеевич прислал. Помнишь его? Председатель. Разыщи, пишет, нашего Андрея Семеновича и передай от всего колхоза большое спасибо за его ум и доброту. Так прямо и написал.

- Ну, а как там у них дела?

- Идут, Андрюша. "Комбинат" наш работает вовсю. Даже зимой. Иван Сергеевич пишет: удобрений наготовили - на все поля хватит. Так что не должен ты бросать диссертацию. Сколько еще людей тебе такое же спасибо скажут.

- Значит, хочешь, чтобы я стал кандидатом?

- Хочу.

- Ну, что же, придется, видно, подавать работу. Юрий Дмитриевич со Стениным меня тоже, можно сказать, к стенке прижали.

Он крепче обнимает ее за плечи. Таня закрывает глаза и с удовольствием отдается дремоте.

- А знаешь, что еще они сказали, - голос Андрея переходит в шепот. - Сказали, что к Новому году мне дадут отдельную комнату...

- Совсем-совсем отдельную?

- Совсем-совсем отдельную. И тогда... Я давно уже хотел сказать тебе, Танюша... Ты слышишь?

- Да-да, - отвечает она одними губами.

- Так вот, я хотел сказать тебе... - голос Андрея прерывается от волнения.

- А ты не говори... Ничего не говори... Я все слышу.

22. С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Пригородный поезд подошел к небольшой, засыпанной снегом платформе. Из обоих тамбуров последнего вагона посыпали ребята. С лыжами в руках и рюкзаками на спинах, они прыгали прямо в снег, громко разговаривая, толкаясь, торопливо застегивая куртки.

Люся прыгнула за Таней и зажмурилась от яркой белизны нехоженого снега. Рядом, за крохотной платформой, барахталась Вика:

- Ой, девочки, я провалилась!

Ей поспешили на помощь.

- Быстрее, быстрее! - торопил Костя. - Поезд уходит.

- Все ли сошли? - крикнул Иван.

Из тамбура выглянул смеющийся Колька Краев:

- Последний из могикан! - бросив лыжи на платформу, он соскользнул вдоль поручней вагона и вытянулся перед Иваном.

- Не можешь без фокусов! - нахмурился тот. - Лыжи подбери... Да подальше от вагонов! - крикнул он, обращаясь ко всем.

Ребята столпились у станционной будки. Паровоз дернул, и вагоны, взвизгнув колесами, поплыли мимо.

Люся огляделась. Темная стена леса подступала к самой платформе и тянулась дальше вдоль полотна железной дороги, прерываясь лишь узким просветом квартальной просеки. Мороз не чувствовался. Яркое, не по-зимнему щедрое солнце слепило глаза, - и казалось, это не конец декабря, а звонкий март пришел на землю, рассыпав по снегу сверкающие блески.

Люся присмотрелась внимательнее: что-то очень уж знакомое напоминала ей высокая стена елей с острыми, точно вонзающимися в небо вершинами, прямая, как стрела, просека, по которой тянулись две синие ниточки лыжни, будка путевого обходчика, будто прилепившаяся к опушке леса...

Ну, конечно, все это она уже видела. Они были здесь с отцом летом. Только тогда тут вилась тропинка, еле заметная в густой высокой траве, и белые глазки ромашек подмигивали на каждом шагу. А если идти по просеке до конца, ели расступятся, и по сторонам тропинки побегут березы. До самого низу, где лежит большое светлое озеро, его так и называют - Светлое.

Так вот куда они приехали!

- Костя! Эта просека на Светлое?

- Да... Ты была здесь?

- Летом. И все мне так понравилось. И озеро, и лесной ключ...

- Он и зимой не замерзает.

- Ну, тронулись! - крикнул Иван. - Давай, Славин, веди!

Пристегнув лыжи, Люся поправила рюкзак и сильно оттолкнулась палками.

Вскоре вся группа вытянулась на лыжне. Голоса постепенно смолкли. Торжественная тишина леса не располагала к разговорам. Тем более, что шли последние часы года, когда невольно хочется вспомнить пережитое, помечтать.

У Люси этот год был особенным. Начался он в школе, на шумном балу. Каждому была там вручена половина разорванной открытки. Другую половинку нужно было найти у кого-нибудь из мальчишек. Люсе досталась "ветка сирени" с надписью чернилами: "В человеке должно быть все прекрасно..." Продолжение известного изречения Чехова можно было прочесть на второй половине открытки. Однако не только за этим нужно было искать вторую половину. Владелец ее должен стать партнером на весь вечер. И Люся загадала: если вторая половина у Коли Старкина, то наступающий год будет счастливым.

Нет, не вышло. Вторая половина открытки оказалась у Васи Егорова. Тот обрадовался. Для Люси это также было приятной неожиданностью. Но танцевал Вася неважно. Зато на прощание предложил: "Давай, сохраним эти половинки, а ровно через год пошлем их друг другу". Люся тогда согласилась. И, конечно же, забыла об этом, тем более, что месяца через два он поступил в какое-то военное училище и уехал в другой город.

Но вчера неожиданно пришло письмо, и в нем - знакомая половинка с концом изречения Чехова: "...и лицо, и одежда, и душа, и мысли". Рядом было приписано: "Пока я встретил одного такого человека. Этот человек - ты". Люсю это растрогало до слез. Написав на второй половине: "Васек, добрая душа, успехов тебе и счастья!" - она отправила ее с письмом Егорову.

А вот и березы, такие же чистые, белые, чуть голубоватые, лишь вместо листьев на ветках - пушистая бахрома. Лыжи скользят все быстрее: дорога пошла под уклон, к озеру. Но и озеро спит под ровной белизной снега.

И вдруг:

- Люся, вот он, родник. Смотри! - Это Костя. Он круто сворачивает в сторону и останавливается, прислонившись к старой надломленной сосне. Люся подходит ближе.

Родничок... Он и сейчас что-то нашептывает дремлющим березам. И все так же поблескивает его желтое песчаное дно, будто крупинки осеннего золота с берез хранятся здесь под водой...

- Ну, пошли, пошли, чего там! - слышится нетерпеливый голос Ивана.

- Да теперь уж совсем недалеко, - говорит Костя.

Лыжи заскользили по заснеженному озеру. Березы словно разбежались по сторонам. Рассыпались и ребята, Мимо Люси промчался Валерий. С другой стороны легко вырвалась вперед Наташа, за ней Таня. Бегут быстро, сильными широкими бросками.

"А где же Саша?" - Люся оборачивается назад.

Он идет почти последним, невеселый, молчаливый, И опять защемило сердце...

А впереди уже смех, крики. Кто-то свалился в снег. Светлана! Ребята поднимают ее за руки и за ноги. Сильно встряхивают и снова бросают в сугроб. Тут уж, конечно, не обходится без Войцеховского и Джепаридзе. Но сегодня на них никто не злится. Впрочем, вот они и сами барахтаются в снегу. А с ними Колька Краев - он, наверное, и свалил их. Ну, конечно! Вот он и Птичкина сгребает в общую кучу. За Птичкиным летит Вайман. Шум, хохот - теперь уж и не поймешь, кто барахтается в сугробе.

Но Иван быстро восстанавливает порядок. Пора! А то, чего доброго, и лыжи поломают.

За озером все снова вытягиваются в цепочку. Начинается подъем на другой берег. Ребята сильнее налегают на палки. Люся тоже старается не отстать от других. А мысли бегут, бегут...

Елку выбрали неподалеку от Костиного дома. Высокая и густая, она красовалась почти в самой середине поляны. Вместо игрушек и разноцветных фонариков на ветках висели тяжелые гроздья шишек и покачивались сверкающие хлопья снега.

Ребята, сбросив рюкзаки, тут же принялись утаптывать снег вокруг елки. Потом Иван сказал:

- Идите, девочки, в дом, отдыхайте, а мы займемся дровами.

- Нет, - возразила Вика. - Мы будем елку наряжать.

- Добро! Вот Вайман, Птичкин и Беленький вам помогут. Остальные - за лапником!

Ребята пристегнули лыжи и скрылись за деревьями. Девушки столпились у елки.

- Давайте, у кого что есть! - скомандовала Света. Вскоре на елке повисли пряники, конфеты, бумажные хлопушки. Витя, забравшись почти на самый верх, прицепил там электрический фонарик, обернутый в красную бумагу. А Женя с Борисом пристроили по краям поляны многочисленные батареи пиротехники.

К вечеру все было готово. Елка, ставшая от украшений если не красивее, то во всяком случае пестрее, казалось, только и ждала, когда вокруг нее закружится веселый хоровод. Хворосту ребята набрали столько, что хватило бы на десять костров. Иван посмотрел на часы:

- А теперь - на отдых! Порубаем и погреемся...

Снова собрались у елки в одиннадцатом часу. Ночь была темная, с ветерком. Лес глухо шумел. Сверху падали редкие жесткие снежинки.

А здесь, на поляне, окруженной деревьями, было тихо, даже тепло. Еще уютней стало, когда мальчишки разожгли костер и тысячами искр озарилось небо.

Все уселись на лапник, всматриваясь в рыжие космы пламени.

- Ну что, не пора ли провожать старика? - спросил Валерий.

Ребята потянулись к рюкзакам, зазвенели кружками. Валерий раскупорил бутылку и поднял над головой:

- Есть предложение: дать оценку старику.

Все одобрительно загудели:

- Ничего себе год...

- А что в нем хорошего?

- Предлагаю поставить ему пять с плюсом! - крикнула Таня.

- Я бы тоже поставил пять, - сказал Саша.
- Верно! - согласился Краев. - Мировецкий год!
- Принимается, - подытожил Валерий. - А раз так, выпьем за старика! Дамы и господа, прошу поднять эмалированные бокалы!
Звенят кружки. Трещит костер. Все что-то говорят, смеются.
Витя вытащил из рюкзака "Спидолу". Девушки сгрудились вокруг него.
- Танцуем вальс! - кричит Валерий.
И первые пары закружились по снегу. Люся посмотрела на Сашу. Но к ней уже подходит Костя:
- Пойдем, Люся.
Танцевать на снегу неудобно, вязко. Но сильные руки Кости будто несут ее по воздуху.
Валерий взобрался на кучу лапника:
- Теперь надо решить, что в прошлом году было самым смешным, самым трудным, самым интересным, и какая песня больше всего нам понравилась. А для этого выберем жюри. Я предлагаю прежде всего, конечно, себя...
Все засмеялись, захлопали.
- Затем Люсю Андрееву, - продолжал Валерий, - и Костю Славина. Согласны?
- Идет!
- Членов жюри прошу ко мне. Итак, начинаем... Что в этом году было самым смешным?
Минутное молчание. Потом кто-то крикнул:
- Цоевские лекции!
- Конечно, Цой, с его "цертовссыной"!
Валерий деловито осведомляется:
- Как мнение жюри?
Люся и Костя кивают головами: согласны.
- Дальше, - продолжает Валерий. - Что было самым трудным?
- Экзамены! - говорит Светлана.
- Вступительные, - поясняет Вика.
Жюри согласилось.
- А самое интересное?
Тут мнения разделились:
- Лекции Воронова! - крикнул кто-то из ребят.
- Доклад Грюнталя! - сказал Саша.
- Сегодняшняя ночь! - возразила Вика.
Жюри единодушно поддержало Вику.
- Теперь, - напомнил Валерий, - песня. Самая лучшая...
- Гимн геофака!
- Принимается! - Валерий спрыгнул в снег. - А теперь твистуем.
Твист танцуют с упоением. Почти все. Трудно представить танец, более подходящий для такой обстановки: и снег утаптывается, и сам согреваешься, и другим не мешаешь.
- "Елочку", "Елочку" забыли! - кричит Света.
Все становятся в круг, берутся за руки:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...

Люся поглядывает на часы: большая стрелка перевалила к двенадцати.
- Ничего не понимаю, - говорит она Тане. - Должны бы уже быть.
- Сама удивляюсь...
Но в это время к костру подходит Костин отец.

- Звонил сейчас ваш преподаватель...
- Откуда?
- Приехали?
- Да. Сошли они на другой станции, промахнули один перегон. Так что, просили передать вам, придут позднее, и чтобы не беспокоились.
- Эх, мать честная! - воскликнул Костя.
- Да, нескладно получилось...
Ребята приуныли.

- Ну, как, Юрий Дмитриевич, дозвонились? - спросил Андрей, когда Воронов вышел от начальника станции.
- Дозвонился, предупредил их... Но как мы проскочили этот полустанок?
- Заболтались... А поезд, наверное, там только чуть приостанавливается, - заметил Стенин.
- Теперь лишних восемь километров шагать. Да от полустанка - еще четыре. Можно бы напрямик - я кордон этот знаю. Однако ночью, по глубокому снегу не проберешься.
- Пойдем вдоль линии.
- Тебе не трудно будет? - спросил Воронов. - А то, может, поговорить с начальником, чтобы ночлег устроил.
- С какой стати! Я еще вас обставлю. - Стенин, бросив недокуренную папиросу, начал развязывать лыжи.

Через несколько минут огни станции остались позади. Ночь была темная. Но вдоль полотна шла накатанная санная дорога, недавно ее припорошило снегом, и скольжение было хорошим.

След прокладывал Андрей. За ним шел Стенин, позади - Воронов. Он двигался широким неторопливым шагом, нарочно приотстав от спутников, и был даже доволен, что все получилось именно так, можно идти и идти сквозь ночь и снег, зная, что впереди ждет встреча...

Слегка выюжило. Где-то высоко над головой протяжно гудели провода. Но здесь, у леса, вплотную подступавшего к полотну железной дороги, было тихо. И темно. Лишь тревожные огни светофоров мигали вдалеке, да иногда вырывался вдруг из-за поворота яркий луч прожектора, и тогда ночь наполнялась грохотом идущего поезда.

Воронов, расстегнув куртку, глубоко вдохнул морозный воздух.

- Ну вот и полустанок! - слышался голос Андрея.

- Наконец-то! - воскликнул Стенин.

- Устал? - спросил Воронов.

- Да, чувствуется с непривычки.

- Теперь уже недалеко. А сейчас... Может, на полустанок зайдём? Передохнем немного.

- Нет уж, пошли дальше. Только потише...

...А на поляне под елкой Витя настраивает "Спидолу", и по лесу разносится мелодичный перезвон курантов. Здравствуй, Новый год!

Ребята раскупоривают шампанское. Все поднимают кружки, улыбаются и почему-то молчат. Непривычно слышать бой курантов здесь, у костра, среди заснеженных елей.

И вдруг словно что-то прорвалось. Все заговорили, застучали кружками. Начались поздравления. Люся посмотрела на Сашу и дружески ему кивнула. Он улыбнулся в ответ и высоко поднял свою кружку. С Новым годом!

Костя предлагает:

- Выпьем за дружбу, ребята!

- За дружбу! - эхом прокатывается по лесу.

- Давайте гимн! - просит Иван. И сразу же, как лавина:

Сквозь тайгу, по болотам и горам,
Под дождем, в лютый холод и в зной
Мы шагаем, шагаем путем незнакомым
За своей беспокойной мечтой.

С той мечтой мы навек побратались,
Выбрав в жизни удел непосед,
С ней учились, мужали, трудились, влюблялись
В дни счастливых студенческих лет.

Поют все с увлечением, вкладывая в слова песни весь пыл молодости, все страстное нетерпение ринуться в водоворот жизни.

- Выпьем за тех, кто в поле!

Традиционный тост геологов. Все встают, чокаются. Мысленно желают успеха тем, кто идет сейчас экспедиционным маршрутом, - неважно где, в песках Кара-Кумов или в джунглях Африки, - у геологов это может быть и в новогоднюю ночь.

Колька бросает в костер охапку лапника. На минуту становится совсем темно, но в следующее мгновение огонь вспыхивает с новой силой. К костру выходит Валерий.

- Предлагаю вашему вниманию стихи "Новогодние приветы".

Сдвинув шапку набок, он начал с комическим подвыванием:

Сегодня мы встречаем
Всей группой Новый год.
Собрался здесь за "чаем"
Знакомый нам народ.

Валерий театрально раскинул руки и обернулся к Ивану:

Гроза и совесть наша -
Недремлющий Кравцов.
Он стал вторым папашей,
Построже всех отцов!

Слова Валерия потонули в смехе.

Пришел чайку откусать
И с нами посидеть
И тот, кто все "заслушать"
Готов и "обсудить".

- Витька!

- Конечно, Витька! Вот здорово!

А Валерий продолжал:

А рядом с ним - "во-первых",
И "в-пятых", и "в-седьмых" -
Гроза империалистов,
Светланки и других.

Тут уже все буквально повалились с хохоту. Фарид пытался вскочить, но Краев обнял его железными ручищами и усадил прямо в снег.

А Валерий прошелся и в адрес Светы, которая "была непрочь покушать и носом поклевать", и Вики, у которой "главное орудие труда - это зеркальце, да-да!". Словом, мало кто остался не удостоенным внимания.

Сюда же затесался
Зазнайка и пижон,
Любитель потрепаться...
Ну ясно, это он! -

Валерий выразительно ткнул себя в грудь и, раскланявшись, отошел в сторону.

Хлопали ему дружно и много. Сегодня он был в ударе.

- Давайте "Гейдельбергскую культуру", - напомнил кто-то.

К костру выходят Костя и Светлана. На Косте - черная шуба наизнанку. Света тоже набросила на плечи чью-то меховую телогрейку, взлохматила волосы, сделала зверское лицо. Они садятся почти у самого огня и глухо рычат, делая неуклюжие движения руками и ногами. Все хохочут. А Витя затягивает:

Помнишь гейдельбергскую культуру:
Мы с тобой сидели под скалой,
Ты на мне разорванную шкуру
Зашивала каменной иглой.

К Вите присоединяются другие ребята. Они вскакивают на ноги, хватают в руки палки и, размахивая ими в такт песни, поют:

Я сидел немытый и небритый,
Нечленораздельно бормотал.
В эту ночь рубило из нефрита
Я на хобот мамонта сменял.

Теперь вскочили все. Выхватили из костра горящие сучья и закружились в диком танце:

Жрать захочешь, придешь
И пещеру найдешь,
Хобот мамонта вместе сжуем.
Наши зубы остры.

Не погаснут костры.
За ночь все, до ноздрей, уплетем!

Костя со Светой продолжают разыгрывать пантомиму.

Потом вспомнили о пиротехнике. Вайман и Птичкин - скрылись в темноте, и вот уже сноп разноцветных огней взметнулся к небу. Веселье продолжалось.

Вдруг на краю поляны, в далеком отсвете костра показались лыжники. Люся вскочила с лапника.

- Ура! - закричал Валерий. - Подкрепление!

Все бросились им навстречу, окружили. Люся остановилась в стороне, стараясь отыскать глазами Воронова. Но он сам шагнул к ней:

- Здравствуйте!

- Юрий Дмитриевич... Так долго... С вами ничего не случилось? - голос Люси дрожит от волнения.

- Да, задержались мы немного... Но теперь все хорошо. С Новым годом вас! С новым счастьем!..

23. СЮРПРИЗИК

Необычная тишина нависла в коридорах факультета. Необычно присмиревшими выглядят студенты у закрытых дверей аудиторий. Необычна вся обстановка напряженного ожидания и тревоги. В университет пришла сессия...

Она наступает дважды, зимой и весной. Всегда в одно и то же время. Неотвратимо, как восход солнца или смена времен года. И тем не менее студенты всякий раз встречают ее как стихийное бедствие. Она лишает их сна и ломает привычный уклад жизни, отнимает покой и аппетит, заставляет худеть и дрожать за судьбу стипендии.

Это одинаково касается всех. Исключений не бывает. Потому что любой, даже самый способный и старательный студент никогда не может сказать, что он гарантирован от всяких случайностей. И чем больше он занимается, тем яснее видит, что непонятных вопросов становится все больше. И если ему удастся все-таки проштудировать все лекции и просмотреть рекомендованную литературу, то он окончательно убеждается, что в лучшем случае знает только самые азы.

К этому надо добавить, что у экзаменаторов нет никаких стандартов: один добивается, чтобы студенты отвечали точно по его лекциям, другой - чтобы обязательно читали литературу, третий больше всего любит точность формулировок, четвертый - умение логически мыслить. А бывает и так, что все определяется настроением преподавателя, его занятостью, состоянием здоровья. Да мало ли что надо иметь в виду многострадальному студенту, чтобы не "загреть" на экзамене.

Поэтому предусмотрительные студенты - а непредусмотрительных студентов не бывает - еще задолго до сессии начинают консультации со старшекурсниками. Интересуются и зрением, и слухом, и даже семейным положением экзаменатора. Уточняется также, по сколько человек "впускает", как раскладывает билеты, подолгу ли "гоняет", когда больше "режет" - в начале или в конце экзамена. А девушки к тому же непременно выясняют, какую прическу больше уважает, и что лучше - подкрасить губы или, наоборот, прикраситься "синим чулком". Одним словом, разведка ведется по всем линиям.

Однако старшекурсники народ коварный. Любят приукрасить. Иной раз такого наговорят, что хоть на экзамен не ходи! А бывает и так, что и у них ничего не узнаешь: меняются курсы, меняются преподаватели. Так что волнений хватает.

Но стоит ли говорить, что больше всего их приходится на долю первокурсников. Особенно в зимнюю сессию. Для них это первая сессия в жизни. А кто из побывавших в их шкуре удержится от искушения нагнать страху на "салажат". И бедные первокурсники за много дней до сессии начинают прочить себе неминуемую гибель.

А уж в последнюю ночь перед экзаменом нет, наверное, существа более несчастного, чем первокурсник.

Не удивительно поэтому, что у дверей тридцатой аудитории, где идет сейчас экзамен, студенты одиннадцатой группы столпились, как у постели тяжелобольного. Говорят все шепотом. А больше молчат. Вздыхают. С тревогой посматривают на закрытую дверь. Оттуда - ни звука. Экзамен только начался. Несколько минут назад Семен Алексеевич вызвал первую четверку. Зашли Саша, Костя, Иван и Валерий. Им все-таки легче - знают, что досталось. А здесь - сплошная мука ожидания. И дверь закрыта, нет даже щелочки. Только в замочную скважину можно заглянуть. Но к ней уже прилипла Вика.

- Ну как? Что там? - дергают ее со всех сторон.

- Думают... Все еще думают, - шепчет Вика, не отрывая глаз от скважины. - Вот теперь Сашка встал... Сел к Семену Алексеевичу... Начинает отвечать... Ой, девочки, я бы, наверное, умерла от страху! А Сашка хоть бы что. Говорит и говорит. Что-то рисует... Опять говорит...

- А Семен Алексеевич? - шепчет Света.

- Ничего, молчит. Головой кивает... Улыбается даже! Что-то говорит Сашке... Все! Сашка зачетку подает. Ох, счастливцев! Идет! - Вика отскакивает от двери.

Саша выходит в коридор. Он еще сильно возбужден, но глаза сияют. Все обступают его:

- Ну как?

- Пятерка...

Но ребят больше интересует другое:

- Как там все-таки? Страшно?

- Пока билет не возьмешь. А потом ничего, вроде успокоишься. Принимает Семен Алексеевич хорошо. Вопросов много не задает... Он просил еще кого-нибудь. Заходите.

На миг возникает замешательство. Затем с места срываются Фарид и Витя. Короткая перепалка - и Фарид исчезает за дверью.

Ребята снова подступают к Саше:

- А билет какой достался?

- По модели здорово гоняет?

- Скажи, как он... настрояние у него какое?

Саша еле успевает отвечать. А в коридор уже выхлест Иван. Теперь все к нему;

- Что?

- Четверка... - Иван явно расстроен. - Пирамидальный куб не так спроектировал... Обидно, черт!

- Четверку получил, и обидно! Мне бы такую обиду, - вздыхает Вика.

В коридоре становится шумно.

- Тихо, вы! - несется от двери. - Там же все слышно.

Иван отходит в сторону и достает папиросу. Тем временем у дверей снова оживление: вышел Валерий. С пятеркой. Что-то шутит. Все приободрились. Начинает выстраиваться очередь, поднимается даже спор. А у противоположной стены Джепаридзе хлопает себя по карманам и громко шепчет:

- Так... Свойства, значит, в левом кармане. Законы - в правом. Кубическая система - тут, в потайном. Квадратная и ромбическая - вот они! Триклинная и моноклинная... Стоп! А где же триклинная и моноклинная? - Он лихорадочно шарит по карманам и наконец вытаскивает помятый листок из заднего кармашка брюк. - Вот они! Так, еще раз... Свойства - в левом, законы - в правом...

У дверей снова движение.

- Ну, братцы, ныряю! - слышится бас Кольки Краева.

И голос Птичкина:

- За ним - я! Я давно уже тут!

В коридор выходит Фарид, бледный, растерянный.

- Тройка... - говорит он чуть слышно и тут же начинает рыться в тетради.

Бодрое настроение сразу падает. Вика заметно бледнеет, Люба и Надя снова начинают листать книги. Птичкин отходит в сторону.

- Как же ты, Фарид? - участливо спрашивает Наташа.

- Спросил "закон зон", а я совсем даже его не знаю. И модель попалась - ни осей, ни плоскостей... Что за класс? Созсем плохой класс! - он снова уткнулся в тетрадь. - Вот он, этот закон. Не понял я его. Даже карандашом отчеркнул. Хотел на консультации спросить и забыл.

Иван бросил окурок, тронул Сашу за плечо:

- Пойдем в библиотеку, что ли.

- Пошли.

Иван роется в каталогах. Саша листает новинки, но ничего не идет в голову: в аудитории Люся.

- Пойду посмотрю, - Саша откладывает журнал и идет к тридцатой.

Как там она?.. Таня сказала, что у нее не все гладко с проектированием. Сколько раз хотел подойти, предложить помочь. Не решился. А теперь вот... Пора бы уже выйти. Он подходит ближе к двери. Но тут не протолкнуться.

Саша снова шагает по коридору - от окна к двери, от двери к окну. Да что же она так долго?..

У самой двери опять Птичкин:

- Нет уж, теперь пустите меня! Я, знаете, когда пришел!..

И бас Кольки Краева:

- Никто твою двойку не заберет!

Вдруг дверь открывается. Саша бросается туда, но Люсю уже обступили со всех сторон. Он напрягает слух. Пятерка!

Уф-ф! Теперь можно и в библиотеку. Иван, наверное, еще там. Саша идет по коридору, но на полдороге оборачивается: Люся стоит у окна, с ней только Таня. А он не видел ее целых три дня. И теперь снова - до следующего экзамена. Но ведь сейчас можно подойти, хотя бы поздравить с пятеркой. Он нерешительно поворачивает обратно. Но в это время со стороны деканата показывается Петька:

- Сашка, здорово!

Саша нехотя идет ему навстречу. А Петька сияет всеми своими веснушками:

- Ну, как кристаллография?

- Пятерка.

- А я, брат, еле на четверку выкарабкался на мат-анализе. Но я доволен. А вы, говорят, шикарно Новый год встретили?

- Ничего...

- И Андреева была?

Саша косит глазами вдоль стены. Люся еще стоит у окна, но Петька ее не видит. И надо было прийти ему именно сейчас! Саша сердито бросает:

- А ты еще помнишь, что есть такая?

- Да это я так, к слову...

"Неисправимый пижон! - думает Саша беззлобно. - Ладно, попадешься еще на "Искре"!"

Петька вытаскивает из кармана помятую тетрадку.

- Хочу и я на днях махнуть к Бойцову. Только вот, объясни мне... - он торопливо листает тетрадь. Но Саша видит, что Люся с Таней уже направляются к лестнице. Уходят!

- После, Петька, после! Мне еще одно дело надо... Заходи вечером, - он поспешно жмет Петьке руку и бежит к выходу. Однако путь ему преграждает Володя Свиридов.

- Степанов! Ты мне как раз нужен.

"Эх, Володя!.." Но тот чем-то явно расстроен, не может даже сразу заговорить. Саша отходит с ним в сторону:

- Что-нибудь случилось?

- Чепков! Двенадцать человек выставил... Ты слышал когда-нибудь такое? Двенадцать человек завалить по геологии Союза!

- А тебя?

- Меня первого! Ну, я, положим, иного и не ждал. Мы с ним старые "друзья". Но чтобы полгруппы оставить без стипендии! Ничего... Мы ему устроим сюрпризик!

Иван Яковлевич отнес секретарю экзаменационную ведомость и заглянул в кабинет декана. Он был одним из немногих, кто заходил сюда без стука.

Бенецианов поднялся ему навстречу.

- А-а-а, будущий доктор! Милости просим.

Чепков опустил в кресло:

- Измучился, Модест Петрович. Сорок первую экзаменовал...

- Понятно. А я тоже вот тружусь, - он похлопал рукой по журнальной странице. - Не угодно ли полюбоваться: "Известия Академии наук. Серия геологическая". Геологическая! И в названии статьи тоже как будто ничего такого. Но что здесь наворочено - сплошная электроника... Час битый сижу - и ничего не понял. Китайская грамота...

Чепков усмехнулся:

- Дух времени, так оказать, Модест Петрович.

- И это в геологическом журнале... И обратите внимание - ссылка на нашего Воронова! Начали! С легкой руки этого реформатора...

- Не говорите, Модест Петрович! Я и в "Советской геологии" видел нечто подобное. Даже читать не стал. - Он потянулся в кресле. - Нет, наверное, ничего тяжелее, чем экзаменовать нынешних студентов. А уж эта сорок первая...

- Но ведь группа, кажется, не из слабых.

- Была не из слабых. Пока держали в узде. А теперь развели эту демократию с благословения нового секретаря и вот, пожалуйста, двенадцать двоек.

- Двенадцать? В сорок первой! Не может быть.

- Вы удивлены? А я, признаться, другого и не ждал. Таким дай волю, они на глотку наступят.

Бенецианов поморщился. Он не любил подобного жаргона.

- Да-да, не возражайте! - продолжал Чепков. - Я не помню дня, чтобы кто-нибудь из них не задал на лекции каверзного вопроса. Даже на консультации вчера пытались навязать мне дискуссию по стратиграфии карбона. Этот любимчик Воронова Свиридов отыскал даже, видите ли, какие-то неувязки в моей статье. Разболтались до последней степени! Но сегодня я показал им...

- А стоит ли так озлоблять молодежь? Вы всюду готовы применять репрессии. А Воронов и Стенин пользуются этим. Заигрывают с молодежью. Перетягивают на свою сторону.

- Так что же вы, как декан, смотрите?

- Вот и смотрю... Один в поле не воин! Будешь смотреть, когда все - кто в лес, кто по дрова. Хоть и ваша кафедра! На конференции кроме вас самого никто не выступил. Руководство кружком первого курса забросили. Кто сейчас там? Этот Мышкин?

- Да, нынче мы ему поручили. Самый свободный человек на кафедре.

- Самый свободный человек... Он развалил кружок! Знаете вы это? Отбил у студентов всякую охоту к работе. Лишил нас последней возможности воздействовать на молодежь. А теперь еще вы... Двенадцать двоек! На четвертом курсе! Что же, прикажете всех стипендии лишить? Да и для факультетской успеваемости - "довесочек"! Представляете, как мы будем выглядеть?

- Но я думаю...

- Нет уж, потрудитесь больше не устраивать подобных "локаутов". И чтобы до конца сессии двоек не было. Надо смотреть немного дальше своего носа. А этого... Мышкина пришлите ко мне. С отчетом... Посмотрели бы, как это у Воронова поставлено.

- Да, кстати, на днях Воронов не меньше трех часов о чем-то беседовал с Грековым.

- Вот ка-а-ак! - угрюмо протянул Бенецианов.

- Да, и потом сразу пошел к Стенину.

Бенецианов помолчал. Затем спросил:

- Когда защита?

- Видимо, скоро. Жду вызова.

- Н-да, это вы правильно решили защищаться в Ленинграде. Обстановка здесь такая....

- Да и кто у нас не занимался карбоном. На любом пустяке подцепят. А на стороне... Сами знаете, как мы "чужеземцев" пропускаем: абы скорее... Да, Модест Петрович, уж коль заговорили об этом, вы черкнули бы туда.

- Подготовьте, я подпишу.

- Спасибо. Но... Ведь вы, я полагаю, в личном письме...

- Какая разница!

- Хорошо, я подготовлю. И еще вот что, Модест Петрович. У меня сегодня... Короче говоря, не смогли бы вы зайти к нам вечером? Часов так в семь...

- Не знаю, не знаю. Обещать не могу.

- Но мы с женой были бы так рады...

- Гм... Постараюсь.

Чепков поднялся.

- Так мы вас ждем, Модест Петрович, и я не прощаюсь.

Бенецианов промычал что-то неопределенное.

"Чванливый индюк", - негодовал Иван Яковлевич, возвращаясь к себе в кабинет. - "Потрудитесь не устраивать локаутов", - словно ассистентушке какому-нибудь. Сказал бы он это год назад..."

Да, год назад с ним разговаривали иначе. Все! А теперь вот приходится молчать и подлаживаться.

"Ну, подождите, уважаемый Модест Петрович. Засиделись вы в деканском кресле. Заплыли жиром. Оттого и не чувствуется сильной руки на факультете. Все пошло вразброд. Пора бы освобождать вам это кресло". А кто его займет - у Ивана Яковлевича были на этот счет вполне определенные соображения. Только бы стать профессором...

Он прошел через лаборантскую кафедры и открыл дверь в свой кабинет. Не кабинет, а полутемная комнатуха с облезлыми обоями! Даже дверь выходит не в коридор, а в узкую проходную комнату, где разместились лаборанты. Поневоле вспомнишь просторный, устланный коврами кабинет Бенецианова.

Иван Яковлевич сел за стол и насупился.

"Даже письма сам написать не хочет! - Взяв чистый лист бумаги, он задумался. - Да, скверная, все-таки, штука, просить самому за себя... Нет, лучше в другой раз... Пора домой".

Иван Яковлевич встал, оделся и, прихватив портфель, толкнул дверь ногой. Но дверь не открывалась. Он заглянул в замочную скважину: ключ был на месте. В чем же дело? Он бросил портфель и забарабанил кулаком. Но рука тонула в мягком войлоке обивки.

- Что за чертовщина? - Иван Яковлевич осмотрел дверь сверху донизу. Она была безусловно заперта, - заперта на ключ с той стороны, крепко и надежно.

Кто ж это мог сделать? Лаборанты знают, что, если ключ в двери, значит завкафедрой в кабинете. У техничек свои ключи.

- Не понимаю! - Он изо всех сил затряс ручку двери, но та не шелохнулась. Сразу стало жарко. Он снял шапку, бросил на стол пальто.

Кто мог закрыть его? Неужели студенты? Ну, ясно, больше некому.

Иван Яковлевич снова забарабанил в дверь обеими руками. Но кто мог услышать его? Лаборанты ушли. До коридора далеко. Да и дверь с двух сторон обита войлоком.

Иван Яковлевич бросился к окнам. Но они выходили в глухой угол двора, куда и летом никто не заглядывал. О том же, чтобы выбраться через них наружу, нечего было и думать. Он схватил попавшуюся на глаза рейшину и попытался просунуть между створками двери. Рейшина с треском переломилась пополам. Попробовал бить в дверь стулом. Стул разлетелся вдребезги.

Обессилив от ярости, он повалился на диван.

- Какие негодяи! Надо, же! - И вдруг вспомнил: ведь он пригласил Бенецианова к себе в гости...

Чепков глянул на часы. Уже седьмой! А жена даже ничего не знает. Мысль пригласить Бенецианова пришла неожиданно. Что же теперь будет!..

Иван Яковлевич заметался по кабинету. Бил кулаками в дверь, в окна, в стены. Ответа не было. Факультет будто вымер. Ничего не оставалось, как снова повалиться на диван.

Ну почему, почему его так не любят? А, не все ли равно! Только бы стать профессором. Победителей не судят. А теперь это уже не за горами. Бенецианову он необходим. Особенно сейчас, когда на сторону Воронова встал даже Греков...

Мысли о скорой профессуре несколько успокоили Ивана Яковлевича. Он задремал.

А когда проснулся, было уже за полночь. Сильно болела голова. Он встал с дивана и подошел к двери. Тишина была невыносимой.

Иван Яковлевич выругался.

- Ну, завтра я вам покажу!.. - Он ударил ногой в дверь, она неожиданно раскрылась.

- Что за наваждение?

И, главное, об этом никому не расскажешь. Только на смех поднимут.

Чепков посмотрел на часы:

- Половина первого!

И сразу представил негодующий взгляд жены. Как объяснить ей все, что случилось? Не поверит...

Иван Яковлевич оделся и медленно поплелся к лестнице.

Говорят, январское солнце не греет. Трудно установить, кто первым высказал столь категоричное утверждение. В одном можно не сомневаться: сказано это не студентами. Ибо студент в течение всей сессии вообще не замечает солнца. Зато сразу, как только сдан последний экзамен и наступили долгожданные каникулы, в душе его уже звенит весна, - несмотря ни на что на свете, включая израсходованную стипендию.

А солнце? Оно-таки действительно греет! Особенно, если пройтись по лыжне хорошим шагом километров пять-шесть, затем подняться на самый верх берегового откоса и глянуть на широкую, покрытую снегом долину реки, где все расчерчено бесчисленными следами лыж и пестрым-пестро от разноцветных курток, свитеров и шапочек, будто рассыпанных по снежному полю.

"Греет, здорово греет! - мысленно повторил Саша, поглядывая на бледный окольцованный диск солнца и вытирая шапкой лоб. - А хорошо..."

Он оглянулся назад, на придавленные снегом ели, в которых терялась свежая лыжня, и громко свистнул. Из-за елей показался Колька Краев.

- Здоров ты бегать! - крикнул тот еще издали. - А берег тут в самом деле что надо!

- Я еще в девятом классе присмотрел этот обрывчик. Представляешь: отсюда - вниз, к самой реке. Дух захватывает!

- Попробуем?

- Надо всех обождать. И потом, решили верхом идти до радиостанции.

- Ну, ладно. Давай отдохнем. Слушай, Сашка, давно собираюсь тебя спросить, правда, что четверокурсники в начале сессии Чепкова в его собственном кабинете заперли?

- Откуда ты знаешь?

- Да уж знаю.
- А знаешь, так помалкивай.
- Так я только с тобой... А как на пересдаче - не погнал их снова?
- Погнал бы за милую душу! Да Стенин с Бардиным "случайно" зашли послушать, как он принимает. Соображаешь? Сдали все...
Из-за деревьев показался Костя Славин:
- Вот они где! А мы уж и кричали и свистели. Будете замыкающими.
Вслед за Костей на косогор взобрались Валерий и Виктор. За ними Люся...
Больше Саша не видел никого и ничего. Она поднялась на самый гребень и, встретившись с ним глазами, улыбнулась. Совсем как осенью. Саша расстегнул ворот куртки. И кто это придумал, что зимнее солнце не греет!
Но Костя уже взмахнул палками и заскользил по берегу. Все двинулись за ним следом. Мимо Саши, огибая косогор, протрусили Надя с Любой. - За ними - Птичкин, Вайман... Желтая шапочка Люси мелькнула уже у поворота. Саша нетерпеливо оглянулся назад:
- Пошли, Колька!
И вдруг:
- Стойте! Сашка, стой! - Это Иван. Он выбрался на косогор и воткнул палки в снег. - Там Хонцер и Дубровина еле тащатся. Подождать надо. Да, опять чуть не забыл. Тебе письмо. С утра таскаю. Вот.
Саша взглянул на конверт. Штамп "Местное". Знакомый крупный почерк. Наташа!.. Он торопливо надорвал конверт и вытащил маленькую, в две строки, записку:
"Саша, я заболела. Если выберешь время, забеги как-нибудь, пожалуйста. Н. С."
Как же так?.. Ну да, она еще вчера, на экзамене себя неважно чувствовала. А он и не вспомнил о ней сегодня. Дубина!
Мимо проковыляли Алла и Вика. Иван Двинулся им в обгон. Ребят уже не было видно - они скрылись за поворотом. Далеко внизу, в зарослях молодого ельника, в последний раз мелькнула желтая шапочка.
Колька оглянулся на приятеля:
- Двигаем!
Но Саша не тронулся с места.
- Да ты чего?
Саша сунул письмо в карман и поправил шапку:
- Двигай, Колька. И передай там, что я... В общем, не могу сегодня ехать с вами. - Он круто развернулся и, съехав с косогора, не оглядываясь, помчался к городу.

24. НА КАКУЮ КАРТУ ПОСТАВИТЬ?

Так было, наверное, впервые, что они пришли сюда сразу втроем.
- Вы все к Семену Тихоновичу? - удивленно приподняла брови секретарь.
- Да, уважаемая Анна Григорьевна, - сказал Греков, раскланиваясь. - Доложите, пожалуйста, ректору, что целый сонм геологов жаждет видеть его по весьма важному делу.
Анна Григорьевна встала и бесшумно скрылась за обитой черным дерматином дверью.
- Что же, подождем, покурим, - Греков вынул портсигар и опустил на диван. Воронов присел к столу с газетами. Стенин принялся ходить по мягкой ковровой дорожке.
Но ждать пришлось недолго. Черная дверь так же бесшумно раскрылась, и Анна Григорьевна вышла в приемную:
- Семен Тихонович просит вас к себе.
- Благодарим, Анна Григорьевна, - Греков спрятал портсигар и поднялся с места. - Пойдемте, коллеги.
Ректор встал им навстречу:

- Здравствуйте, товарищи. Присаживайтесь.

Воронов мельком окинул его взглядом: худое, сильно утомленное лицо, волосы, пересыпанные сединой, внимательные изучающие глаза.

Он крепко пожал всем руки:

- Чувствую, предстоит серьезный разговор.

- Да, вы угадали, - Греков снова достал портсигар, вопросительно глянув на ректора.

- Курите, курите! - пододвинул тот ящик с папиросами.

- Угадали, Семен Тихонович, - повторил Греков, закуривая. - Речь пойдет о судьбах нашей науки.

- Вот как!

- Да, но мне хотелось бы сразу передать слово коллеге Воронову. У него все это, как говорится, больше выстрадано. А впрочем, все мы достаточно много передумали, прежде чем пришли сюда.

Воронов постарался собраться с мыслями:

- Видите ли, Семен Тихонович, по нашему глубокому убеждению, геологическая наука времен Архангельского, Милановского, Павлова, то есть то, что называют "классической" геологией, постепенно изживает себя. Судите сами... Единственные два пути, оставшиеся перед ней, это - либо расширение объекта исследования, либо дальнейшая детализация такого объекта.

Ректор согласно кивнул.

- Но всякому должно быть ясно, - продолжал Воронов, - что расширение исследуемой территории не может продолжаться до бесконечности, не говоря уже о том, что это дело не столько научных, сколько производственных организаций. Точно так же должна иметь разумный предел и детализация исследуемого объекта в любой области геологии, будь то минералогия и петрография, где уже сейчас насчитывается не одна тысяча разновидностей пород и минералов, будь то палеонтология, где количество видов и подвидов ископаемых организмов также возрастает с катастрофической быстротой, будь то стратиграфия, где расчленение отдельных толщ на ярусы и подъярусы, горизонты и подгоризонты заходит подчас, так далеко, что теряется всякий смысл, не говоря уже о практической целесообразности. Где же выход?

Ректор всем корпусом повернулся к Воронову. Тот помолчал немного и решительно заключил:

- Выход, на наш взгляд, во внедрении к геологию новых методов исследования, в математизации нашей науки, в переходе к разработке крупных теоретических проблем, которые в конечном счете вылились бы в установление единой теории всех геологических явлений, вплоть до формирования складчатых поясов и процессов рудообразования. Только таким образом геология сможет встать в один ряд с точными науками, а все виды геологических работ будут поставлены на строго научную основу.

Ректор откинулся на спинку стула, не спеша закурил:

- Но мне кажется, что это настолько очевидно...

- Что не к чему и копыа ломать? - усмехнулся Греков. - Да, что-то на этот раз Юрий Дмитриевич действительно изложил все слишком кратко, прямо-таки в конспективном виде. Решил, очевидно, максимально сэкономить ваше время. В беседах со мной он говорил в значительно более эмоциональной форме. Но в общем-то дело обстоит именно так. Вы считаете, что все это слишком очевидно? Верно! И, тем не менее, против этих азбучных истин выступает еще значительная часть наших коллег-геологов. В том числе у нас на факультете. И чем, вы думаете, они предпочитают заниматься? Вот, полюбуйтесь! - Греков раскрыл сводный план научно-исследовательской работы факультета и положил перед ректором. - Почти весь штат двух ведущих профилирующих кафедр, кафедры общей геологии и кафедры региональной геологии, вот уже многие годы занят работой по составлению геологических карт отдельных районов Союза. И вам небезызвестно, наверное, что на всех заседаниях и совещаниях руководители этих кафедр, бия себя в грудь,

доказывают, что это как раз и является наиболее важным и нужным в научной работе факультета.

Ректор чуть заметно улыбнулся. Греков, скомкав погасшую папиросу, бросил ее в пепельницу.

- И вы полагаете, я буду возражать против этого? Ничего подобного! Я тоже скажу: это важно и нужно. Но, - он сделал паузу и круто повернулся к ректору, - не слишком ли большая роскошь - привлекать целые коллективы научных работников высшей квалификации, докторов и кандидатов наук, к делу, с которым успешно справляются соответствующие отделы территориальных геологических управлений? Не слишком ли мелка для университетской науки такая, с позволения сказать, проблематика? А ведь не лучше обстоит дело и на других кафедрах, в том числе и на моей. Вот взгляните. Повсюду разрабатывается масса мелких, сугубо частных вопросов. Усилия большого коллектива ученых дробятся на выполнение незначительных узко практических хозяйственных тем. И опять-таки я не хочу сказать, что такие темы не нужны. Нет, нужны. И разрабатываются нашими людьми на высоком научном уровне. Но, к сожалению, они отвлекают нас от решения тех больших, действительно важных задач, которые только что сформулировал коллега Воронов. А послушали бы вы, о чем мы говорим на наших научных конференциях! Многие часы, даже дни, тратим на бесплодные споры о перенесении отдельных пачек слоев из одного горизонта в другой, о разделении одного вида на две или три разновидности, о замене одной стратиграфической схемы на другую. Где уж тут вспомнить о больших проблемах! Времени не хватает! А между тем геология действительно требует коренного пересмотра всей методологии научных исследований. Я абсолютно согласен с Юрием Дмитриевичем, - давно пора переходить к решению таких проблем, которые охватывали бы всю совокупность геологических явлений. А это невозможно без тесной кооперации с физикой, математикой и целым рядом других наук. Именно так, на стыке ряда наук, может родиться та новая методология, которая, возможно, приведет к выработке и единой теории геологических процессов, за что ратует Юрий Дмитриевич. Мы отлично понимаем, Семен Тихонович, что вопрос этот чрезвычайно труден, и разработка его потребует очень длительного времени. Однако приступать к его решению нужно уже сегодня, хотя бы это и отвлекло наши основные кадры от рассмотрения некоторых частных вопросов, сколь важными не казались бы они сейчас, на данном отрезке времени.

Ректор задумчиво провел рукой по лбу:

- Но, позвольте, я до сих пор считал, что на стыке геологии и физики уже выделилась новая отрасль знаний- геофизика. Ей, казалось бы, и карты в руки...

- Геофизика? - Греков усмехнулся. - Если рассматривать это слово с точки зрения этимологии, то вроде бы и так. А если говорить по существу, то наши геофизики - и не геологи, и не физики.

- Не понимаю...

- Видите ли, Семен Тихонович, - вступил в разговор Воронов, - когда говоришь о геофизике, то естественно представить науку, которая включала бы в сферу своего изучения физическую сущность всех процессов, совершающихся в земном шаре, в том числе и всех без исключения геологических явлений. А на деле геофизика в том виде, в каком она существует у геологов, по крайней мере у нас на факультете, это чрезвычайно узкая дисциплина, изучающая лишь физические поля, создаваемые теми или иными геологическими объектами.

- И дальше этих полей они знать ничего не хотят, - поддержал Греков. - Послушали бы вы их выступления на конференциях! Развесят свои кривые и "леопардовые шкуры" и начинают толковать об аномалиях силы тяжести, магнитных аномалиях, электрических аномалиях. А спроси о конкретной геологической обстановке, процессах, которые привели к образованию того или иного геологического объекта, о причинах тех же аномалий - ни слова, кроме общих рассуждений!

- Как, неужели не обосновывают даже возникновения аномалий? - удивился ректор.

- Нет, обосновывают, конечно, - сказал Воронов. - Тут Леонид Иванович немного сгустил краски. Во всем, что касается полей и аномалий, они разбираются, безусловно, хорошо, и в последнее время их изыскания оказываются серьезным подспорьем в общем комплексе геологических исследований. Но то, что все они ограничиваются изучением полей и превратили свою науку в узко практический метод, это - неоспоримый факт. А нам нужно не это. Мы хотим подвести физико-математическую базу под все геологические процессы.

- Ясно. Только за чем же, собственно, дело стало? Если по крайней мере трое ведущих работников факультета пришли к единому мнению о пересмотре научной тематики, и если они, по-видимому, не без основания, убеждены в правоте своих взглядов, это уже такая сила, которая сможет увлечь за собой весь коллектив. Тем более, у вас есть опыт. Создание на факультете единой лабораторной базы явилось примером для всего университета...

- Все это не так просто, Семен Тихонович, - заметил молчавший до сих пор Стенин. - Речь идет не только о пересмотре научной тематики. Речь идет о коренных переменах в самой основе научной работы факультета. А перемены эти потребуют иного комплекса знаний, основанных на солидной физико-математической подготовке. И это сулит немалые трудности для многих ведущих ученых факультета: не так-то просто изменить привычный уклад работы и начать переучиваться, по сути дела, заново. Поэтому главные надежды мы возлагаем все-таки на молодежь. Однако для того, чтобы направить ее по новому пути, чтобы объединить ее вокруг новой проблематики, нужно, чтобы на факультете появилась, если можно так выразиться, новая "точка роста". Такая "точка роста", постепенно разрастаясь, будет внедряться во все области геологической науки, охватывать все более и более широкий круг исследователей и станет наконец ведущей силой факультета, направляющей и определяющей весь ход дальнейшего развития нашей науки,

- Любопытно... Что же за "точку роста" вы имеете в виду? - спросил ректор.

- Имеется в виду, - снова заговорил Воронов, - создание новой кафедры, кафедры теоретической геологии, и введение новой специализации - "геологов-теоретиков". Само собой разумеется, что студенты, которые пойдут по этой специальности, должны будут получить наряду с геологической достаточную математическую, физическую, химическую и, может быть, биологическую подготовку, с тем, чтобы быть готовыми решать весь комплекс вопросов, связанных с разработкой крупных теоретических исследований. Только так, по нашему мнению, можно добиться коренного перелома в геологической науке. Это, как видите, политика дальнего прицела. Но пора начать проводить ее в жизнь уже сейчас.

- Мы далеки от мысли, конечно, - заметил Греков, - что при этом не будут развиваться другие разделы геологии. У каждого из нас, будь то петрограф или палеонтолог, есть еще достаточно нерешенных вопросов. Но главное место в научной работе факультета должно занять именно это направление, связанное с постановкой кардинальнейших проблем. Ибо решение таких проблем ускорит в свою очередь и разработку всех частных вопросов, включая методы полевых исследований, связанных с поисками и добычей минерального сырья.

- Не говоря уже о том, - добавил Стенин, - что новая проблематика объединит весь коллектив наших ученых и создаст необходимую творческую обстановку.

Ректор задумался:

- Создание новой кафедры... Но это, как вы знаете, очень не простая вещь.

- Да, мы знаем это. И тем не менее надеемся, что вы поддержите нас.

- А кто смог бы возглавить такую кафедру?

- Есть у нас на примете один человек, некто Грюнталь, Георгий Александрович, наш бывший выпускник, теперь - начальник крупной экспедиции в Средней Азии.

- И чем он привлек ваше внимание? - поинтересовался ректор.

- Своей одержимостью, - ответил Греков.

Ректор улыбнулся:

- Что ж, это не так уж мало... А как мыслится учебная нагрузка новой кафедры?

- Вот, пожалуйста, здесь все расписано. - Греков положил на стол примерный расчет часов.

Ректор пробежал его:

- Да вы, оказывается, все подработали!

- Иначе мы бы к вам не пришли.

- Так... И последний вопрос. То, что среди вас нет декана, по-видимому, не случайно?

- Совершенно точно.

- Понятно... Что же, товарищи, будем думать. Все, что вы мне изложили, заслуживает самого пристального внимания. Роль университетской науки надо поднимать. Именно путем переключения наших усилий на разработку крупных теоретических проблем. Эта задача стоит не только перед вашим факультетом. Что же касается кафедры теоретической геологии, то... может быть, пора уже и создать нам такую кафедру. И последнее. Я только что получил уведомление, что должность декана факультета будет отныне выборная. В ближайшие месяцы мы должны будем провести соответствующие собрания. Так что пора к ним готовиться. Желаю вам успеха.

- Черт знает, что такое! Опять все перебуторено! - Петр Ильич захлопнул шкаф с коллекциями и заглянул в лаборантскую:

- Нина Павловна!

- Доброе утро, Петр Ильич, - промурлыкала та, поправляя прическу.

- Здравствуйте, - бросил Ларин. - Нина Павловна, вы следите за коллекцией?

- А как же, Петр Ильич, слежу.

- Но там черт ногу сломит! Коробки перевернуты. Все этикетки перепутаны.

- Неужели все?

- Ну, все - не все, а пользоваться коллекцией нельзя. И это уже не первый раз.

Нина Павловна обиженно поджала губы:

- Такие студенты пошли. Как возьмут минералы для самостоятельной работы, так словно после пожара! Уж я и говорю им, и ругаю...

- Надо не ругаться, а просматривать коллекции. Хотя бы перед занятиями.

- Так я и просматриваю, Петр Ильич, но бывает иногда - руки не доходят. Вы же видите, сколько работы. То принеси, другое достань! Это не кафедра, а сумасшедший дом какой-то. Глядишь, другие лаборанты за весь день с места не поднимутся. Выдадут, что надо, и - снова до звонка. У нас же: тому - провод, другому - амперметр какой-нибудь, третьему - жидкий азот...

- Но поймите, учебный процесс не должен страдать из-за всего этого.

- Понимаю, Петр Ильич, прекрасно понимаю. А кто у нас думает об учебном процессе? Все чего-то мастерят. Всем надо Америку открыть! Уж, по правде говоря, только глядя на вас и отдыхаю душой.

- Ну, вы скажете...

- Право, Петр Ильич! Сидите вы себе с микроскопчиком да с книгами. Тихо-мирно, ни шуму от вас, ни копоты. А ведь было время - вся кафедра была такой! - Нина Павловна вздохнула. - Зайдешь, бывало, в кабинет к самому - тишина, цветы на окнах. Возьмешь водички, польешь...

- Тоже мне прелесть! - поморщился Ларин.

- Не скажите, Петр Ильич, не скажите! Все это создавало такую обстановку... А теперь?.. Нет, уйду я отсюда. Уйду. Не сработаемся мы с Юрием Дмитриевичем. Крутой он слишком. И нет в нем никакого обхождения. Да-с. А я так не могу. Я с профессорами работала. И все меня ценили.

- Так вас и теперь, Нина Павловна, ценят...

- Нет, не говорите! Сейчас каждый мальчишка может на тебя накричать, и никто не заступится. Да что говорить... Вы, Петр Ильич, можете как угодно к моим словам отнестись. А только и вас на кафедре не ценят...

- Почему вы так думаете? - насторожился Ларин.

- Так разве не видно! Вы теперь кандидат, почти доцент. А у Юрия Дмитриевича любой инженеришка в большом почете. Возьмите хоть наши заседания кафедры. Кому первое слово? Звягину. Кого больше всего слушают? Берга и Степаненко.

- Но ведь они талантливые физики.

- Подумаешь - физики! Пусть и идут к себе на физмат, нечего им у нас на кафедре делать. Нет, не говорите, Петр Ильич, обходят вас здесь. Уж на что Вадим! Аспирант второго года. А сидит рядом с Вороновым. Андрея Бардина Греков тоже в свой кабинет переселил. А вы как ютились на задворках...

- Но это же чепуха, в конце концов!

- Вам все чепуха, Петр Ильич. А вот на днях я слышу от надежного человека... Не знаю уж, говорить ли.

- Говорите, раз начали.

- Так вот, слышала я, что Юрий Дмитриевич, - Нина Павловна понизила голос, - что он и на ваше место подыскивает не то физика, не то математика.

- Как так?

- Очень просто. Говорят, и практику по минералогии теперь надо вести на каком-то новом уровне.

- Но это же абсурд!

- Мало у нас в последнее время абсурдного делается!

- Ну что же, пусть подыскивают. Пусть! Кого угодно! - Петр Ильич заходил из угла в угол. - Мне на это ровным счетом наплевать. Я и сам решил уйти отсюда.

Нина Павловна всплеснула руками:

- Вы собираетесь уходить?! Куда же?

- Мало ли конкурсов объявлено.

- И верно, Петр Ильич. Нечего вам здесь унижаться. А за вами и я. И мы еще посмотрим, как они без нас тут запрыгают, на этой новой основе... Петр Ильич, куда же вы?

Но Ларин уже хлопнул дверью.

В кабинет Бенецианова Софья Львовна вошла с торжествующей улыбкой:

- Можете меня поздравить, Модест Петрович!

- С чем?

- Новоявленный кандидат согласен подавать документы на конкурс по нашей кафедре. Пришлось, правда, помучиться немного, привлечь к этому делу даже Нину Павловну. Но теперь все в порядке.

- Да?..

- Вы, кажется, не очень довольны?

- Нет, я доволен вами, Софья Львовна, но... Обстоятельства несколько изменились. Я намерен взять к себе на кафедру Горского, сына Виктора Ефимовича Горского, из треста. Очень полезный человек...

- Молодой Горский?

- Нет, я имею в виду Виктора Ефимовича. Он, как вы знаете...

- Понятно! Но как же вся наша затея с Лариным?

- А здесь ничего не изменится. Пусть он подает документы на конкурс. Постараемся, чтобы все это получило как можно большую огласку, и... в конце концов, этого достаточно. Для нас важно то, что люди бегут с кафедры Воронова, а не то, где и как они устраиваются.

- Ну да. Но как после этого Ларин будет работать с Вороновым?

- Вас это очень печалит?

- Мне кажется, лучше иметь лишнего союзника, чем врага.

- Не велика потеря! Есть вещи посерьезнее. Из надежных источников мне известно, что Греков, Воронов и Стенин на днях имели конфиденциальную беседу с ректором.

- Это вас так беспокоит?

- Обычно декан знает, зачем ведущие работники факультета идут к ректору. Но дело даже не в этом. У меня есть основания предполагать, что на факультете создается альянс Воронова с Грековым...

- Но Леонид Иванович, кажется, разумный человек.

- Вы не знаете Грекова, Софья Львовна. Ума не приложу, как я мог потерять его расположение!

- Но это все-таки не Воронов.

- Воронов! Что Воронов без Грекова! А Воронов с Грековым - это... Это - все! - Бенецианов замолчал и устало прикрыл лицо рукой. Никогда еще Строганова не видела его в таком удрученном состоянии.

- Но может быть, все это вам только показалось?

- Если бы это было так! А тут еще Стенин с ними. На кого же теперь опереться? Кравец - не в счет. Ростов тоже начинает их линию гнуть...

- А Чепков?

- Чепков! Связался я с ним на свое горе. А что остается делать... - Бенецианов тяжело вздохнул. - И это перед самыми выборами...

- Какими выборами?

- Разве не слышали? - Модест Петрович как-то странно улыбнулся. - Декан теперь будет выбираться.

- Как?..

- Так же, как выбирали до сих пор заведующих кафедрами.

- По-нят-но...

В голове Софьи Львовны началась лихорадочная работа: "Что же теперь делать? Старик, кажется, трусит. Явно трусит. Это что-то новое! Так стоит ли дальше ставить на эту карту? Сейчас еще можно переиграть, потом станет поздно. Но кто же будет главным козырем? Ростов - едва ли. Чепков - никогда! Стенин все-таки слишком мягок. Так неужели Воронов? До сих пор это казалось невероятным. Почти невероятным... А теперь?.. Но тогда мы окажемся у разбитого корыта. Этого допустить нельзя ни в коем случае! Нет, пока еще рано предпринимать какие-то радикальные шаги. Все может измениться. Однако на всякий случай..."

Через несколько минут Софья Львовна подходила к кабинету Воронова. У нее не было еще никакого определенного плана. Но уж кто-кто, а она знала, как говорить с любым мужчиной.

Открыв дверь, она долго стояла на пороге, не желая входить без приглашения. Но ни Воронов, ни сидевший рядом с ним аспирант даже не посмотрели в ее сторону. Озабоченно постукивая пальцами по лежащему перед ними журналу, Воронов говорил:

- Вы правы, Вадим, эксперимент аналогичен вашему. И результаты неплохие. Лучше, пожалуй, чем у вас...

- Но я и не ставил целью добиться такой большой точности.

- В данном случае это не имеет значения. Я хочу сказать, что индусов всегда отличала тщательность в постановке эксперимента. Их цифрам можно верить. И на этот раз они опередили нас с вами. Статья датирована декабром прошлого года.

- Но ведь к этому времени и у меня уже были результаты.

- Об этом знаем только вы да я.

- Обидно, Юрий Дмитриевич. Столько потерянного времени!

- Время. не жалеете, Вадим. Для вас эта работа была серьезным экзаменом. Считайте, что вы выдержали его с честью. Статья подписана ученым с мировым именем.

- Плохое утешение! И главное, из-за какой-то ерунды: то одного нет, то другого. Все вплоть до болтов своими руками пришлось делать. Хотел бы я видеть, как этот ученый с мировым именем создавал свою установку. Ему, наверное, не приходилось на токарном станке гайки точить.

- Одно могу сказать, Вадим, - чурайся он токарного станка, не быть бы ему таким ученым.

- Да это я так, к слову... Вы же знаете! Но что теперь делать, Юрий Дмитриевич?

- Работать, Вадим! Вы на верном пути. Завтра составим новую программу, и - за дело! А статью оставьте мне. Посмотрю еще раз. Что-то тут в одном месте не вяжется...

- В этой таблице?

- Да. Ведь у вас, кажется, получилось несколько иначе...

- На это я и хотел обратить ваше внимание. А теперь уж и сам начинаю сомневаться...

- Это вот зря! С проверки ваших данных и начнем. Завтра же!

- Зачем завтра? Я сейчас этим займусь. Схожу только пообедать.

- Что же, давайте.

Наконец Строганова сочла нужным подать голос:

- Можно к вам?

Воронов удивленно поднял голову:

- Софья Львовна?..

- Здравствуйте, Юрий Дмитриевич! - она подошла к столу и подала руку. - Вы, кажется, удивлены?

- Да, признаться... Садитесь.

- Благодарю, - Софья Львовна огляделась по сторонам. - Как у вас тут мило! Сразу чувствуется, люди заняты большим серьезным делом. А я, знаете ли, чрезвычайно заинтересовалась вашими работами, Юрий Дмитриевич, и мне пришло в голову, что неплохо бы внедрить ваш метод в инженерную геологию...

- В инженерную геологию?!

- Да, поскольку для меня это, так сказать...

- Простите, Софья Львовна, - прервал он, - а вы знакомы с моими работами?

- Да, я читала... кое-что.

- Что именно? - невозмутимо продолжал Воронов.

- Ну, я не помню точно...

Воронов чуть заметно усмехнулся:

- Ну да, я понимаю... Но что вас все-таки больше всего заинтересовало в моих работах?

- Так я же говорю, - было бы неплохо использовать все эти вот... приборы в инженерной геологии.

- Софья Львовна, а что бы вы сказали, если бы к вам пришла какая-нибудь дама и предложила использовать микроскоп... ну, скажем, для стирки белья?

Строганова покраснела. Но тут же, сделав над собой усилие, громко рассмеялась:

- А вы, оказывается, шутник, Юрий Дмитриевич!

- Да и вы не лишены чувства юмора, Софья Львовна. Только... Простите, пожалуйста, я сейчас очень занят. И вообще не вижу возможности быть, вам полезным.

Она вскочила:

- Очень жаль!.. Благодарю за "консультацию".

Воронов пожал плечами:

- Пожалуйста...

Иван, Саша и Колька Краев, частенько забегавший теперь к ним в общежитие, сидели за столом, пили чай и разбирали последнюю лекцию по математике. В дверь постучали.

- Входите! - крикнул Саша.

Дверь широко распахнулась.

- Ну, как тут болящие? - заговорила еще с порога Светлана, уверенно входя в комнату.

Иван поднялся. Поправил гимнастерку:

- Здравствуй, Света. Проходи, присаживайся, - пригласил он.

- Присаживайся! Я думала, он в постели лежит, порошки глотает. А они тут, полюбуйтесь, пожалуйста, чаями пробавляются.

- Да нет, я хвораю.

- Сдавайся, Иван! - махнул рукой Саша. - Шутка ли, такие превосходящие силы!

- А когда же ты все-таки осчастливишь группу своим появлением? - продолжала наступать Светлана.

- Завтра, наверное, пойду на занятия. Надоело валяться.

- Давно пора. А сейчас - книжки долой! - заключила Света. - И пошли. Все трое!

- Куда? - не понял Саша.

- Там узнаете.

- Нет, в самом деле? - спросил Иван.

- Тут у одной девчонки несчастье: на год старше стала.

- А-а, день рождения, значит? - догадался Иван.

- У тебя? Ну, поздравляем!

- Поздравляют за столом... Пошли!

В семьдесят седьмой комнате, кроме ребят и девушек из одиннадцатой группы, оказалось немало старшекурсников, среди которых Саша не без удивления увидел Володю Свиридова, Гену Трофимова, Инну Григорьеву и еще несколько человек. Он и не думал, что их Светка-Пересветка имеет столь обширные связи на факультете. И, конечно, совсем не предполагал, что она затеет такой пир.

Все пришли, разумеется, не с пустыми руками. Да и у девчат оказалась припасенной не одна фруктовая вода. Поэтому не прошло и четверти часа, как все заговорили громче обычного, посыпались шутки, зазвучал смех.

- А что, Света, правду говорят, будто Камбала в тебя влюбился? - сказал Володя, раскупоривая бутылку.

- Ничего удивительного, - подхватил Краев. - Поглазей-ка два часа на наши постные физиономии! А у Светки всегда голова в тетради. Кто догадается, что она там малюет.

- Экий ты, Колька, грубиян! - одернул Гена. - Именинницам всегда говорят только приятное. Просто Камбала обожает миниатюрных девушек...

- Нет, кроме шуток! - сказал Володя. - Смех смехом, а вы знаете, кто замещает в одиннадцатой группе Кравцова?

- Света?

- Вот именно! Первая девушка-староста в истории геофака. И уж если Камбала выдвинул ее на такой ответственный пост, то сами понимаете...

- Смотри, Иван, - пробасил с другого конца стола Костя Славин, - еще с недельку не покажешься в группе, и обречет нас Камбала на вечный матриархат.

- А слышали, как на защите у Петра Ильича Греков и Стенин Камбалу на место поставили? - сказал Гена.

- Греков и Стенин что! - перебил Витя Беленький. - Вот Степанов бойкот ему объявил! Это почище будет.

- Сам Степанов? - засмеялся Володя.

- Да, решил не ходить на лекции Камбалы.

- В самом деле, Сашка? - спросил Иван.

- Да-да! - подтвердила Светлана. - Как лекция Камбалы, так он в читалку.

- Ты что, сдурел? - напустился Иван.

- Нечего время зря терять, - ответил Саша.

- Время? - воскликнул Володя. - Смотри, как бы эти несчастные два часа боком не вышли. Камбала таких шуток не любит.

- Но дело даже не в этом, - сказал Иван. - Дисциплина должна быть! Мало кому что взбредет в голову!

- А мне это не просто в голову взбрело! - вспыхнул Саша. - И не в двух часах тут дело, а в принципе.

- Ну, знаешь, - решительно начал Иван. - Все это, по меньшей мере, неумно. Камбале так не досадишь, а группу подведешь. Мы же обязательства взяли, за посещаемость боремся.

- Да, это, пожалуй, ни к чему, - согласился Володя.

- А по-моему, верно он решил, - неожиданно заявила Инна. - И я бы тоже...

- Я бы, я бы! - прервал ее Гена. - Хорошо тебе так рассуждать на четвертом курсе! А ему, Степанову, еще сколько лет Камбалу терпеть.

- А я вот и не хочу терпеть! - воскликнул Саша. - Не хочу и точка!

- Подожди, Степанов, - остановил его Володя, - не горячись. Терпеть ты, конечно, не будешь, не из такого теста сделан. А эту затею брось, - драться надо тоже с умом...

- Нет, ребята, на лекции к Камбале я не пойду, не уговаривайте. Я слово дал.

- Кому это?

- Себе и... вообще.

- Да хватит вам пытаться человека, - вступилась Инна. - За посещаемость испугались. Да какие вы к шуту-геологи! Будто совет стариков собрался... Споем-ка лучше любимую.

Инна взяла гитару:

- Давай, Света!

Но в это время дверь открылась и в комнату заглянул Витя, посланный за магнитофоном:

- Тихо, ребята, тихо! Там Герасимов с комиссией. Прямо сюда шагают.

- Герасимов? Вот черт! Запирай дверь, Генка! - Володя обвел глазами комнату. - Что же теперь делать?..

- А что тут особенного? - не понял Саша. - Разве мы что натворили?

- Натворили - не натворили, а нельзя так вот в общежитии... Специальное разрешение надо. Вообще-то, конечно, это ерунда. Но Герасимов такого случая не упустит, сам понимаешь...

- Плевали мы на него! Что же нам и повеселиться нельзя?

- Говорят тебе, есть постановление профкома, все подобные вещи проводить только с разрешения студсовета. Ясно?

В дверь постучали.

- Тс-с!

- Ребята, - шепотом заговорила Света, - а балкон... На него же окна пяти комнат выходят.

- Идея! Но командовать придется, видно, мне, - сказал Иван. - Начинаем. Ребята, забирайте бутылки и все прочее и - на балкон! Только без толкотни, по одному. А вы, девочки, быстро все уберите. Скатерть другую. И книг на стол побольше. Потом - за ребятами! Останется только Светлана.

В дверь забарабанили с новой силой.

- Не обращайтесь внимания! Степанов, побудь пока на балконе, поможешь девчатам. А ты, Света, откроешь только на голос Инны. Договорились?

Девушки одна за другой соскакивали с подоконника на балкон. Из открытых окон другой комнаты к ним уже тянулись руки ребят. Вся "операция" продолжалась не больше трех минут. А когда Саша наконец вышел из соседней комнаты в коридор, то увидел удивительную картину.

Вася Герасимов, красный от возбуждения, бил кулаками в дверь злополучной семьдесят седьмой. Рядом с ним стояли члены комиссии, а чуть поодаль собралась толпа студентов, среди которых были теперь и почти все участники прерванной пирушки.

"Симпатии" были явно на стороне Васи.

- Безобразия! - кричал Витя Беленький, подогревая пыл комиссии. - Ты, Герасимов, ногой, ногой!

- Я бы этого так не оставил, - вмешался подошедший Володя. - Не открывать комнату члену бюро!

Кто-то непочтительно засмеялся.

- Это не имеет значения! - огрызнулся Вася. - И я покажу этим пьяницам...

- А почему думаешь, там обязательно пьяницы? - спросил Гена Трофимов.

- Знаю! - отрезал Герасимов.

Вдруг толпа расступилась. К двери подскочил Колька Краев с пожарным ломом в руках:

- Держи, Герасимов! Раз не открывают, круши!

- А что, и взломаю, если потребуется/ Эй, вы там, - закричал Вася, - в последний раз предупреждаю, если сейчас же не откроете...

- Пстой, Герасимов, - прервал его Колька, - может, дружинников вызвать? Мало ли что...

- Конечно! - полетело из толпы. - Неплохо бы и милицию!

- Что милицию! Взвод автоматчиков! Может, там диверсанты засели.

Вася чертыхнулся и поддел дверь ломом.

- А ну-ка, посторонитесь! - подошла Инна и легонько стукнула в дверь пальцем. - Света, я. Открой, пожалуйста.

- Инна? - послышался заспанный голос Светланы. - Сейчас, только халат наброшу. Лицо Васи скривилось в усмешке:

- Слышали, заливает!

Дверь приоткрылась.

- А это что за гости? - воскликнула Светлана, протирая глаза.

- Сейчас узнаешь! - ответил Вася, заглядывая под кровати, в гардероб и за тумбочки.

- Да ты что? - подошла к нему Света. - С обыском? По какому праву? А ну-ка, вон отсюда! И не вздумай еще раз нос здесь показать.

Вася растерянно оглянулся, стараясь отыскать кого-нибудь из членов комиссии, однако тех и след простыл.

- Но мне же точно сказали, что в семьдесят седьмой... И я сам слышал голоса... - невнятно забормотал он, пятась к лестнице.

А вслед ему несло:

- В чемоданах забыл посмотреть!

- За зеркалом!

- Под подушками!

Ребята начали расходиться.

- Ну, что, Иван, домой? - спросил Саша.

Из двери выглянула Светлана:

- Ваня, зайди ко мне...

Иван послушно перешагнул порог, и дверь захлопнулась.

Краев подмигнул Саше:

- Готов парень! Пойдем, Сашка, наше дело холостяцкое.

- Пойдем. Только насчет Ивана ты зря. Я его знаю.

- Эх, Сашка! - вздохнул Краев.

- А что?

- Ничего... Пойдем, прикончим это дело, - он похлопал по своим оттопырившимся карманам.

А два дня спустя Иван пришел домой за полночь. Потом еще и еще.

- Где ты пропадаешь? - спросил Саша, выбрав удобную минуту.

- Не все тебе одному полуночничать, - ответил Иван, пряча глаза.

Саша пожал плечами:

- Не хочешь говорить, не надо...

Но все разъяснилось само собой. Как-то в перерыве между лекциями Фарид составлял список желающих пойти в театр. Иван подозвал его к себе:

- Ну-ка, и меня записывай. На два билета.

Но в это время к ним подошла Светлана:

- Ваня, мы с тобой не пойдем! - произнесла она кратко, но внушительно.

И Иван сразу согласился.

- Да, Ибрагимов, не стоит, пожалуй, не пиши.

А Саша подумал:

"Эх Иван-Иван! Давно ли говорил, что тебе и жизнь не в жизнь. А теперь..."

В аудиторию вошла Таня.

"Хорошо, что она не видела этого". Но Иван был, по-видимому, на этот счет другого мнения. Он подозвал Таню к себе и принялся отчитывать:

- Ты что это, Горина, стала без конца опаздывать? На целую лекцию! И вчера тоже.

- У меня уважительная причина, - сказала Таня.

- У вас всегда причина! - повысил голос Иван.

Это было уже слишком! Саша подошел к нему вплотную:

- Слушай, Иван, хоть ты и староста...

- А ты уж молчал бы: сам прогуливаешь и других защищаешь! - не дал договорить Иван. - Я тебе давно хочу сказать, - не думай, что если тебя тогда, на вечеринке, поддержали, так ты можешь продолжать не ходить на лекции. Там я тебя по-товарищески предупредил, а теперь...

- А теперь как?

- А теперь официально говорю, как староста, чтобы больше этого не было. Обязательства брать, так ты первый, а как до дела дошло...

- Эх, Иван!..

- Что, Иван?

"Как объяснить ему? И главное, формально он прав. Но ведь обязательства-то мы брали бороться за коммунистическое отношение друг к другу, к жизни вообще. А разве такими должны быть коммунистические отношения?"

- Ну, что - Иван? - повторил Кравцов. - Или сказать больше нечего?

- Сказать мне надо многое. А сейчас извинись перед Таней, у нее Андрей болен.

- Могла бы и сама объяснить, - буркнул Иван. - А еще что скажешь?

- А еще, что забыл ты, кажется, по поводу чего мы брали обязательства.

- Я забыл! Во всяком случае, до сих пор ни одного часа без уважительной причины не пропустил и к обязанностям своим отношусь не так, как некоторые...

- Если бы ты включил в число своих обязанностей еще и просто быть человеком!

- Даже так... - Иван зло сощурился. - А кто в больницу к тебе бегал? Кто ради тебя с дровами для Севериной возился?

Он говорил короткими отрывистыми фразами, будто вбивал гвозди. А Саша молчал. Все это было действительно так. Но он ни разу даже не подумал об этом, - должно быть потому, что сам никогда не ждал благодарности за свои услуги.

- Может быть, я перед тобой и в долгу, Иван, - глухо промолвил Саша, - и вообще что-то не так понимаю, как надо... - Он махнул рукой и отошел к окну.

25. ДОРОГУ ИДУЩИМ!

К трем часам дня, когда почти все аудитории опустели, в кабинете заведующего кафедрой региональной теологии собрался цвет геофака: декан факультета, секретарь партийного бюро, профессора, доценты и даже ведущие работники института и треста. Такого не случалось здесь за все время со дня заступления Ивана Яковлевича на должность заведующего кафедрой. Но сегодня тому были особые причины.

Иван Яковлевич только что вернулся из Ленинграда, где успешно защитил, докторскую диссертацию, и решил отметить это приятное событие небольшим товарищеским банкетом. Поэтому стол, за которым обычно "увязывались" границы свит и ярусов, "сбивались" геологические разрезы, "тянулись" бесконечные профили и карротажи, сейчас был уставлен бутылками с шампанским и коньяком, банками с икрой и сардинами, тарелками с нарезанными ломтиками лимона...

Тосты следовали один за другим. Услужливый Мышкин еле успевал менять бутылки, следуя внушительным взглядам хозяина стола. Сам Иван Яковлевич сидел на почетном месте, между Бенециановым и Грековым, и, довольный, сиял, опуская глаза каждый раз, когда провозглашался очередной тост за "успехи его в научной работе", за "большой вклад в геологию, каким явилась его диссертация", и многое другое.

Наконец с бокалом в руке поднялся Бенецианов.

- Глубокоува-а-ажаемый Иван Яковлевич! - затянул он. - Я рад и счастлив поздравить вас... э-э... со вступлением в нашу немногочисленную, но монолитную семью профессоров, стоящую на передовых рубежах науки и про-о-окладывающую путь славному отряду научной молодежи. Мне особенно приятно принести вам эти поздравления, потому что именно ваша диссертация является для молодежи примером того, как решаются крупные научные проблемы на самом, так сказать, переднем крае современной геологической науки. Это пример того, как работают настоящие ученые-геологи, несмотря на многочисленные препоны, которые ставят нам люди, также называющие себя геологами, но давно уже порвавшие с геологией и замахивающиеся на само существование этой древней, но по-прежнему могучей отрасли человеческого знания. - Бенецианов гордо выпрямился. - Я предла-а-агаю поднять бокалы за всех, кто, подобно уважаемому Ивану Яковлевичу, не жалея сил и таланта, борется за дальнейший расцвет нашей замечательной науки!

- Bravo! Bravo, Модест Петрович! - крикнул Мышкин, подбегая с бокалом к Бенецианову.

Модест Петрович повернулся к гостям, ожидая, что и другие сотрудники подойдут с ним чокнуться, но этого не произошло. Стенин отодвинул свой бокал в сторону. Греков нахмурился. Ростов удивленно пожал плечами.

Даже Софья Львовна опустила глаза к столу, будто для того, чтобы рассмотреть узоры на тарелке.

Неловкая тишина воцарилась за столом. Глаза большинства сотрудников обратились к Воронову. Тот встал:

- Разрешите и мне сказать несколько слов. Я с удовольствием присоединяюсь к поздравлениям, сделанным сегодня в адрес Ивана Яковлевича. Успех его заслужен. Иван Яковлевич не в пример некоторым другим ученым, гнушающимся черновой работы и предпочитающим заниматься только широкими обобщениями, сам изъездил и прошел с молотком не одну сотню километров, сам сделал многие десятки профилей и разрезов, составил массу карт, и потому предложенная им стратиграфическая схема карбона базируется на прочном фундаменте фактов, а выделенные горизонты и свиты приняты большинством производственных организаций. Работа Ивана Яковлевича заслужила положительную оценку наших ленинградских коллег, и я присоединяюсь к этой оценке. - Воронов сел и, понизив голос, добавил:

- А по-товарищески, не для тоста, скажу, Иван Яковлевич: жаль, что в методологии вашей нет ничего нового по сравнению, скажем, с работами Павлова, Милановского и другими нашими учителями. А впрочем, это и не ваша вина. Все мы заслуживаем такого упрека.

- Вы, Юрий Дмитриевич, видимо, плохо знакомы с моей работой, - заметил Чепков. - Я не могу согласиться с вами. Ведь в работах Павлова и Милановского нет и в помине данных рентгено-структурных, электроно-графических и прочих анализов, которые говорят сами за себя.

- Простите, Иван Яковлевич, но, знакомясь с вашей работой, я прежде всего и обратил внимание на эти анализы. Действительно, их много, с избытком. Однако это не более чем дорогостоящее украшение. Да иначе и быть не могло. Пушки делают не для того, чтобы стрелять по воробьям. Пора нам перейти к решению по-настоящему крупных научных проблем, охватывающих всю совокупность геологических явлений, и не толковать о передовых позициях науки, а выходить на эти позиции всем фронтом, локоть к локтю. Вот за это я и предлагаю поднять бокалы!

- Доцент Воронов, к сожалению, настолько отошел от геологии, что забыл даже, что такое стратиграфия, если в чисто стратиграфической работе ищет чуть ли не космогонические проблемы, - небрежно бросил Бенецианов.

- В общем, один Воронов идет, в ногу, а весь факультет не в ногу! - рассмеялась Софья Львовна.

- Какое счастье, что он не бог Саваоф, - подхватил изрядно захмелевший Мышкин. - А то бы весь мир перекроил по своему образцу и подобию.

В комнате стало шумно. Воронов поднялся.

- Очень жаль, что и сейчас не получилось откровенного разговора.

- Но мы, кажется, собрались сюда не для "разговоров". Достаточно для этого собраний и заседаний. А здесь... - Чепков указал на ряды бутылок, - здесь есть чем заняться и без научных дискуссий.

- Bravo, bravo, Иван Яковлевич! - закричал Мышкин. - Ваше здоровье, дорогой наш доктор, - подскочил он к Чепкову с бокалом.

- Ужасно невоспитанный человек этот Воронов, - громко шепнула Софья Львовна.

- Прошу прощения. - Воронов коротко кивнул и быстро вышел из кабинета.

Шум сразу стих. Из-за стола медленно поднялся Греков.

- А теперь послушайте меня. Хотя бы как человека, который старше каждого из здесь сидящих. Все, что произошло здесь, начиная с бестактного и недальновидного, - Леонид Иванович глянул в глаза Бенецианову, - да, недальновидного выступления уважаемого декана и кончая фиглярством этого молодого человека, имени которого я не имею чести знать, было настолько беспрецедентно в стенах университета, что я бы перестал уважать себя, если бы сейчас же не покинул этой комнаты. И я сделал бы это, не опереди меня коллега Воронов. Но раз он ушел, я обязан остаться и высказать все.

Греков немного помолчал, стараясь унять волнение. Затем продолжал:

- Как могло получиться, что руководитель факультета позволил себе выступить с нелепым обвинением в ликвидации геологической науки по адресу человека, который с болью в сердце открыто поднял вопрос о судьбах этой науки и наметил, пусть еще не совсем конкретные, пути ее дальнейшего развития? Как могло получиться, что случайный в науке субъект счел возможным насмеяться над талантливым ученым?

- Я... Я протестую! - выкрикнул Мышкин, направляясь неверными шагами к Грекову.

- Предоставьте, пожалуйста, этому субъекту возможность "протестовать" где-нибудь в другом месте, - сказал Греков, не повышая голоса.

Несколько молодых ассистентов окружили Мышкина и выдворили его за дверь.

- Но это уж чересчур! - вспыхнула Софья Львовна.

- Я никогда не повышал голоса на дам, - коротко ответил Греков.

Бросив салфетку на стол, Строганова вышла из кабинета. Поднялся и Бенецианов.

- Сиди, Модест! - остановил его Греков. - Не хватало еще, чтобы ты открыто присоединился к этой компании. Пора всем нам поговорить начистоту!

- Но простите, Леонид Иванович, - подал голос Чепков, - мы собрались все-таки на банкет...

- В свое время все подобные вопросы мы решали вот так, за дружеским столом, а не на собраниях и заседаниях, которые вы заранее расписываете по всем пунктам.

Чепков суетливо заерзал на стуле.

- Так вот, - продолжал Греков, - как могло произойти все то, что произошло сегодня? Это случилось потому, что за взаимными перебранками и курением фимиама мы забыли о главном - о том, что должны двигать науку вперед. Мы собрались сегодня, чтобы поздравить нашего коллегу с защитой диссертации. Он заслужил это. Но ведь все мы знаем, что работа Ивана Яковлевича действительно почти ничем не отличается от работ подобного рода, писавшихся в последние полвека. Зачем же, Модест Петрович, говорить о том, чего заведомо нет? И к чему, Иван Яковлевич, ссылаться на рентгено-структурные анализы? Ясно, что если на телегу надеть резиновые колеса, она не станет от этого автомобилем. Пора нам браться за решение крупных проблем. Прав Воронов, что настаивает на переводе всей геологии на физико-математическую основу. Это будет не ликвидацией "нашей древней науки", Модест Петрович. Это будет превращение ее в действительно могучую отрасль человеческих знаний, в действительно современную науку! Других путей у геологии нет. Только так мы сможем двинуть ее вперед. В этом наш долг, наша обязанность перед подрастающим поколением. Но, чтобы двигать науку таким путем, надо самим учиться. Иначе мы просто не сможем учить своих учеников. Не сможем понимать того, что будут писать наши коллеги, не сумеем разговаривать с представителями смежных наук. Воронов

понял это давно. Со временем это поймут все. Воронов уже в пути. Мы еще топчемся на месте. Ну и, поскольку действительно мы на банкете, я предлагаю тост, коллеги: дорогу идущим!

Все зааплодировали и подняли бокалы, и заговорили полным голосом, как члены одной большой семьи.

С места поднялся Стенин:

- Разрешите и мне предложить тост. Я с удовольствием поздравляю виновника сегодняшнего торжества. Но вместе с тем мне хочется поздравить и всех нас. Поздравить с хорошей баней, которую получили мы от нашего общего учителя Леонида Ивановича.

За столом засмеялись.

- Эта баня была тем более горячей, - продолжал Стенин, - что попали мы в нее все вместе: и стратиграфы, и палеонтологи, и петрографы, и нефтяники, независимо ни от возраста, ни от звания, ни от занимаемой должности. Но, как говорится, на миру и смерть красна. К тому же, мне кажется, никто из нас и не в обиде на Леонида Ивановича: ведь у кого, наверное, не мелькали мысли, подобные тем, что он сейчас высказал... Но так уж устроен человек, что боится произнести вслух то, что кажется необычным, непроверенным, и ждет, когда сделает это кто-нибудь постарше, поавторитетнее. И еще: мне понравился тост, предложенный Леонидом Ивановичем. Мы действительно в преддверии большого пути. Путь этот не усеян розами. Будут на нем и тернии. Но приведет он нас к таким высотам, с которых откроются поистине безграничные просторы в деле познания земных недр. Это, если хотите, путь к перевалу. Некоторые из нас уже идут по этому пути. Другие еще только вступают на него. И всем им мешают не только тернии. Мешают и те, кто не хочет подыматься в гору, кто сознательно или бессознательно путается под ногами идущих. Придется таким посторониться. За путь к перевалу, товарищи!

Во всяком, даже самом значительном, событии бывает небольшая заветная деталь, о которой мечтаешь больше всего. У Ивана Яковлевича Чепкова, с давних пор стремящегося стать доктором наук, такой деталью был банкет. И чем ближе становился срок защиты, тем с большим упоением мечтал он о том вечере или дне, когда выстроятся на столе бутылки, ударят пробки в потолок и зашипит, запенится вино... И все сидящие за столом будут говорить только о нем, новом докторе наук, и в глазах всех он будет читать только почтение или зависть. Да, и зависть! Пусть завидуют, как завидовал он сам всякий раз, когда кто-нибудь из знакомых становился профессором. Может быть, поэтому он больше всего и мечтал о банкете.

И только после этого следовали мечты о том, что даст ему профессорское звание - все эти заседания Большого совета, съезды, конгрессы, научные командировки за границу. Да, ради таких перспектив стоило лишать себя отпусков, недосыпать ночей, отказываться от развлечений. А главное, какие горизонты открывались перед ним в будущем! Бенецианов уже стар, не долго ему петушиться. А кто может его заменить, как не он, Иван Яковлевич? Еще будучи секретарем партбюро, он чувствовал себя почти хозяином на факультете. А если стать деканом... Кое-кто на факультете считает его другом Бенецианова. Наивные чудаки! Просто тот был необходим ему до сих пор. А в будущем...

Но будущее - будущим. А банкет - вот он, пришел! И вначале все было, как задумано - тосты, поздравления. Но потом... На выходку Воронова можно бы не обращать внимания: все это слышали от него и раньше. Но выступление Грекова было для Ивана Яковлевича громом среди ясного неба. Нет, его удивило не то, что Леонид Иванович выступил в защиту Воронова, - о их союзе Чепков уже догадывался. Но призвать всех заново учиться!.. Что же теперь, снова не спать ночей? После того, как все уже, казалось, позади, когда можно было наконец пожить для себя, почувствовать себя на виду!

А попробуй, возрази! Да и правы они, черт возьми. Уже сейчас в геологических журналах появляются статьи, которые не только Бенецианову кажутся "китайской грамотой". И все идеи Воронова, если осуществить их, на самом деле открывают такие перспективы, что дух

захватывает. Недаром Греков так ухватился за них. Но... Ивану Яковлевичу с ними не по пути. Будь они хоть тысячу раз правы, он на это не пойдет. Хватит!

Он вспомнил себя босоногим мальчишкой, седьмым по счету в семье, постоянно донашивающим перешитую и перелицованную одежду старших братьев. Потом студентом, все время отказывающим себе во всем, лишь бы приобрести мало-мальски приличный костюм. Затем ассистентом, бегающим по совместительству в три института, лишь бы иметь возможность показать себя, где следовало, обставить квартиру, одеть жену. Потом заведующим кафедрой, доцентом, числящимся одновременно научным консультантом нескольких геосъемочных партий и рецензирующим и редактирующим все, за что платят. И все время - одна мечта, одно стремление: выйти в люди, завоевать положение. А помощи ни от кого. Талантов - никаких, даже внешнею обидела природа. Сколько пришлось работать, изворачиваться, юлить, сколько перенесено всяких обид, насмешек, унижений! И все-таки он добился своего. Не сегодня-завтра - профессор, а там, возможно, и декан факультета. Только живи! И вдруг - иди за этими фантазерами! И что им, спрашивается, нужно? Придет время - изменится геология. Все меняется. Но с какой стати именно они должны подталкивать ее, взваливать это на свои плечи? Нет, с него достаточно, хватит! Надо и пожить, просто пожить в свое удовольствие. Взять от своего нового положения все, что можно.

Иван Яковлевич проводил гостей и взял пальто. Но вернулся Стенин:

- Иван Яковлевич, может, и не ко времени, но мне хотелось бы серьезно поговорить о Мышкине.

- К чему раздувать из мухи слона! Опьянел человек, с кем не бывает! Завтра же извинится перед Вороновым.

- Я в этом не уверен, - возразил Стенин. - Но дело не только в его сегодняшнем поведении. Мне известно, что Мышкин не справляется со своими обязанностями!

- То есть? Не понимаю...

- Студенты жалуются, что на его занятиях...

- Опять студенты!.. Слишком много дали им воли в последнее время. Что-то раньше я не слышал, таких жалоб.

- Я сам присутствовал на практических занятиях Мышкина в двадцать второй группе...

- Вы? Не уведомив меня? Как это понимать? Партийное бюро не доверяет заведующим кафедрами?

- Меня пригласил туда Леонид Иванович. А ему поручил это методический совет университета.

Чепков сразу сменил тон:

- Ну, что ж, может, и следует заслушать его на кафедре.

- А дальше?

- Что дальше?

- Вы считаете, что он может и дальше вести преподавательскую работу?

- Но до сих пор Мышкин не имел замечаний.

- Это вот и кажется, по меньшей мере, странным.

- Что вы хотите этим сказать?

- Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать. Боюсь, партийному бюро придется в ближайшее время серьезно заняться положением дел на кафедре региональной геологии. Кстати, почему Мышкин не занимается научной работой?

- Послушайте, Алексей Константинович, не хотелось бы напоминать, что сегодня у меня такой день...

- Вот как раз этот день и переполнил чашу терпения. Всем казалось, что именно вам следовало одернуть зарвавшегося Мышкина...

- Вы, по-видимому, не знаете, что Мышкин - протеже Модеста Петровича.

- Ну, и что же?

- Но это еще не все. Должен предупредить вас, что зять его жены, Софьи Львовны, - известный академик...

- Для чего вы все это мне рассказываете? Да будь он хоть сын турецкого султана...

- Это было бы совсем другое дело. А тут... Сами знаете, в научном мире...

- Оставьте в покое научный мир! Скажите прямо, вас, как заведующего кафедрой, этот человек устраивает? За качество проводимых им занятий вы лично сможете поручиться? Или согласитесь с теми выводами, которые сделали мы с Леонидом Ивановичем и которые будут завтра доложены методическому совету?

- Я еще не знаю ваших выводов. Но как преподаватель Мышкин, конечно, слабоват. И уж если на то пошло, я говорил об этом Бенецианову...

- А теперь сообщите это же Ученому совету.

- Разве это не одно и то же?

- Нет, не одно и то же, и вы это знаете не хуже меня. Пора нам освободиться от балласта.

Чепков встал:

- А вы не боитесь обжечься?

- Не беспокойтесь. Я в танке горел, а это, говорят, хороший иммунитет против ожогов. До свидания.

Закрыв дверь чепковского кабинета, Воронов пошел было в сторону своей кафедры, но затем повернул обратно и быстро направился к музею. Нужно было успокоиться, прийти в себя, привести в порядок мысли. Только здесь, в пустом коридоре, он почувствовал, как дрожат руки и гулко стучит в висках. В таком состоянии вряд ли стоило показываться в рабочем кабинете. Только в музее, среди привычных, строго поблескивающих витрин с минералами, наедине с самим собой, мог он успокоить расхолодившиеся нервы.

Музей был еще открыт. Миновав геологический отдел, Воронов распахнул дверь в минералогическую комнату, где в такое время обычно не бывало никого. И вдруг...

- Здравствуйте, Юрий Дмитриевич!..

- Здравствуйте...

Он остановился от неожиданности. Вместо пьяной физиономии Мышкина, вместо жирных, прыгающих от смеха щек его супруги, вместо тяжелого взгляда Бенецианова - милое, доверчивое, улыбающееся лицо Люси.

Она подошла к нему:

- Юрий Дмитриевич, я давно хотела просить вас, нельзя ли и мне выполнять какую-нибудь научную работу у вас на кафедре?

Воронов не ответил. После той ночи в лесу он впервые видел ее так близко. И впервые на лице ее было такое выражение, будто она чем-то обрадована, и смущена, и растеряна. Он слушал ее голос, почти не вникая в смысл слов, и с удивлением чувствовал, как постепенно исчезает та горечь и негодование, которые только что толкнули его сюда.

Но и в тоне и в глазах Люси был вопрос. Воронов постарался взять себя в руки:

- Что вы сказали?

- Я хотела бы заняться научной работой у вас на кафедре, - повторила Люся. - Если можно...

- Вы?! - восклицание вырвалось само собой. Но Люся истолковала его по-своему:

- Вы не думайте, что я... Я еще в школе...

- Нет, вы меня не так поняли! Мы всегда рады новым людям... Пройдемте ко мне. - Воронов открыл перед ней дверь.

В кабинете-лаборатории было уже тихо. Лишь за крайним столом, у большого магнита, сосредоточенно копался в установке Вадим, да в углу, возле шкафа с книгами, примостились два студента-старшекурсника, торопливо листаящие последние номера журналов.

Воронов пододвинул Люсе стул и, включив настольную лампу, не спеша опустился в кресло. Не спешил он и начать разговор, давая ей возможность осмотреться и привыкнуть. Потом спросил:

- Чем же вы хотели бы заняться у нас на кафедре? Мы пытаемся подойти к изучению минералов несколько необычным путем...

- Я знаю.

- Знаете?

- Да, ведь у нас в группе только и разговоров об этом. А потом... Я слышала ваш доклад и читала статью Цагина о парамагнитном резонансе.

- Вот как! - улыбнулся Воронов. - Какую статью вы имеете в виду?

- Ту, что была опубликована в журнале "Природа", в позапрошлом месяце, кажется.

- А-а...

- Что, слишком примитивно? - смутилась Люся.

- Да нет. Статья достаточно серьезна. И если вы в ней разобрались...

- Мне кажется, разобралась. Но там ничего нет о минералах.

- Это естественно. Цагин не занимался минералами. Здесь есть свои особенности. Поэтому нам и пришлось создать все это. - Воронов обвел руками ряды приборов.

- Простите, Юрий Дмитриевич, - подошел к ним Вадим. - Спектры циркона, последние, что снимали сегодня утром, мы проявили. А рентгенограммы принесут из института завтра.

- Спасибо, я посмотрю. Как установка?

- Все то же. Мост придется менять. Но сегодня уже я выдохся, ухожу. До свидания, Юрий Дмитриевич.

- Всего доброго. Да, забежите, пожалуйста, завтра с утра в матцентр. Пусть поторопятся с расчетами.

- Хорошо. У меня как раз дело к физикам. - Вадим вышел. Вместе с ним ушли студенты.

Люся посмотрела на часы:

- Я не задерживаю вас, Юрий Дмитриевич?

- Нет-нет... На чем же мы остановились? Да, я говорю, что исследование минералов методами радиоспектроскопии имеет свои особенности. С ними вам и придется познакомиться, если вы станете у нас работать.

- Юрий Дмитриевич, а как раньше, до вас, изучались магнитные свойства минералов?

- Почти никак! Помню, когда я вот так же учился на первом курсе, профессор Хватов, читавший минералогия - очень знающий специалист, между прочим, - так прямо и заявил на лекции: "О магнитных свойствах минералов сказать почти нечего. И едва ли этот вопрос встанет когда-нибудь на повестку дня". Между тем работы Цагина по теории магнетизма были уже известны всему миру, и буквально рядом с нами, на соседнем факультете, физики делали в радиоспектроскопии одно открытие за другим... Словом, пошел я слушать лекции Цагина на физмат, заинтересовали меня его работы. Но не хватало знаний математики. Пришлось идти и на другие лекции, засесть за книги, добиваться возможности работать в лабораториях у физиков. Там знакомые ребята-прибористы помогли приспособить одну из установок для работы с минералами. Начал я экспериментировать. Получил кое-какие результаты, неожиданно интересные. Написал даже статейку в "Ученые записки". Казалось, успех сам идет мне в руки. А в руках у меня было... перо Жар-птицы...

- Перо Жар-птицы?

- Да, именно так. Не было только конька-горбунка, который предупредил бы, как "много-много непокою принесет оно с собою". Но, честно говоря, если бы кто-нибудь и сказал мне тогда об этом, я все равно не выпустил бы пера из рук... - Так неожиданно для себя Воронов начал листать перед Люсей страницы своей жизни, страницы, заполненные борьбой и трудом, пронизанные стремлением к большой цели.

Люся слушала, не перебивая ни одним словом. Лишь в глазах ее, точно в живом зеркале, отражалось все, что будила эта удивительная сказка-быль. И теплое чувство благодарности все больше разгоралось в душе Воронова.

Ведь в жизни каждого, даже самого замкнутого, человека бывают минуты, когда хочется с кем-то поделиться и, если не услышать слово дружеского участия, то хотя бы увидеть сочувствующий взгляд. Бывали такие минуты и у Воронова: сколько раз уже "перо Жар-

птицы" приносило ему испытания, подобные сегодняшнему банкету. А вот человека, с которым можно было бы поделиться всем этим, он видел возле себя впервые.

И Воронов вел Люсю все дальше и дальше по страницам невыдуманной сказки о том, как была поймана, наконец, сама Жар-птица, и как тесно стало ей в клетке старых научных концепций, и как много еще надо сделать, чтобы освободить ее оттуда.

- Все это не так просто, как видите, - закончил он. - Впереди еще работа и борьба. Поэтому помощники мне нужны. Сказка о Жар-птице не закончена. И возможно, дописывать ее придется вам, только что вступающим в науку...

Люся посмотрела ему в глаза:

- Трудно вам, Юрий Дмитриевич?

- Да, трудно, - просто ответил Воронов. - Но...

Дверь вдруг широко распахнулась, и в комнату вошел Стенин:

- Ты еще не ушел, Юрий? Прекрасно! А я зашел поздравить тебя.

- С чем?

- После твоего ухода было такое!.. Но ты, кажется, занят?

Люся поспешно встала:

- Я пойду, Юрий Дмитриевич?

- Хорошо. Но наш разговор не кончен. Загляните ко мне как-нибудь на днях. Подумаем о теме. Во всяком случае, - улыбнулся он, - считайте, что вы уже в сказке...

- Спасибо, Юрий Дмитриевич. До свидания.

- Всего доброго.

Такое было впервые за все время, что Бенецианов руководил факультетом. Случалось, конечно, и прежде, когда кто-нибудь на Совете или партсобрании возражал декану. Но чтобы так вот, как сегодня, все в один голос!.. И где, - на товарищеском банкете. Такого еще не бывало.

- Перебесились они все, что ли? Даже Ростов! И Егоров! И этот Кравец!.. Дожили...

За дверью послышался шорох.

- Да! - сказал Бенецианов, продолжая ходить по кабинету.

Дверь чуть приоткрылась, и в нее проскользнул непротрезвевший Мышкин:

- Вы уж простите, Модест Петрович, я...

- Что там еще? - сухо осведомился Бенецианов.

- Да вот по поводу кружка первого курса...

- Нашли время! Но уж коль пришли, извольте объяснить, как это вы там все развалили.

- Поверьте, Модест Петрович, я сам... К-хе... Конечно, что там говорить... дела в кружке не блестящи. Но что я могу поделать, если Воронов...

- Что, Воронов?

- Так вы сами говорили, что за научную работу студентов отвечают наши кафедры, то есть, я хочу сказать, ваша кафедра и кафедра Ивана Яковлевича, и потому кружок первого курса... к-хе...

- Кружок первого курса прежде славился на весь факультет! - отчеканил Бенецианов. - А до чего вы довели его? И еще рассуждаете, какая кафедра за что отвечает.

- Но я только хотел сказать, что Воронов...

- Да что вы заладили: Воронов, Воронов. Я больше слышать о нем не хочу!

- Одно слово, Модест Петрович! - взмолился Мышкин. - Ведь это Воронов забрал себе всех наших лучших студентов. То есть, я хочу сказать... к-хе, всех лучших студентов первого курса.

- Как забрал?

- А вот, извольте видеть... У меня тут записано! - Мышкин вытащил из кармана смятый лист бумаги. - Полюбуйтесь, пожалуйста, целый список...

- Но что все это значит? - Бенецианов нетерпеливо выхватил список.

- А это все те, кто работает на кафедре Воронова, Модест Петрович. Первокурсники. Вместо того, чтобы ходить на наш кружок, они, значит, туда...

- Кто же тут?

- Вот, например, Степанов...

- Степанов? Знаю такого. Как же! То-то я смотрю, его на лекциях не видно. Так-так... Вон, оказывается, чем занимается Воронов! Вот чему он учит студентов! Ну, это ему так не пройдет! Пригласите-ка его ко мне. Или нет, постойте... Скажите лучше секретарю, чтобы завтра же прислали ко мне Степанова.

- Но тут целый список...

- Я сказал, попросите секретаря прислать мне Степанова. Можете идти!

Мышкин затрусил к двери.

"Боже, мой, с кем я остался!" - Модест Петрович прикрыл рукой уставшие глаза. Но почему? Почему все они, прежние друзья и соратники, отвернулись от него? Он посмотрел на шкафы, стоявшие вдоль кабинета. Значительное место занимали там его труды. В сотнях других работ его цитировали, на него ссылались, излагали его теории. А теперь...

Что же произошло? Где и когда он ошибся? Правда, он всегда был крут- с подчиненными и студентами, не любил выскочек и не терпел анархии в работе. Но это же для пользы дела. И разве не давали ему на это право полвека, отданные науке?

Так почему же все отошли от него? Ну, о Воронове, о Стенине говорить нечего, но Греков или Ростов - это же умные люди, старые заслуженные профессора. Где и когда разошлись их пути? В чем ошибся, что не понял он, их старейшина и руководитель?

Модест Петрович поднялся было с кресла. Но тут же снова сел. В груди сдавило, к горлу подступила тошнота. Шкафы заколыхались и поплыли в сторону. Руки стали тяжелыми, непослушными. Что это?

Так продолжалось несколько минут, а может быть, и больше. Когда Модест Петрович снова поднялся, ноги у него дрожали, голова кружилась. Он кое-как оделся и медленно вышел из кабинета.

Часы в коридоре показывали семь. Студенты уже разошлись. Большая часть аудиторий была закрыта. Модест Петрович запер дверь и направился к выходу.

Когда-то он любил пройтись в такие вечерние часы по факультету. Все кругом было тихо, спокойно. Лишь в отдельных кабинетах оставался еще кто-нибудь из сотрудников. Они сидели за книгами, над коллекциями или микроскопами и обычно даже говорили вполголоса. Теперь иначе. По вечерам из лаборатории Воронова, словно из мастерской, доносятся громкие голоса и скрежет металла.

И хотя сегодня там было тихо, Бенецианов поспешил быстрее миновать злополучную дверь. Но в это время с противоположной стороны коридора, оттуда, где размещалась кафедра Грекова, послышались гулкие удары, потом что-то зашипело и запахло жженой резиной.

- Боже мой! И тут начинается!.. - Он почти бегом пустился по лестнице, но тут же вынужден был отступить к перилам: навстречу ему два дюжих парня тащили огромный газовый баллон.

На площадке у доски с ключами перед ним вытянулся швейцар Егорыч:

- Поздненько вы нынче, Модест Петрович...

- Дела, Егорыч, - невольно вздохнул Бенецианов. - А кто это на кафедре Грекова до сих пор сидит?

- Аспиранты. Все аспиранты, Модест Петрович. Работающие ребята. Ишь как стараются. Без техники, говорят, теперь никуда...

- Прими ключ! - оборвал его Бенецианов и, даже не простившись, пошел к выходу.

Стих уличный шум. Погасли огни в окнах. Ночь опустилась на город. Только в одном окне большого дома сквозь легкую занавеску просвечивает зеленый абажур настольной лампы и виден профиль девушки, склонившейся над столом. Она пишет письмо в далекие Саяны.

"Здравствуй, папа!

Задание твое мы с мамой выполнили. Новые гранки откорректировали по рукописи и отнесли в издательство. Так что к твоему приезду книга выйдет из печати. И будет в ней для тебя сюрприз. Издательство все-таки согласилось на иллюстрации. Целых двенадцать штук! Мама сама договорилась обо всем с художником, и вчера он уже показывал первые наброски. И еще одна новость: книгу твою о вечной мерзлоте будут переиздавать.

И в остальном все у нас хорошо. Мама здорова - это главное. Зимнюю сессию я сдала на пятерки. Хочу попробовать силы в научной работе. Правда, трушу. Но самое чуть-чуть. В общем, ты о нас не беспокойся.

А теперь я хочу посоветоваться с тобой об одном очень важном деле. Таким, о котором нельзя поговорить ни с кем. Даже с мамой. Но мне нужно, очень нужно рассказать об этом. Только не знаю, получится ли.

Представь, папа, есть человек - большой ученый и, вообще, такой человек, что хочется написать это слово с большой буквы. Ты только не подумай, что я о внешности. Это само собой. На него все наши девочки готовы молиться, как на бога. Но я совсем не об этом. Для всех, папа, он только бог. А я чувствую, понимаешь, чувствую, что этот бог несчастен. Может так быть, а, папа?

Но не это главное. Главнее... Как бы это тебе сказать?... Главное - мне кажется, нет не кажется, а я чувствую, когда он смотрит на меня, ну, хоть на лекции или вот сегодня, когда я попросила у него тему для научной работы, то грусть у него в глазах пропадает и появляется что-то очень хорошее, светлое, доброе... И я так рада этому. Ведь для такого человека... Нет, он никогда не узнает, что я догадываюсь о чем-то. Но я..."

- Что я? Что же я?! - Она прижимает руки к горящим щекам. - Нет, я ничего не понимаю. И разве можно писать об этом! Даже отцу. - Она быстро комкает исписанный лист, потом рвет его.

Зеленый свет в окне гаснет. Теперь лишь редкие уличные фонари лениво перемигиваются с низким небом. Но на востоке оно уже бледнеет, становится выше, гасит звезды. Близится рассвет...

26. РАДИ ЧЕГО СТОИТ ЖИТЬ

Саша встал из-за стола. Голова кружилась - то ли от усталости, то ли от невеселых дум, которые все чаще одолевали его в последнее время.

- А, хватит ныть! - Он крепко потер лоб и вернулся к столу, за которым они с Костей готовились к очередной контрольной.

Костя, решительно захлопнув книгу, с хрустом потянулся.

- Хватит, Сашка! Ничего больше в голову не лезет.

- Нет, постой! Решили же кончить этот раздел. Остальное - вечером, в общежитии, вместе с Иваном и Колькой.

Костя со вздохом потянул к себе учебник.

В читальный зал вошла Ирина Павловна, секретарь:

- Степанов, вас Модест Петрович вызывает. Зайдите к нему в кабинет.

Саша молча собрал тетради, сложил учебники:

- В случае чего, сдашь.

Вопреки ожиданиям Бенецианов встретил его весьма приветливо.

- А-а, Степанове Проходите. Садитесь, пожалуйста!

Саша не представлял, что лицо декана может сиять такой доброжелательной улыбкой.

- Садитесь, садитесь! Я хотел поговорить с вами... э-э-э... посоветоваться, так сказать, о работе кружка первого курса. Такие студенты, как вы, всегда задавали в нем тон...

- Я не состою в этом кружке, Модест Петрович, - ответил Саша.

- Не состоите! Но почему? - шумно удивился Бенецианов. - Никогда не поверю, чтобы такой студент, как вы, не хотел заниматься научной работой.

- Я занимаюсь научной работой на кафедре Юрия Дмитриевича.

- На кафедре Воронова? Ну, конечно, сейчас это модно... И я понимаю, что в молодые годы хочется чего-то такого, о чем пишут в газетах, говорят по радио... Но ведь мы с вами не журналисты, не так ли? И в мечтах вы, конечно, рисуете себя ученым...

- Нет, зачем же.

- Не скромничайте, молодой человек. Тут нет ничего зазорного. Только знаете ли вы, с чего начинается всякий истинный ученый? - Бенецианов значительно помолчал. - С азов, с самых, так сказать, основ науки. А где вы лучше освоите эти основы, как не в кружке общей геологии? Вот после, когда будет заложен фундамент, можете двинуться и дальше, принять участие в работах Воронова, если это вас действительно заинтересует, или на кафедре Ивана Яковлевича. Тогда вы сможете сознательно выбрать свой путь в науке. Или Воронов трактует все иначе? Может быть, поэтому вы считаете даже посещение некоторых лекций необязательным?..

Саша насторожился: "При чем здесь Воронов?"

- Я не знаю, что и как думает обо всем этом Юрий Дмитриевич. Он не говорил со мной ни о чем подобном. А на посещение всех лекций просто не хватает времени. Приходится ходить лишь на те, которые не может заменить учебник, в которых дается что-то новое...

Бенецианов побагровел.

- Та-а-ак... - начал он сдавленным шепотом и вдруг взорвался - Что значит, не хватает времени! Вы для чего пришли в университет, учиться или собак гонять? Кто дал вам право манкировать занятиями? Что вы можете понимать в науке? Где новое, где старое...

У Саши застучало в висках. Во рту стало сухо. Но он не отвел глаз.

- Не так уж много надо понимать, чтобы видеть, насколько устарело то, что вы даете иногда на лекциях.

- Что?! Что вы сказали? - Бенецианов поднялся. - Мало того, что систематически пропускаете занятия, так теперь еще и оскорблять профессора!.. Где вы находитесь, молодой человек?! Я... Я исключаю вас!

Саша побледнел.

- Не имеете права. Я не сделал ничего такого...

- Вон отсюда! - крикнул Бенецианов. - И чтобы я больше вас не видел в этом здании!

Саша вышел в коридор. Медленно спустился по лестнице вниз, оделся и, постояв с минуту, открыл входную дверь.

"Куда же теперь? А не все ли равно? Только подальше отсюда..."

Иван нервничал: с шести договорились засесть за математику, но уже половина седьмого, а ни Степанова, ни Краева!

На площадке перед окнами слышались веселые голоса ребят. "Ну вот! Не успело весной пахнуть, а все уж и книжки по боку. Словно дети..."

Наконец в дверь просунулась голова Кольки:

- А Сашки нет? Я думал, опоздал...

Иван выругался:

- Он думал! Ни черта вы оба не думаете! Вот загремим на контрольной. Связался я с вами...

- А чем же мы тебе мешаем? Сиди да зубри!

- Попробуй, позубри, когда тут сам черт ногу сломит!

- А-а-а! Так и сказал бы, что сам ни тпру ни ну. И без ругани. Что, Сашка обязан всех натаскивать? Может, у него сейчас дело какое...

- Что значит - дело, когда мы договорились! И как это не обязан, если на собрании постановили, чтобы он шефствовал над нами. По его же предложению! Да и какая это группа коммунистического труда, если у каждого будет свое дело.

В комнату вошел Костя:

- Саша не приходил?
Иван пожал плечами. Костя нахмурился:
- Понимаете, ребята, зачем-то его декан вызывал. А потом он и в читалку не вернулся. Видно, устроил Камбала разгон.
- Думаешь, из-за лекций по геологии? - спросил Краев.
- Наверное. Из-за чего же еще. Ты не знаешь, Иван?
- Чего тут не знать, я предупреждал его, что подам рапорт. И говорил не раз, как с другом...
- И подал?! - подскочил к нему Колька.
- Для его же пользы... - ответил Иван.
Костя молча отошел к окну. А Колька судорожно сжал кулаки:
- И ты еще можешь говорить о дружбе?
- А по-твоему, дружить - значит покрывать друг друга? Ну уж нет! Я постарше всех вас. Потом мне же спасибо скажете...
- За что?
- Забыл, как тебя осенью продрали с песочком? Теперь человеком стал...
- Нет, не забыл. Тогда я думал, что вы с Сашкой один другого лучше. А оказалось, он - человек, а ты - дубина. - Схватив пальто, Краев хлопнул дверью.
- Видал? - обратился Иван к Славину.
- Формально ты всегда прав, - ответил Костя и вышел вслед за Краевым.

Утром Иван открыл форточку, взял гантели.
- А ты что до сих пор не встаешь? - обратился он к Саше. - Опять ночи не хватило?
Саша лежал с открытыми глазами, мрачно глядя в потолок.
- Знаешь, Ваня, что вчера получилось...
- И знать ничего не хочу.
- Да ты послушай!..
- А что мне слушать, если слова сдержать не можешь.
- Эх, Иван... - Саша встал с кровати и начал одеваться.
Иван занялся гимнастикой. Несколько минут прошло в молчании. Затем Иван спросил:
- А где все-таки ты пропадал всю ночь?
- Гулял! - резко бросил Саша.
- Расчудесно! А на математике нам с Краевым опять плавать?
Саша не ответил. Иван повернулся к нему:
- Молчишь? А если перед группой отвечать придется?
- Нет у меня больше группы. И ничего нет. Выгнал меня Камбала из университета.
- Как? Ты шутишь?
- Да, шучу! В моем положении это самое подходящее...
- Достукался! - Иван зашагал по комнате. - Говорил же, не пропускай занятия. Предупреждал. Теперь вот расхлебывай.
- Пропуски занятий тут не главное, - возразил Саша. - Камбала хотел, чтобы я Юрия Дмитриевича оговорил. Так я ему сказал...
- Но вызывал-то он тебя за непосещение лекций. Виноват, так прямо скажи, что виноват. А Воронов как-нибудь сам за себя постоит.
- Да что с тобой говорить! - Саша схватил полотенце и вышел из комнаты.
В коридоре его остановил Володя Свиридов.
- А, Степанов! Вот кстати. Получай боевое задание. Через неделю конференция СНО, а с вашего курса ни одного доклада. Подбери-ка двоих-троих. Хотя бы с реферативными темами.
- Не смогу, Володя.
- Почему?
- Исключил меня Камбала...
- Из университета! За что?

- Наговорил я ему...
- Понятно. Вот история! Формально-то он прав, староста ваш рапорт ему подал.
- Не может быть!
- Вчера нам в бюро передали. Я хотел поговорить с тобой, да не успел. А теперь не знаю, что и делать.

- Ничего не надо делать, Володя. - Саша опустил голову и медленно пошел по коридору. Из дверей повсюду выходили ребята. Он поспешно свернул в красный уголок.

Здесь было пусто. Саша присел к столу, взял журнал, перевернул несколько страниц. "Что же все-таки делать? Отцу написать? Нельзя. Пойти к Юрию Дмитриевичу? Тоже нельзя. Разве поговорить с Петькой? Пожалуй стоит". Саша встал из-за стола и включил приемник. Передавали "Пионерскую зорьку". "Значит, ребята на занятиях".

Он прошел в свою комнату. Ивана там уже не было. Один Борис лежал на кровати, щурясь от утреннего солнца. Увидев Сашу, он усмехнулся и тут же спустил ноги на пол:

- Тебя, говорят, того... турнули с фака? Саша не ответил.
- Н-да... А ведь был, так сказать, актив, не то, что мы. Эх вы, салажата! Говорил, у нас учись уму-разуму. Так нет, сам Камбала им нипочем. Научную работу подавай. Не-е-ет, брат, выше себя не прыгнешь!

Саша отвернулся.

- Ну, больно-то не раскисай. Счастье твое, что с Силкиным живешь. - Встав с кровати, он взял папиросу. - Дело вполне поправимое. Сейчас же собирайся и дуй прямо к Строгановой.

- К Софье Львовне?

- Вот-вот! К Софочке, к ней самой!

- А при чем здесь она?

- При чем тут Софочка? Да это же глаза и уши Камбалы. - Борис довольно расхохотался. - Так вот, немедленно дуй к Софочке. Так, мол, и так, погорячился вчера у Модеста Петровича. А насчет лекций что-нибудь сбрехни. Лучше всего, вали на общественную работу...

- Нет, Борис, ловкачом я не был и не буду!

Саша надел пальто и хлопнул дверью.

- Ну, так черт с тобой! - Борис бросил недокуренную папиросу. - Ему добра желают, а он...

Петька был дома. Первая лекция начиналась у них в девять сорок, и "физик-рационалист" стоял перед зеркалом, старательно приглаживая огненную шевелюру. Сашу он встретил холодно:

- Связался я с вами!

- А что?

- Ничего! Ты вот не пришел вчера к Воронову. А он уезжает.

- Куда?

- На конференцию. В Москву. На две недели. Я и пошел узнать, как наши измерения...

- И что же?

- Ни черта не получилось!

- Не может быть.

- Говорю тебе, ни одна цифра даже близко не подходит. Воронов только руками развел. Сплошное, говорит, вранье.

- Но ведь меряли тщательно, каждый результат проверяли трижды. Разве только в расчетах...

- Конечно, в расчетах. А все твой новый метод. Дернуло тебя его придумать! Быстро, удобно. Вот и результат. На целый порядок все не сходится.

- Но ты же согласился тогда со мной.

- Да... В принципе не возражал. А ты сразу же давай считать. И даже по-старому не проверили.

- Но я был так уверен. И может, все-таки пустяк какой-нибудь. Давай попробуем еще.

- Нет уж, попробуй сам. Тебе что! Но я-то физик - и так наплюхать! Стыдно было Воронову в глаза смотреть. Ну, да ладно, пошли!

- А мне идти некуда, Петька. Поперли меня из университета.

- Как поперли?! За что?

- Не ходил на лекции к Камбале.

- Да... Куда же теперь? В партком, к ректору? Там за такие дела тоже по головке не погладят. Можно бы, конечно, к Воронову, но после такого позора...

- Да, к Юрию Дмитриевичу нельзя.

Петька походил по комнате:

- Ну вот что. Я поговорю кое с кем. А ты вечерком загляни, что-нибудь придумаем.

- Ладно, - согласился Саша.

Он медленно побрел в общежитие. Вот и комната, где прожил почти год... Хватит об этом! Саша быстро побросал в чемодан свои пожитки, собрал библиотечные книги, сложил их на стол. Написал короткую записку Ивану.

- Все...

Полчаса спустя он был уже на вокзале. Пробежал глазами расписание поездов, идущих на восток, пересчитал оставшиеся деньги и решительно направился к кассе.

Посадив мать на поезд, Люся прямо с вокзала пошла в университет. Она чувствовала себя беспокойно всякий раз, когда мать уезжала в командировку. Но сегодня к этому примешивалось и другое. Она все чаще ловила себя на том, что невольно думает о Воронове. И это рождало тревогу, неясную, неосознанную.

Люся торопливо поднялась на факультет. Войдя в аудиторию, она сначала ничего не могла разобрать. Все что-то говорили, спорили, доказывали. Но вот навстречу ей метнулась Таня:

- Люся, ты слышала, Сашу исключили!

- Откуда?

- Из университета. Совсем! Только что приказ вывесили!

- Как?! За что?

- Непонятно. В приказе говорится: "за недостойное поведение, выразившееся в систематическом непосещении занятий и оскорбительных выпадах в адрес профессорско-преподавательского состава".

- Надо сейчас же пойти к Бенецианову, пусть объяснит, за что исключили Сашу, - сказала Люся.

- Дело это совсем даже не простое, - нахмурился Фарид. - Потому что, во-первых, никто к нему не пойдет...

- Я пойду! - решительно заявила Люся.

- Не чуди, Андреева! - возразил Иван. - Ясно, что скажет Модест Петрович. Посещение лекций в университете обязательно, и хамить профессору тоже никому не дозволено.

- погоди, Иван. Ведь мы же знаем Сашу. Да и Бенецианова тоже.

- А я говорю: Степанов действительно виноват. Прогульщик есть прогульщик!

- Прости, но мне не хочется больше говорить с тобой об этом. Кто пойдет со мной к Бенецианову?

- Пошли! - выступил Краев. Остальные молчали.

- Кто еще? - Люся посмотрела на Валерия. Тот явно боролся с собой.

- Пойдем! - кивнул он.

- Это похвально, - сказал Бенецианов, усадив "делегацию" на диван, - что вас беспокоит, судьба товарища. Ве-е-е-е-е похвально! Но процесс воспитания подрастающего поколения - вы позволите мне быть откровенным с вами - процесс воспитания молодежи очень сложен и многогранен. Он требует наряду с мерами поощрения также и таких мер, которые бы направили молодого человека на правильный путь, предостерегли его от более пагубных поступков. Подобные меры не всегда приятны. И, прежде всего, неприятны для нас,

воспитателей. Но, прошу вас верить, они продиктованы лишь одним - желанием помочь человеку стать достойным членов нашего общества...

"Не хватало еще, чтобы он заговорил нас", - мелькнуло в голове Люси.

- Так вы считаете, что Сашу... что Степанова надо обязательно исключить из университета, чтобы он "стал достойным человеком"?

- Друзья мои, - отечески нахмурился Бенецианов, - поймите, я сам глубоко озабочен судьбой этого студента. Его способности - позволяют надеяться, что в будущем, когда он вытравит... э-э... некоторые элементы анархизма, он несомненно сможет стать украшением факультета. Но сейчас для его же пользы...

- Модест Петрович, - перебила Люся, - группа не согласится с вашим решением.

Декан поднял брови:

- Позвольте, что значит, не согласится?

Люся выдержала его взгляд:

- Мы против исключения Степанова!

- Тэк-тэк-с... - Бенецианов забарабанил пальцами по столу. - Что это? Коллективный сговор? Или инспирированное кем-то выступление против руководства факультета?

- Ни то ни другое, - ответил Валерий. - Это мнение группы.

- И вы должны с ним считаться, - добавила Люся.

Бенецианов поднялся, давая понять, что разговор окончен. Но дверь в это время раскрылась, и в кабинет вошел Стенин.

- Здравствуйте, Модест Петрович! Здравствуйте, - пожал он руки всем четверым, затем уселся в кресло. - Заканчивайте со студентами, Модест Петрович, я подожду.

- Да мы, собственно... кончили, - сказал декан.

- Нет не кончили! - возразила Люся. - Мы настаиваем на отмене приказа!

- Какого приказа? - поинтересовался Стенин.

- Да я тут представил к исключению одного студента, Степанова...

- Что-то не слышал об этом.

- Я как раз и хотел поговорить с вами, Алексей Константинович.

- Но приказ уже вывешен?

- Видимо, секретарь поторопилась. А молодые люди, не разобрав дела...

- Ну, если просто поторопилась, есть еще время разобраться. А вы, товарищи, попросите Степанова зайти ко мне. И сами загляните после занятий.

В коридоре их ждала вся группа.

- Ну, как? Что? - послышалось со всех сторон.

- Порядок! - ответил за всех Краев. - Стенин сказал, разберутся.

- Да, вовремя он пришел, - заметила Люся..

- Что и говорить, повезло нам, - согласился Валерий.

- Повезло! - воскликнул кто-то из ребят. - Скажите спасибо Косте Славину. Он, как узнал, что вы к Камбале пошли, сразу к Стенину.

- А как же теперь с Сашей? - сказала Люся. - Алексей Константинович просил прислать его.

- Где он может быть, Иван? - спросил Валерий.

- Не знаю.

- Его надо найти, сейчас же, - забеспокоилась Люся.

- Я пойду за Сашкой и, будьте покойны, из-под земли достану, - отозвался Краев.

- На семьдесят шестой, пожалуйста, - сказал Саша, заглядывая в окошечко билетной кассы.

- Вам до какой станции? - спросила девушка-кассир. Она повторила вопрос и, не услышав в ответ ни звука, нетерпеливо вскинула голову:

- Вы что, глухой?

Но Саши у кассы уже не было. Расталкивая пассажиров и не обращая внимания на их возмущенные возгласы, он ринулся к перрону. Неужели она?

Люся... Она давно простилась с матерью и скрылась за воротами вокзала. Ушел и поезд, уже объявили посадку на московский скорый. А он так и не решился выйти на перрон.

Люся... Это ей он дал слово быть твердым до конца, не отступать перед трудностями. А теперь?.. Хочет бежать при первой неудаче, бросить факультет, где именно сейчас начинается решающая битва за идеи, высказанные еще его отцом.

Нет! Никуда он не уедет. В крайнем случае, найдет какую-нибудь вечернюю работу, но все равно будет ходить на лекции Юрия Дмитриевича, станет работать в его лаборатории и самостоятельно изучать геологию и математику. Пусть-ка попробуют не пустить его на факультет!

Он выбрался из душного прокуренного вокзала, перебежал через площадь и вскочил на ходу в трамвай.

Да, пусть попробуют. Он сел к окну и постарался собраться с мыслями. Что подумал бы о нем Юрий Дмитриевич? И как случилось, что они с Петькой ошиблись в расчетах? В результатах измерений ошибок быть не могло, Вадим просматривал. Значит, действительно, все дело в расчетах, в том новом способе, который он придумал вместо прежнего, громоздкого и неудобного.

Ведь он предусмотрел, кажется, все, проконсультировался с Куцевым. А в результате - ошибка на целый порядок. Но если в каждом случае значение "Хи" отличается на целый порядок... Стоп! Он вытащил записную книжку и начал просматривать свои заметки.

"Так... Эта формула из книги... Дальше все по старой схеме... Теперь замена. Куцев сказал, она вполне допустима. И дальше тоже. Логарифмируем... Та-а-ак... Нет, не так! Здесь отделяются не три знака, а четыре. Ну, конечно! Вот откуда он, этот порядок. Эх, черт, пустячная ошибка!" - Саша повернулся и неловко ткнул соседа в бок. Седой благообразный старичок удивленно произнес:

- Как это прикажете понимать, молодой человек?

- А так, что я болван, папаша! - весело ответил Саша и двинулся, на площадку.

"Теперь к Юрию Дмитриевичу! Сегодня же, пока он не уехал, сию минуту! - Он посмотрел на часы. - Нет, сейчас у него лекция. Да и барахлишко надо занести в общежитие".

До слуха донесся голос кондуктора:

- Парк культуры!

Вот и хорошо. Сейчас прямо через парк в общежитие а потом в университет. Надо же придумать такое - бежать. И ведь уехал бы, если б не Люся...

Краев поднялся на второй этаж и пулей помчался по коридору. Только что прозвенел звонок с лекции. Навстречу шли ребята из одиннадцатой группы.

- Уф! Кажется, успел, - облегченно вздохнул Колька.

Все столпились возле него.

- Ну что?

- Сашка-то укатил!

- Как укатил? Куда?

- Кто же его знает! Взял барахлишко, и - фью-ю!

Люсе показалось, что пол уходит из-под ног:

- Этого не может быть...

- Вот еще! Я прямо из общежития. Вещей его в комнате нет, и вахтер сказал...

- Как же так можно? - прошептала Люся, бросив, негодующий взгляд на Ивана.

- А я что... Кто мог подумать, что он выкинет такой номер.

- Все равно пошли к Стенину. И ты, Иван. Слышишь!

Но Стенина на месте не оказалось.

- Он у Воронова, кажется, - сказала лаборантка.

- Тем лучше, - ответил Костя. - Пошли к Юрию Дмитриевичу!

Все двинулись к кабинету Воронова. Костя несмело потянул ручку двери. У стола Воронова вместе со Стениным, Бергом и Вадимом сидел... Саша и что-то горячо, им доказывал.

Ребята замерли у раскрытой двери.

Берг взял у Саши записную книжку:

- Интересно! Очень интересно, а, Юрий Дмитриевич? Ведь это намного упрощает расчеты магнитной восприимчивости. Как нам до сих пор не пришло в голову?

Воронов раскрыл лабораторный журнал:

- Возьмем конкретный случай. Вот, рассчитайте, Степанов. - Он назвал несколько цифр.

Саша взял карандаш, придвинул логарифмические таблицы. На минуту воцарилось молчание.

- "Хи" - тридцать шесть и одна на десять в шестой, - сказал Саша, протягивая листок Воронову.

Тот заглянул в журнал:

- Превосходно! Благодарю вас, Степанов. - Он пожал Саше руку. - А теперь расскажите, чем вы так разгневали нашего уважаемого декана.

Костя прикрыл дверь:

- Пошли, ребята, без нас обойдется!..

- Ну, что ты на это скажешь? - нарушил молчание Стенин, когда они остались вдвоем.

- Я думаю, настанет время, - ответил Воронов, - когда за непосещение лекций будут взыскивать не со студентов, а с преподавателей...

- Н-да... Пока у нас не все благополучно в этом отношении. - Стенин прошелся по кабинету.

- В последние месяцы мы сделали кое-что. И в общем-то небезуспешно. Но в основном это касалось молодых преподавателей, ассистентов. А вот киты такого рода еще вне контроля. Помню я лекции Бенецианова... Изменилось ли что с тех пор?..

- Едва ли. Я знаю, что и сейчас на лекции он ходит с тем же подклеенным гроссбухом, который еще наши остряки окрестили "Букварем эпохи неолита"... - Воронов усмехнулся. - Да остряками нас бог не обидел. А такого вот Степанова, который бы сказал все прямо в лицо Бенецианову, помнится, среди нас не находилось.

- Что и говорить. Паренек не из робкого десятка. Но и оставить это безнаказанным тоже нельзя.

- Что "это"?

- Посещение лекций у нас все-таки обязательно. К тому же, так разговаривать с профессором...

- Ты никогда не был формалистом, Алексей.

- Ладно, я разберусь в этом деле... Когда едешь?

- Завтра, скорым.

- Надолго?

- Конференция продлится восемь дней. Потом надо будет решить кое-какие вопросы в Академии. Так что недели на две, не меньше.

- Ну, что же, счастливого пути.

- Спасибо. Не более тут. И... не упускай из виду Степанова. Парень он горячий, щепетильный, неровен час...

- Не беспокойся, за него уже целая делегация ходатайствовала. Студенты. А народ это, сам знаешь, зубастый.

- Что же, неплохо, - улыбнулся Воронов. - Достойная смена. Я верю в нее.

- Ты судишь о нынешней молодежи только по тем, кто с тобой работает. А если говорить о молодежи вообще?..

- ...То ты не согласен с моей оценкой? - в свою очередь спросил Воронов.

Стенин ответил не сразу.

- Сложный это вопрос, Юрий. То, что молодые люди стали более смелыми в суждениях, более думающими, ищущими, даже более дерзкими - все это, разумеется, неплохо. Но вот был я на днях в кино, смотрел картину, о которой ты рассказывал, ту, из времен войны. Действительно, трагедия! Ужасная! И вот в самый страшный момент, когда женщина,

помнишь, срывает одежду и в отчаянии бросается на мостовую, в зале раздался смех... Я обернулся, как ужаленный. И увидел компанию молодых людей. Вполне благопристойных. И, думаешь, они смутились? Ничего подобного! Рассмеялись еще громче, с вызовом. Как понимать этот цинизм?

Воронов пожал плечами:

- Но ведь олухи были всегда. И не только среди молодежи.

- Нет, Юрий, не упрощай! Олухи, конечно, были всегда. Но олух олуху - рознь, А эти, что глумились над человеческим горем и страданием, открыто бросали вызов всему залу, тем, кто пережил ужасы войны, кто своей кровью заплатил за то, чтобы эти юнцы жили счастливо... - Стенин вдруг побледнел и поднял руку к груди.

- Успокойся, Алеша. И пойдем, пожалуй, домой. Время позднее.

- Нет, постой! Мы с тобой как-то не касались этого вопроса. А между тем он давно уже не дает мне покоя. Да и как можно быть спокойным, когда на каждом шагу сталкиваешься с таким вот разухабистым пренебрежением ко всему, что с детства воспринималось нами как нечто... святое. Да, именно святое, в самом лучшем смысле этого слова. А им, молодым, на это наплевать! И ведь это не рисовка, нет. Им действительно все безразлично....

- Ты так думаешь?

- Безусловно! А попробуй переубедить их, они сейчас же заявят, что это их право, - судить по-своему и вести себя так, как они считают нужным. Понимаешь, право! И заметил ли ты, кстати, как много теперь говорит молодежь о правах? По любому поводу. И совсем редко вспоминает о своих обязанностях... Хотя бы этот вот Степанов. Я верю, что он неплохой парень. Смелый, по-видимому, честный...

- Да, это так.

- Допустим. Но ты поручишься, что он руководствуется в своих поступках сознанием обязанностей перед обществом? А может, просто исходит из собственных, понятий чести, благородства и тому подобного. Или из какой-нибудь собственной теории целесообразности, - у них это модно сейчас. А то и вовсе из своих симпатий и антипатий. Потому для него и решается так просто, пойти, скажем, на лекцию или не пойти. Потому он и не раздумывает долго, послушать профессора или послать его ко всем чертям. Но разве это нормально, Юрий Дмитриевич?

Воронов прошелся по комнате:

- Ты поднял столько вопросов, что не сразу ответишь. Но я попробую. Только начну с конца. Я, видишь ли, не считаю большим злом, что нынешняя молодежь слишком много говорит о правах. Им, молодым, это свойственно - больше думать о правах, чем об обязанностях.

- Почему же?

- Просто потому, что они молоды - каждый из них только вступает в жизнь, расправляет крылья, пробует свои силы. Вспомни, ведь и мы, будучи студентами, немало говорили об этом. Правда, шепотом - тогда иначе нельзя было. Но говорили, спорили. Как же иначе! Ведь всем казалось, дай нам волю, и мы такое совершим?. Было это, Алеша, было!

- Да, пожалуй... - согласился Стенин.

- А теперь вот остепенились, больше стали взвешивать, назад оглядываться, думать о своих обязанностях, в том числе и перед ними, теми, кто сейчас требует прав... Так пусть их требуют! Они нужны им. Хотя бы для того, чтобы развернуть свои таланты, поверить в свои силы... А придет время, займут наше место, почувствуют себя хозяевами жизни, тогда и сами заговорят об обязанностях. Так было и до нас. Так будет, наверное, всегда.

Воронов помолчал.

- Что же касается того, что нет у них, как ты говоришь, ничего святого, то, видишь ли... Все течет, все изменяется. Фраза не новая. Но это так. И многое из того, что кажется нам "святым", в будущем станет просто ненужным архаизмом. Молодежь острее чувствует это...

- Что-то я тебя не совсем понимаю.

- Ну, как же, возьми все эти "освященные веками" условности, "неписанные законы поведения", "нормы приличия" - разве они мало еще коверкают жизнь человека? И поэтому едва ли стоит слишком сетовать на подрастающее поколение за то, что уже сейчас начинает оно пересматривать некоторые каноны, с которыми мы сжились, как с родимыми пятнами на теле. Это не значит, конечно, что я согласен со всеми крайностями, на которые идет определенная часть молодежи. Перегибы тут есть и будут, - к сожалению, это свойственно молодежи. Она действительно порой излишне настаивает на правах. Будут и олухи. Олухи своего времени, - может быть, более крикливые, более назойливые, чем прежде. Будут и просто негодяи. Однако не они будут делать погоду, Алексей. А те, кто окружает нас с тобой. Хотя, уж если говорить честно, и в них многое для нас непонятно, необычно, на первый взгляд, даже неприемлемо. Но им идти дальше, чем нам. Они ближе к будущему. А будущее не может быть хуже, чем настоящее.

Стенин смотрел на Воронова так, словно видел его впервые:

- Я знал, что ты переборол какую-то большую драму, Юрий. А теперь вижу, какую веру в жизнь дала тебе эта победа.

- А знаешь, что помогло мне, Алексей? Я давно хотел поделиться с тобой...

Воронов посмотрел в окно.

- Так вот. С женой своей, Тоней, я познакомился - еще на втором курсе. Осенью. На пристани. Мы с ребятами разгружали ночью баржу с дровами, и я повредил себе руку. Аптечки поблизости не оказалось. Пришлось бежать в зал ожидания на дебаркадер. Там в тот час было пусто, лишь в дальнем углу, как раз возле аптечки, сидела девушка. Маленькая такая, худенькая, в потрепанном пальтишке и большом пуховом платке по самые глаза. Мне, понятно, было не до нее. Раскрыл аптечку, схватил йод. А кровь из раны так и хлещет! Я уж и носовым платком пытался ее остановить и ватой, - ничего не помогало. И вдруг подходит ко мне эта девчушка и так просто, словно старая знакомая: "Давайте вашу руку", - говорит.

Я и перечить не стал. Закатала она мне рукав, стянула руку тесемкой. Пошарила в аптечке, достала стрептоцид, присыпала им рану. Кровь остановилась. Тогда наложила она повязку, да так ловко, что даже боль утихла. Тут только я взглянул на свою врачевательницу и увидел ее глаза, синие, как васильки, и такие печальные, будто не на меня, а на нее свалилась беда. Поблагодарил я ее, присел на скамью. Неудобно же было так сразу бежать. Спросил, куда едет, на зиму глядя. Она и говорит: "Не знаю, куда. Еще не решила. Может, в Куйбышев. А может, дальше, в Ростов или в Астрахань". - "Что же, спрашиваю, там у вас родственники?" - "Нет, говорит, никого у меня там нет. И нигде никого нет". "А здесь вы работаете или учитесь?" - спрашиваю. "Работала на фабрике. Только надоело все. Работа да общежитие... Разве это жизнь? Другие после работы кто - домой, к семье, кто - куда, а я... День - одна, ночь - одна. Видно, нет мне здесь счастья..." Я даже о руке своей забыл. Такой она выглядела растерянной и беззащитной! В общем, уговорил ее остаться. Проводил в общежитие. Потом помог найти работу поинтереснее, устроил в вечернюю школу. Стал захаивать к ней... И... полюбил. На следующий год мы поженились... Нет, я не обманывал себя ее достоинствами. Но она казалась мне чем-то вроде куска мрамора, цельного, нетронутого, из которого можно высечь что угодно. Так вот, мы поженились. А после...

И Воронов рассказал все, что было. Начиная с первых размолвок с женой и кончая недавним разговором с Люсей.

Стенин долго молчал, дымя папиросой. Молчал и Воронов, задумчиво глядя в окно. Потом Стенин подошел к нему и, положив руку на плечо, заглянул в глаза:

- Любишь ее?

- Наверное.

- Но это ведь... ужасно, Юрий!

- Почему? Я всегда считал, что любовь и творческий труд - единственно, ради чего стоит жить на свете. Помнишь у Блока: "Только влюбленный имеет право на звание человека".

- Да, только не для нас с тобой уже это. Не в наши годы.

- Во все годы, Алеша!

- Так-то так, но... как же теперь там, дома? Или ты решил окончательно порвать с женой после всего, чтобыло?
 - Нет, этого я не смогу сделать. Никогда.
 - Сын?
 - Без сына я не смог бы прожить и дня. Но дело даже не в этом... Она ведь тоже человек.
 - Но поняла ли она?.. Хотя что-нибудь.
- Воронов молча пожал плечами.
- Н-да... - Стенин снова достал папиросу. - А как же с ней, с этой девушкой?
 - Не беспокойся. Я абсолютно уверен, что она ни о чем и не догадывается. Больше того, мне кажется, что у нее и этого вот паренька, о котором у нас шла речь...
 - Степанова?
 - Да. Мне кажется, у них складываются очень хорошие отношения.
 - Но что будет дальше? Любовь имеет свои законы. Ты знаешь это не хуже меня.
 - Дальше? А дальше, по-видимому, вступят в силу те "освященные веками" предрассудки, которыми так гордится наше мудрое благопристойное поколение.
 - Ты еще можешь шутить?
 - Я не шучу, Алексей. Напротив, утверждаю это, как горькую, непреложную истину.
 - Значит, надо что-то предпринять, пока не поздно.
 - Дорогой Алексей Константинович! Добрейшая душа! Но что ты посоветуешь? Заставить себя не смотреть на нее? Не думать о ней? Не радоваться жизни? Не работать так, как я, кажется, не работал никогда прежде? Не вспоминать о времени только тогда, когда его не хватает? Не любить всех их, кто только еще выходит на самостоятельную дорогу и кому хочется отдать все знания, умение, всю преданность нашему большому общему делу? А что будет взамен?..
 - Не знаю, Юрий. Я... действительно ничего не могу возразить тебе.

27. СПЕЦИАЛИСТ БУДУЩЕГО - КАКИМ ОН БУДЕТ

Длинные блестящие сосульки одна за другой отрываются от карниза и с грохотом падают на дымящийся под солнцем тротуар. Еще утро, только что кончилась первая лекция, а солнце припекает уже так сильно, что здесь, у широких окон тридцатой, жарко стоять.

Таня, прикрыв глаза рукой, смотрит на грязный осевший снег, первые ручьи вдоль тротуара. И вспоминается Волга, родное село, маленький дом над оврагом...

Все это уже в прошлом, и оттого немного грустно. Нет, она ни о чем не жалеет. Но в зимние каникулы так и не удалось вырваться домой. Возможно, не придется съездить и летом. Андрей должен закончить диссертацию не позднее сентября. Работа над новой темой и комсомольские дела отнимают у него почти все время. А так хотелось бы побывать в родных краях...

- Весна, Таня, - подошел к ней Костя Славин.

- Да. В селе у нас, наверное, уже канавы роют. Знаешь, сколько воды бывает!

- У нас - тоже. Недели две - ни проходу, ни проезду. А в городе и половодья не увидишь.

Она щурится на солнце:

- Больше всего я люблю крепкие утренники. Выйдешь рано утром, и - к Волге. Наст твердый - каблуком не прошибешь. И тихо-тихо! А как солнце поднимется выше - дзинь! Где-то в канаве лед треснул. И уже со всех сторон - треск, звон, грохот... Вода пошла!

Таня вздохнула.

- А у меня к тебе дело, Таня, - сказал Костя. - Сегодня диспут...

- Знаю.

- Всех преподавателей пригласили, а про Камбалу я забыл...

- Подумаешь!

- Да нет, нельзя не пригласить, декан все-таки. А это дело мне поручено.

- Так пригласи!

- Не могу я идти к нему, Танюша, сама знаешь. Сходи ты.

- Да его и нет еще, наверное.

- Пришел! Я видел. Как раз успеешь до лекции. И так меня выручишь...

В кабинет декана Таня вошла впервые и в нерешительности остановилась, поймав на себе испытующий взгляд Софьи Львовны - она просматривала какие-то бумаги, сидя на диване.

- Вы ко мне? - спросил Бенецианов, привставая с кресла. - Проходите, прошу вас.

Таня подошла к столу:

- Модест Петрович, сегодня диспут. Мы приглашаем вас. - Она положила билет и хотела выйти, но зазвонил телефон.

- Одну минуточку! - жестом остановил ее Бенецианов и взял трубку. - Да! Профессор Бенецианов слушает. Да-да! В среду, с восемнадцати до двадцати? Понятно. Кого предупредить? Но вы же звоните на геологический факультет... Вы что, не знаете, чем занимаются геологи? Ну ясно, ясно! - он бросил трубку.

- Что там еще? - спросила Софья Львовна.

- Из Горэнерго. В среду на два часа отключают электроэнергию. Просят предупредить всех, кто работает с приборами высокого напряжения. Нашли куда звонить. Будто здесь не геофак, а институт высоких энергий!

- Но у Воронова, кажется, есть что-то в этом роде...

Бенецианов махнул рукой:

- Чепуха! Поживут как-нибудь два часа без своих паяльников. - И к Тане: - Так вы приглашаете меня на диспут? Очень приятно. О чем же собираетесь дискутировать?

- Вот здесь написано. Диспут на тему: "Специалист будущего - каким он будет?"

- Любопытно... Что же, спасибо. Непременно приду.

К диспуту готовились давно. Еще месяц назад комсомольцы развесили по факультету красочные плакаты с вопросами:

"Чем будет отличаться специалист будущего от специалиста наших дней?"

"Что ты хотел бы взять с собой в коммунизм?"

"Как, по-твоему, изменится труд в коммунистическом обществе?"

"Как ты представляешь себе геолога будущего?" "Сохранится ли вообще профессия геолога?"

"Поговорим, поспорим!" - эти слова, написанные аршинными буквами, встречали ребят повсюду: в коридоре, в читальном зале и даже меж гигантских бивней мамонта, скелет которого вознесся к самому потолку в центральном зале музея.

И они говорили и спорили. Рылись в каталогах, листали брошюры, перебирали подшивки журналов. Не удивительно поэтому, что на диспут собрался почти весь факультет. Пришли и преподаватели.

Люся с интересом наблюдала, как они рассаживаются, и вдруг увидела Воронова.

Значит, он приехал и завтра будет читать им лекцию. Она сможет подойти к нему и напомнить о их разговоре...

За преподавательским столом показался Андрей Бардин. Выждав, когда в зале немного стихнет, он сказал:

- Давайте начнем. Тема диспута известна всем. Поэтому никакого программного доклада мы не готовили. Сразу приступим к выступлениям. Кто хочет первым?

Впереди поднялась чья-то рука. Андрей кивнул:

- Студент четвертого курса Максимов.

На кафедру поднялся высокий юноша.

- Я начну с того, что сама тема диспута сформулирована не точно. Нам предлагают поговорить о специалистах будущего. Но останутся ли в будущем специалисты, как это принято понимать сейчас, людьми, совершенствующимися в одной какой-то узкой области?

Мне кажется, что нет. Специалист коммунистического завтра мне представляется высокообразованным эрудитом, гармонически сочетающим в себе богатый духовный мир с совершенным физическим развитием. Совершенство его во всех областях науки и искусства будет настолько полным, что практически он сможет находиться на любом посту и в то же время развивать все виды искусства, сочиняя, скажем, с помощью электронной машины стихи или создавая музыкальные произведения для автоматизированных инструментов...

Чувствовалось, что вопрос о человеке будущего разработан Максимовым во всех деталях. Но вот на кафедру вышла Инна Григорьева.

- Максимов говорил об электронных машинах, а мне подумалось: если заложить в такую машину кипу газет и запрограммировать ее так, чтобы она не давала ни одной живой мысли, то получится примерно то, что мы сейчас слышали. А весь смысл максимовской речи можно выразить одной поговоркой: "И швец, и жнец, и на дуде игрец". И это специалист будущего!

Но я очень сомневаюсь, - продолжала Инна, - чтобы он стал таким. В прошлом действительно нечто подобное встречалось. А теперь? Попробуйте-ка теперь стать "высокообразованным эрудитом во всех областях науки"! Даже в геологии выделилось столько самостоятельных направлений, что не под силу одному человеку стать сразу и петрографом, и минералогом, и палеонтологом, и геохимиком...

Аудитория была явно на стороне Инны.

- ...Так что, специалист останется и при коммунизме, - заключила она. - Но каким он будет? Прежде всего до самозабвения влюбленным в свое дело. Работа будет доставлять ему такую радость, что он станет уделять ей большую часть времени. И вот в своей-то профессии он будет действительно эрудитом, будет в курсе всего нового, что бы и где бы ни появлялось в данной области.

Инну сменил Валерий.

- Здорово начала Григорьева - ничего не скажешь. А вот кончила... Да чем же ее специалист отличается от нынешнего службиста, который знать ничего не знает, кроме работы? Только тем, что станет почитать специальные журналы? Будьте покойны! Службист и сейчас в курсе всего нового, что делается в его области. Но нельзя же так примитивно представлять себе человека коммунистического общества! И прежде всего не будет он уделять работе "большую часть времени", хотя бы потому, что самой работы будет меньше, поскольку большую часть ее, включая самую тонкую умственную работу, возьмут на себя кибернетические машины. Следовательно, в соответствии с диалектикой, не работа, какой бы интересной она ни была, станет определять человека будущего. Поэтому я не могу не согласиться с некоторыми положениями Максимова. Именно всестороннее совершенствование во всем станет решающим в жизни людей будущего. Забота о красоте - красоте тела, красоте движений, красоте языка; забота о физическом развитии; забота о своих музыкальных данных, художественном вкусе, манерах; забота о расширении кругозора - вот что сделает человека по-настоящему прекрасным.

С места поднялся Володя Свиридов.

- Ларин взял за основу собственную выдумку, будто роль труда уже сейчас идет на убыль. Не уловив разницы между ролью труда и продолжительностью рабочего дня, он решил доказать, что в будущем человек почти перестанет трудиться, предоставив кибернетическим машинам не только думать, но и чуть ли не кашу жевать. Не знаю, как других, а меня его "доказательства" не убедили. Я твердо уверен, что любая машина, как бы она ни была совершенна, и в будущем останется лишь нашим помощником. И труд, вдохновенный, творческий, всегда останется уделом человека. Хотя бы потому, что расширение сферы человеческой деятельности, усложнение взаимоотношений человека с природой, наконец, сами потребности человека - я имею в виду, конечно, не гастрономические и не бытовые потребности - будут возрастать беспрестанно, так же как беспрестанно процесс познания мира. Что же касается человека будущего, то незачем, по-моему, наделять его какими-то сверхъестественными чертами. Будущее начинается сегодня. И уже сегодня среди наших современников есть люди, которых вполне можно назвать людьми будущего. Что их

отличает? Именно отношение к труду. Будущее начинается там, где труд становится источником радости...

Руку подняла сидевшая неподалеку от Люси девушка со второго курса.

- Разрешите мне!

- Майя Левитина, - представил ее Андрей.

- Можно, я отсюда? - попросила Майя. - Я коротко. По выступлению Свиридова. Да и Инны тоже. Мы не против работы, но я не верю, что в будущем человеку предстоит лишь трудиться, да еще обязательно в одной узкой области. Это уж ломовая лошадь какая-то, а не человек будущего. Не хочу я такого будущего! Да если бы даже сейчас меня заставили заниматься только одним делом, я была бы просто несчастна. Человек должен всем заниматься понемногу и все понемногу знать. Как же иначе...

Многие захлопали. Андрей поднялся с места.

- Кто еще хочет выступить? - сказал он, оглядывая аудиторию.

- Разрешите мне, - из передних рядов вышла Аня Привалова, голубоглазая девушка с пышными, распущенными по плечам волосами. - Я абсолютно согласна с Майей. Инна с Володей не правы: выступили против подмены человека машиной, а человек будущего у них - самая настоящая машина. Дальше, возражают, что специалист коммунистического общества будет эрудитом - смешно! И дело тут не в том, что он сможет выполнять любую работу. Ясно, это глупость! Дело в том, что он будет знаком со всеми новейшими достижениями науки и техники во всех областях - хорошо будет знать историю, получит достаточное эстетическое образование, сможет разбираться в музыке, живописи, архитектуре...

- На уровне научно-популярных журналов? - крикнул с места Володя.

- Не важно, на каком уровне, - спокойно ответила Аня. - Уровень будет у всех разный, это от человека зависит. Важно, каков кругозор у людей.

Теперь о геологах. Геологи, конечно, останутся. Но труд их будет иным. Прежде всего, не будут они день и ночь на своих двоих, да еще с рюкзачком впридачу...

- А что им такси подадут? - крикнул кто-то из ребят.

- Зачем такси? Не так уж трудно, наверное, придумать что-нибудь вроде маленького одноместного вертолета. Сел и лети. Подлетел к обнажению - вверх, вниз, каждый слой под руками. И потом, не будет геолог ничего писать. Это же пытка, заполнять пикетажку, когда тучи мошкеры. Ясно, что придумают полевой магнитофон, чтобы повесил его, скажем, на шею и диктуй. И, конечно, исчезнет накомарник, будь он неладен! И всякие там рипудины, диметилфталаты...

Слушали Аню внимательно: все, о чем она говорила, было близко каждому, кто побывал хоть на одной геологической практике, да и сама Аня, должно быть, пользовалась уважением.

После Ани слово взял Всеволод Луговой.

По аудитории пронесся сдержанный шорох. Люся с интересом взглянула на "факультетского Печорина".

- Давайте поставим вопрос: для чего человек рождается? - начал Луговой, не повышая голоса. В аудитории сразу стало тихо. - Для чего он вообще живет на земле? Если послушать Григорьеву или Свиридова, можно подумать, что человек рождается только для того, чтобы работать, или, как говорит Свиридов, "трудиться". Но ведь работа ли, труд ли в конечном счете преследуют одну цель - удовлетворять потребности человека, доставлять ему пищу, одежду, жилье, условия для отдыха, развлечений и тому подобное. Едва ли кто будет с этим спорить.

А теперь вообразите на минуту, что все это валится с неба. Нужно ли тогда работать? Нет, это было бы бессмысленно. Свиридов, я вижу, что-то там горячится. Видимо, хочет сказать, что творческого труда это не касается. Возьмем конкретный пример. Представьте себе человека, который творчески, вдохновенно трудится над выведением какого-то особого

сорта пшеницы. И что же вы думаете, он будет все так же вдохновенно трудиться, если ему на голову начнут падать готовые булки? Представьте себя на его месте. Представили?

Теперь пойдем дальше. Я начал с довольно абсурдного, на первый взгляд, допущения. Но так ли уж оно абсурдно? Свиридов тут наголову разбил Ларина. Во всяком случае, сам он в этом не сомневается. А я вот сомневаюсь. В чем же, по мнению Свиридова, не прав Ларин? В том, что рано или поздно придет время, когда все или почти все будут производить машины. А как же иначе? Разве человек создает машины только потому, что ему интересно этим заниматься? Чепуха! Машины создаются для того, чтобы они работали на людей, за людей. И придет время, когда они обеспечат человека всем необходимым.

Значит, все-таки прав Ларин: не работа будет главным в жизни человека. Правда, это не совсем отвечает принятым понятиям. Но что поделаешь. Логика иной раз бывает сильнее фраз...

Ну, а раз так, то что же будет в жизни главным? Мы снова должны вернуться к вопросу: для чего человек живет на земле? Для того, чтобы мучиться, надрываться, подавлять в себе все же все желания? Это же абсурд! Есть, правда, один казуистический тезис, оправдывающий этот абсурд, тезис о том, что человек живет "для счастья грядущих поколений". Но сейчас мы и говорим об этих грядущих поколениях. В чем же будет заключаться смысл их жизни? Ответ на этот вопрос, очевидно, может быть только один - человек будет жить на земле только для того, чтобы наслаждаться жизнью. Да-да, - возвысил голос Луговой, стараясь перекрыть нарастающий гул голосов, - и если каждый из вас на минуту отрешится от некоторых предвзятых понятий и заглянет в самые сокровенные тайники души, то ясно отдаст себе отчет, что все, что бы он ни делал, он делает для того, чтобы сейчас или когда-то в будущем получить от жизни как можно больше радостей. Да и все человечество нашей планеты живет, трудится, борется только для того, чтобы завоевать в конечном счете такое будущее, где были бы только удовольствия и радости...

Однако вся предшествующая история учила человека работать, переносить лишения, учила подавлять в себе самые естественные желания. Умению же наслаждаться жизнью человек не учился никогда.

Так было в прошлом, так осталось и в наши дни. А в будущем? В будущем, когда лишения и необходимость трудиться останутся позади, главной заботой человека будет изыскание как можно больших источников радости, источников новых удовольствий в жизни. Всякая иная трактовка этого вопроса бессмысленна.

Луговой сошел с кафедры. Аудитория гудела от возбужденных голосов. Желавших ответить Луговому пока не находилось. Андрей обвел глазами ряды студентов:

- Что же, закончим на этом?

С места поднялся Костя Славин:

- Можно мне?... Большое это дело - выступать с апломбом. Я сам поймал себя на том, что Луговой высказывает незаурядные мысли. Но надо все-таки разобраться...

Луговой всячески доказывал, что человек живет для того, чтобы сделать жизнь радостной, чтобы одни удовольствия были в жизни. Но разве кто-нибудь и когда-нибудь смотрел на это иначе? Разве кто-нибудь, за исключением сумасшедших, станет говорить, что человек хочет страданий и несчастий? И незачем заглядывать в сокровенные тайники души и отбрасывать какие-то понятия. Вопрос в другом - что понимать под радостью и что считать наслаждением. Вот тут придется, наверное, кое-кому заглянуть в "тайники души"... Сейчас мы этого делать не станем, - усмехнулся Костя. - Обойдемся пока так. Я вот вспомнил одну фантастическую повесть. В ней автор изобразил обстановку, почти такую, какую нарисовал Луговой... Живут люди на планете, где всего вдоволь и климат такой, что не надо ни жилищ, ни одежды. Им даже говорить не нужно: они сразу мысли друг у друга читают. Музыка у них прямо в голове рождается, лечат друг друга одним взглядом. Одним словом, только и осталось всякие радости и удовольствия изобретать. А им ничего не хочется - ни радостей, ни удовольствий. А когда случилось с их планетой какое-то несчастье, они встали на колени и стали ждать своей гибели.

Но оставим в стороне фантастику. Разве у нас на земле, где-нибудь в Америке, нет таких людей, которым все блага, если не с неба, так по наследству достаются. Условия их жизни недалеки от тех, о каких мечтает Луговой. И что вы думаете, они научились радоваться жизни? Как бы не так! Их "наслаждения жизнью" мало чем отличаются от наслаждений папуасов времен Миклухо-Маклая. Дальше расшифровывать здесь просто неудобно...

Веселое оживление пронеслось по залу.

- Так что нет, пожалуй, большего несчастья для человека, чем безделье, - решительно заключил Костя. - Не радость это несет, а тоску. А радость в чем? Не знаю, как там будет у людей будущего, а для меня это все-таки работа. Любая! В лесу, в поле, всюду. Ну, а в будущем... Человек-то останется тем же. Только дури в голове будет поменьше да знаний и умения побольше...

"Молодец Костя! - подумала Люся. - Интересно, кто из наших еще отважится?" - И увидела впереди знакомую вихрастую голову. Саша. Так вот он где! А Наташа здесь, с Колей. И не в первый раз уже они вместе. Все как-то перепуталось в последнее время...

Но, кажется, Саша собирается выступать. Да, вот Андрей кивнул ему.

Саша, немного волнуясь, начал:

- Я не хотел выступать сегодня. Славин только что хорошо сказал, да и другие тоже. Но тут вот Луговой все еще твердит, что главный его тезис остался в силе. Мол, придет время, когда людям делать нечего будет.

Я не стану повторять того, что говорили Костя и Володя. Конечно, труд будет главным источником радости. Но прав и Ларин: жизнь должна быть красивой, и человек должен быть красивым. Как можно представить себе будущее без этого! И тут мне хочется спросить Лугового: а эта красота, это совершенство, это всестороннее развитие человека, что оно, тоже с неба свалится? Или его машины выработают? Нет! Все это потребует труда, и труда нелегкого.

Ну, и о геологах. Слишком уж примитивно представляет себе Аня геолога будущего. Геолог будущего... Мне он рисуется по-другому. Представьте зал, уставленный приборами, экранами, объемными картами, светящимися табло. В центре зала, за пультом с видеотелефоном - геолог. Называться он будет, может быть, уж и не геолог, а скажем... Главный диспетчер внутренней службы планеты Земля, - название не так важно. Важно, что в кабинет его идут показания бесчисленных приборов, с помощью которых просматривается и прослушивается вся толща планеты. И все это отражается на экранах и светящихся прозрачных картах - где магма поднимается к поверхности Земли, где прогибаются геосинклинали, где идет образование складчатых сооружений, движутся по трещинам гидротермы, формируются пегматитовые жилы. Планета живет...

Но вот на одной из карт, где-то в окрестностях Ташкента, вспыхивает красная лампочка. Тревога! Напряжения в земной коре подошли к критической точке. Немедленно включается электронно-вычислительная машина. Через минуту диспетчер включает видеотелефон:

- Ташкент? Центральная сейсмическая? Через шесть часов в вашем районе произойдет землетрясение, силой в семь баллов. Примите меры.

А на карте вспыхивает уже новая лампочка. Теперь на юге Аппенинского полуострова. И снова диспетчер нажимает па кнопку видеотелефона:

- Неаполь? Через двадцать четыре часа начинается извержение Везувия. Ожидаются выбросы лавы. Обеспечьте эвакуацию людей.

И так день за днем, час за часом.

Вот сигнал с одного из металлургических заводов: в районе завода иссякают запасы оловянных руд. Укажите возможные пункты новых месторождений.

Быстрый взгляд на объемную карту. Команда электронно-вычислительной машине. И диспетчер включает видеотелефон:

- Завод? В ста семидесяти километрах к юго-юго-востоку, пункт такой-то, на глубине двух с половиной километров - рудное тело касситерита. Запасы - десять миллионов тонн. Качество руды такое-то. Если не устраивает, в трехстах километрах к западу на глубине полутора

километров - жилы со станниновым оруденепием. Запасы - сорок миллионов тонн. Качество руд такое-то...

Люся хлопала вместе со всеми. Хорошо выступил Саша. Но почему никто не скажет о главном источнике радости? Она подняла руку.

- Слово Андреевой!

Люся сразу оробела, увидев сотни устремленных на нее глаз... Где-то здесь был и Юрий Дмитриевич, но в его сторону она боялась и взглянуть.

"Только бы не оскандалиться, только бы не забыть, не спутаться".

- То, что труд, работа всегда останутся главным у человека, кажется, ни у кого уже не вызывает сомнений, - начала Люся. - Но вот вопрос - любая ли работа, даже самая интересная, может дать человеку радость? Ведь люди, которые строят тюрьму, тоже работают... Я думаю, что только труд, приносящий людям счастье, может стать источником радости и счастья. Однако радость людям можно доставить не только трудом. Ее можно доставить и чутким отношением, заботой, дружеским участием, просто добрым словом. Но как скупы еще на это, к сожалению, мы, люди сегодняшнего дня. Словом, я считаю: главное, что будет отличать человека будущего, - это стремление и умение доставлять людям радость.

Что говорил выступивший за ней Борис Силкин, Люся почти не слышала. До сознания дошли лишь последние слова:

- ...Все это одни теории. А пока человек работает потому, что ему за это платят, и старается устроиться там, где платят побольше.

Стало шумно. Тщетно Андрей пытался добиться порядка. Тогда поднялся Воронов. В зале наступила тишина.

- Мне хочется поделиться своими соображениями по некоторым поднятым здесь вопросам, - начал он негромким голосом. - Здесь, я полагаю, можно говорить обо всем, что так или иначе относится к теме сегодняшнего диспута. Поэтому я начну несколько издалека.

Как вы считаете, кто больше счастлив - тот, кого любят, или тот, кто любит?

Аудитория насторожилась.

- На этот вопрос, - продолжал Воронов, - насколько мне известно, отвечают по-разному. Есть люди, которые считают, что любовь является чуть ли не благодеянием по отношению к любимому человеку. Я не разделяю такого мнения. По-моему, счастлив тот, кто любит. А уж если говорить о благодеянии, то оно исходит от того, кто дает радость любви. Воронов на минуту остановился.

- Теперь скажите, как вы думаете, - снова заговорил он, - можно ли свою работу, точнее свое дело, любить так же страстно, так же самозабвенно, как мы любим дорогого нам человека? Уверяю вас, можно! И если кто-нибудь из вас не испытал ничего подобного, то лишь потому, что вы еще не встретились с таким делом. Ведь и с человеком, которого можно полюбить по-настоящему, наверное, не каждый из вас еще встретился, хотя все вы, наверняка, не теряете на это надежду.

Лицо Воронова сделалось серьезным.

- К сожалению, у нас еще слишком часто бывает так, что человек не находит любимого дела до конца жизни. А отсюда и высказывания, подобные тому, какое мы только что слышали. Отсюда и рассуждения о каких-то неведомых "удовольствиях" и "радостях жизни", и поиски этих "удовольствий", которые приводят иногда к самым печальным последствиям.

Вот с этим-то никто не столкнется в будущем: каждый человек там будет заниматься только любимым делом. И оно действительно станет источником величайшей радости и счастья. Но можно ли сказать, что в будущем человека ждет одна работа? Казалось бы, раз она доставляет тебе радость, так и сиди над ней с утра до вечера. И все-таки этого не будет по той причине, о которой очень хорошо сказала Андреева. Человек будущего станет заботиться не только и даже не столько о своих удовольствиях, сколько о том, чтобы доставить удовольствие другим людям. Это радость высшего порядка. И она, к сожалению, еще не всем пока доступна. Но именно ее я вижу главной движущей силой для людей

будущего. Вот почему свою радость от творческого труда они начнут соизмерять с тем, какую радость доставляет этот труд другим. А время, отдаваемое труду, - с тем временем, которое они должны посвящать товарищам. Ибо человеку нужны не только результаты твоего труда, но и ты сам, твоё общество, твоё внимание, твоё забота, твой ум, твоё умение делать жизнь интересной и красивой.

Провожаемый аплодисментами, Воронов сошел с кафедры. Ему передали записку. Он развернул ее и грустно усмехнулся:

- Здесь вот спрашивают меня: "Юрий Дмитриевич, вы сказали, что труд не должен занимать все время человека. Но ведь вы сами только и делаете, что работаете, даже ночью. Как согласовать это с вашим выступлением? Студенты четвертого курса".

Он сделал небольшую паузу.

- Согласовать просто. Я говорил о человеке будущего. Что же касается меня самого, то, видимо, я еще далек от него.

После диспута не спешили расходиться. И Люся решилась подойти к Воронову. Но вокруг него уже сгрудилась толпа ребят. Они о чем-то расспрашивали его, наперебой делились впечатлениями от диспута. Люся остановилась: разве до нее ему теперь... Но он заметил ее сразу, приветливо кивнул головой:

- Вы выступили хорошо! - Люся густо покраснела. - Да-да, и сказали именно то, что было нужно, - Воронов улыбнулся.

Люся осмелела:

- Юрий Дмитриевич, я хотела спросить вас насчет...

- Насчет работы у нас на кафедре?

Да.

- Я как раз привез для вас тему. И какую! Так что зайдите ко мне завтра сразу после занятий. И пригласите с собой Степанова. Ему я тоже должен дать задание. А точнее, задание у вас будет общее. Будете работать над одной проблемой.

28. КОГДА КОРАБЛЬ ТОНЕТ...

Свет появился неожиданно и был так ярок, что Саша, глаза которого привыкли к мерцанию свечи, невольно зажмурился.

- Вот уж не думала, что ты света боишься! - сказала Люся.

- Прошлой зимой набивал патроны, порох воспламенился. С тех пор и жмурюсь.

- Так это у тебя от пороха точки на лице?

Он кивнул.

- А больно было?

- Не очень. Только испугался - не ослепнуть бы. - Саша взглянул на часы. - Девять доходит! Сейчас библиотеку закроют.

- Но мы уже почти все подобрали.

- Хорошо, у Анны Петровны свеча нашлась, а то пропал бы вечер... Так что еще нам осталось? Да, этот англичанин. - Саша порылся в каталоге. - Вот! - протянул он Люсе карточку. - Выписывай быстрее.

Потом обратился к библиотекаря:

- Анна Петровна, кончаем. Последняя книжка...

- Саша, как ты думаешь, почему Юрий Дмитриевич дал эту тему нам двоим? - спросила Люся, когда они спускались с лестницы.

- Тема большая. Столько измерений, расчетов. И теоретическая сторона не простая. Одному не потянуть. А Петьку Вадим себе забрал. Я даже обиделся на него сначала...

- А теперь?

- Сама видишь, здорово получилось!

- А это не ты предложил Юрию Дмитриевичу?

Саша даже остановился от неожиданности:

- Как я? Он же нас сразу обоих вызвал. А... почему ты об этом спрашиваешь? Да разве я мог бы это сделать?

- А почему бы нет? Помнишь, осенью ты делился со мной своими планами...

Саша нахмурился:

- Осенью... Мало ли что было осенью. В общем, так: эта половина книг - тебе, а этими займусь я. Потом поменяемся, - он протянул ей стопку книг.

Люся расстегнула сумочку:

- Ты не хочешь проводить меня?

Саша поднял на нее глаза:

- Что ты сказала?

- Я думала, ты проводишь меня...

Он сгреб в охапку книги:

- Люся...

Но с лестницы послышался громкий голос Вадима:

- Степа-а-анов! Подожди!

Саша обернулся. Вадим подбежал к ним и заговорил срывающимся голосом:

- Еле догнал... Сказали, только что ушел. А у нас несчастье. Грачева сейчас увезли на скорой. Мне приказано ждать кого-то из техники безопасности. А больше никого нет! Так что беги в больницу, разузнай там...

- В какую больницу? Что случилось? Говори толком!

- Да, понимаешь, энергию отключили. А я регулировал большой магнит, - расшивочная панель, понятно, была открыта. Я подумал, что-то у нас случилось. Включил аварийное освещение, стал искать обрыв. И не заметил, как вошел Грачев. А он, видно, прямо к магниту. И что его потянуло к панели? Да, видно, еще заземляющую шину зацепил. Когда дали энергию, его и хлопнуло!

- Что с ним?

- Увезли без памяти. В неотложку. Беги туда, узнай, что и как.

Саша повернулся к Люсе:

- Ты слышала? Я бегу!

- Пойдем вместе.

- Нет, не стоит. На, все книги держи! До завтра! - Он схватил пальто и выскочил за дверь.

Утром факультет гудел от разговоров. Прежде всего стало известно, что Петька Грачев, хотя и пришел в себя, но все еще находится в тяжелом состоянии. Потом услышали, что кабинет Воронова опечатан и для разбора случившегося создана специальная комиссия под председательством Бенецианова. Позже кто-то узнал, что Вадим Стрельников арестован, а Воронов отстранен от работы и чуть ли не отдан под суд.

В одиннадцатой группе поднялся переполох.

"Пойду, сам все узнаю", - решил Саша.

Кабинет Воронова в самом деле оказался на запоре. Тогда Саша заглянул в препараторскую. Здесь были почти все сотрудники кафедры минералогии и среди них... Вадим.

- Вадим! Выйди-ка сюда на минутку! - позвал его Саша. - Слушай, что тут происходит? - спросил он, когда Вадим вышел в коридор. - У нас такое болтают! Будто бы тебя уже забрали, и Воронова - чуть ли не под суд...

Вадим усмехнулся:

- Со мной пока ничего не случилось. Приходил, правда, следователь - расспросил, что и как было. А вот у Юрия Дмитриевича будут, наверное, неприятности...

- Неужели под суд?

- Под суд - не под суд, а с работы, говорят, могут снять.

- За что? При чем тут он?

- За технику безопасности отвечает лично заведующий кафедрой. А у нас действительно оказались непорядки. Мы, по правилам, никого не имели права допускать в лабораторию без подробного инструктажа. Даже обязаны были заставить каждого расписаться в специальном журнале... А росписи того же Грачева нет. Да и ты, наверное, не расписывался.

- Но какое это имеет значение? Ведь нам все объяснили.

- Мы тоже так думали. А Бенецианов как начал копать... В общем подвел я всех! И дернул же черт энергетиков отключить ток не вовремя. Хотя бы предупредили...

Вернувшись, Саша рассказал обо всем ребятам.

- Постой, Саша, - вспомнила Таня. - А ведь об этом предупреждали.

- Кого? Когда?

- Я сама слышала. Помнишь, Костя, ты послал меня с билетом к Бенецианову? Так в это время ему звонили из Горэнерго, что в среду отключат электричество. Я бы и не поняла, в чем дело, а Софья Львовна спросила, и Бенецианов объяснил ей. Да еще сказал, что Воронова предупреждать незачем.

- Но это же... преступление! - вскричал Саша. - Пошли к Юрию Дмитриевичу!

- Подожди! - остановил его Войцеховский. - Таня, кто был в кабинете во время этого разговора? Софья Львовна, а еще?

- Больше никого.

- То-то и оно! Так что, пошли сначала к Строгановой.

- Зачем? - не понял Саша.

- А вот увидишь, - ответил Войцеховский. - Пошли, ребята!

- А-а, первый курс! - удивленно произнесла Софья Львовна, увидев студентов. - Чем могу служить?

- Софья Львовна, - выступила вперед Таня, - помните, я приносила Модесту Петровичу пригласительный билет на диспут?

- Ну как же. Диспут был организован замечательно...

- Софья Львовна, простите, что я перебиваю, - сказала Таня. - Но тут такое дело... Вы помните, как звонили Модесту Петровичу из Горэнерго?

- Из Горэнерго?

- Ну да, предупреждали, что в среду отключат энергию.

В глазах Строгановой мелькнуло что-то недоброе, но лицо ее сияло самой доброжелательной улыбкой:

- Вы ошиблись, девушка! Модест Петрович говорил, насколько я помню, о... своей квартире. У него там был ремонт, и он сам просил отключить электричество. Ему и позвонили...

- Но вы же сами сказали, что у Воронова есть приборы, которые...

- Вы что-то пугаете, дорогая, - прервала Строганова.

Таня покраснела.

- Но как же, Софья Львовна, помните, вы еще...

- Я больше не хочу говорить на эту тему! - отрезала Строганова.

- Что и требовалось доказать! - усмехнулся Войцеховский, дернув Сашу за рукав. - Понял, святая душа?

Ребята высыпали в коридор.

- Что же теперь делать? - в раздумье заговорил Костя. - Пожалуй, надо самим позвонить в Горэнерго или съездить туда.

- Верно, Костя, поехали вместе, - сказал Саша. - Сегодня еще успеем.

- Только зайдём сначала к Бардину, может, он что посоветует. Ну, все, ребята, решили!

Все повалили к лестнице.

- Саша, - позвала Люся.

Он остановился.

- Я попрошу тебя... когда вы там все выясните, - все равно удачно или неудачно, - зайди, пожалуйста, ко мне. Ты же знаешь, где я живу.

- Да, конечно. Но мы можем там задержаться.

- Я буду ждать тебя.

Ашмарин поднялся по знакомой лестнице и, взглянув на часы, подошел к расписанию. Четвертый курс... Но до звонка еще порядочно. И вдруг услышал:

- Здравствуйте, Лева.

- Инна? Здравствуйте. Я ведь вас и разыскиваю.

- Меня?

- Да. Я пишу сейчас о вашем факультете...

- Но ведь очерк уже опубликован. Мы все читали.

- Очерк - очерком. А сейчас я задумал большую книгу. О Воронове, о студентах, о вас... И хотел, бы просить вас почитать кое-что из моих набросков.

- Ну, какой я ценитель! Да и не до этого сейчас. Вот если бы вы помогли нам.

- Что-нибудь случилось?

- Большие неприятности на факультете. Юрия Дмитриевича, наверное, с работы снимут.

- Но что все-таки произошло?

- Я сама еще точно не знаю. Да вон, кстати, и наши. Они в курсе. Андрей, Костя!

Андрей пожал руку журналисту:

- Вовремя к нам заглянули. Очень надо с вами посоветоваться.

В кабинет Бенецианова Софья Львовна ворвалась как ветер.

- Модест Петрович, беда!

- Что такое?

- Является ко мне эта девица, что приносила вам билет на диспут, и сразу с места в карьер: помните, говорит, Софья Львовна, из Горэнерго звонили?

- Что-о-о? - побледнел Бенецианов. - Этого еще не хватало! Что же вы ей ответили?

- Я сказала, что звонили по другому поводу. Отключили, мол, энергию на вашей квартире, по случаю ремонта.

- Перестарались!

- Нисколько. И какое это имеет значение? Важно, что я не согласилась с ней. Доказательств у нее никаких.

- Да, это, пожалуй, так. Но все возможно...

- Вот я и хотела предупредить. Может, не стоит выносить с факультета? Как бы все против нас не обернулось.

- Хорошенькое дело, не выносить! Когда я уведомил обо всем ректора и секретаря парткома. Наконец, только так мы сможем рассчитаться с Вороновым за все его проделки. Это же перст судьбы. Ректор, как прочел мой акт, - за голову схватился. Да и акт уже не вернуть.

Признаться, Модест Петрович и не вспомнил о звонке из Горэнерго в тот момент, когда узнал о происшествии на кафедре минералогии. Память услужлива... А когда вспомнил, было поздно идти на попятный, да и не хотелось этого делать - уж очень велик был соблазн использовать такую возможность. Страх перед Вороновым - страх за свое имя, авторитет, наконец, за свой пост - вытеснил в нем все, кроме мстительности. К делу был привлечен Чепков, и акт о несчастном случае был сфабрикован.

- Нет, акт возвращать уже нельзя! - повторил Модест Петрович.

- И все-таки я беспокоюсь, как бы этот документ...

- Ну, это не наша забота. Чепков, надо полагать, предусмотрел все. Вы его знаете...

- Однако прежде вы остерегались прибегать к его услугам.

- Да, но в последние месяцы Иван Яковлевич показал себя человеком, на которого можно положиться. Люди познаются в беде, и я был просто тронут той поддержкой, которую он оказывал мне все это время.

- Ну, смотрите. Но каждый лишний свидетель...

- Чепкову я верю. - А что касается этой девчонки, то я полагаюсь на вас, Софья Львовна...

- О чем говорить! Только вот еще что...

- Да?

- Конкурс на место Мышкина, как вы знаете, уже объявлен...

- Да, в соответствии с положением. Однако трудно сказать, каков будет результат...

- Вот-вот! Можете не продолжать, мне эта формулировочка понятна. А сейчас я хотела бы знать поопределеннее, если все произойдет так, как вы задумали, вам также будет "трудно сказать", что станет с Мышкиным?

- Что за вопрос, Софья Львовна. Да если Воронова снимут, я гарантирую вам что угодно.

- А Стенин?

- Главное - Воронов. За ним полетит и Стенин.

- Хорошо бы так...

- Да. Но есть еще одно лицо, знающее об этом звонке...

Бенецианов полистал телефонный справочник и поднял трубку:

- Алло! Горэнерго? Это вас из университета беспокоят. Скажите, кто у вас дежурил... э-э... в понедельник?... Да, да... Крылов? А когда он бывает?... В отпуске? Уехал в деревню? Благодарю вас. - Модест Петрович положил трубку. - Вы слышали? Уехал в деревню. Прекрасно!

Иван Яковлевич закрылся у себя в кабинете, чтобы еще раз обдумать все, что произошло за последнее время. На факультете назревали важные события: Воронов, кажется, выходит из игры. Не зря он, Иван Яковлевич, втянул Бенецианова в эту "операцию" с актом. Был, правда, риск. Но в любом случае пострадал бы только Бенецианов. Кто поверит, что он действовал по совету Чепкова? И инспектор по технике безопасности у него в руках... Итак, дни Воронова сочтены. Но пора кончать и с Бенециановым. Момент самый подходящий. Недаром Чепков столько времени обхаживал своего "учителя". Предупреждение Горэнерго - это такой козырь, которым можно побить все. Не нужно только пускать его в ход раньше времени. Сначала - Воронов... А перед самыми выборами декана выложить на стол и эту карту. Нелишне к тому времени и документиком обзавестись - не может быть, чтобы в Горэнерго не осталось никаких следов.

Следует позаботиться и о другом. Кто возьмет на себя инициативу в подборе нового декана? Официально - Стенин. А фактически? Фактически при любых обстоятельствах не обойдется без Грекова.

Но как к тому подступиться?

Во-первых, Мышкин: он оскорбил Грекова. И стало быть, если дать понять Леониду Ивановичу, что он, Чепков, гонит Мышкина именно за это - а гнать его все равно придется - можно произвести соответствующее впечатление. Во-вторых, Бардин. Срок его аспирантуры истекает, а с диссертацией, кажется, не совсем гладко. Вакантной же должности ассистента у Грекова пока нет. Значит, если предложить Грекову взять Бардина вместо Мышкина, то это тоже заставит Леонида Ивановича задуматься.

"Итак, куй железо, пока горячо!" - Иван Яковлевич поднялся и вышел из кабинета.

Грекова он застал одного. Тот был явно не в духе, но отступать было поздно.

- Леонид Иванович, - начал Иван Яковлевич вкрадчивым тенорком. - У меня к вам просьба. Я, как вы знаете, объявил конкурс на место Мышкина. Его поведение перешло, так сказать, всякие границы...

- Та-а-ак... - протянул Греков, не поворачивая головы к собеседнику.

- И теперь встал вопрос о подборе кандидатуры...

- Вы же объявили конкурс.

- Конкурс - конкурсом. Но если пустить на самотек, сами знаете... В общем, я хотел бы с вами посоветоваться.

- Гм...

- Я слышал, Андрей Семенович не укладывается в сроки. Так, может, вы посоветуете ему принять участие в конкурсе. Я был бы рад...

- Но ведь он литолог, - коротко бросил Греков.

- Неважно! Пусть это временно, до защиты диссертации. Зато будет полная гарантия, что мы наконец-то избавимся от Мышкина.

Греков усмехнулся:

- Но вы же знаете, Мышкин - протеже Модеста Петровича.

Иван Яковлевич выпрямился:

- Пора нам уже не оглядываться на Бенецианова!

- Вот как!

- Да-да! Всем давно ясно, что это неисправимый консерватор. К тому же он не считается даже с мнением самых авторитетных членов Совета. Разве таким должен быть Декан факультета?

- Вы полагаете?

- Я полагаю, что здесь нужен другой человек.

- Гм...

Чепков доверительно понизил голос:

- Как вы думаете, Леонид Иванович, кого бы нам выдвинуть на предстоящих выборах?

Греков окинул его оценивающим взглядом:

- А если вам предложат место декана?

- Мне? Право, даже в голову не приходила такая мысль. Но если коллектив сочтет возможным, я сделаю все...

- Так вот, вам никогда этого не предложат! - сказал Греков ледяным голосом.

- Позвольте, я...

- Что, вы? Вы просто забыли, где находитесь. Университет не цыганская ярмарка, а научные работники не купцы, которые торгуются за спиной у всех.

- Я вас не понимаю...

- Зато я вас хорошо понял. Честь имею! - Греков грузно поднялся и кивнул головой на дверь.

Закрыв заседание кафедры и выждав, когда сотрудники покинут кабинет, Воронов подошел к большому магниту и, откинув крышку расшивочной панели, начал осматривать связки проводов, питающих обмотки гигантских сердечников. В кабинет неслышно вошел Бойцов.

- Что задумался, Юрий Дмитриевич? Воронов захлопнул панель:

- Понимаешь, Семен Алексеевич, ничего ведь не стоило сделать так, чтобы при всяком произвольном обесточивании вся эта махина сразу же автоматически отключалась. А вот не сделали...

- Да... И в установке Вадима этого нет. Так что верно ты сейчас поднял вопрос о технике безопасности. Не думает об этом молодежь.

- Не молодежь! Сам я плохо следил за этим. - Воронов сел за стол и, взяв лист бумаги, начал набрасывать схему автоматического отключателя.

В комнату вошел Стенин. Был он против обыкновения в пальто, видимо, не заходил даже к себе, и весь вид его выражал крайнюю степень возбуждения.

- Что же будем делать, - начал он почти с порога. - Что я должен доложить парткому?

Воронов отложил карандаш.

- Ты разденься сначала.

- До этого сейчас! - Стенин снял пальто и швырнул его на стул. - Ты читал акт, прежде чем подписывать?

- Просматривал...

- Что значит, просматривал? Это не пустячная бумажка! И с каких пор, скажи пожалуйста, заведующих кафедрами при таких чэ-пэ надо специально приглашать в партком?

- В партком я пришел бы, - ответил Воронов, - А вот с каких пор в университете начали практиковаться прямо-таки жандармские методы "расследования"? Всех допрашивают, не допускают людей к работе, опечатали помещение...

- А ты думал, вам спасибо скажут за то, что произошло вчера?

- Я думал, это наше общее несчастье...

- Чье это, общее? Ты вот только "просматривал" акт комиссии, а я изучил его до последней строчки. И если хоть половина того, что написано там, соответствует действительности...

- Там почти все соответствует действительности, - хмуро ответил Воронов.

- Тогда это просто ни на что не похоже! Я не физик, но и мне стало ясно: только чудом избегали вы до сих пор несчастных случаев.

- Так бывает во всех лабораториях, где работают, - упрямо возразил Воронов.

- Оставь это! Работа - не война. Мы не имеем права подвергать необоснованному риску жизнь и здоровье людей.

- Риск не так уж велик. В лаборатории работают люди, знакомые с приборами. А несчастный случай может произойти и на кухне.

Стенин поднялся:

- Ты эти прибаутки брось! На кухне у плохой хозяйки может и кастрюля свалиться на голову. А здесь мы обязаны исключить все причины, которые могут привести к несчастным случаям.

Воронов также поднялся:

- Но пойми, что в лаборатории, где непрерывно переделываются, отлаживаются, регулируются все новые и новые приборы, просто невозможно предусмотреть случайности. Открытая панель магнита в тысячу раз опаснее, чем все эти "неприкрытые щитки", "незакрепленные провода" и другие мелочи, которыми напичкан акт. Но мы не можем не открывать панели и не держать их открытыми под током. Этого требует работа.

- Тогда надо исключить всякую возможность того, чтобы к приборам подходили посторонние люди.

- Здесь не бывает посторонних. Студентов, работающих по теме кафедры, я не считаю посторонними.

- Хорошо. Тогда нельзя их оставлять одних с работающими приборами.

- В принципе я не согласен и с этим. А в данном случае не было даже такого "упущения". У магнита работал Стрельников. Только внезапное отключение энергии заставило его на миг отойти от прибора. И я не вижу в его действиях ничего предосудительного.

- В ректорате и парткоме смотрят на это дело иначе.

- А как смотришь ты?

- Там я защищал тебя насколько это было возможно. А здесь прямо скажу: я не согласен с тобой, несмотря на все твои доводы. На кафедре у тебя беспорядок. Я имею в виду не только последний случай. И ты, и твои сотрудники пренебрегаете элементарными правилами техники безопасности. С этим надо кончать, Юрий Дмитриевич. И мы будем этого требовать тем более жестко, что сложные электрические приборы начинают появляться и на других кафедрах. Больше того, работники этих кафедр учатся у вас, берут пример, и если такое отношение к технике безопасности укоренится на всем факультете, за это не скажут нам спасибо. - Стенин взял пальто. - На днях ставлю этот вопрос на партийном бюро. Докладывать будешь ты. Говорить будем по-партийному.

- Ясно, - сказал Воронов.

Стенин вышел из кабинета.

- Юрий Дмитриевич, почему же ты не сказал о сегодняшнем заседании кафедры? О нашем с тобой разговоре? - удивился Бойцов. - Можно было бы даже протокол показать.

- Я собирал заседание кафедры не для того, чтобы реабилитироваться в чьих-то глазах.

- Но у Стенина может сложиться превратное представление...

- Представление надо складывать не словами, а делом.
- Так-то оно так... - Бойцов подошел к вешалке, снял пальто, но подумав, повесил обратно и вышел в коридор.

В кабинет заглянул Петр Ильич:

- Юрий Дмитриевич, можно к вам?

- Да, конечно.

- Юрий Дмитриевич, я понимаю, сегодня такой день... Однако, видите ли, срок подачи заявлений на конкурс истекает. И я... В общем, надо бы мне поговорить с вами.

- Какой конкурс? О чем вы?

- Да вот, Юрий Дмитриевич... Время идет. Защита давно прошла, - скоро, наверное, утверждение пришлют. А перспектив на доцентуру на кафедре, сами знаете, нет.."

- Вы что, решили уйти с кафедры? - прямо спросил Воронов.

- Поверьте, Юрий Дмитриевич, я никогда бы не ушел, тем более что...

- Но вы решили уйти?

- Так вы сами говорили, что место доцента у нас на кафедре...

Воронов усмехнулся:

- Можете уходить. Без всяких объяснений. Я не держу вас. Желаю успеха. Только имейте в виду, когда корабль тонет, с него прежде всего бегут... крысы. Прощайте.

Петр Ильич плохо помнил, как вышел из кабинета Воронова. На лестнице он столкнулся с братом.

- Чего нос повесил? - остановил его Валерий.

- Неприятный разговор был с шефом...

- О чем?

- Да так, по делу. - Он начал было спускаться вниз, но Валерий удержал его за рукав.

- Подожди. Правду говорят, что ты собрался уходить от Воронова?

- А хоть бы и так.

Валерий смерил его откровенно презрительным взглядом:

- Я знал, что ты бываешь порядочным болваном. Но чтобы еще и свиньей...

- Замолчи! - прервал его Петр Ильич, оглядываясь по сторонам.

- Нет, не замолчу! Ты хотя бы с отцом посоветовался.

- Да? И сам не маленький. Мне предлагают место доцента, понял? А там, у Воронова, я еще лет десять проторчу в ассистентах.

- Место доцента! - насмешливо протянул Валерий. - Да у Воронова простой лаборант имеет куда больше перспектив!

- Много ты понимаешь! Воронов! Воронов! А что вы знаете о нем, мелюзга?

- Его имя известно всем ученым страны! А ты бросаешь его в такую минуту...

- Ах, вот как! Я, значит, обязан его жалеть? Он не очень-то жалел меня в этой истории с отзывом.

- Ну, тут никто бы ничего не сделал.

- А вот сделали! Софья Львовна и Модест Петрович не только на защите меня поддержали, но и сам отзыв не отослали в Москву. Мне его отдали. А Воронов? Да знаешь ли ты, что это он мне черный шар подбросил?

- Ты что, спятил? Это же Чепков удружил.

- Чепков?! А ты откуда знаешь?

- Так это все уже знают. Генка Трофимов собственными глазами видел.

- Постой, постой! Но ведь мне сказали..

- Кто? Не Софочка ли?

- Да, - растерялся Петр Ильич.

- Она сказала! Поманили тебя местом доцента, - и ты клюнул. Наплевал на такого человека! Кто же ты после этого? - Валерий пошел было прочь, но тут же вернулся. - Ты говоришь, Софочка отзыв тебе отдала. Но ведь протокол-то защиты отослали в ВАК. А на защите

только и разговоров было, что об этом отзыве. И уж если на то пошло, сам отзыв по сравнению с этими разговорами - пустяк пустяком! Не удивительно, что из ВАКа до сих пор ни ответа, ни привета. Молись теперь на своих "благодетелей"!

- Постой, может, все-таки не так. Может, Модест Петрович сам...

- Модест Петрович! Мы вот только что узнали о нем такое... Да что говорить с тобой! - махнул он рукой.

Петр Ильич побрел по коридору, сам не зная куда, пока ноги не привели его к дверям кафедры общей геологии.

Здесь вот, за этой дверью, все и началось. Купила-таки его эта сирена! И теперь он должен будет сидеть с ней рядом, изо дня в день слушать ее самодовольный голос и чувствовать себя обязанным за все ее "благодетения". Не слишком ли дорогая цена за должность доцента? Но все равно, возврата нет. К тому же этот протокол. Неужели ничего с ним не сделали?

Петр Ильич потянулся к ручке двери. Но дверь неожиданно раскрылась.

- А-а, Петр Ильич! - воскликнула Софья Львовна с неизменной обворожительной улыбкой. - Вас-то я и хотела видеть. Модест Петрович просил передать, чтобы вы забрали свои документы обратно...

- Как обратно?

- Да понимаете... Утверждения на вас до сих пор нет, а Модесту Петровичу подали заявления другие люди, со степенью. Поэтому обстановка на конкурсе будет неблагоприятной для вас, и лучше просто отказаться от участия в нем. Мы сожалеем, но...

- Об этом уже знает весь факультет! Я сказал даже Воронову! - почти крикнул Петр Ильич.

- Вот с этим спешить и не стоило, - назидательно заметила Строганова. - Но ничего! Я надеюсь, Воронов примет своего блудного сына и даже станет относиться к вам лучше прежнего. Так что вы еще спасибо скажете Модесту Петровичу...

Ларин почувствовал: еще миг - и он ударит ее.

Софья Львовна захлопнула перед ним дверь.

Петр Ильич пошел к выходу, но его остановила Нина Павловна.

- Петр Ильич! А Петр Ильич! Верно ли говорят, что вы уходите от нас к Бенецианову?

- С чего вы взяли? Ходите, собираете сплетни!

Нина Павловна обиженно передернула плечами:

- Какие сплетни! Весь факультет говорит об этом. Но я скажу откровенно - не дело вы затеяли. Модест Петрович - уважаемый профессор, но бросить Юрия Дмитриевича в такое время!

- Да что вам всем от меня нужно?! - Петр Ильич рванулся к лестнице. Но там поднимались Бойцов и Стенин. Бойцов что-то горячо доказывал, а Стенин внимательно слушал. О чем они говорят? Неужели тоже о нем?

Ларин бросился к запасному выходу, выбежал на полутемную площадку и вцепился в металлические поручни. Ему казалось, что и сюда кто-нибудь заглянет и ткнет в него пальцем. А в ушах звучало: "Когда корабль тонет, с него бегут крысы".

За окном давно вечер, а Саши нет. Люся встала из-за стола и прислушалась. Кажется, внизу хлопнула дверь. Теперь шаги на лестнице... Нет, все стихло. Сколько же еще ждать? И вдруг - звонок!

Она метнулась к двери:

- Саша, ты? Раздевайся, проходи!

- Нет, я на минутку...

- Пройди хоть в комнату, - она заглянула ему в глаза. - Ну, как?

- Плохо. Сначала вообще не хотели с нами разговаривать. Ладно, корреспондент помог. Дошли до самого управляющего, объяснили, что и как. Узнали, кто дежурил в понедельник.

- Саша вынул из кармана записную книжку. - Вот, Крылов Степан Егорович. Но тут новое осложнение - ушел он в отпуск. Разыскали его адрес, поехали. Это в слободке, за мостом. А он вчера в деревню к родным укатил...

- Как же теперь?..
 - Не знаю. Мы уж все передумали. Побывали с корреспондентом в редакции газеты. Потом опять поехали в Горэнерго, упросили показать журнал дежурного. Там ничего...
 - Что же будет?
 - Все говорят, снимут Юрия Дмитриевича с работы, раз такой случай на кафедре.
- Люся закрыла лицо руками, отвернулась к окну.
- Что с тобой? Ты плачешь? Люся... Плохо ты знаешь Юрия Дмитриевича. Его так просто с ног не сбить. Да и мы не будем сидеть сложа руки.
 - Но что толку! - проговорила она сквозь слезы.
 - Как что толку! Борьба, которую ведет Юрий Дмитриевич, не на день и не на год.
 - Да что говорить теперь об этом, зачем вообще жить, если его не будет на факультете!
 - Что ты сказала?..

Тут только она поняла, что у нее вырвалось то, что нельзя было говорить ни в коем случае. Особенно Саше.

- Я сделаю все возможное... - с усилием проговорил он. - Нет, я сделаю даже невозможное, но разыщу этого диспетчера и докажу, что Юрий Дмитриевич ни в чем не виноват.
- Саша! - она бросилась к нему, но он молча отстранил ее руки.

Глухо стукнула дверь. Ушел...

И тут она увидела на полу небольшой, сложенный в несколько раз листок бумаги. Он выпал, должно быть, из записной книжки Саши.

Люся развернула листок. Стихи... И две большие буквы вверху: Л * А *. Но это же ее инициалы. Значит, и стихи написаны ей!

Бывает так: исчезнет солнце,
И сразу все во власти тьмы.
Ни освещенного оконца,
Ни звёзд на небе, ни луны.

Лишь мрак и холод. Все застыло.
Замолкли звуки. Опят леса.
И уж не верится, что было
Когда-то солнце, в небесах.

Не верится... Но ночь проходит,
Восток румянится, и вдруг -
Лавина света: солнце всходит,
Рассыпав золото вокруг!

Люся ниже склонилась над плотно исписанным, потертым на сгибах листком:

И так бывает: жизнь ударит
С плеча, наотмашь, не щадя,
Рукой безжалостной придавит,
Да так, что и вздохнуть нельзя...

Да, так бывает. Так было у него, наверное, когда чуть не исключили из университета и он решил уехать.

И вдруг, когда уже, казалось,
Гремит последняя гроза,
Увидишь сквозь окно вокзала
Твое лицо, твои глаза...

И снова хочется работать
До чертиков! Назло судьбе!
Бороться, лезть в любую пропасть,
Мечтать и думать о тебе.

Вдыхать смолистый запах дыма
В тайге у жаркого костра
И называть тебя любимой...

Больше она ничего не могла разобрать.

- Сашка, милый...

И вспомнился первый день в университете. Огромная заполненная до отказа аудитория, чужие, незнакомые еще лица, - и неожиданно приветливый голос:

- Вам сесть негде? Садитесь на мое место.

Потом - деревня. Ночь. Шаткий дощатый мостик. И его слова:

- Мне всегда казалось, что когда-нибудь я встречу...

И другая ночь - у подъезда ее дома. Пора расставаться, но так не хочется высвобождать руки из его широких теплых ладоней...

Взгляд Люси снова упал на потертый, убористо исписанный листок.

И называть тебя любимой... А она не остановила его, не крикнула, чтобы вернулся...

В университет он зашел просто так, чтобы только не оставаться одному. Свернул к кабинету Воронова, надеясь застать там Вадима или кого-нибудь из лаборантов. Тогда можно хоть поработать. Но кабинет был закрыт, пусто и в препараторской. Он вернулся в коридор и у деканата увидел группу ребят. Они что-то оживленно обсуждали. Он прошел мимо.

- Саша! Вот хорошо, что ты здесь, - догнала его Наташа. - Я хотела с тобой посоветоваться... Да что с тобой? На тебе лица нет!

- Устал очень... - Он опустил на подоконник. - Весь день на ногах. А толку... Слышала, наверное?

Она села рядом:

- Да, Костя рассказывал... А я насчет практики. Сегодня ведь места распределяли...

- А что места... Нас это не касается. На днях письмо получил от отца. Его назначили главным геологом новой экспедиции по комплексному обследованию Ваи. Народу потребуется уйма. Поедем туда?

- С тобой на Ваю?... Это ты вправду?

- Сегодня же напишу отцу.

Она вздохнула. Он поднял глаза и словно впервые за эти месяцы увидел ее лицо, заметно похудевшее, с грустной задумчивой улыбкой. Знакомое теплое чувство проснулось где-то в глубине души.

- Хорошо там было, Наташа...

- Да... - она опустила голову, но он видел, как задрожали ее ресницы.

"Наталка..." - он положил ей руку на плечо.

Голова Наташи склонилась ниже. Волосы почти коснулись его лица, они пахли весенним лесом, и у щеки, возле уха, все так же вилась непослушная прядка.

- И снова все будет так же, - сказал он одними губами.

Но она покачала головой:..

- Нет, Саша. Спасибо, тебе за то, что я еще раз увидела тебя прежним Сашкой. Если бы ты знал, как я этого ждала! Но я не поеду с тобой на Ваю. Так будет лучше... И для меня и для тебя. Если вспомнишь там обо мне, буду рада. А если окончательно забудешь... значит так и нужно, - она мягко отстранила его руку и выпрямилась.

- Куда же ты едешь?

- В Казахстан. Мы с Колей записались в одну партию. Как ты думаешь?..

- Колька парень хороший. Да и в Казахстане тоже интересно.

Она встала:

- Пошли, Саша.

- Иди, Наташа. Мне надо посидеть одному.

С минуту она смотрела на него, словно стараясь запомнить таким, каким не видела уже давно.

- Какой ты... трудный.

Он почувствовал, что рука Наташи легла на его вихры.

- До свидания, Саша. Не сердись на меня...

Он долго смотрел, как шла она по коридору, легкая, стремительная. Шла туда, где гомонила еще их группа и раздавался веселый задорный бас Кольки Краева.

29. ЧЕРЕЗ НЕВОЗМОЖНОЕ

Препятствие возникло на последнем километре. Деревня уже вырисовывалась впереди, когда накатанная дорога неожиданно уперлась в реку. Дальше пути не было: река стояла еще подо льдом, но у берегов темнели широкие полыньи.

Саша остановился. Ближнюю полынью, пожалуй, можно перепрыгнуть, но дальнюю - вряд ли. Да и берег там крутой, обледенелый...

Саша подошел к воде, опустил в нее руку. Пальцы обожгло холодом. Что делать? Не возвращаться же назад. Да и вечер близко, уже темнеет. И он решил.

- Эх, была не была! - разбежался и прыгнул. Из-под ног брызнули фонтанчики воды. Но лед выдержал.

Удача! Он поправил шапку и медленно пошел вперед, ощупывая каждый метр пути. Вот и середина. Только бы перебраться через этот горб. Но, кажется, он трещит, оседает. Лучше ползти...

Саша лег на лед и пополз. Сначала на боку, потом на животе, стараясь распластаться как можно шире... Уф! Самое страшное позади. Он осторожно встал и снова зашагал, сгибаясь под ударами ветра.

Теперь полынья. Да, здесь она была такой широкой, что не перепрыгнешь. Но лучше провалиться там, у берега, чем снова перебираться через предательский горб.

Саша смерил глазами расстояние до берега. Главное - получше разбежаться и прыгнуть вон в ту лощинку. Ничего, что там вода, ноги все равно мокрые. Он отошел назад, наметил место, откуда лучше оттолкнуться. Но лед неожиданно треснул, и Саша оказался в воде.

Он попытался плыть, - в грудь уперся обломок льдины. Пришлось карабкаться на лед, - льдина осела, и Саша с головой ушел под воду. Холод пронизал его до костей. Он изо всех сил махнул руками и сильно ударился обо что-то твердое: лед сомкнулся у него над головой.

От одной этой мысли остановилось дыхание. Однако ноги коснулись дна. Стало быть, здесь не глубоко. Спокойно!

Саша открыл глаза и увидел светлую полоску. Трещина! Он из последних сил рванулся к ней и вынырнул из воды. Воздух!.. И берег совсем рядом. Стоп! На лед взбираться нельзя, лучше обогнуть эту проклятую льдину. Теперь уже все равно вымок насквозь. Ну вот и берег.

Какой собачий холод! Саша почувствовал, что ноги начинает сводить судорогой. Бежать! Он припустил вверх по косогору и у первой же избы заметил ватагу ребятшек.

- Эй, ребята! - крикнул им Саша. - Где Крыловы живут?

- Какие? У нас их много, Крыловых-то.

- Ну, к этим еще сын из города приехал, Степан Егорович.

- А-а-а... Вон там, за переулком. А ты почему весь мокрый?

- Под лед провалился.

- Беги за нами!

Ребята пустились по улице.

- Вот их дом!

- Спасибо!

Саша поднялся на крыльцо, открыл дверь в избу. Оттуда пахло теплом. Навстречу шагнула пожилая женщина:

- Батюшки! Откуда ты такой мокрый?

Саша перевел дыхание:

- Простите, я в таком виде... Переходил реку, провалился под лед... А где Степан Егорович? Очень нужно бы его увидеть...

- Пошел к соседям. Сейчас покличу. А ты раздевайся да на печку!

Саша попытался расстегнуть пальто, но одеревеневшие пальцы не слушались.

- Промерз? Давай я сама! - женщина ловко сдернула с него пальто, пиджак. - Остальное снимай сам. Сейчас приготовлю сухое.

Через несколько минут он лежал на горячей печи, рассказывал, как перебирался через реку. Женщина не переставала качать головой, затем позвенела посудой, подала стакан:

- Выпей! А то, неровен час... Да закуси немного. Нет, не слезай. Я тебе туда подам.

От выпитой водки перехватило дыхание, по телу разлилось тепло. Женщина набросила на него полушубок:

- Теперь лежи. Я сейчас вернусь.

Проснулся он от громких голосов. С трудом открыл глаза и увидел молодого высокого мужчину.

- Кому тут нужен Степан Крылов? - спросил тот, заглядывая на печь.

- Мне, - Саша поспешно сбросил полушубок. - Это вы Степан Егорович?

- Он самый! А ты кто будешь?

- Я Степанов, студент из университета. - Саша спрыгнул с печки. - Скажите, это вы звонили в понедельник на геологический факультет?

- Зачем?

- Предупреждали об отключении энергии.

- Мало ли куда я звонил в понедельник! За день голова вспухнет от телефонных разговоров. Разве все упомнишь!

- А вы подумайте! С вами разговаривал декан факультета профессор Бенецианов.

- Постой-постой! Профессор?.. Ну, этого-то я помню! Я ему дело, а он: "Что вы не знаете, чем занимаются геологи?". Только тебе-то какая печаль?

- Бенецианов скрыл этот разговор. Понимаете, скрыл! А в тот самый день, когда вы отключили энергию, в лаборатории Воронова отлаживали большой магнит. Прибор такой, очень сложный. Ну, и открыли там панель с проводами. А один парень...

- Понятно. Дали энергию, его и стукнуло.

- Да. Здорово стукнуло. Сейчас-то он уже ничего. А Воронова собираются с работы снять, акт на него составили.

- Подожди. Говоришь, Бенецианов скрыл разговор. А ты откуда узнал об этом?

- У профессора в кабинете студентка наша была, Таня, и все слышала. И еще одна преподавательница была. Но она с Бенециановым заодно. В общем, когда Таня рассказала о телефонном разговоре, они заявили, что никто из Горэнерго не звонил. И выходит, во всем виноват Воронов. А мы ничем доказать не можем, никаких записей в журнале у вас не осталось.

- Так-так. Мне как раз завтра надо будет в городе побывать...

- Вот здорово! Я об этом и хотел просить вас. Только как же через реку? Я видите...

- Еще легко отделался. Пуститься в эту пору по-зимнику! Нет, брат, мы другой дорогой поедem, через райцентр, там автобусы ходят. Завтра утречком и отправимся. А сейчас давай к столу.

- Спасибо.

- Чего там спасибо! - Крылов взял его за плечи. - Постой, да ты никак горишь весь? Э-э, никуда ты завтра не поедешь!

- Нет-нет! Мне надо! Обязательно! Завтра заседание парткома специально по этому делу. А голова пройдет...

- Да от тебя жаром пышет. Лезь-ка на печь! А ты, мама, запарь ему малинки.

- Завтра надо ехать, - взмолился Саша.

- Ты скажи лучше, к кому мне там заявиться, если тебе придется остаться.

- Тогда так. Если я в самом деле не смогу завтра поехать, зайдите к нам в общежитие. Знаете университетское общежитие за парком?

- Кажется, знаю.

- Так вот. На третьем этаже, в сто сорок восьмой комнате живет наш студент Костя Славин. Вы только скажите ему, кто вы. А он уж все устроит. Можно было бы, конечно, сразу и в партком, но так лучше.

Заседание парткома подходило к концу. Было уже заслушано пространное выступление Бенецианова, краткий сбивчивый доклад инспектора по технике безопасности Коклина, яркая речь Чепкова. В этой речи бывшего секретаря партбюро геофака, наряду с заботой "о жизни и здоровье учащейся молодежи" и понятной отповедью "зазнавшемуся, потерявшему чувство реальности" Воронову, неожиданно прозвучала острая, убедительная критика в адрес всего руководства факультета и прежде всего его декана профессора Бенецианова.

Речь Чепкова произвела впечатление. И его уже не могли изменить ни выступление скупого на слова Стенина, пытавшегося хоть в какой-то степени реабилитировать Воронова, ни горькие сетования парторга физмата, указывавшего на общее неблагополучие в службе техники безопасности университета, ни объяснения самого Воронова, который, по сути дела, отказался что-либо добавить к тому, что было изложено в акте комиссии.

Словом, складывалось мнение, что доцент Воронов, пользуясь бесконтрольностью и попустительством со стороны декана факультета и секретаря партийного бюро, создал на кафедре такую обстановку, которая в любой момент могла привести к опаснейшим последствиям. Это требовало принятия самых серьезных мер, не исключая постановки вопроса о смене руководства кафедрой минералогии. К такому заключению склонялся, по-видимому, и секретарь парткома, человек еще сравнительно молодой, избранный совсем недавно и потому старавшийся прислушиваться к мнению партийного актива. И только ректор, все время хмурившийся, не произнес до сих пор ни слова и почему-то упорно избегал вопрошающего взгляда секретаря и других членов парткома. Наконец секретарь поднялся с места:

- Будем кончать. Я полагаю, вопрос ясен...

- Я бы не сказал, что все так уж ясно, - неожиданно вмешался ректор, перелистывая акт комиссии. - Тут, например, есть такие места, которые мне как физику просто непонятны. Вы внимательно читали акт, Юрий Дмитриевич? Вот, полюбуйтеесь...

Воронов пробежал глазами страницу, недоуменно пожал плечами, затем снова перечитал ее.

- Странно... Я ничего подобного не видел...

- Но в свое время вы, кажется, не возражали, - заметил Бенецианов.

- Да... Но здесь какое-то недоразумение. В лаборатории просто не могло быть этого. Иван Денисович!..

Коклин встал:

- Вы о какой странице? Четвертой? - забеспокоился он.

- А почему вы решили, что речь идет именно о четвертой? - спросил Стенин.

- Как же. Остальные страницы, - там ничего такого... А четвертая, - замялся Коклин и беспомощно оглянулся на Чепкова.

Тот медленно поднялся:

- Я должен сообщить парткому об одной детали. Воронов действительно мог не видеть упомянутой страницы. Ее составил лично Бенецианов в заведомо тенденциозном тоне и, насколько мне известно, собирался изъять из акта, когда тот будет дан на подпись Воронову. Я возражал против этого, но Модест Петрович, как всегда, не посчитался с моим мнением. Точно так же отверг он и мнение инспектора по технике безопасности. - Чепков выразительно взглянул на Коклина. - Я хотел сказать об этом в своем выступлении, но как-то упустил из виду. Да и регламент...

Члены парткома переглянулись.

- Это... Это... - поднялся было Бенецианов. Однако ректор остановил его движением руки:

- Сначала послушаем Коклина. Тот поспешно встал.

- Я сделал все, как надо. А профессор Бенецианов сказал, так дело не пойдет. Надо, говорит, усилить впечатление. Потому что и вы, дескать, Семен Тихонович, так смотрите на это дело...

- Но позвольте, а своего собственного мнения у вас вообще не бывает? Для чего же вы присутствовали в комиссии?

- Я человек маленький. А они все профессора, доценты...

- К тому же вы знаете самоуправство Бенецианова, - поспешил вернуть Чепков.

Бенецианов развел руками:

- Это чудовищно! Какой-то заговор... Я не нахожу слов...

Все обернулись к нему. Но в это время дверь приоткрылась, и в ней показалась голова Кости Славина:

- Разрешите? Мы просим огласить вот это заявление. - Славин подал секретарю сложенный вчетверо лист бумаги.

Секретарь развернул бумагу и, прочитав ее, нахмурился.

- Невероятно! - он снова перечитал заявление и протянул ректору. - Семен Тихонович, взгляните.

- Нет, читайте всем. Или изложите суть дела.

- Суть дела... Суть дела в том, что доцент кафедры общей геологии Софья Львовна Строганова сообщает парткому, что за несколько дней до случившегося профессор Бенецианов получил от Горэнерго предупреждение о временном отключении факультета, однако не довел его до сведения Воронова...

Бенецианов не дал ему договорить:

- Строганова не могла написать подобного. Это фальшивка!

Секретарь постучал карандашом по столу:

- Модест Петрович!

Но его уже предупредил стоявший у двери Костя Славин:

- Одну минуточку! - Он открыл дверь в приемную и позвал: - Софья Львовна, Таня, товарищ Крылов! Пройдите сюда.

Все трое вошли в комнату. Костя представил:

- Это вот студентка Горина, которая присутствовала в ту минуту, когда Модест Петрович разговаривал с энергетиками, а это Степан Егорович Крылов, дежурный диспетчер Горэнерго.

Члены парткома заговорили все разом.

- Тише, товарищи, тише! - секретарь постучал по столу. - Товарищ Крылов, вы действительно предупреждали профессора Бенецианова о прекращении подачи энергии геологическому факультету?

- Да, я звонил ему и сказал, чтобы он оповестил об этом всех, кто работает с приборами высокого напряжения.

- Ну, как же, теперь я припоминаю, мне точно звонили об этом, - словно очнулся Бенецианов. - Но я как-то не придавал значения... Не совсем понял, очевидно...

- Модест Петрович, - подала голос Таня, - Софья Львовна напомнила же вам, что у Юрия Дмитриевича есть такие приборы. А вы сказали: "Ничего! Поживут как-нибудь два часа без своих паяльников".

- Ничего подобного я не говорил! Да-с! - обернулся к ней Бенецианов. - И прошу удалить отсюда студентов. Вопрос слишком серьезен, чтобы полагаться на суждения первокурсников.

- Нет, почему же, студенты пришли как раз кстати, - возразил ректор.

- К тому же, - заметил секретарь, - в заявлении Строгановой тоже сказано, что она предупреждала вас относительно лаборатории Воронова, но вы не захотели уведомить его. Так это было, Софья Львовна?

- Все было так, как написано в заявлении, - ответила Строганова, не глядя на Бенецианова.

- Но позвольте, Софья Львовна, - вступил в разговор Стенин. - Вы, стало быть, знали обо всем, предвидели, очевидно, возможные последствия и молчали. Что же теперь вас заставило написать это заявление?

- Мы заставили, Алексей Константинович, - сказал Костя Славин. - Очень помогли нам товарищ Крылов и Ашмарии, корреспондент.

Ректор покачал головой:

- Значит, предупреждение Горэнерго так и осталось достоянием Бенецианова и Строгановой, если не считать случайно присутствующей при разговоре студентки?

- Нет, видимо, не совсем так, - заявил Крылов. - Знал еще вот этот гражданин, - показал он пальцем на Чепкова.

Тот вскочил с места:

- Ничего подобного! Я не знал о предупреждении Горэнерго.

- Как не знали, когда сами пришли сегодня утром в диспетчерскую и потребовали справку о моем разговоре с Бенециановым.

На лице Ивана Яковлевича выступили красные пятна.

- Справку я просил, но что из этого?

- Для чего вам понадобилась такая справка? - удивился секретарь парткома.

- Ну... просто для восстановления истины...

- Так почему же вы не восстановили эту истину здесь, на парткоме? - спросил ректор.

- Я... я просто не успел сказать об этом.

- Тоже регламент подвел? Понятно. Итак, что касается геологического факультета, то гнойник там прорвался сам собой. Осталось только расчистить его как следует. Но с этим справятся, по-видимому, сами геологи. Так ведь, Алексей Константинович?

Стенин не успел ответить. Где-то недалеко оглушительно хлопнула дверь, порывом ветра распахнуло окна, и волна свежего воздуха пронеслась по кабинету, поднимая бумаги, разложенные на столе.

Все вскочили. Кто бросился закрывать окна, кто - подбирать разлетевшиеся бумаги. А Воронов, ошеломленный столь неожиданным поворотом событий, направился было к

Стенину, но взгляд его случайно упал на дверь приемной, и сердце сжалось от волнения и радости: приемная до отказа была заполнена студентами.

Студенты ликовали. На всем геофаке не было, наверное, ни одного, кто не переживал бы в последние дни за Воронова. Недаром столпились в этот вечер студенты-геологи перед дверями парткома. Весть о том, что с Воронова сняли почти все обвинения, была встречена бурной радостью. Не меньший восторг вызвало известие том как сами себя высекли Чепков и Бенецианов.

Это было сенсацией номер один. Костю, который волею судьбы стал главным героем дня, обступили со всех сторон и в который уже раз заставляли рассказывать о том, как все произошло.

Но Люсе было не до этого. Поглощенная переживаниями за Воронова, она сначала не заметила отсутствия Саши, даже забыла о нем, а теперь со все возрастающим беспокойством ждала, когда же кончатся эти расспросы и рассказы и она сможет узнать у Кости, где Саша.

Наконец, Костя выбрался из толпы и подошел к ней.

- Костя, я хочу тебя спросить...

- Знаю. О Саше?

- Да. Где он?

- Видишь ли, какое дело... Этот самый Крылов ушел, оказывается, в отпуск и уехал к своим в деревню. Ну, и Саша решил разыскать его там.

- Так я и знала.

- Отправился он туда один, никому ничего не сказал. А на пути река...

- Костя! - Люся изменилась в лице.

- Нет, ничего страшного. Провалился он, правда, под лед, но выбрался. Только вот простыл, видно, сильно.

- Ты видел его?

- Нет. Он же в деревне.

- Слушай, Костя, а вдруг у него что-нибудь серьезное?

- Крылов говорит, ничего опасного. Простудился - и все: шутка ли, после такого купания.

Надо съездить к нему. Я поговорю с ребятами...

- Нет, я сама! Поеду сегодня же! Сейчас! Где эта деревня, ты знаешь? А может, Крылов еще не уехал, тогда я с ним...

- Постой, Люся, нельзя так сразу... Ну да ладно! Беги домой, переоденься и приходи на автовокзал. На последний автобус успеем.

- Спасибо, Костя. Я мигом!